Библейско-богословская коллекция
ПАТРОЛОГИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

Попов М.С., свящ.

СВТ. ДИМИТРИЙ РОСТОВСКИЙ И ЕГО ТРУДЫ

(С 17 РИСУНКАМИ)

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

1709—1909.

СВЯТИТЕЛЬ ДИМИТРІЙ РОСТОВСКІЙ

И ЕГО ТРУДЫ.

Съ 17 рисунками.

СВЯЩЕННИКЪ

М. С. Поповъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная, 6.
1910.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 15-го сентября 1909 года.

Цензоръ, Архимандритъ Александръ

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Дорогому Отцу Ректору и Профессору

С.-Петербургской Духовной Академіи,

Преосвященнѣйшему

Епископу Ѳеофану.

ЧАСТЬ I

РУИНА.

ГЛАВА I.

Дѣтство и воспитаніе Димитрія.

«Я, грѣшный іеромонахъ Димитрій, родился отъ родителей христіанскихъ, Саввы и Маріи, законнымъ бракомъ сочетанныхъ, во градѣ Макаровѣ, седмь миль отъ Кіева. Дано мнѣ имя Даніилъ, и крещеніемъ святымъ просвѣщенъ мѣсяца декабря. Того (1651) году была война Радзивилова и Кіевъ спасенъ» [1]). Такъ Димитрій сообщаетъ о своемъ происхожденіи.

Отецъ Даніила носилъ прозваніе Туптало или Тупталенко. Фамилія Туптало шляхетскаго рода и становится извѣстною только съ конца 16-го столѣтія. Отецъ Даніила, Савва Григорьевичъ, родился около 1699 года [2]). Всю свою молодость, и лучшіе годы, онъ провелъ въ рядахъ казацкаго войска. Мы видимъ его

[1]) Дневныя записки или „діаріи" Димитрія, начатый имъ самимъ въ 1668 году. Сочиненія Св. Димитрія. часть I.

[2]) Савва Григорьевичъ умеръ 103 лѣтъ отъ роду, въ 1703 году.

при защитѣ Кіева отъ польскихъ войскъ даже восьмидесятилѣтнимъ старцемъ. Это былъ распорядительный и умный человѣкъ, заслуживший вниманіе товарищества не за одну только храбрость, но и за умѣніе вращаться съ сохраненіемъ своего достоинства въ тогдашней опасной средѣ политическихъ вѣяній. Военныя занятія долго препятствовали ему жениться. Онъ сочетался бракомъ уже не въ первой молодости, не ранѣе 35 — 40 лѣтъ отъ роду [1]).

Въ годъ рожденія своего сына Даніила Савва Григорьевичъ носилъ уже званіе сотника малороссійскаго казачьяго войска. Трудное время переживалъ тогда малороссійскій народъ. Въ Украинѣ стоялъ разгаръ необычайнаго политическаго и религіознаго движенія. Подхваченные бурнымъ теченіемъ, жители невольно вызывались на самозащиту. Народъ съ твердостью отстаивалъ свою независимость и вѣру. Вся тяжесть борьбы лежала на казачествѣ. Долго шло всенародное возстаніе за свободу и вѣру, давшее героевъ, борцовъ и закаленныхъ въ борьбѣ людей. Военная полувѣковая служба Саввы Григорьевича вся положена въ народную борьбу за Украину.

Въ особенности опасно стало жить въ Маллороссіи при вступленіи на польскій престолъ короля Яна Казиміра, не сдерживающаго ненависти поляковъ къ Малороссіи. Послѣ Зборовскаго трактата, которымъ были возвращены права казакамъ, Савва Григорьевичъ могъ бы жить спокойнѣе въ Макаровѣ. Но скоро война вспыхнула снова. Въ народной памяти осталась осо-

---

[1]) Савва Туптало имѣлъ дворянскій гербъ: красный щитъ съ изображеніемъ греческой дельты съ крестами. Марія Михаиловна Туптало, жившая свыше 70 лѣтъ, скончалась 1689 г. Она была моложе мужа на 20 лѣтъ слѣдовательно, Савва Григорьевичъ при своемъ бракѣ имѣлъ не менѣе 35 лѣтъ. Когда родился Димитрій, ему было 50 лѣтъ. Сестры Димитрія родились позже

Снимокъ съ портрета, хранящагося въ архивѣ Св. Синода.

бенно тяжкою «Война Радзивилова». «Въ Радзивильщину» [1]) и родился у Саввы Григорьевича сынъ Даніилъ.

Самому Саввѣ Григорьевичу было тогда уже болѣе 50 лѣтъ отъ роду. Около времени рожденія Даніила состоялся вынужденный у Маллороссіи невыгодный миръ съ Польшею въ Бѣлой Церкви (28 сентября 1651 года). Польскія войска наводнили всю Украину, кромѣ Кіева, Чернигова и Братцлавля. Вездѣ притѣсняли и грабили мѣстное населеніе. Сотникъ Туптало, по распоряженію Богдана Хмѣльницкаго, расположился съ ввѣреннымъ ему отрядомъ въ мѣстечкѣ Макаровѣ, въ 50 верстахъ на юго-западъ отъ него, чтобы защищать Кіевъ отъ вторженія поляковъ и защищать населеніе отъ грабежей и насилій.—Неизвѣстно, куда онъ хотѣлъ устраивать сына. Евда ли онъ желалъ въ немъ видѣть «добраго казака», такъ какъ времена настали очень трудныя. Простые казаки вели тревожную военную, полную неизвѣстности, жизнь, а значнымъ, какъ Савва Григорьевичъ, требовался большой тактъ безопасно лавировать между партіями, тянувшими къ Польшѣ или Москвѣ или же къ Крымскому хану. Политическое положеніе Украины становилось все болѣе и болѣе неустойчивымъ, вездѣ были измѣны, доносы, бѣдствія, не стало даже центра народнаго: Кіевъ, въ 1668—1670 гг. на время переходившій отъ Польши къ Москвѣ, въ тотъ годъ былъ «спаленъ» Радзивиломъ. На слѣ-

[1]) Димитрій началъ записывать событія въ 1668 г. Въ нихъ указаны на 1650 и 1651 годы своего рожденія. Здѣсь онъ одно несомнѣнно утверждаетъ, что родился въ Радзивильщину, а годъ предполагаетъ или 1650 или 1651. Подобнымъ образомъ недоумѣнія о годахъ у него возникали и при записи другихъ событій; такъ подъ 1681 г. онъ записалъ было появленіе кометы, но тутъ же исправляетъ свою запись оговоркою „альбо то прошлаго года, а не сего“. Отсюда можно предполагать, что родился онъ не въ 1651 году, а ранѣе — въ 1650 году, потому что тогда постриженіе его падетъ на 18-лѣтній его возрастъ, о чемъ утверждаетъ и первое „житіе“ его, писанное въ 1757 году.

дующій годъ открылось одно изъ тѣхъ великихъ эпидемическихъ повѣтрій, которыя надолго остаются въ памяти народной: «въ 1752 году, записанъ Димитріемъ,— «моръ, албо повѣтріе было великое». Сама жизнь вырабатывала у людей религіозное настроеніе. Религіозностью отличалась мать Даніила. Предъ сыномъ своимъ Даніиломъ она постоянно обнаруживала «добродѣтельную и набожную жизнь» [1]). Жизнь ея полна бранныхъ тревогъ. Мужъ ея почти все время проводилъ въ походахъ, возвращался домой на непродолжительное время. Въ 1653 году отецъ Даніила участвуетъ, вмѣстѣ съ другими начальниками малороссійскаго войска, въ изгнаніи польскихъ помѣщиковъ изъ Украины, и, затѣмъ, мужественно отражаетъ татаръ и поляковъ. Въ трудныхъ обстоятельствахъ, когда свободѣ Украины угрожали, кромѣ поляковъ, еще турки съ татарами, когда народъ страдалъ отъ внутреннихъ нестроеній, частыхъ измѣнъ и опасеній за вѣру, — взоры всѣхъ обращались на Московскаго царя, какъ защитника православія. Россія никогда не считала Украину чуждою себѣ. Московскіе послы не разъ заявляли Польшѣ, что Украина — исконная русская земля. Эти виды Москвы еще болѣе усиливали тяготѣніе малороссовъ: «одна только дума у нихъ, какъ бы поступить подъ государственную руку: они боятся поляковъ, еще болѣе (боятся) отказа царскаго; имъ, кромѣ государя, некуда было дѣваться» [2]). Зародившіяся желанія высказывались еще при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и особенно окрѣпли при Алексѣѣ Михайловичѣ. Еще въ 1650 г. Хмѣльницкій посылаетъ къ царю Коневскаго полковника [3]) умо-

[1]) Діарій 1689 года.

[2]) *Аскоченскій А.* „Кіевъ съ древн. его учил.“. Кіевъ. 1856, I, 98.

[3]) Исторія Малой Россіи Д. Бантышъ-Каменскаго 1782 г. М., I ч. 35—36 стр.; дополненіе 107, 108 стр. Здѣсь Туптало названъ по имени.

лять царя, чтобы принялъ Малороссію въ свое подданство. Царь соглашался принять ее лишь тогда, когда польскій король признаетъ казаковъ независимыми.— Въ 1654 году состоялось принятіе Малороссіи въ подданство Россіи. Сотникъ Туптало присутствовалъ со своимъ отрядомъ на Переяславской радѣ 1654 г., вмѣстѣ со всѣмъ запорожскимъ войскомъ, и принялъ присягу на подданство Россіи. Рѣшеніе Переяславской рады не могло не отразиться и на семьѣ Саввы Григорьевича. Подъ властію могучаго Московскаго царя можно было ожидать, что стихнутъ военныя тревоги и онъ возвратится къ семьѣ. Но это было только началомъ новыхъ войнъ, измѣнъ и тѣхъ нестроеній, за которыя народъ прозвалъ и самое то время «руиною». Польша не хотѣла отдать добровольно Москвѣ Украину. Въ возникшей войнѣ ея съ Москвою военное счастье колебалось. Поляки, повидимому, брали перевѣсъ, потому что вторженіе Крымскаго хана въ русскія земли ставило Россію въ затруднительное положеніе. Казаки должны были принимать участіе въ Московскомъ походѣ на Польшу; памятными остались всѣ эти событія. Въ семьѣ Саввы Григорьевича радовались всякому успѣху казаковъ [1]), и неудачамъ [2]) враговъ. Не мало оказалось измѣнниковъ народному дѣлу, а Савва остался вѣренъ Переяславской присягѣ, несмотря на нарушенія ея преемниками Хмѣльницкаго, сотниками и полковниками ихъ. Когда Выговскій мечталъ образовать независимую Малороссійскую республику и требовалъ отъ всѣхъ присяги не поддаваться чужой державѣ, Туптало со своимъ отрядомъ остался на сторонѣ Москов-

[1]) Въ Діаріи 1654 г. записано св. Димитріемъ: „На Дживиполю ляховъ казаки сбили; или въ 1664 г. „Казиміръ, польскій король, осаждалъ Глуховъ, стоялъ подъ нимъ 4 недѣли, но успѣха не имѣлъ".

[2]) Тамъ же подъ 1657 г. записано: „Пушкаря Выговскій сбилъ".

скаго царя. По всей Украинѣ въ 1758 году хозяйничали казаки Выговскаго. Они сожгли Кіевскій посадъ на Лыбеди и держали жителей города въ страхѣ. Въ 1659 г. вспыхнула Конотопская война [1]), въ 1660 г. поднялась война Чудновская [2]). Много разговоровъ произвело взятіе русскаго воеводы поляками въ плѣнъ [3]). Вслѣдствіе измѣны Выговскаго Москвѣ, на Украйну двинулись русскіе полки князя Барятинскаго. Со стороны московскихъ полководцевъ были проектируемы крайне жестокія мѣры противъ измѣнъ въ Малороссіи переяславской присягѣ. Дорога русскихъ войскъ усѣяна висѣлицами, на которыхъ казнено до 3.000 человѣкъ. Близость Украины къ Польшѣ возбуждала подозрѣніе въ Москвѣ, чтобы жители ея опять не вернулись въ зависимость полякамъ. Чтобы пресѣчь путь между Украиною и Польшею, князь Барятинскій предлагалъ сдѣлать между этими странами пустыню, которая служила бы искусственной границей; именно выжечь и опустошить Украину на 150 верстъ отъ Кіева на западъ до границъ Польши. Ужасы войны побудили Савву Григорьевича позаботиться о безопасности своей семьи. Въ 1660 г. вся Украина стала во власти Польши, а отъ поляковъ трудно было ожидать спокойной жизни въ беззащитномъ мѣстечкѣ Макаровѣ, при ожесточеніи поляковъ и безправьѣ среди нихъ. Онъ въ это время переселился изъ Макарова [4]) со своей семьей въ Кіевъ и сталъ называться кіевскимъ сотникомъ. Въ Кіевѣ Савва Григорьевичъ пріобрѣлъ «свой дворъ близъ При-

[1]) Діарій.

[2]) Діарій

[3]) Діарій.

[4]) Макаровъ — мѣстечко при рѣкѣ Ловчѣ, впадающей въ Днѣпръ, принадлежало Малороссіи, затѣмъ уступлено было Польшѣ, послѣ же присоединено къ Россіи. Это мѣстечко отстоитъ отъ Кіева въ 50 верстахъ вверхъ по Днѣпру.

тискаго Николы», на Подольской части Кіева, гдѣ теперь находится Фроловскій женскій монастырь и Притиско-Николаевская церковь. Ранѣе этотъ дворъ принадлежалъ Кіевскому старожилу Солтановскому [1]). Для девятилѣтняго мальчика большой городъ, который былъ на устахъ всѣхъ украинцевъ, не могъ не произвести впечатлѣнія каменными зданіями, возвышающимися среди садовъ и зелени. Въ этомъ сердцѣ Украины Даніилъ увидѣлъ не однихъ русскихъ, но и иновѣрцевъ, поляковъ и евреевъ, владѣвшихъ богатствами города. Обиліе церквей, монастырей, окружающихъ домъ Саввы Григорьевича, говорило «о сердечной вѣрѣ кіевлянъ къ Богу», которые, дѣйствительно, были набожны и «къ нищимъ податливы вельми». Но при этомъ кидалось въ глаза заѣзжимъ людямъ пьянство въ Кіевѣ, разнузданность нравовъ, порождаемая обыкновенно неустойчивымъ временемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бѣдность въ отдаленныхъ улицахъ. Несмотря на многолюдность города, охраняемаго, кромѣ казаковъ, московскими ратными людьми, никто не былъ увѣренъ въ безопасности Кіева. Здѣсь казаки враждовали съ мѣщанами, не было единодушія у казаковъ съ духовенствомъ, между громадой и значными казаками, монахами и бѣлымъ духовенствомъ. При такомъ несогласіи, жители не сходились между собою и во мнѣніи, къ кому обращаться за помощію и защитою,—къ полякамъ или къ Московскому царю,—жить самостоятельно, или отдать себя подъ покровительство туркамъ съ татарами. Неспокойное время не могло не отразиться и въ Кіевѣ. Сюда, въ центръ Украины, сходились всѣ нити поли-

[1]) Домъ Тупталовъ оставался собственностью семьи до 1710 г., когда младшая дочь Саввы Григорьевича Параскева передъ смертію своей завѣщала свою недвижимость Кирилловскому монастырю („Другъ народа“ 1870 г. № 11, 163 стр.).

тическихъ вѣяній и настроеній. Въ Кіевѣ устраивали и торжество присоединенія къ Россіи 1654 г.

Каменный одноэтажный домъ Саввы Григорьевича стоялъ не въ Старомъ городѣ, а на Подолѣ у Фроловскаго женскаго монастыря. Марія Михайловна одна выносила заботы и труды по хозяйству и воспитанію сына. Подъ руководствомъ своего грамотнаго отца Даніилъ научился читать, прошелъ часословъ, псалтырь, читалъ библію и житія святыхъ. Теперь Даніила надо было учить писать. Въ 1662 году его отдали въ Богоявленское братское училище въ самомъ Кіевѣ. Это былъ важный моментъ его жизни. Вліяніе школы отразилось на всю его жизнь. Школьная жизнь отвѣчала сосредоточенности и скромному характеру Даніила. Здѣсь онъ получилъ и развитіе природной склонности къ поэзіи. Со времени Кіевскаго митрополита Петра Могилы въ училищѣ настала было новая лучшая пора [1]). Но незадолго передъ этимъ, 1658 года, страшный пожаръ опустошилъ и зданіе, и имущество школы. Возстановилъ Богоявленское училище въ братскомъ монастырѣ знаменитый Іоанникій Голятовскій. Имъ открыты здѣсь классы по риторикѣ. Голятовскій самъ и преподавалъ въ нихъ.

Братская церковь отстроена тоже новая. Колокольни при ней пока не было, колокола висѣли при входѣ на столбахъ у рѣшетчатыхъ воротъ. Внутри церкви вниманіе учащихся привлекала только что внесенная явленная икона Пресвятой Богородицы. — Школа дала Димитрію формальное развитіе умственныхъ способностей. Образованіе, повидимому, носило энциклопедическій характеръ, но все сводилось къ умѣнію пользоваться словеснымъ матеріаломъ по требованію минуты. Уче-

[1]) *Аскоченскій*: „Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ“.

ника, какъ политика, пріучали къ діалектической находчивости и изворотливости въ словопреніяхъ. Не требовалось ни широты взгляда, ни свободы изслѣдованія, ни даже запаса свѣдѣній. Грамматику считали ключемъ, отверзающимъ умъ знать писанія. Отъ нея, какъ по ступенямъ, проходили лѣстницу ученія: діалектику, риторику, музыку, ариѳметику, геометрію и астрономію. При совокупности этихъ наукъ постигались высшія: философія и богословіе [1]). Курсъ піитики и риторики сопровождался обычными практическими упражненіями въ сочиненіи виршъ и рѣчей, а также въ составленіи писемъ: поздравительныхъ, привѣтственныхъ, просительныхъ, благодарственныхъ, прощальныхъ, особенно проповѣдей и надгробныхъ словъ. Весь школьный матеріалъ располагался такъ, чтобы сдѣлать учениковъ изысканно краснорѣчивыми говорунами, искусными въ развитіи религіозныхъ положеній и находчивыми къ діалектической защитѣ. Успѣхи учениковъ соизмѣрялись выработкой способности легкой эквилибристики логическихъ построеній. Начальникъ Кіевской школы, Іоанникій Голятовскій, самъ и составилъ «Ключъ разумѣнія, альбо способъ сложенія казанья». Такой характеръ науки требовался тогдашнимъ временемъ. Какъ въ политической своей жизни Малороссія отбивалась отъ сосѣднихъ враговъ, защищая свою самобытность, такъ приводилось защищать ей и свою вѣру отъ ненавистниковъ православія. Врагами были іезуиты, которые проповѣдывали соединеніе или унію православныхъ съ папою, въ смыслѣ подчиненія ему. Іезуиты отличались особенною ловкостію въ защитѣ, какихъ угодно, истинъ. Духовенство въ Малороссіи съ трудомъ, но успѣшно боролось за политическую и религіозную независимость, при чемъ борцы подпали во всѣхъ

[1]) Предисловіе къ грамматикѣ, изд. 1591 г. въ Львовѣ.

отношеніяхъ вліянію культурной западной силы, какая хранилась тогда въ Польшѣ. Они сознали необходимость взяться за то же оружіе, какое было у враговъ: іезуиты поражали показною ученостію, — и въ Малороссіи стали заводить школы; какіе были въ іезуитскихъ коллегіяхъ порядки, — такіе же появились и въ православныхъ школахъ. Для народа подобная школа не имѣла никакого значенія. Мало отвѣчала и дѣлу воспитанія. У учениковъ укоренялась привычка къ хитрымъ діалектическимъ тонкостямъ и страсть къ полемикѣ, переходившая въ религіозную нетерпимость и фанатизмъ. Постигнувъ діалектическую премудрость ученые богословы, какъ въ Польшѣ, такъ и въ Кіевѣ, свысока смотрѣли на народъ. Кіевскія школы вырабатывали людей съ огромнымъ самомнѣніемъ, съ самообладаніемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ способностію преклоняться предъ авторитетомъ [1]). Но и при такой постановкѣ наука дѣлала свое дѣло: здѣсь крѣпли умы, развивались пытливость и способность владѣть знаніемъ и отыскивать основу предмета.

Димитрій не дошелъ въ братскомъ училищѣ до тѣхъ школъ, которыя считались вѣнцомъ схоластическаго образованія,—до философіи и богословія; но подготовку и средства для изученія ихъ,—риторику и языки греческій и латинскій,—онъ усвоилъ [2]). Схоластическій строй и всѣ особенности его отразились на складѣ ума и первыхъ произведеніяхъ будущаго святителя Димитрія. Онъ не могъ не заимствовать ихъ уже потому одному, что отличался прилежаніемъ и любовію къ книгамъ, съ

[1]) Во 2-й половинѣ XVIII вѣка Екатерина II отзывалась о Кіевскихъ ученыхъ, какъ о людяхъ самонадѣянныхъ, въ чемъ виновата, по ея мнѣнію, католическая школа, откуда они выходили, и „развратныя правила римскаго духовенства“. (Сборн. Р. И. О., VII, 378).

[2]) Всѣ учебники писались на латинскомъ языкѣ, носили замысловатыя названія и не имѣли ни одного слова по русски. Лекціи читали тоже на латинскомъ языкѣ (*Булгаковъ*) „Ист. Кіев. Акад.“.

которыми съ тѣхъ поръ проводилъ всю свою жизнь, не разставаясь и во гробѣ [1]). Особенную склонность онъ обнаружилъ къ «стихотворству и витійству». У братской школы не было матеріальнаго обезпеченія, немного было и наблюденія. Церковь, вопреки правиламъ, учениками посѣщалась неохотно. Трапеза—скудна. Учителямъ не оказывалось ни поощренія, ни помощи, поэтому и преподаваніе шло вяло [2]). Сохранилось извѣстіе, что Димитрій чуждался товарищества и тяготѣлъ къ одиночеству, предаваясь чтенію священнаго писанія, твореній св. отцовъ, посѣщенію богослуженій. Ученіе не могло быть спокойно: Кіевъ не разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, то къ русскимъ, то къ полякамъ. Въ 1665 году пятнадцатилѣтній Даніилъ уже ушелъ изъ школы «не наученъ мудрецъ и разумный невѣжда». Войска Выговскаго при взятіи Кіева совершенно разрушили коллегію. Занятія въ ней надолго были прерваны, до 1669 года. Даніилъ и послѣ не возвращался въ нее.

Нѣкоторое время онъ жилъ дома. Семья теперь стала больше. У Даніила родились сестры. О воспитаніи дѣтей у Саввы въ религіозномъ духѣ лучше всего говоритъ фактъ, что изъ всѣхъ его дѣтей никто не остался въ свѣтскомъ званіи. Три сестры, Памфилія, Ѳевронія, Параскева, стали монахинями и послѣдовательно до 1710 года были игуменьями при Іорданскомъ монастырѣ, гдѣ Савва Григорьевичъ выстроилъ на свои средства особенный придѣлъ во имя священномученика Димитрія мироточца [3]). Самъ Савва, какъ въ воен-

[1]) Подъ главою св. Димитрія при его погребеніи положены были черновыя его сочиненія.

[2]) „Кіевская старина“ X, 355; *Аскоченскій А.* „Кіевъ съ его училищемъ“, I, 201.

[3]) Надъ гробницами Тупталовъ поставленъ былъ портретъ Саввы Григорьевича. На существующей теперь копіи портрета, украшенной фамиль-

номъ званіи прослылъ славой запорожскаго войска, такъ и въ Кіевѣ сталъ благотворителемъ Кирилловской, Іордановской обителей и Кіевоподолской Цареконстантиновской церкви.

Такъ какъ братское училище все еще лежало въ развалинахъ и ученье не могло начаться, то Даніилъ, съ согласія родителей, принялъ монашество въ Кирилловскомъ монастырѣ, при чемъ его назвали Димитріемъ. Это было 9 іюля 1668 года, когда Димитрію было 18 лѣтъ [1]). Есть извѣстіе, что юный Даніилъ сталъ инокомъ, вѣроятно, изъ подражанія св. Венедикту Нурсійскому. Тотъ также прекратилъ свое ученіе въ римскихъ школахъ, «презрѣвъ внѣшнее любомудріе, чтобы сохранить внутреннее цѣломудріе», оставилъ богатство родителей для иноческаго чина. До принятія монашества Димитрій или жилъ уже въ монастырѣ, или часто посѣщалъ его. По крайней мѣрѣ, его ранѣе долженъ былъ знать Кирилловскій игуменъ, Мелетій Дзикъ, совершившій постриженіе [2]). Въ то время Дзикъ, за отъѣздомъ Голятовскаго въ Литву, завѣдывалъ разрушеннымъ братскимъ училищемъ. Забота его, какъ видно, простиралась и на учениковъ коллегіи. Монастырь отстоялъ въ 3 верстахъ отъ Кіева. Даніилъ могъ вынести монашеское испытаніе или при частомъ посѣщеніи обители, или же находясь въ ней. Молодой монахъ тотчасъ поступилъ подъ руководство опытнаго и

нымъ гербомъ Тупталовъ, надпись подлинника: „Благочестивый мужъ Тупталo Савва, Запорожка войска честь и слава, въ Богоявленскій день, отверсту небу, шествія тамо совершилъ потребу“ („Кіевъ Епарх. Вѣд.“ 1868 г. II, № 16).

[1]) Первичное житіе Димитрія въ Син. Архивѣ дѣло 1752 г. № 28. Поэтому, если принять во вниманіе, что тамъ точно опредѣленъ возрастъ постриженія Димитрія, надо принять оговорку его въ Діаріи и признать годомъ его рожденія не 1651 г., а 1650 г.

[2]) Діарій. На одной картинѣ Димитрій изображенъ кланяющимся родителямъ и просящимъ у нихъ благословенія идти въ монашество (*Костом.* „Р. Ист.“ II, 520).

много потерпѣвшаго въ жизни Мелетія Дзика. Убѣжденія руководителя вліяли на послушника. Чтобы знать настроеніе Димитрія въ эти юные годы надеждъ и увлеченій, надо обратиться къ его собственнымъ словамъ. Въ Кирилловскомъ монастырѣ 1671 года Димитрій началъ писать свой «Діарій» или записки на польскомъ языкѣ [1]). Въ Діаріи есть помѣтки его за первые годы иночества. Они почти всѣ политическаго характера: въ 1668 году «убитъ Иванъ Брюховецкій», 1672 году «Турки Каменецъ-Подольскъ взяли», 1674 года «Ладыжинъ и Умань отъ турковъ сданъ», 1676 года «благочестивый царь Алексѣй Михайловичъ преставился», 1678 года «Чигиринъ турки взяли», и т. п. Конечно, событія, записанныя въ Діаріи, волновали не только свѣтскихъ людей, но и монаховъ. Взятіе Каменца, напр., навело страшное уныніе на все христіанское населеніе не только въ Украинѣ, но и въ Польшѣ и даже въ Москвѣ. Ратная турецкая сила настолько казалась страшною всему христіанскому міру, что забывались всякія національныя распри для того, чтобы соединенными силами бороться съ турками. Польскіе костелы огласились тогда призывомъ проповѣдниковъ къ покаянію [2]). Волновались поэтому и иноки, вмѣстѣ съ Димитріемъ. Но и независимо отъ выдающихся событій Малороссіи духовенство принимало близкое участіе въ политической жизни своей страны. Высшія лица монашества отличались независимостью своего мнѣнія. Они не сходились въ убѣжденіяхъ даже съ духовенствомъ бѣ-

[1]) Діарій печатается въ I томѣ сочиненій его въ переводѣ Бантышъ-Каменскаго.

[2]) Млодзяновскій Ѳома, извѣстный польскій проповѣдникъ, призывалъ народъ къ участію въ спасеніи отчизны, что теперь надо всѣмъ рыдать, вмѣстѣ съ Давидомъ. Все находится на волоскѣ отъ гибели. Боже, взывалъ проповѣдникъ: воззри на Каменецъ; кто тамъ теперь вопіетъ Тебѣ? Нѣтъ ни храмовъ, ни иконъ. Кости мертвыхъ выброшены изъ могилъ! („Труды Кіев. дух. акад.“ 1871 г. III кн., 138).

лымъ. Тогда какъ бѣлое духовенство, вмѣстѣ съ народомъ, желало подчиненія Москвѣ,—представители иночества желали независимости Малороссійской церкви отъ Московскаго патріарха. Несогласіе отразилось и въ церковной практикѣ. Въ приходскихъ церквахъ молились за постановленнаго въ Москвѣ блюстителя Кіевского митрополичьяго престола епископа Меѳодія, а въ монастыряхъ поминали находящагося за польскимъ рубежомъ митрополита Іосифа Тукальскаго. Бѣлымъ духовенствомъ правилъ Меѳодій, монашествующіе же нерѣдко ѣздили за посвященіемъ въ Польшу къ митрополиту Тукальскому. У однихъ главою церкви признавался Меѳодій, а у другихъ черниговскій епископъ, Лазарь Барановичъ. Молодой Димитрій и въ монашествѣ не могъ не отмѣчать выдающихся политическихъ событій, когда и его руководитель, Мелетій Дзикъ, человѣкъ набожной жизни, великодушный и ученый, за тридцать лѣтъ своего игуменства видѣлъ одни испытанія отъ политическаго неустройства своей страны: Украину, безпрерывно раззоряемою войнами, обитель, окруженною врагами, «блистаніе бусурманскихъ мечей и нападеніе мысленныхъ волковъ на его духовное стадо». Мелетій Дзикъ терпѣлъ даже отъ духовенства за свои политическія убѣжденія. Блюститель митрополіи, епископъ Меѳодій, съ дѣтства былъ извѣстенъ Димитрію, какъ покровитель братской школы. Теперь, отстаивая правильность своего поставленія въ Москвѣ, онъ доносилъ туда на Мелетія Дзика и другихъ кіевскихъ настоятелей въ сношеніяхъ съ Тукальскимъ и правобережнымъ гетманомъ Дорошенкою; въ свою очередь и Мелетій Дзикъ, вмѣстѣ съ настоятелями кіевскихъ монастырей, жаловался на него лѣвобережному гетману и старшинѣ всего запорожскаго войска, какъ на великаго губителя и непріятеля. Если оба они, — Меѳодій и Мелетій бывали

въ Москвѣ, то съ различными просьбами: одинъ просилъ о полномъ подчиненіи Малорусской церкви Московскому патріарху, а другой объ оставленіи за ней правъ свободы выборовъ. Дзикъ могъ возбуждать подозрѣніе къ себѣ, будто, онъ, какъ и другіе, не желая митрополита изъ Москвы, двоедушіе имѣетъ и на обѣ стороны оглядывается. Около времени постриженія Димитрія настоятель Кирилловской обители перенесъ большую непріятность. Въ доносахъ въ Москву на Дзика его называли измѣнникомъ великому государю, вмѣстѣ съ Ѳеодосіемъ Сафоновичемъ; указывалось, что они посылали 1663 года грамоты съ печерскимъ старцемъ на польскую Украину (въ Корсунь) въ думу, гдѣ избранъ въ митрополиты неугодный Москвѣ епископъ Могилевскій съ Бѣлой Руси, «что измѣнилъ великому государю», Іосифъ Тукальскій. Такимъ образомъ, Дзикъ обвинялся въ сношеніи съ измѣнниками Московскому царю. Теперь, по новому доносу на Дзика, московскія власти въ Кіевѣ дѣлали ему допросъ и отбирали скаску: что за сношенія у него шли съ гетманомъ Дорошенкой, измѣнившимъ Москвѣ и предавшимся татарамъ, и о чемъ онъ переписывался съ митрополитомъ Іосифомъ Тукальскимъ. Дзику удалось оправдаться. Онъ доказалъ, что посылалъ къ Дорошенку чернеца не для политическихъ дѣлъ, а съ просьбою возвратить въ монастырь, уведенныхъ Дорошенковыми казаками, воловъ и коней; къ Тукальскому посылалъ просьбу о томъ же, чтобы митрополитъ ходатайствовалъ передъ гетманомъ о возвращеніи воловъ. Все это, будто бы, онъ дѣлалъ съ вѣдома кіевскаго воеводы. При этихъ объясненіяхъ Мелетій жаловался на свое положеніе, что на сторонѣ нельзя нигдѣ купить хлѣба, трудно и самимъ заниматься хлѣбопашествомъ, когда могутъ съ монастырскихъ полей, находящихся вдали

отъ Кіева, угнать рабочій скотъ, какъ сдѣлали это дорошенковы казаки.

Если грабежи происходили отъ своихъ, то тѣмъ болѣе не щадили Украину турки, которыхъ тогда навелъ Дорошенко. По народному преданію, въ Дорошенковы «бунты церкви Божіи опустѣли, обители разорились, осквернена земля». Не защищали отъ насилій и стѣны обители. Печальное настроеніе Димитрія видно изъ оставшихся отъ его времени стихотвореній, гдѣ имъ изображается въ безотрадномъ свѣтѣ крушеніе человѣческихъ земныхъ надеждъ и расчетовъ [1]). Писаніе стиховъ было въ обычаѣ между духовными. Поэзіей занимались архіереи: Лазарь Барановичъ, составившій цѣлый сборникъ стиховъ подъ названіемъ «Лютни», и Іоаннъ Максимовичъ, издававшій свои бездарныя вирши, къ досадѣ такого чуткаго художника-поэта, какъ Димитрій, и другъ.

Въ «Лютнѣ» Барановича тоже воспѣвается истрадавшаяся Малороссія отъ внутреннихъ волненій, слышится жалоба не на войну, а на упадокъ въ народѣ воинственности, на несогласіе Москвы и Польши, которыя могли бы совмѣстно истребить общаго врага—хищныхъ татаръ. Подобное настроеніе объединяло и отрекшихся отъ міра монаховъ съ воинами. Борцы за независимость пользовались всеобщимъ уваженіемъ. Мелетій Дзикъ рѣшилъ, чтобы его постриженникъ Даніилъ Саввичъ принялъ посвященіе въ санъ іеродіакона,

[1]) По принятіи монашества Димитрій не оставлялъ занятій поэзіею. Его настроеніе изливалось въ элегическихъ стихотвореніяхъ

о томъ, что изъ бѣдствующихъ...

„ни единъ
Во иноческіи чинъ
Послужити Богу
Восхощетъ за многу
мзду".

(*Амфилохій Угличскій*: „Изъ неизд. соч. Димитрія", 1889 г. 13—14).

помимо епископа Меѳодія, жившаго у нихъ въ Кіевѣ, отъ самаго популярнаго изъ такихъ героевъ, митрополита Іосифа Тукальскаго.

Въ тяжелыхъ отношеніяхъ съ епископомъ Меѳодіемъ Мелетій Дзикъ не безъ радости услышалъ вѣсть, что, наконецъ, митрополитъ Іосифъ утвержденъ въ санѣ Кіевскаго митрополита самимъ Константинопольскимъ патріархомъ, поставлявшимъ Кіевскихъ митрополитовъ въ теченіе всей кіевской исторіи со времени Св. Владиміра. Іосифъ Тукальскій показалъ себя непоколебимымъ борцомъ за церковныя права Малороссіи противъ польскихъ происковъ и іезуитской пропаганды. Онъ много перенесъ страданій въ защитѣ вѣры. Не одно десятилѣтіе положилъ онъ на борьбу за православіе съ уніатами. Любилъ его за это и черный народъ, и казаки, и мѣщане [1]). Уважали его за стойкость противъ уніи и въ Литвѣ и въ Вильнѣ, удивлялись опасностямъ, которымъ онъ подвергалъ себя и его страданіямъ. Когда убили уніатскаго фанатика, Іоасафата Кунцевича, а іезуиты, объявивши его святымъ, устроили торжественное внесеніе убитаго въ Вильну, Іосифъ воспретилъ въ Вильнѣ и встрѣчу, и звонъ въ колокола. Уважалъ Тукальскаго и Іоанникій Голятовскій, учитель Димитрія. Поляки его держали въ плѣну два года и выпустили лишь по просьбѣ Дорошенка; страдалъ онъ и отъ православнаго епископа Меѳодія и разъ даже спасался бѣгствомъ отъ него. Вопреки своему желанію, онъ жилъ не въ Кіевѣ, а у Дорошенки. За мѣсяцъ передъ этимъ Іосифъ подалъ просьбу къ Московскимъ царямъ позволить ему жить въ Кіевѣ. Въ правобережной Украинѣ онъ переносилъ всякія военныя невзгоды. Во время осады Чигирина его домъ

[1]) „Акты Южн. и Зап. Россіи“ VI т. 245 стр.

разрушенъ гранатами. Самъ онъ сдѣлался отъ волненій больнымъ и возбудилъ участіе даже крымскаго хана, который приказалъ его лечить. Быть можетъ и высшія кіевскія духовныя власти надѣялись на разрѣшеніе изъ Москвы жить ему въ Кіевѣ. Но разрѣшенія не послѣдовало, потому что Тукальскій, вопреки московскимъ видамъ, стоялъ за установившуюся подчиненность въ духовныхъ дѣлахъ Константинополю, а не Москвѣ; онъ, будто бы, говаривалъ московскимъ ставленникамъ: «недостоинъ ты быть въ епископахъ, потому что принялъ рукоположеніе отъ московскаго митрополита» [1]). Пока малорусское духовенство находилось въ канонической зависимости отъ Константинопольскаго патріарха, Тукальскій не хотѣлъ признавать ни клятвъ [2]), ни благословеній отъ великорусской церкви. Въ народѣ оцѣнили непоколебимую прямоту правобережнаго митрополита, а духовенство обѣихъ сторонъ Днѣпра вполнѣ сочувствовало ему, какъ такому іерарху, который и въ Польшѣ съумѣлъ отстаивать чистоту и независимость православія.

Весною 1669 года Димитрій прибылъ изъ Кіева въ зарубежный городъ Каневъ [3]) и въ благовѣщеньевъ день въ Каневскомъ стародавнемъ монастырѣ принялъ отъ митрополита Іосифа санъ іеродіакона. Какъ Тукальскій относился къ Димитрію — неизвѣстно. Достовѣрно лишь сочувствіе его къ кіевской коллегіи, воспитавшей Димитрія. При крайней бѣдности своей, Тукальскій помогалъ при ся упадкѣ, но взаимности чувствъ у него съ Голятовскимъ не было, хотя Іоан-

[1]) Соловьевъ XII, 40.

[2]) Археогр. Вил. сборникъ. Вильна 1867 года, II, 79: Въ 1666 г. жители Могилева подверглись проклятію отъ Московской духовной власти. Іосифъ разрѣшилъ ихъ отъ такихъ клятвъ, какъ неправильныхъ.

[3]) Городъ Каневъ недалеко отъ Переяславля, внизъ по Днѣпру.

никій участвовалъ въ Корсуньскомъ думѣ при избраніи Іосифа митрополитомъ.

Димитрій жилъ въ Кирилловскомъ монастырѣ довольно долго,—около 7 лѣтъ. Это была пора военнаго разгара. Знаменитый Іоаннъ Собѣсскій поднялъ настроеніе и завоевательные планы поляковъ. Это было и лучшее время для Польши, отразившееся бѣдами для малороссійскаго народа отъ гордыхъ поляковъ. Около Кіева хозяйничали польскіе отряды и причиняли не мало бѣдствій, держа всѣхъ въ страхѣ. Въ это время случилось несчастіе и у Димитрія. Отца его, Савву Григорьевича, 1670 года поляки взяли въ плѣнъ. Семья, состоящая изъ 4 женщинъ, жила одна въ страхѣ и неизвѣстности за него въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (1670 — 1674 годъ).

Надъ всей Украиной нависла страшная гроза: турки не выходили изъ Украины въ теченіе болѣе 2 лѣтъ, 1672 г. взятъ ими Каменецъ-Подольскъ, паденіе котораго привело въ ужасъ Польшу, тревожило и Москву. Черезъ два года пришло извѣстіе, записанное Димитріемъ о сдачѣ туркамъ Ладыжина и Умани [1]).

Опустошеніе Украины наводило на мрачныя думы. Въ народѣ боялись, что турки стремятся взять Кіевъ, чтобы искоренить и тамъ христіанскую вѣру, разворить храмы и замѣнить ихъ мечетями [2]). Всѣ такія испытанія и семейныя и народныя располагали Димитрія къ молитвенному созерцательному настроенію. Король отпустилъ Савву Григорьевича изъ плѣна, но съ тѣмъ, чтобы онъ свезъ королевскія письма къ Дорошенкѣ. По возвращеніи изъ Канева отъ Дорошенки, въ Кіевѣ, у русскаго воеводы его подвергли до-

[1]) Діарій.

[2]) „Современная псальма“ у проф. Шляпкина, „Св. Димитрій и его время“. Спб., 1891 г., 14 стр.

просу, что за листы привозилъ онъ отъ польскаго короля къ Дорошенкѣ и какое ихъ содержаніе.

Только находчивость Саввы Григорьевича спасла его отъ московской подозрительности. Савва Григорьевичъ показалъ, что содержанія грамотъ не знаетъ, а слыхалъ разговоръ Тукальскаго съ Дорошенкой такого содержанія: «дай Богъ, чтобы вездѣ была вѣра Христова» [1]). Послѣ пребыванія въ Кирилловскомъ монастырѣ Димитрій уже сталъ извѣстенъ своею способностію къ книжнымъ занятіямъ и къ проповѣдничеству. Изъ «житія» его видно, что онъ проводилъ у Мелетія Дзика благочестивую жизнь, много читалъ, писалъ и исполнялъ порученія отъ игумена и отъ другихъ начальниковъ [2]). Въ теченіе трехъ годовъ обученія «внѣшнимъ наукамъ» изъ кіевской школы ему нельзя было вынести большихъ и разностороннихъ свѣдѣній, какія тогда требовались отъ каждаго проповѣдника. Можно предполагать, что здѣсь,—въ Кирилловскомъ монастырѣ,—для него открылась возможность ознакомиться съ тою свѣтскою и духовною литературою, польскою, латинскою и славянскою, какую можно было встрѣтить въ тогдашнихъ кіевскихъ монастыряхъ и церквахъ.

Составъ тогдашнихъ книгъ обусловливался потребностями времени: это были полемическія произведенія ученаго и проповѣдническаго содержанія. Игуменъ Дзикъ поддерживалъ обычай проповѣдничества въ обители собственнымъ своимъ примѣромъ [3]). Есть возможность предполагать, что, по природѣ склонный къ поэтическому творчеству, Димитрій, подъ вліяніемъ

---

[1]) Акты Ю. и Зап. Россіи, XI, 328 — 330.

[2]) Соч., I томъ 6.

[3]) *Булаковъ*, „Исторія Кіевской академіи“: 85.

молодого вдохновенія, занимался въ эти годы поэзіей, составляя религіозныя поэмы [1]).

Въ 1675 г. состоялось назначеніе Димитрія проповѣдникомъ въ Черниговѣ при самомъ блюстителѣ кіевской митрополичьей каѳедры, архіепископѣ Лазарѣ Барановичѣ. Каждое братство, каждая каѳедра тогда старалась имѣть у себя проповѣдника. Димитрія изо всѣхъ выбрали въ Черниговъ, какъ лучшаго. Его могъ рекомендовать, находившійся въ хорошихъ отношеніяхъ съ архіепископомъ черниговскимъ, игуменъ Мелетій Дзикъ.

Между тѣмъ, подъ вліяніемъ московскихъ представителей на избирательной казацкой радѣ гетманомъ Малороссіи избрали Ив. Ст. Самойловича. Новый гетманъ показалъ себя щедрымъ жертвователемъ на храмы и любителемъ церковнаго благоговѣнія. Въ 1674 году имъ выстроена новая каменная церковь во имя Св. Троицы [2]) въ Густынскомъ монастырѣ, вмѣсто сгорѣвшей въ 1671 г. [3]). Въ храмовой праздникъ, когда собралось громадное количество народа по случаю ярмарки, прибылъ и архіепископъ Черниговскій, Лазарь Барановичъ, управлявшій кіевскою митрополіей. Здѣсь, въ Духовъ день 1675 г., въ новомъ храмѣ Димитрія посвятили въ санъ іеромонаха [4]).

Съ этихъ поръ для Димитрія начинается новая пора общественнаго служенія, на которое выдвигали, при скромности его самого, другіе. Много проповѣдывалъ

---

[1]) Димитрію приписываются пьесы: „Грѣшникъ кающійся“, „Воскресеніе Христово“, „Великомученикъ Димитрій“, „Успеніе Богородицы“, „Рождество Христово“ и „Изреченіе суда на Іисуса Назорея“. („Русская сцена“ 1864 г. II, 148; III, 2).

[2]) Лѣтопись Густынская, 38, 62 стр.

[3]) Лѣтопись Густынская, 63 стр.

[4]) Димитріемъ это событіе внесено въ Діаріи: „на сошествіе Св. Духа во священство поставленъ есмь“ (подъ 1675 г.).

Димитрій въ теченіе двухъ лѣтъ (съ 23 мая 1675 г. по 31 іюля 1677 года) и въ городѣ Черниговѣ, и въ другихъ мѣстахъ епархіи [1]). Но проповѣди его отъ того времени не сохранились.

Помимо проповѣдничества, Димитрій писалъ здѣсь свою первую книгу, тоже не по собственному начинанію, а по приказанію архіепископа. Это его сочиненіе — «Руно Орошенное». О содержаніи ея Димитрій говоритъ:

«Иже въ Рунѣ иногда преобразованна
Мати Сотворшаго насъ всѣхъ здѣ написана».

Здѣсь описаны чудеса, бывшія отъ чудотворной иконы Богородицы въ Черниговскомъ Троицко-Ильинскомъ монастырѣ. Димитрій говорилъ, что онъ составилъ «Руно» изъ послушанія и точно руководился уже бывшими сказаніями о чудесахъ, сбиралъ ихъ «аки пчела отъ различныхъ зѣлъ медъ въ единъ сотъ». — Методъ собиранія легъ у него съ этихъ поръ въ неизмѣнную основу всѣхъ его литературныхъ и проповѣдническихъ трудовъ.

Черниговскій владыка выразилъ свое удовольствіе по поводу труда Димитрія — только впослѣдствіи, черезъ нѣсколько лѣтъ (1683 г.), когда авторъ имѣлъ особую близость къ гетману, и когда напечатанная книга такъ быстро разошлась, что понадобилось печатать ее нѣсколько разъ [2]). Ни откуда не видно, чтобы архіепископъ ободрялъ Димитрія въ новой отвѣтственной должности проповѣдника. Димитрій, не оставлявшій безъ благодарности лицъ, покровительствовавшихъ ему, ничего не говоритъ о добротѣ Ла-

[1]) „Письма Лазаря Барановича“, 206 стр.

[2]) Черниговскія изданія „Рука“ съ прибавленіемъ нравственнаго элемента были въ 1680, 1683, 1691, 1697 годахъ. (*Евгеній*, словарь о писат., 131).

заря. Человѣкъ умный, понимавшій значеніе времени для Малороссіи, Барановичъ умѣлъ угодить Москвѣ, вводившей воеводское управленіе въ лѣвобережной Украйнѣ, и въ тоже время одобрять желанія старшинъ Малороссіи, «чтобы нога великорусская не была у нихъ», и что «жить подъ православнымъ царствомъ русскимъ хуже турецкаго мучительства и египетской работы». Добившись отъ Московскаго патріарха управленія Кіевскою митрополіей и убѣждая царя взять подъ свое всегдашнее покровительство Кіевъ, онъ добился званія архіепископа, жилъ независимо и отъ Московскаго патріарха, и отъ Кіевскихъ митрополитовъ; обнаруживалъ онъ уваженіе и къ Тукальскому; однако, это не мѣшало ему владѣть лѣвобережною паствою Тукальскаго. Вообще, при внимательности къ высшимъ, у него была неуклонная требовательность къ низшимъ. На примѣрѣ Димитрія обнаруживалось, что требовательность его смѣнилась выраженіями доброжелательства, какъ только узналъ о покровительствѣ ему гетмана: тогда онъ становился «отцомъ роднымъ».

На другой годъ, по прибытіи въ Черниговъ Димитрія, владыка предалъ анаѳемѣ цѣлый городъ Стародубцевъ. Онъ отлучалъ отъ церкви не только свѣтскихъ, но и монашествующихъ лицъ [1]) и не изъ за вѣроучительной погрѣшности, а изъ за земельныхъ угодій. На скромнаго, безъотвѣтнаго Димитрія такія мѣры производили удручающее дѣйствіе [2]), какъ можно заключить изъ разсказаннаго Димитріемъ своего сна. «Преосвященный архіерей сидитъ въ креслахъ, а мы всѣ около престола, приготовляясь къ служенію, что-то читаемъ. Вдругъ владыка прогнѣвался на меня и сильно началъ меня истязать. Слова его хорошо помню:

[1]) Сумцовъ, „Л. Барановичъ“, 150.

[2]) Г. Стародубъ въ годъ отлученія страшно выгорѣлъ.

«Не я ли тебя избралъ, не я ли тебѣ имя нарекъ?..» Я низко кланялся преосвященному и обѣщалъ учинить исправленіе (а сего и по нынѣ еще не дѣлаю, замѣчаетъ скромный Димитрій), просилъ прощенія и сподобился его. Снова я сталъ на свое мѣсто, разогнулъ служебникъ, но и въ немъ нашелъ тѣ же самыя слова, большими буквами написанныя: «не я ли тебя избралъ, не я тебя нарекъ?..» Читалъ я это съ великимъ ужасомъ и удивленіемъ... и нынѣ думаю, что въ этомъ видѣніи черезъ преосвященнаго архіепископа Самъ Создатель мой наказывалъ меня. О, Господи мой! Устрой о мнѣ вещь по Твоему преблагому и премилосердному изволенію на спасеніе души моея грѣшныя» [1]).

Можно думать, что по этой причинѣ Димитрій удалился отъ черниговскаго владыки за рубежъ — въ Литву, гдѣ митрополитомъ былъ Іосифъ Тукальскій. Онъ сдѣлалъ это не безъ совѣта своего покровителя, Мелетія Дзика, знавшаго, какъ трудно ему жить при Лазарѣ [2]). Сначала Димитрій выпросилъ у владыки дозволенія на поѣздку въ Новодворскій Успенскій монастырь, гдѣ предстояло церковное торжество перенесенія иконы Божіей Матери въ Новодворѣ изъ старой церкви въ новую. Лазарь ему поѣздку разрѣшилъ. 13 августа Димитрій пріѣхалъ въ Новодворъ, вмѣстѣ съ спутникомъ своимъ Бучинскимъ, и поклонился чудотворной иконѣ въ старой церкви. Это была всѣми почитаемая икона, писанная по преданію св. Петромъ, митрополитомъ московскимъ, когда онъ еще былъ инокомъ. Святыня на слѣдующій день 14 августа уже была перенесена епископомъ Ѳеодосіемъ Василевичемъ въ

[1]) Діарій подъ 1689 г.

[2]) Косвенное указаніе на это есть въ письмѣ Дзика къ братіи монастыря, гдѣ, какъ бы защищая смиреннаго Димитрія, онъ позволяетъ имъ удержать Димитрія, „если это ему угодно“; значитъ, у Лазаря ему жить было не совсѣмъ угодно.

новую церковь. На торжество собрались многія знатныя духовныя лица Бѣлорусскаго края. Тутъ былъ старшій іеромонахъ Виленскаго св. Духова братскаго монастыря, Климентій Тризна, и литовскіе православные проповѣдники. Передъ самыми церковными торжествами Димитрія познакомили съ епископскимъ проповѣдникомъ Хоментовскимъ и другими духовными лицами.

Два дня епископъ принималъ духовенство и угощалъ его. Это было не обычное церковное торжество, это былъ съѣздъ православныхъ борцовъ противъ уніатовъ. Такъ, Тризна претерпѣлъ издѣвательства за православіе лично отъ самого короля польскаго, во владѣніяхъ котораго находились уніатскія епархіи [1]). Въ особенности много ратовалъ противъ уніатовъ престарѣлый епископъ Ѳеодосій Василевичъ. Онъ здѣсь служилъ уже съ 1656 г., участвовалъ въ политическихъ событіяхъ своего времени и во всемъ дѣйствовалъ совмѣстно съ ревнителемъ православія, митрополитомъ Іосифомъ Тукальскимъ: хлопоталъ о матеріальныхъ средствахъ Бѣлорусской своей епархіи, отбиралъ отъ уніатовъ захваченныя ими церкви, строилъ новыя храмы. Во время церковныхъ торжествъ однимъ изъ духовныхъ лицъ всенародно были объявлены чудесныя явленія во время крестнаго хода отъ той чтимой всѣми православными людьми иконы, на перенесеніе которой всѣ собрались. Это тоже было доказательствомъ спасительности православія. На самомъ торжествѣ проповѣдь раздавалась каждый день. Димитрій упоминаетъ о рѣчахъ на торжествѣ, произнесенныхъ двумя проповѣдниками: отцомъ Хоментовскимъ, епископскимъ про-

---

[1]) Извѣстна фраза, приписываемая Собѣскому, будто бы, разъ сказавшему, стоявшему передъ нимъ въ безмолвіи, Тризнѣ: „Здравствуй, Тризна! Ну, какъ живетъ твоя схизма?“

повѣдникомъ, и отцомъ Паскевичемъ, Минскимъ проповѣдникомъ.

Обычай проповѣдничества поддерживался повсюду въ литовскихъ православныхъ храмахъ. — Когда съ новодворскихъ торжествъ отецъ Климентій Тризна увезъ Димитрія къ себѣ въ Вильну, то тамъ въ Св. Духовомъ монастырѣ уже и самъ Димитрій произнесъ проповѣди въ недѣлю 18 и въ недѣлю 23 (22 сентября). Всего онъ пробылъ въ Вильнѣ около 2-хъ мѣсяцевъ. Здѣсь каждое изъ братствъ считало необходимостью имѣть священника, способнаго возвѣщать слово Божіе. Нѣкоторые изъ братствъ привлекали ихъ для себя даже по нѣсколько человѣкъ, чтобы проповѣдь раздавалась каждый воскресный и праздничный день; иногда ихъ посылали для проповѣди и въ другія мѣста. Димитрій, кромѣ Хоментовскаго и Паскевича, упоминаетъ еще объ Иларіи Гославскомъ, Іонѣ Дублинскомъ въ Вильнѣ и о Тимофеѣ Богдановичѣ въ Новгородъ-Сѣверскомъ. Проповѣдническія способности выдвигали будущихъ дѣятелей. Почти всѣ высшія кіевскія духовныя власти этого и послѣдующаго времени, начали свое служеніе съ проповѣдничества. Историческія обстоятельства южной Россіи вызвали тогда быстрое возрожденіе проповѣди. И всѣ особенности возрождающейся южнорусской тогдашней проповѣди отразились на Димитріи со всѣми ея достоинствами и дефектами, такъ что пребываніе его въ Литвѣ послужило нѣкоторою школою для подготовки къ пастырской его дѣятельности.

По установившимся схоластическимъ требованіямъ церковное слово облеклось въ данную форму, именно: а) построено по опредѣленному плану, б) имѣло разнообразное содержаніе, и в) отличалось внѣшнею стройностью.

Учитель Димитрія, Іоанникій Голятовскій, предпи-

сывалъ такъ. Кто хочетъ говорить съ кафедры, тотъ долженъ прежде всего положить изъ св. Писанія оему [1]), которая служитъ ему фундаментомъ всей проповѣди, потому что сообразно съ оемою располагается вся проповѣдь, состоящая изъ трехъ частей. Первая часть экзордіумъ — вступленіе, въ которомъ проповѣдникъ дѣлаетъ приступъ къ тому, о чемъ хочетъ говорить, намѣчаетъ слушателямъ предметъ своей проповѣди и проситъ Бога и Пречистую Дѣву о помощи, а слушателей о вниманіи. Другая часть—наррація: въ этой части проповѣдникъ говоритъ людямъ о томъ, о чемъ обѣщалъ сказать. Эта часть самая большая; въ ней вся проповѣдь замыкается и къ ней остальныя части стягиваются. Третья часть—конклюзія—заключеніе: здѣсь проповѣдникъ припоминаетъ то, о чемъ говорилъ въ наррації и, сообразно содержанію ея, увѣщеваетъ слушателей, чтобы они любили вышесказанное добро или остерегались вышесказаннаго зла» [2]). Такимъ образомъ проповѣдь становится уже сочиненіемъ, а не безыскусственной бесѣдой, какія были у древнерусскихъ церковныхъ ораторовъ. Отъ нея требуется единство предмета и мысли, полнота и соразмѣрность частей. Такая форма съ большимъ удобствомъ приложима къ догматическимъ и нравственнымъ бесѣдамъ и вызывала слушателя къ самосознанію. Но проповѣдники часто развлекали слушателей рѣшеніемъ съ каѳедры затѣйливыхъ вопросовъ, въ родѣ такого: «гдѣ, именно—на землѣ или на небѣ находится Пресвятая Дѣва?» Или намѣренно сводили проповѣдь къ какому-нибудь

[1]) Такъ есть цѣлая проповѣдь Голятовскаго на тексты: „Изважи мя огня тягость, или измѣри дыханіе вѣтра, или возврати день, иже мимонде“ (III Ездры IV, 5. „Ключъ разумѣнія“, 146). Ѳема — основная мысль.

[2]) „Ключъ разумѣнія“ іеромонаха Іоанна Голятовскаго, изд. Кіево-Печерской лавры 1659 г., въ отдѣлѣ „наука, албо способъ сложенія сказанья“, 241 л.

курьезному положенію. Въ одной проповѣди рѣшается вопросъ: почему іудеи, требуя смерти Іисуса Христа, сказали дважды: «распни его», и однажды: «да пропятъ будетъ?» [1]). Іоанникій Голятовскій подобный казуистическій вопросъ тоже дѣлаетъ исходнымъ пунктомъ и ѳемой проповѣди: отчего Сынъ Божій принялъ природу человѣческую, а не ангельскую? Отчего, именно, Сынъ Божій воплотился, а не Богъ Отецъ и не Духъ Святый? И все это предносилось слушателю въ строгой формѣ вступленія, нарраціи и заключенія.

Самымъ распространеннымъ видомъ проповѣди, которую любилъ примѣнять и св. Димитрій, это — аллегорическія проповѣди. Здѣсь требовалось найти соотвѣтствіе между двумя предметами, не имѣющими ничего общаго. Слава и трудность проповѣдника заключались въ умѣньи ловчѣе пріискать такое соотношеніе чрезъ сравненіе, или метафору, или аллегорію. Одинъ проповѣдникъ истощался въ доказательствахъ, что Пресвятая Дѣва подобна морю (І. Голятовскій); другой,— что она подобна дому Соломонову, радугѣ, морю, граду твердому, вратамъ, замку, жезлу Ааронову, зеркалу, лиліи (Радивиловскій). На Рождество Богородицы І. Голятовскій приводитъ текстъ: «Премудрость созда себѣ домъ и утверди столповъ седьмь», и для сравненія съ Богоматерію описываетъ соляной столпъ, столпы облачный и огненный, столпъ дымовой (Суд. XX); столпъ желѣзный (Іерем. І), столпъ серебрянный (Пѣсн. Пѣсн. V), столпъ небесный (Іов. XXVI, 38) [2]).

Всѣ такіе діалектико-софистическія и аллегорическія

---

[1]) „Ключъ разумѣнія", 1 — 2 л.

[2]) „Ключъ разумѣнія", 164 — 178. На подобныхъ сравненіяхъ построены нѣкоторыя проповѣди св. Димитрія, напр. въ поученіи на день ап. Петра и Павла — они уподобляются столпамъ огненному и облачному; у него есть проповѣдь „Столпъ, или Пирамида" — похвальное слово Гизелю, гдѣ тоже представленъ рядъ столповъ и пирамидъ, начиная съ Вавилонской (соч. III).

рѣчи жизненнаго значенія не имѣли, хотя и назывались тогда «сѣяніемъ слова Божія», а ими, какъ атмосферою, дышалъ Димитрій въ теченіе своего пребыванія въ Кіевѣ, въ Литвѣ и Украйнѣ. Но онѣ помогли Димитрію въ умѣньѣ придавать рѣчи стройность и округленность, хотя и не соотвѣтствовали его природной искренности и правдивости. Часто у него и въ искусственно построенномъ словѣ сказывается живое чувство, течетъ свободно и не укладываясь въ сухія схоластическія рамки.

Ничего подобнаго не представлялось въ старорусскомъ церковномъ словѣ. Тамъ упоминаніе о природѣ и о мірѣ употреблялось по мѣрѣ назидательности ея для слушателей, а въ схоластической проповѣди имѣлось въ виду развлечь слушателя разсказами изъ исторіи, науки, и даже миѳовъ. Въ схоластической проповѣди преслѣдовалась иная цѣль; останавливалось вниманіе слушателей на томъ, что было занимательно, смѣшно, забавно, эффектно и поразительно; назиданіе стояло на второмъ планѣ. Апокрифическія и легендарныя сказанія, анекдоты, преданія, фантастическія выдумки средневѣковой зоологіи, ботаники, минералогіи и др. Все это входило въ содержаніе проповѣди наравнѣ съ текстами св. писанія. Божественному откровенію придавалось небольшая назидательность, какъ словеснымъ произведеніямъ. Текстъ писанія расчленяли до того, что онъ терялъ Божественную печать помазанности [1]), предпочитая такой, гдѣ было темное слово, дающее просторъ фантазіи. Кромѣ такого матеріала, позволялось пользоваться твореніями отцовъ церкви, какъ и у старорусскихъ проповѣдниковъ, но въ болѣе широкомъ раз-

[1]) Въ „письмахъ темныхъ людей", гдѣ осмѣиваются схоластики, это смѣшеніе у нихъ въ рѣчи христіанской назидательности съ анекдотическимъ элементомъ представляется въ яркомъ свѣтѣ.

мѣрѣ. По подражанію польскимъ ораторамъ, приводили и западныхъ отцовъ церкви: Августина, Кипріана, Іеронима и даже не признанныхъ восточною церковію: Баронія, Беллярмина, Ѳомы Кемпійскаго и др. Занимательностью Кіевской проповѣди въ одно время увлеченъ былъ и Петръ Великій и только впослѣдствіи онъ отвергнулся отъ нея, какъ не соотвѣтствующей его преобразовательнымъ видамъ. При обзорѣ жизни св. Димитрія Ростовскаго необходимо имѣть въ виду такія наставленія для проповѣдника. Въ разсматриваемый періодъ ими невольно питался будущій святитель. Первыя проповѣди, какъ, напр., «пирамида Гизелю» или «слово въ день Петра и Павла», носили рутинный общепринятый характеръ стройно составленнаго слова.

Замѣтно, что, по прибытіи въ Литву, Димитрія поразила новость. Проповѣдники перестали строго держаться установленной формы слова и оставляли то, что занесено изъ Польши въ Кіевъ, выработывая новый способъ словеснаго воздѣйствія на слушателей. Совершенно новою стала, какъ внѣшняя сторона проповѣди, такъ и самый духъ ея. Представителемъ новаго направленія явился тогда польскій проповѣдникъ, Ѳома Млодзяновскій. Требованіями герменевтики Млодзяновскій совершенно пренебрегалъ. Напротивъ, насколько прежде старались о стройности частей проповѣди, такъ Млодзяновскій, какъ будто, хотѣлъ занять слушателя быстрою смѣною мыслей и ихъ безпорядочною разбросанностью. Проповѣдника не стѣсняла ни важность каѳедры, ни святость ея. Онъ позволялъ себѣ въ проповѣди шутки, глумленія, приводилъ басни, давно отжившія въ Европѣ, но теперь еще повторяемыя въ Польшѣ [1]). Успѣху такой проповѣди помогло стремленіе

[1]) Напр., мученія — епископа грѣшника въ аду изображаются въ проповѣди такъ: „Когда грѣшникъ изрыгаетъ проклятія на все святое: на роди-

проповѣдниковъ—внести въ рѣчь польскую народную стихію,—говорить о настоящихъ событіяхъ, надеждахъ, національной гордости и ненависти къ иноземцамъ [1]). Это была блистательная проповѣдь, но не церковная. Цѣль проповѣдника — не назиданіе паствы, а желаніе разгорячить ее.

Направленіе Млодзяновскаго сильно сообщилось и Димитрію; нѣкоторыя проповѣди его буквально списаны у Млодзяновскаго и даже начинаются тѣми же словами, напримѣръ, извѣстная проповѣдь его: «гость есть въ богоспасаемомъ градѣ, слушатель мой прелюбезный; а гостю надо не безъ гостинца приходить къ честнымъ лицамъ». Позаимствовано Димитріемъ у Млодзяновскаго описаніе причины отреченія Петра: «не знаю человѣка!» Сказуютъ едини вину тую, яко вдадеся въ бесѣду съ *женскимъ* поломъ», и т. д. [2]).

Задавался Димитрій послѣ на церковной каѳедрѣ и тѣми вопросами, которые поднималъ Млодзяновскій, напр.: зачѣмъ Христосъ не иначе совершилъ входъ во Іерусалимъ, какъ на ослѣ [3]), или: «кто въ раю первымъ произнесъ слово Богъ?» Повторялъ Димитрій и выраженія Млодзяновскаго; напр:—«ни азомъ, ни буками, ни вѣдями» или «не стоило бы и говорить о бѣ-

---

телей, на землю, на Бога, бѣсы бьютъ его, приговаривая: „поистинѣ достоинъ жить съ нами во вѣки. Какъ хорошо онъ умѣетъ пѣть богохульную пѣсенку! Отправимъ его въ адъ,—пусть тамъ еще лучше поучится этой пѣсенкѣ". (*Мацѣевичъ Л.* „Польскіи проповѣдникъ Ѳ. Млодзяновскій", въ „Тр. Кіевск. Дух. Ак.", 1871 г. III т., 139).

[1]) Въ одной проповѣди высказывается осужденіе, что дѣвицы полячки повыходили замужъ за московитовъ, саксонцевъ, шведовъ. Проповѣдникъ съ каѳедры разсказываетъ, какъ онъ предостерегалъ дѣвицу изъ знаменитаго дома не выходить замужъ за москаля,—что онъ будетъ бить, по обычаю, жену кнутами и батогами, и какъ та дѣвица возразила, что ей будутъ пріятны подобныя шутки (тамъ же, 165 стр.).

[2]) Соч. II, 108.

[3]) Соч. II, 74.

сахъ и свиньяхъ: о бѣсахъ — страшно, о свиньяхъ — стыдно». Точно также, какъ и тотъ, — высказываетъ недоумѣніе въ драматической формѣ, напр., изображая ангела, подающаго свитокъ Іоанну Богослову. — упрашиваетъ его: «Ангелъ Божій! Не вели ѣсть свитка Богослову!» Точно также убѣждаетъ Лонгина сотника уступить мѣсто при Крестѣ Господнемъ Димитрію Солунскому, также библейскіе предметы называетъ по современному: «дворяне Божіи», «мужикъ Семей» (пастухъ при Рождествѣ Христовѣ), «уѣзды» и т. д.

Вліяніе Млодзяновскаго всего рельефнѣе отразилось на внѣшнемъ построеніи проповѣди у Димитрія. Вопреки схоластическимъ требованіямъ о θемѣ, вступленіи, нарраціи и конклюзіи, Млодзяновскій дѣлилъ проповѣдь на двѣ части и обѣ онѣ поражали рѣзкостію тоновъ. Первая часть отличалась занимательностью: въ ней есть и шутка, и иронія, и остроты, а вторая излагалась въ печальномъ элегическомъ тонѣ: произнося вторую часть проповѣди, ораторъ, говорятъ, и самъ заливался слезами, онъ хотѣлъ тутъ принести пользу слушателямъ. Простяки лично упрекали Млодзяновскаго, что первую часть онъ строитъ для пановъ и только во второй учитъ народъ: тутъ слышится и жалобная молитва къ Богу о постигшихъ бѣдахъ, тутъ и ропотъ, и упрекъ за униженіе Польши. Не такъ и у Димитрія? Иногда заканчивая проповѣдь, онъ вдругъ начинаетъ: «но еще — не аминь: еще простецамъ скажу нѣчто въ назиданіе! То было сказано для книжныхъ людей, не хочу и не книжныхъ отпустить безъ пользы» [1]). Вліяніе всего этого на Димитрія несомнѣнно.

Во второй половинѣ XVII вѣка увлеченіе и подражаніе Млодзяновскому возросло до крайней степени. Сборники его проповѣдей пріобрѣтались лучшими кіев-

[1]) Соч. II, 92 — 100.

скими проповѣдниками (Кроковскимъ) еще съ 1786 г. Позднѣе, въ 1706 г., Ѳеофанъ Прокоповичъ говорилъ, что Млодзяновскаго кіевскіе академисты-наставники принимаютъ съ восторгомъ. Многіе изъ нихъ одобряютъ и восхваляютъ его. Благодаря имъ и молодые студенты краснорѣчія только его и ставятъ для себя образцемъ подражанія. Говорить въ это время противъ Млодзяновскаго,—значило возбудить противъ себя неудовольствіе многихъ [1]).

Въ письмѣ своемъ къ Якову Маркевичу отъ 1716 г. Ѳеофанъ Прокоповичъ, вошедшій въ курсъ нѣмецкаго направленія реформъ въ Россіи, пишетъ изъ Петербурга о тогдашнемъ увлеченіи проповѣдническими пріемами (концептами) Млодзяновскаго, доходившемъ до лихорадочности, такъ. «Мы также на своемъ вѣку не разъ уже видали въ нашемъ отечествѣ подобныя ученыя лихорадки. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ были въ модѣ такъ называемые концепты. Церковныя каѳедры оглашались тогда (увы!) чудными хитросплетеніями, напр., что значитъ пять буквъ въ имени Марія? [2]) Почему Христосъ погружается въ Іорданѣ, стоя, а не лежа и не сидя? Почему въ водахъ великаго потопа не погибли рыбы, хотя не были сохранены въ ковчегѣ Ноевомъ?— И давались на такіе вопросы отвѣты самые важные и и солидные!» [3]) Неестественность такого подражанія сознавали уже въ концѣ XVII вѣка. Выразителемъ такого сознанія былъ Мелетій Смотрицкій въ своей полемикѣ съ А. Мужиловскимъ:

«Если бы не римскія постиллы, — говоритъ онъ,— то не поспѣшилъ бы на кафедру ораторъ, не съумѣлъ бы разудивить софистъ. Скажи спасибо Бессію, кото-

[1]) „Труды Кіев. Дух. Академіи“ 1864 г. Апрѣль, 631 — 636 стр. Выдержки изъ рукописной риторики Ѳ. Прокоповича.

[2]) У Дмитрія есть такая проповѣдь.

[3]) „Труды Кіев. Акад.“ 1865 г. Янв., 148. Письма Ѳ. Прокоповича.

рый научаетъ тебя произносить съ кафедры. Хорошо мнѣ извѣстно, что безъ него скрипѣли бы колеса, какъ у возницы безъ мазницы, а ты все-таки мудрецъ, да и твои всѣ. Одинъ на каѳедру съ Осоріемъ, другой съ Фабриціемъ, третій со Скаргою, а иные и съ другими проповѣдниками римской церкви, безъ которой вы ни шагу» [1]). Какъ и въ восточной церкви, въ польской проповѣди примѣнялись діалогическая форма назиданія, но въ развязной формѣ, необычной въ греко-восточной церкви. У Ѳомы Млодзяновскаго ведется такой разговоръ его съ царемъ Давидомъ: «Давидъ Святой, что ты дѣлаешь? Любишь ли ты Бога?» — Люблю, говоритъ. «Полно? Любишь ли ты Его?» — Люблю! «Самарянка, куда идешь? Вѣроятно, повидаться съ друзьями? Но не за водой съ ведромъ? Неужели ты, самарянка, не считаешь этого безчестнымъ? Неужели хочешь ты, чтобы другіе смотрѣли на тебя подозрительно?» [2]) и т. п. Заимствованіе формы проповѣдей сопровождалось и измѣненіемъ языка въ нихъ. Церковно-славянскій языкъ переполненъ польскими и латинскими выраженіями.

Въ этихъ правилахъ воспитались тѣ люди въ Литвѣ, среди которыхъ находился тогда Димитрій. Для практики и руководства у нихъ существовали цѣлые сборники такихъ проповѣдей извѣстнѣйшихъ авторитетныхъ церковныхъ ораторовъ юго-западной Россіи: Кирилла Транквилліона, Петра Могилы, І. Голятовскаго, Л. Барановича, А. Радивиловскаго и др. [3]), теперь прибавлялись сборники проповѣдей Млодзяновскаго.

---

[1]) „Отечеств. Записки“, 1862 г. № 2, 572.

[2]) „Труды Кіев. Акад.“, 1865 г. № 4, 635. Выдержки изъ рукописной риторики Ѳ. Прокоповича.

[3]) „Руководство для сельск. пастырей“ 1869 г. II т, *Терновскій Ф.* „Южнорусское проповѣдничество“ XVI — XVII вѣка по польскимъ образцамъ“. *Аскоченскій* — („Истор. Кіев. Акад.“ I ч.) объясняетъ развитіе ораторскаго искусства у Димитрія исключительно вліяніемъ академіи.

Знакомство съ польскими пріемами проповѣди оказало сильное вліяніе на Димитрія. Подъ общимъ увлеченіемъ Млодзяновскимъ разсѣивалось вѣковое убѣжденіе, будто, задача проповѣди заключается въ ея искусной стройности. Открывалась иная красота въ словѣ, покоряющая сердца слушателей, это — обаяніе искренности у проповѣдника и сильнаго порывистаго чувства. По природѣ самъ отзывчивый и сердечный, Димитрій воспринялъ, хотя не безъ долгихъ колебаній, новый способъ проповѣдничества. Но онъ не подчинился общему влеченію всецѣло, въ чемъ впослѣдствіи укорялъ другихъ Андрей Мужиловскій, тоже вышедшій изъ Литвы (изъ Слуцка). У него постепенно входитъ лишь элементъ народности и живая отзывчивость на текущія событія. Упрощеніе рѣчи не выродилось у него, какъ у польскихъ подражателей Млодзяновскаго, въ болтовню и шутку, а разрѣшилось въ особый видъ художественнаго проникновеннаго слова. Отъ крайностей подражанія предохранило Димитрія Савича не одно природное чутье художника, но отчасти помогли и крѣпко усвоенныя имъ схоластическія словесныя основы.

Пребываніе въ Литвѣ имѣло для Димитрія Савича и другое, болѣе важное, значеніе. При всей своей врожденной скромности, онъ очутился въ курсѣ защиты, гонимой вѣры отъ уніатовъ. Среди такой борьбы яснѣе усвоялись борцами устои православія.

Черезъ 3 мѣсяца послѣ Новодворскаго торжества въ Вильно прибылъ Бѣлорусскій епископъ Ѳеодосій Василевичъ (14 ноября). Въ теченіе недѣли епископъ настолько познакомился съ Димитріемъ, что взялъ его съ собою въ городъ Слуцкъ, принадлежащій князьямъ Радзивиллamъ. Въ этомъ городѣ православное населеніе претерпѣвало всевозможныя стѣсненія отъ тѣхъ жителей, которые приняли унію. Православныхъ не хотѣли

считать равноправными гражданами, клеветали на нихъ, что эти схизматики (т.-е. православные) хотятъ отворить ворота города, гдѣ находился дворъ князья съ 200 обывательскихъ домовъ, и изъ предмѣстья впустить казаковъ или московитовъ. Отъ нихъ отбирали даже церкви. Стѣсненіемъ гражданскихъ правъ у православнаго населенія и обычныхъ привиллегій духовенства хотѣли усилить уніатство и искоренить православіе въ Литвѣ. Въ этомъ смыслѣ подавались и просьбы королю.

Но русскіе люди мужественно отстаивали и свою вѣру, и свои права, такъ что составляли изъ себя живой оплотъ православія противъ натиска католической пропаганды. О трудномъ положеніи ихъ среди уніатовъ извѣстно стало даже въ Іерусалимѣ. Оттуда патріархъ Досиѳей послалъ въ Слуцкъ одобрительную грамоту, гдѣ хвалитъ стойкость православныхъ за свое исповѣданіе. Уніаты просили себѣ содѣйствія короля, чтобы усилить значеніе ихъ въ городахъ [1]); и патріархъ Досиѳей совѣтуетъ православнымъ обращаться къ той же премудрости и великодушію тишайшаго короля. Въ то время, какъ получена эта грамота, 1678 г., іезуиты, насаждавшіе унію, усилили въ Слуцкѣ свою проповѣдь; въ противовѣсъ имъ настойчиво проповѣдывали здѣсь и русскіе иноки; а во время возникновенія католическаго Бернардинскаго монастыря, выстроеннаго въ Слуцкѣ, и іезуитской типографіи, православные тоже строятъ свои братскіе монастыри въ Слуцкѣ и уѣздѣ его. Епископъ Василевичъ считался архимандритомъ Троицкаго Слуцкаго монастыря, къ которому приписаны Преображенскій въ самомъ городѣ, а также вновь основанный Старчицкій и Грозовскій въ Слуцкомъ уѣздѣ. По предложенію Бѣлорусскаго епископа, или, можетъ быть, по же-

[1]) Акты 10, 3. P. I, V, 807.

ланію послужить въ митрополіи прославленнаго іерарха Тукальскаго, отдававшаго дѣлу просвѣщенія и свой покой, и скудныя средства и выражавшаго жалобы на оскудѣніе благочестія въ Литвѣ,—Димитрій остался въ Слуцкѣ. Онъ жилъ здѣсь почти цѣлый годъ, поселившись въ Преображенскомъ монастырѣ и сдѣлавшись братскимъ проповѣдникомъ [1]).

Монастырь былъ бѣдный; постройка въ немъ деревянная. Ктиторомъ обители состоялъ Іоаннъ Скочкевичъ. Скочкевичъ полюбилъ Димитрія и, оказывая ему покровительство, не хотѣлъ разстаться съ нимъ [2]).

Проповѣди Димитрія отъ того времени не сохранились. Но о характерѣ занятій его можно судить по книгамъ, имѣющимся у него. Это были полемическія сочиненія противъ католическихъ заблужденій, какъ-то: «Вопросы и отвѣты православному съ папежникомъ», «Отпись на Ипатія о соборѣ Флорентійскомъ» и др. [3]). Сохранились отъ того же времени и собственноручное Димитріево обозрѣніе и сопоставленіе евангельскихъ воскресныхъ чтеній у католиковъ и православныхъ.—Димитрія, какъ и все слуцкое духовенство, интересовала защита не одной вѣры, но и правъ православныхъ. Онъ вполнѣ соглашался съ тѣми правовыми историческими основаніями, на которыхъ велъ борьбу съ уніатами самъ епископъ Василевичъ. Димитрій записалъ ихъ; вотъ они: Русь (въ Литвѣ) имѣетъ историческое право на свободу своего вѣроисповѣданія, потому что приняла

[1]) Дзикъ пишетъ, что Димитрій жилъ въ Литвѣ „для сѣянія слова Божія".

[2]) Въ житіи, писанномъ А. Мацѣевичемъ говорится, что „въ Слуцкѣ *два года* неустанно таковымъ дѣломъ (проповѣдничествомъ) трудился и подвизался въ монастырѣ тамошнемъ братскомъ Преображенскомъ; по сказанію тамошнихъ жителей, имѣлъ себѣ патрона, нѣкоего благочестиваго гражданина, Іоанна Скочкевича, монастырю тому созидателя".

[3]) Другія книги современнаго происхожденія и такого же характера: „Десудерозусъ" *Саковича*, „Правдивая Вѣра" *Гизеля*, „Палинодія" *Копистенскаго*.

вѣру отъ Константинопольскаго патріарха, когда уніи съ Римомъ не было; затѣмъ, — Русь присоединена къ Польшѣ при королѣ Казимірѣ гораздо ранѣе Флорентійскаго собора, и послѣ котораго она всегда оставалась православною; далѣе, — и въ польскомъ подданствѣ, поэтому, за ней должны оставаться ея права неизмѣнно; наконецъ, — послѣ Флорентійскаго собора даже до послѣдняго времени никогда она не была въ уніи и русскимъ по прежнему должны быть предоставлены должности и права.

Такъ скромный Димитрій брался за оружіе для защиты православія. Лазарь Барановичъ едва ли предполагалъ, что онъ останется въ такой, по его выраженію, «воинствующей церкви», и будетъ выступать противъ неразборчивыхъ въ средствахъ уніатовъ, но свѣдѣнія о томъ, что онъ сталъ въ ряды православныхъ бойцовъ въ Слуцкѣ, до Чернигова скоро дошли. Черезъ 3 недѣли въ Черниговъ ѣздилъ игуменъ Слуцкихъ монастырей, отецъ Мокріевичъ, и привезъ письмо отъ Черниговскаго полковника Василія Дунина-Борковскаго, потребовавшаго именемъ гетмана, чтобы Димитрій Савичъ возвращался въ Черниговъ. Владыка могъ требовать такъ, потому что по смерти Тукальскаго сталъ завѣдывать всѣмъ православнымъ населеніемъ Украины и Литвы. Требовалъ Димитрія обратно и Мелетій Дзикъ, ставшій тѣперь игуменомъ Михайловскаго Златоверхаго монастыря.

Въ Слуцкѣ сознавали необходимость отпустить Димитрія, но не хотѣли разставаться съ нимъ и, при содѣйствіи Скочкевича, упросили его остаться при братствѣ, давши щедрыя обѣщанія. Изъ Чернигова вскорѣ написали во второй разъ, чтобы Димитрій ѣхалъ обратно изъ-за рубежа, потому что таково желаніе гетмана. Такъ какъ онъ обязанъ былъ подчиняться въ то

время Мелетію Дзику, то и къ Дзику послали черезъ нарочнаго, отца Христинича, просьбу оставить его въ Слуцкѣ. Вопросъ рѣшилъ Дзикъ. «Отъ себя и отъ обители Михайловской», онъ далъ согласіе, чтобы Димитрій, если того самъ желаетъ, остался при Братствѣ на время, пока не понадобится онъ для послушаній въ Михайловскій монастырь [1]). Не смотря на молодость Димитрія, ему оказана отъ Михайловскаго Златоверхаго монастыря отмѣнная честь, а именно: посланы ему частицы мощей святой мученицы Варвары и въ богатомъ золотомъ переплетѣ книжка отъ инока михайловскаго, о. Арсенія. Димитрій самъ отвѣчалъ и полковнику Дунину Борковскому, и игумену Дзику [2]). Присланную часть св. мощей въ золотомъ крестѣ помѣстили въ храмѣ при образѣ Спасителя [3]).

Благодаря согласію игумена Михайловскаго монастыря, братство удержало Димитрія у себя въ Слуцкѣ до слѣдующаго 1679 г. (29-го января).

Димитрій знакомился съ словесными пріемами церковной проповѣди у литовскихъ ораторовъ во время частыхъ своихъ поѣздокъ на монастырскіе праздники. Такъ онъ ѣздилъ въ Грозовскій монастырь на праздникъ 9-го мая и въ Старожицкій на поклоненіе Чудотворной иконѣ Божіей Матери, гдѣ раздавалась церковная проповѣдь. Недаромъ онъ отмѣчаетъ свои встрѣчи съ

[1]) Мелетій Дзикъ писалъ о Димитріи братіи Слуцкаго монастыря: „Хотя и не имѣю съ вами, милостивые государи, знакомства, но совершенно извѣстно мнѣ ваше усердіе и горячая ревность къ общей нашей матери Церкви Божіей... Изъ письма ко мнѣ... усмотрѣлъ я великую милость и неизглаголанную, Духомъ Святымъ разжепную, любовь вашу о бытіи у васъ отцу и брату вашему, честному отцу Димитрію для сѣянія слова Божія въ сердцахъ вашихъ. Соглашаясь на сіе охотно за себя и за обитель нашу, не возбраняю вашеи къ нему пріязни; однако — на время, съ тѣмъ, чтобы ему сіе угодно было. Если же здѣсь не будетъ въ немъ большой нужды, то дозволяю ему и долѣе остаться у васъ. Весьма одобряю склонность вашу къ слушанію слова Божія. (Діарій).

[2]) Письма, посланныя имъ отъ 3 марта 1678 г., не сохранились.

[3]) Діарій.

проповѣдниками Олайкевичемъ и Гославскимъ. Слуцкій періодъ жизни, краткій по времени, оставилъ глубокій слѣдъ на Димитріи, заставившій его оцѣнить заслуги южнорусскаго духовенства въ дѣлѣ защиты имъ православія среди уніатскаго населенія.

Пребываніе въ Слуцкѣ закончилось горестными для него событіями: умеръ Іоаннъ Скочкевичъ; еще ранѣе Скочкевича скончался епископъ Ѳеодосій Василевичъ. Димитрій выполнивъ печальную обязанность проводить своихъ почившихъ патроновъ надгробными рѣчами. Проповѣдь по Скочкевичѣ начиналась словами: «яко же скончаваше Іоаннъ теченіе». За нее оратора наградили 6 локтями добраго голландскаго полотна. Погребеніе епископа было въ мѣстечкѣ Дзіенциловичахъ. Скончался также знакомый Димитрія отецъ Серапіонъ Замаревичъ. Такъ сходили въ могилу доброжелатели, удерживающіе Димитрія въ Слуцкѣ. Настоятель монастыря теперь былъ новый, архимандритъ Ѳеофанъ Креховецкій. Наѣзжали другія лица. Между прочимъ одинъ изъ восточныхъ іерарховъ, пріѣзжавшихъ въ Россію за милостынею, посѣтилъ при Димитріи и Слуцкъ. Это былъ митрополитъ Макарій Лигариди. Прибытіе Лигариди (11-го августа) совпало со смертію епископа Василевича. Поэтому, заѣзжій гость съ востока совершилъ надъ почившимъ владыкою погребеніе, а потомъ, по просьбѣ Старшаго Виленскаго, Клементія Тризны, производилъ хиротоніи мѣстныхъ лицъ во священники и діаконы. Димитрій, знавшій греческій языкъ, сдѣлался старательнымъ посредникомъ между слуцкимъ духовенствомъ и греческимъ митрополитомъ; впослѣдствіи онъ уже сталъ въ тѣсномъ знакомствѣ съ Лигариди.

Между тѣмъ политическія опасности сгущались надъ христіанскимъ населеніемъ. Шла вторая чигиринская война. Турки и татары почти не переставали опу-

стошать правобережную Украину, они устраивали загоны, ловили жителей, угоняли ихъ въ плѣнъ, жгли города и села. Жители не имѣли возможности обработывать свои земли. Въ августѣ 1678 г. палъ Чигиринъ. Защита его соединенными силами Москвы и Украины оказалась напрасною. Его взяли турки, а по народной пословицѣ, за кѣмъ былъ Чигиринъ, за тѣмъ будетъ и Кіевъ[1]). Тяжелѣе всего было сознаніе, что хищныхъ враговъ привелъ въ Украину сынъ Богдана Хмѣльницкаго, Юрій, учившійся у одного съ Димитріемъ учителя—Іоанникія Голятовскаго. Населеніе жило въ ужасѣ; но не могло бѣжать и на правый Московскій берегъ, потому что туда уже переправились враги. Димитрій при этомъ народномъ испытаніи рѣшился выѣхать изъ за рубежа на родину.

Онъ направился въ Батуринъ, вѣроятно, въ виду желанія гетмана И. С. Самойловича, выраженнаго въ письмѣ полковника Дунина Борковскаго. Вблизи Гетманской столицы расположенъ Крупецкій Николаевскій монастырь, гдѣ игуменствовалъ въ то время Ѳеодосій Гугуревичъ. Здѣсь Димитрій остановился и прожилъ болѣе двухъ лѣтъ (съ 6-го февр. 1679 г. по сент. 1681 г.). Хотя Гетманъ заканчивалъ войну съ турками, но тревога не улегалась. Все лѣто 1679 г. воздвигали укрѣпленія въ Кіевѣ, разставляли войска по дорогѣ изъ Крыма и по всюду держали ихъ въ сборѣ. Народъ былъ въ страхѣ отъ ожидаемаго турецкаго нашествія. Тревожныя событія усилили значеніе гетмана и расположеніе къ нему московскаго правительства. Самойловичъ совершилъ два Чигиринскихъ похода и теперь заканчивалъ турецкую войну. Вотъ какъ описывается она въ повѣствованіи, находящемся въ IV части сочиненій св. Димитрія.

---

[1]) „Руина“, 296.

Турки, имѣя намѣреніе взять себѣ Кіевъ, сначала съ огромнымъ войскомъ подступили къ старинному казацкому городу Чигирину. Находящіяся тамъ казацкія и царскія войска отбили ихъ первые страшные приступы, а на выручку («на отсѣчь») осажденныхъ спѣшили съ войсками царскій воевода, князь Ромадановскій, и гетманъ, И. С. Самойловичъ. До прибытія ихъ. 27 августа, враги съ напряженными усиліями добывали городъ; а въ этотъ день въ Кіевѣ, по приказу кіево-печерскаго архимандрита Гизеля, совершали крестный ходъ во крутъ Верхняго Кіева; вынесли для церковной процессіи кіевопечерскую икону Божіей Матери, чего до того времени никогда не бывало, а также почитаемыя святыни и многія св. мощи. Богъ услышалъ молитвы. Враги, узнавъ приближеніе русскихъ войскъ, пришли въ страхъ и въ этотъ самый день обратились въ бѣгство. Всѣ ихъ замыслы разсѣялись, какъ паутина. На другой годъ (1678) лѣтомъ турки пришли еще въ большемъ количествѣ подъ Чигиринъ. Ратные люди, находящіеся въ городѣ, не только отбили всѣ первые приступы непріятелей къ городу, но наносили имъ пораженіе и въ бояхъ на полѣ, такъ что враги думали уже объ отступленіи. Когда они услышали, что на выручку Чигирина подвигаются войска кн. Ромадановскаго и гетмана Самойловича, «съ Богомъ данною ему отраслію Симеономъ», то пошли въ огромномъ количествѣ къ намъ на встрѣчу. Русскіе напали на турокъ, когда тѣ расположились на высокой горѣ. Усѣянная врагами съ неумолкающею орудійною пальбою изъ горныхъ ущелій, крутая гора казалась висящимъ «страшнымъ облакомъ съ огненнымъ дождемъ и лютыми громами». 3 августа русскія войска подъ «чиннымъ управленіемъ благоразумнаго вождя», И. С. Самойловича, двинулись съ религіознымъ воодушевленіемъ на враговъ Креста Гос-

подня и одолѣли ихъ. Много ихъ побито, потоплено при переправѣ и взято въ плѣнъ. 4 августа русскія войска подошли, къ ужасу враговъ, къ Чигирину. Турки употребили для взятія города хитрость: они начали дѣлать подкопы подъ него. Тогда русскіе отряды, защищающіе городъ, оставили его.

По окончаніи Чигиринской войны русскія войска остановились у Днѣпра и будучи «стройнымъ управленіемъ искуснаго вождя наставляемы, толикій бой свели съ погаными», какого еще отъ вѣка не видано: солнце затмилось отъ пальбы, воздухъ помрачился отъ взметаемой пыли, земля стонала, войска осыпались пулями, какъ градомъ, мечи блестѣли и руки христіанскія «освятились» въ крови поганыхъ. Турки пробыли еще семь дней и ушли въ степи. Едва третья часть ихъ возвратилась домой, а силы царскія и запорожскія были цѣлы [1]).

Послѣ такихъ славныхъ событій дворъ гетмана сталъ отличаться пышностью, а хозяинъ оставался все по прежнему радостнымъ. По поводу пріѣзда московскихъ пословъ устраивались празднества. Вѣсть о Бахчисарайскомъ мирѣ съ турками гетманъ выслушалъ со вздохомъ, что къ нимъ отошла вся правая сторона Днѣпра, но торжества онъ устроилъ пышныя: гремѣла музыка, палили изъ пушекъ. Занятый дѣлами, гетманъ жилъ недоступно для духовенства: дома этого бывшаго поповича окружали сердюки съ бердышами, а по улицѣ разъѣзжалъ съ недоступною «пыхою въ каретѣ»; къ Димитрію, однако, онъ относился внимательно, а въ Діаріи названъ даже «благодѣтелемъ». Гетманъ любилъ окружать себя высшими духовными лицами, отличающимися саномъ и выдающимися способностями. Такъ на освященіе своей вновь построенной церкви онъ пригласилъ заѣзжаго сербскаго

---

[1]) Соч IV, 711 — 720.

митрополита Почеку [1]). Въ Батуринскомъ монастырѣ жилъ, не безъ согласія Самойловича, парижскій учитель, Адамъ Зерниковъ, добровольный изгнанникъ за свои православныя убѣжденія. Имъ написаны въ Парижѣ два трактата противъ католическаго ученія объ исхожденіи св. Духа отъ Отца и Сына. Въ трактатахъ тщательно доказывается, что доводы католиковъ въ пользу своего ученія не имѣютъ никакого значенія, такъ какъ ими искажено все, что приводится изъ св. писанія и святоотческихъ твореній. Убѣдившись изъ научныхъ своихъ изслѣдованій о неправотѣ католическаго исповѣданія, онъ уѣхалъ изъ Парижа, чтобы избѣжать обычныхъ преслѣдованій отъ католиковъ за свои убѣжденія. Латыняне знали его трактаты, но возражать противъ нихъ не смѣли, чтобы не поднимать неправаго дѣла. Трактаты, составившіе большую рукописную книгу, остались при его жизни не напечатанными. Ими впослѣдствіи пользовался Ѳсофанъ Прокоповичъ въ противолютеранской полемикѣ объ исхожденіи св. Духа, увѣряя что на обоснованные доводы Зерникова немыслимо никакое возраженіе, не можетъ быть даже повода къ такому возраженію. Кромѣ этихъ лицъ, гетманъ принималъ къ себѣ и другихъ выходцевъ изъ за-границы. Впослѣдствіи, 1684 года, сюда прибѣжалъ отъ уніатскихъ гоненій будущій митрополитъ Кіева епископъ Луцкій князь Гедеонъ Святополкъ Четвертинскій.

До Димитрія гетманъ былъ такъ привѣтливъ, что слухи объ этомъ доходили до Черниговскаго владыки Чрезъ годъ по прибытіи Димитрія въ Батуринъ, пріѣхалъ туда изъ Кирилловскаго монастыря отецъ Меркурій съ извѣщеніемъ, что братія избираетъ его своимъ игуменомъ и съ просьбою отъ нея принять обитель

[1]) Соч. I, 467, Прилож. 1.

въ свое управленіе. Не иначе, какъ по желанію гетмана, Димитрій отъ такой чести отказался, потому что немного спустя, тотъ же гетманъ не препятствовалъ ему быть игуменомъ въ другомъ монастырѣ и даже содѣйствовалъ этому. Въ Кирилловскомъ монастырѣ утѣшились тѣмъ, что тамъ согласился быть игуменомъ горячій защитникъ православія, Иннокентій Монастырскій, ранѣе жившій въ Литвѣ, бывшій другомъ Димитрія. Можно предполагать, что тщеславный гетманъ видѣлъ въ Димитріи лицо, способное увѣковѣчить военные свои подвиги въ исторіи, и что Димитрій дѣйствительно описывалъ Чигиринскіе походы. Въ IV части сочиненій есть похвала Самойловичу за укрѣпленіе кіевопечерской лавры, написанная во время его гетманства [1]).

10-го августа 1681 г., за смертію игумена Іереміи Ширкевича, освободилась должность игумена въ Максаковскомъ Святоспасскомъ монастырѣ. Выборъ братіи и здѣсь палъ на Димитрія [2]). Изъ обители уже посланы были два іеромонаха къ блюстителю кіевской митрополіи, Лазарю Барановичу, съ извѣстіемъ объ этомъ.

Гетманъ не только охотно отпустилъ Димитрія, но вручилъ ему собственноручное письмо къ черниговскому владыкѣ.

Въ Черниговѣ архіепископъ оказалъ привѣтливый пріемъ Димитрію. «Былъ я (4 сентября) принятъ отъ его преосвященства весьма милостиво, разсказываетъ Димитрій.—Какъ скоро распечаталъ онъ письмо, тотчасъ слѣдующія сказалъ слова:—не читая письма, говорю: да благословитъ васъ Господь Богъ не только игуменствомъ, но по имени Димитрія, желаю вамъ митры: Димитрій да получитъ митру». Того же дня я былъ на обѣдѣ его преосвященства и съ любовью былъ

[1]) Соч. IV, 727.

[2]) Діарій, подъ 1681 г.

угощаемъ, гдѣ между прочими милостивыми словами онъ мнѣ прибавилъ: «сегодня пророка Моисея Боговидца; сегодня сподобилъ васъ Господь Богъ игуменствомъ въ монастырѣ, гдѣ храмъ Преображенія Господня, яко Моисея на Ѳаворѣ. Сказавшій пути свои Моисееви, да скажетъ и вамъ на семъ Ѳаворѣ пути своя къ вѣчному Ѳавору».

Пріятно было Димитрію услышать такія слова изъ устъ архіерея; онъ почелъ ихъ за хорошее предзнаменованіе и за пророчество: «Дай, Боже, чтобы пророчество его архипастырства сбылось!» Писалъ онъ въ Діаріи. Лазарь Барановичъ при посвященіи въ игумена вручилъ ему посохъ и проводилъ его какъ родного сына [1]). На свое первое игуменство, Димитрій вступилъ 9 сентября и уже 7 февраля слѣдующаго года, черезъ 5 мѣсяцевъ, по желанію гетмана, его перевели въ Батуринъ въ Николаевскій монастырь [2]), вмѣсто Ѳеодосія Гугуревича, переведеннаго въ Кіевскій Златоверхій монастырь. 1 марта 1682 г. Димитрій принялъ игуменство въ Батуринскомъ монастырѣ, а 3 марта поспѣшилъ въ Максаковскій монастырь проститься со своею первою иноческою паствою. Его прощаніе ознаменовалось нѣсколькими постригами. Получивши 6 марта новый указъ о переводѣ въ Батуринъ, Димитрій помѣтилъ въ своихъ запискахъ «Дай, Боже,—въ добрый часъ», «Боже въ помощь мою воньми! Преблагословенная Дѣво,—благослови начало!» Видимо, Димитрій придавалъ этой перемѣнѣ большое значеніе.

По виду обитель Димитрія можно было принять за чужую, не украинскую, крѣпость, окруженную земляным валомъ: она охранялась не казаками, а непривычнымъ для малоросса отрядомъ московскихъ

[1]) Діарій 1681 г.

[2]) Соч. I, 467.

стрѣльцовъ. Среди деревянныхъ построекъ монастыря тогда воздвигались на средства генеральнаго судьи, Ивана Домонтовича, каменная церковь. Близость къ гетманской столицѣ придавала монастырю необычайное оживленіе.

Здѣсь былъ узелъ сношеній малороссійскаго духовенства съ Московскимъ патріархомъ; у Димитрія останавливались духовныя лица, пріѣзжавшія съ разныхъ сторонъ: изъ Украины, изъ Москвы, Кіева, изъ-за рубежа Польскаго и Литовскаго, изъ Греціи и другихъ мѣстъ для аудіенціи, у кого только была нужда до гетмана [1]).

Димитрій зналъ о всѣхъ сношеніяхъ гетмана и другихъ лицъ съ Москвою. Ему извѣстна была и нескрываемая никѣмъ тревога по поводу московскихъ требованій, чтобы Малороссія оказывала подчиненіе не только въ политическомъ отношеніи, но и въ церковныхъ дѣлахъ. При Самойловичѣ еще не замирало то общее казацкое недовольство Москвою, которое погубило его предшественниковъ,—Брюховецкаго и Многогрѣшнаго. Сами безпомощные противъ турокъ, татаръ и поляковъ они укоряли московскихъ людей за равнодушіе къ ихъ положенію и съ горечью высказывали, что изъ Москвы, вмѣсто военной помощи противъ враговъ посылаютъ только одни указы воевать: «много писаннаго изъ Москвы посылаютъ, только бумагою, да ласковыми словами утѣшаютъ»; на видъ Москвѣ ставили неспособность царскаго кіевскаго воеводы защитить Кіевъ съ окрестностями его отъ опустошеній и разоренія отъ поляковъ [2]). Не видя себѣ своевременной

[1]) О митрополитѣ Болгарскомъ Мельхиседекѣ извѣстно, что онъ въ Батуринѣ посвятилъ во діакона постриженика Димитріева Гавріила (24 ноября 1682 г.).

[2]) *Костомаровъ* „Руина“, 42, 184 стр.

защиты отъ Москвы, малороссы возмущались посылкою къ нимъ царскихъ воеводъ на прокормленіе и требованіями всякаго подчиненія. «Вы не саблею взяли насъ, не приданные мы, не купленные» [1]) у васъ; такъ говорили малороссійскіе люди по поводу нарушенія своихъ вольностей. Недовольство у духовенства было еще сильнѣе. Тогда какъ казаки напередъ не знали, кому приведется имъ завтра присягать: Москвѣ, или Польшѣ, или же Турціи, изъ-за безопасности своей, или по принужденію которой нибудь изъ державъ; у духовенства же на обоихъ берегахъ Днѣпра былъ одинъ опредѣленный и давній владыка, признаваемый въ теченіе всей восьмивѣковой христіанской исторіи Кіева, это — Цареградскій патріархъ. Духовенство смѣло говорило московскимъ людямъ: «Мы состоимъ подъ благословеніемъ Святителя патріарха Цареградскаго, а не кого нибудь другого!» — Какъ въ Турціи христіане исповѣдывали свое православіе, находясь въ турецкомъ подданствѣ, такъ и въ Украинѣ духовныя власти находили возможнымъ управляться свободно и независимо отъ Московскаго патріарха. Нежеланіе подчиниться Московскому патріарху среди Малороссійскаго духовенства было такъ настойчиво, что въ лѣвобережной Украинѣ считали болѣе спокойнымъ житье подъ властію другой сильной державы, хотя бы и турецкой: «при комъ ханъ, тотъ и самъ панъ», говаривалъ митрополитъ Тукальскій.

Димитрій не былъ въ сторонѣ отъ такихъ убѣжденій всѣхъ кіевскихъ игуменовъ; и всегда высказывалъ горячую привязанность свободѣ и единству Малороссійской церкви.

Съ подчиненіемъ ея Московскому патріарху само

[1]) Тамъ же, 183.

собою она должна была распасться на двое: если лѣвобережное духовенство признало бы себя подчиненнымъ Москвѣ въ духовномъ отношеніи, то правобережное никакъ не могло выразить подчиненія, пока находилось въ подданствѣ у Польши. Поляки, владѣвшіе лѣвобережной Украиной, не дадутъ позволенія своимъ русскимъ подданнымъ жить въ какой-нибудь зависимости отъ Москвы. Отъ этого само собою надо было ждать раздѣленія единой церкви на двѣ: тогда какъ одна половина подчинилась бы Московскому святителю, а другая оставалась бы за Цареградскимъ.

Особенно огорчало въ Украинѣ — несогласіе царя, чтобы Тукальскій жилъ въ Кіевѣ; еще Гизель писалъ въ Москву: «повели, государь, этого добраго мужа посадить на митрополіи въ Кіевѣ и надобное прокормленіе сану его показать,... не окажется непотребенъ: онъ мужъ зѣло ученый, разсудительный» [1]). Для Москвы, гдѣ церковь и государство всегда мыслились не иначе, какъ въ неразрывной связи, такія просьбы казались и неосуществимыми, и подозрительными. Въ Украинѣ упорно держались Тукальскаго даже тогда, когда Москва поставила для Кіева блюстителя митрополичьяго престола: чтобы унизить блюстителя, Лазаря Барановича, духовныя власти показывали видъ, что не признаютъ его архіепископства, даннаго Москвою, и называли епископомъ.

Недовольство росло при сношеніяхъ Москвы съ Польшею: не нравилось малороссамъ, что Москва, принявши ихъ себѣ въ подданство, имѣетъ сношенія съ поляками, и ищетъ мира съ панами. Было одно время (1667 г.), когда и Кіевъ русскіе чуть-чуть не отдали полякамъ; помѣшало этому только одно случайное

[1]) „Руина“, 148.

обстоятельство—измѣна Дорошенки, сбившая гордость у пановъ. Все это оставило свой слѣдъ въ отношеніяхъ къ Москвѣ малороссійскаго духовенства, дорожившаго святынями Кіева, гдѣ поляки могли ввести унію.

Когда Димитрій былъ въ Батуринѣ, Кіевъ своего митрополита все еще не имѣлъ. Наѣзжали въ Украину греческіе митрополиты, «никѣмъ не свидѣтельствованные»: изъ нихъ иные «и подъ неблагословеніемъ святѣйшихъ патріарховъ самовольно служили и поставляли» [1]), именуя себя митрополитами греческими, болгарскими, сербскими, филипповскими, драмскими [1]). Они возводили въ священный санъ даже такихъ лицъ, которыхъ мѣстные епископы, по недостатку правъ, отказывались посвящать. Димитрій, по своему знанію греческаго языка, ближе другихъ знавшій нѣкоторыхъ изъ нихъ, Почеку, М. Лигариди, могъ отъ этихъ восточныхъ гостей слышать всевозможные толки о землякахъ, пріѣзжавшихъ въ Россію для милостыни и убѣжища. Испытавши въ Литвѣ козни іезуитовъ, Димитрій видѣлъ не менѣе другихъ духовныхъ властей опасность уніатской пропаганды, не сдерживаемой административной духовною властью. Администраторъ кіевской митрополіи, Львовскій епископъ Іосифъ Шумлянскій, разсылалъ свои «прелестные листы» по Украинѣ, гдѣ внушалъ всѣмъ, что значеніе Кіевскаго митрополита выше, чѣмъ Московскаго патріарха. Но всѣ знали, что онъ былъ тайный уніатъ, и понимали его скрытыя уніатскія цѣли. Въ Литвѣ Шумлянскій захватилъ себѣ маетности патрона Димитріева, епископа Василевича, а теперь захватывалъ маетности и Кіевопечерскаго монастыря. При такихъ нестроеніяхъ и Московское пра-

[1]) *Каптеревъ* Характеръ отношеній Россіи къ правосл. востоку XVI—XVII вв. и 1885 г 152—210

вительство стало сознавать нужду — поставить въ Кіевъ митрополита, такъ какъ блюститель митрополіи не успѣвалъ и посвящать ставленниковъ. Гетманъ, изъ желанія выказать свою преданность Москвѣ, просилъ оттуда позволенія выбрать кіевскаго митрополита. Но Москва разрѣшить этого никакъ не могла, пока Малороссія считалась принадлежащею духовному вѣдѣнію Константинопольскаго патріарха.

Во всемъ этомъ недовольствѣ, участникомъ котораго былъ и Димитрій, главнымъ двигателемъ было опасеніе за малороссійскій принципъ соборнаго управленія. Отдаленность отъ Константинополя и народные обычаи закрѣпили въ Малороссійской церкви свободные выборы не только простыхъ священниковъ для приходовъ, игуменовъ — для монастырей, но и митрополитовъ для Кіева. Въ Москвѣ же всегда проводился принципъ единоличнаго патріаршаго управленія. Малороссійскія духовныя власти примѣненіе его считали нарушеніемъ своей свободы, или, какъ осторожно выражался Димитрій,— «привиллегіей» церкви. Поэтому, онъ не могъ раздѣлять убѣжденій своего «благодѣтеля», гетмана, говорившаго о подчиненіи Малороссійскаго духовенства Москвѣ и рѣшился оставить игуменство.

Во время игуменства Димитрія въ Батуринѣ, умеръ тутъ знаменитый Адамъ Зерниковъ. Послѣ смерти Зерникова остались рукописные трактаты его объ исхожденіи Св. Духа [1]).

Тогда же умеръ (1683 г.) щедрый благотворитель Батуринской обители, генеральный судья, Иванъ Домонтовичъ. Его похоронили въ построенной имъ самимъ церкви. Димитрій [2]) составилъ ему надгробную эпитафію, сохранившуюся до сего времени. Въ Діаріи Ди-

[1]) Житіе св. Димитрія, соч. А. Мацѣевичемъ.

[2]) *Филаретъ.* „Ист. — стат. опис. Черниг. еп.". III, 281.

митрія отмѣчена за это время кончина и другихъ знакомыхъ: покровителя его, игумена Милетія Дзика, и московскаго царя, Ѳеодора Алексѣевича (1682 г.). Пышность гетманскаго двора не развлекала Димитрія, когда ему извѣстны были страданія десятковъ тысячъ голодныхъ семей, переѣхавшихъ изъ правобережной Украины и напрасно ожидающихъ себѣ помощи отъ гетмана. Уже теперь онъ задумывался и надъ своей будущей судьбой: «Богъ знаетъ, гдѣ-то и мнѣ суждено положить свою голову», писалъ онъ въ Діаріи. Власть въ обители и почетъ отъ гетмана томили его.

Его вниманіе болѣе обращалось на новыхъ иноковъ, о постриженіи которыхъ онъ записывалъ въ своемъ Діаріи, какъ особенныхъ событіяхъ своей жизни [1]).

Отъ томленій его отвлекло и оживило неожиданно предложенное ему дѣло — составленіе Четьи-Минеи.

Онъ положилъ въ это занятіе всѣ свои силы, въ немъ нашелъ радость творчества и счастливыя минуты возвышеннаго «деннонощнаго» вдохновенія.

---

[1]) Соч I, 467.

Спасскій монастырь въ Ярославлѣ

ГЛАВА II.

Послушаніе Димитрія. «Житія Святыхъ».

Въ день своего Ангела, 26 октября 1683 года, Димитрій отказался отъ игуменства въ Батуринскомъ монастырѣ. Съ полгода (26 окт. 1683 г. — 23 апр. 1684 г.) онъ жилъ еще здѣсь въ послушаніи, а когда Варлаама Ясинскаго избрали печерскимъ архимандритомъ, то, по приглашенію послѣдняго, переѣхалъ въ Кіевопечерскую лавру. Это было 23 апрѣля 1684 г. [1]).

Обиліе святынь и мощей въ Кіевѣ, а также тихая размѣренная жизнь, къ какой онъ привыкъ съ дѣтства, все это побудило Димитрія согласиться на приглашеніе Кіевопечерскаго архимандрита.

Здѣсь начинается славный періодъ жизни будущаго святителя. Архимандритъ Варлаамъ возложилъ на Димитрія послушаніе составлять житія святыхъ [2]).

Димитрій принялъ такое дѣло и съ возрастающею любовью сталъ заниматься имъ. Нужда въ составленіи Четьи Минеи ощущалась давно. Въ Константинопольской церкви, къ которой принадлежалъ и Кіевъ,

---

[1]) Соч. I, 471 — 473.

[2]) Четьи Минеи I т, предисловіе

Четей Миней не было. Съ греческаго языка въ славянскія книги помѣщены немногіе житійные переводные отрывки этого рода изъ сочиненій IX—X вѣка. напр., житія св. апостола Кондрата, мученицы Ѳеклы. Сохранились и цѣлые сборники житій святыхъ [1]). Въ русскія обители попадали болгарскіе, сербскіе и аѳонскіе переводы житій съ греческаго языка. Существовавшіе списки житій святыхъ оказались истребленными; во время татарскаго разгрома уніаты уничтожали все, что оставалось изъ письменности древнеславянскаго происхожденія. Всѣ уцѣлѣвшія отдѣльныя «Житія Святыхъ», напр., Князей Бориса и Глѣба, печерскихъ угодниковъ, московскихъ святителей были разрозненными. Въ Великороссіи существовали Великія четьи минеи Макарія, митрополита Московскаго, который собралъ въ свой 12 миней всѣ книги «чтомыя», какія нашлись въ прологахъ и соборникахъ. Но Макарьевскія четьи минеи лежали неотпечатанными въ Москвѣ и не были доступны для ознакомленія съ ними. Кіевскіе иноки, нуждавшіеся въ «Житіяхъ Святыхъ», обращались всегда къ книгамъ на латинскомъ, польскомъ, и бѣлорусскомъ языкахъ. Сознавая неудобство и опасность отъ такого недостатка, еще митрополитъ Кіевскій Петръ Могила началъ дѣло составленія житія святыхъ въ православномъ духѣ. Уже имъ выписывались для этого въ Кіевъ съ Аѳона рукописныя житія святыхъ Симеона Метафраста, чтобы составить переведенныя съ греческаго языка. Но все начинаніе прекратилось за смертію его [2]). Дѣлалъ въ этомъ отношеніи неудачную попытку черниговскій владыка Лазарь

[1]) Напр., „Житія святыхъ отъ 4 по 31 мая, отъ XI вѣка (св. Димитрій, М 1849 г.) или Новгородскій харатейный прологъ XIII в

[2]) *Голубевъ* П. Могила къ 1883 г. I, 320 — 331, 362, Арх 10 —3 Россіи, I, V, 277.

Барановичъ [1]). Нужда въ житіяхъ святыхъ вызывала кого нибудь на большой усидчивый и сосредоточенный трудъ.

Печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель продолжалъ дѣло митрополита Петра Могилы; потому что четьи минеи стали необходимы по всѣмъ монастырямъ для уставнаго чтенія, а во время борьбы съ уніей чтеніе въ православныхъ обителяхъ однородныхъ съ уніатскими житійныхъ книгъ не представляло большого удобства. Для этой цѣли выпросили у московскаго митрополита Іоакима выслать Великія Макарьевскія четьи минеи. Высланный экземпляръ ихъ оказался, однако, писаннымъ не уставнымъ письмомъ, а скорописнымъ, очень труднымъ для чтенія. Книги такъ и отослали обратно въ Москву, не использовавши ихъ для малороссійскихъ нуждъ и цѣлей. Попытки составить четьи минеи извѣстны были и гетману, который даже писалъ объ этомъ своему покровителю князю В. В. Голицыну, что въ Малороссіи духовныя особы о своемъ «о людскомъ спасеніи добрѣ прилежащіи, зачали себѣ дѣло» [2]) составленія «житій».

Въ истребованіи Великихъ четьи миней при Гизелѣ участвовалъ въ 1680 г. Варлаамъ Ясинскій [3]). Ставши теперь Кіевопечерскимъ архимандритомъ, онъ взялся за дѣло еще настойчивѣе.

О порученіи Димитрію составить четьи минеи самъ Варлаамъ говоритъ слѣдующее: «Богъ, по усердной молитвѣ моей, послалъ въ лавру жить благоразумнаго проповѣдника Слова Божія, благочестнаго іеромонаха Димитрія. Этому искусному проповѣднику слова Божія, трудящемуся благоразумно въ сей лаврѣ, самою

[1]) О судьбѣ его „Житій Святыхъ“ — у Шляпкина, 38 стр.

[2]) Письмо Самойловича Голицыну В. В. (Шляпкинъ, 47).

[3]) Архивъ 10 — 3 Россіи, I, V, 278.

истиною свидѣтельствованному, вручилъ я, по совѣту соборныхъ отцовъ и братіи святой лавры, чтобы дѣло то святое совершенно исправить [1]).

Работа началась 6-го мая 1684 года. «Дай Богъ, совершити!» записалъ Димитрій въ своемъ дневникѣ. Съ этого времени онъ весь ушелъ въ свое новое книжное занятіе, занимаясь имъ въ теченіе 20 лѣтъ.

Подъ руками у самого Димитрія было немного книгъ, недоставало такихъ, крайне необходимыхъ, какъ

Наружный видъ келліи св. Димитрія, устроенной имъ въ Батуринѣ, гдѣ онъ писалъ Житія Святыхъ.

Великія четьи минеи и «Дѣянія Святыхъ» Баландистовъ («Acta Sanctorum»). Но библіотека Кіевопечерской лавры имѣла большое книгохранилище [2]). И вообще Кіевъ считался центромъ просвѣщенія, тою по выраженію Барановича, «разумною головою», которая давала отвѣты на всѣ вопросы. Димитрій, кромѣ того, часто заимствовалъ книги, относящіяся къ своему занятію отъ знакомыхъ людей. Въ русскомъ переводѣ необхо-

[1]) Предисловіе Варлаама къ 1 четверти четьи минеи, изд. 1837 г 2 л.

[2]) О истребленіи его пожаромъ въ началѣ XVIII в. у Петрова, — Матер. Ист Кіев. Акад.

димыхъ книгъ оказалось немного: «Житія Святыхъ» Симеона Метафраста, «Лѣтописецъ», списанный съ печерскаго, «Хронографъ», съ греческаго, переведенный, болыной», «Лѣтопись русская и собраніе различныхъ вещей», нѣсколько экземпляровъ русскихъ лѣтописей, а въ послѣдствіи и «Хронографъ болыной» [1]). Большая часть книгъ Димитрія была на иностранныхъ языкахъ: латинскомъ, греческомъ, польскомъ, таковы, напр., — *Бароній* 12 томовъ въ 6 книгахъ; исторіи: Византина, Суплиція Севера, Іоанна Лепи, І. Клювсрія, Фридриха (всеобщая исторія), Георгія Горнія, Флоскули, Ветисъ, Іустина, Горація Гурселина, Іосифа Флавія, Плятини. Тутъ были мартирологи, хроники, книга «Церковные писатели», разныя справочныя книги, историческіе синопсисы, хронологія І. Бозія «Жизнь латинскихъ святыхъ», «Животи» Лазаря Барановича и др. Преобладаніе книгъ неправославнаго происхожденія принуждало Димитрія внимательно относиться къ письменнымъ своимъ источникамъ. Только богослуженіе, которое онъ никогда не пропускалъ, на малое время прерывало его занятія. Теперь указываютъ мѣсто въ Большой Успенской церкви, гдѣ онъ всегда становился на молитву [2]). Углубленіе его въ книжную работу было такъ велико, что онъ и во снѣ переживалъ ее. Однажды онъ трудился надъ составленіемъ житія святыхъ всю ночь. До утрени оставался уже одинъ часъ времени.

Забывшись на малое время, онъ видитъ во снѣ мученика Ореста, который обращается къ нему съ веселымъ видомъ: «Я больше мукъ претерпѣлъ за Христа, чѣмъ ты написалъ». Говоря это, мученикъ открылъ

[1]) Проф *Шляпкинъ*. „Св. Димитрій", приложеніе, 54 — 58 стр

[2]) Оно находится на лѣвой сторонѣ отъ входа, близъ памятника кн. К. Острожскаго. Теперь тамъ—богато украшенная икона св. Димитрія, Св. памятн. кн. Кіев губ. за 1857 г., 67 стр.

свою грудь и показалъ у себя въ лѣвомъ боку рану, проходящую въ глубь перси. «Это мнѣ жезломъ прожжено». Затѣмъ, указывая на рану у локтя, говорилъ: «Это мнѣ перерѣзано!» Показывая на раны на обоихъ колѣняхъ, продолжалъ: «Это мнѣ косою разсѣкли! Видишь ли, — я больше претерпѣлъ за Христа, нежели у тебя написано!» Димитрій подумалъ про себя: «кто это? Не изъ числа ли онъ пяти мучениковъ?» — «Не тотъ я Орестъ, какъ бы въ отвѣтъ на мысли Димитрія, молвилъ мученикъ, а тотъ, про котораго ты нынѣ житіе писалъ». Вслѣдъ затѣмъ явился и другой важнаго вида угодникъ или мученикъ. Но вдругъ раздался звонъ къ утрени и, чуткій всегда къ нему, Димитрій проснулся [1]).

Димитрію такъ ясно предносились такіе сны, что онъ помнилъ ихъ до мелкихъ подробностей, испытывалъ при воспоминаніи о нихъ наслажденіе, которое сквозитъ у него въ самыхъ разсказахъ о такихъ сонныхъ видѣніяхъ.

Однажды (10 августа) въ забытьѣ послѣ утрени слышитъ онъ церковный благовѣстъ, но продолжаетъ спать. Ему снится, что онъ осматриваетъ въ ввѣренной его наблюденію пещерѣ со свѣчею мощи святыхъ угодниковъ. Увидѣвши моши св. мученицы Варвары, лежащими на боку и въ гниломъ гробу, онъ вынулъ ихъ и положилъ на другое мѣсто для того, чтобы очистить раку. Потомъ, когда опять взялъ мощи въ руки, то видитъ святую живою и сталъ ее просить: «святая дѣва Варвара, благодѣтельница моя, умоли Бога о грѣхахъ моихъ!» — «Не знаю я,— промолвила мученица—могу ли умолить за тебя: молишься ты по римски!» Димитрій началъ тужить въ отчаяніи. Но святая,

---

[1]) Соч. I. 472, 478.

улыбаясь, произнесла слова: «Не бойся», и еще говорила что-то утѣшительное. Димитрій положилъ ея мощи во гробѣ, лобызая руки и ноги ея; все ея тѣло казалось бѣлымъ и живымъ, а рака — была для нея велика. Сталъ онъ искать другой раки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, проснулся.

Повѣствованіе Димитрія о такихъ видѣніяхъ всегда сопровождалось выраженіемъ крайняго и живого смиренія: онъ обвиняетъ себя, что видѣніе во снѣ св. Варвары было во время благовѣста къ заутрени, которую онъ «по обыкновенному лѣнивству» проспалъ до чтенія псалтыри.

При напоминаніи святой, что онъ молится «по римски», онъ подумалъ: «что сіе мнѣ сказано для того, что я весьма лѣнивъ къ молитвѣ и уподоблялся въ семъ случаѣ римлянамъ, у коихъ весьма краткое молитвословіе, такъ какъ у меня краткая и рѣдкая молитва».

«Богъ вѣдаетъ, что сей сонъ знаменуетъ, и каково онаго событія воспослѣдуетъ! О когда-бы молитвами св. Варвары, патрона моего, далъ мнѣ Богъ исправленіе злого и окаяннаго житія моего!»

Какъ ни увлекался Димитрій книжными занятіями, но они не потушили въ немъ живого интереса къ родной своей церкви. Событія были очень важны. Въ 1685 году состоялся выборъ кіевскаго митрополита. Въ угоду Самойловичу, избрали князя Гедеона Четвертинскаго, епископа Луцкаго, проживавшаго въ Батуринѣ по волѣ московскаго правительства, Гедеонъ ѣхалъ посвящаться уже не въ Константинополь, а къ московскому патріарху. На неудовольствіе малороссійскихъ духовныхъ властей не обращали вниманія, не спросили впередъ и согласія восточныхъ патріарховъ. Гедеонъ, принимая посвященіе отъ московскаго патріарха,—этимъ

самымъ подчинялся ему со всею своею паствою (1685 г.). Не скрывалъ своей обиды и Димитрій, онъ проявилъ живую радость при извѣстіи, что наставшею теперь зависимостью Малороссійской церкви отъ Москвы недоволенъ патріархъ іерусалимскій Досиѳей, что Досиѳей послалъ даже протестъ московскимъ царямъ противъ самовольнаго изъятія Украины изъ подъ власти Константинополя. Протестъ этотъ былъ вызванъ слѣдующимъ обстоятельствомъ. Въ Іерусалимъ прибыли посланные изъ Москвы съ извѣстіемъ объ посвященіи Гедеона, и высказали Досиѳею, что, если онъ согласится утвердить и признать Гедеона, то они и милостыню отъ царей ему отдадутъ, а если не изъявитъ согласія на это, то не будетъ ему никакого государева жалованья; при этомъ сообщили, что константинопольскій патріархъ уже далъ свое согласіе на то. Оскорбленный іерусалимскій патріархъ съ укоромъ пишетъ тогда царямъ въ Москву, что не слѣдовало бы имъ вымогать такое согласіе за деньги, а просить ради вѣры и пользы вѣрующихъ. Не хвалилъ Досиѳей и посвященіе Гедеона въ Москвѣ. Отдать Кіевскую епархію Москвѣ, по его мнѣнію, не можетъ и самъ константинопольскій патріархъ. Это дѣло—всѣхъ четырехъ восточныхъ патріарховъ, поставленныхъ пещись о церкви. Можно опасаться, что такого митрополита русскіе люди, живущіе въ подданствѣ Польши, не станутъ признавать и учинится этимъ расколъ и раздоры въ Малороссійской церкви.—Слова Досиѳея оправдались.—Когда Димитрій читалъ эту грамоту, общее недовольство избраніемъ Гедеона уже сказывалось: протестовалъ кіевопечерскій архимандритъ, не соглашался на избраніе тайный уніатъ Львовскій епископъ, Іосифъ Шумлянскій. «Какъ будто отгадалъ ты, что такъ будетъ, и невольно пророчествовалъ», приписалъ Димитрій свою помѣтку на

патріаршей грамотѣ [1]). На грамоту же московскаго патріарха, при всей своей скромности, онъ дѣлалъ даже возраженія. Патріархъ этою грамотою разрѣшилъ избирать печерскаго архимандрита соборомъ старцевъ и непремѣнно посылать въ Москву для посвященія. Димитрій высказался, что требованіе избраннаго въ Москву — несправедливое нарушеніе правъ малороссійскаго духовенства и идетъ въ разрѣзъ не только съ грамотами вселенскихъ патріарховъ, но даже противъ привиллегій, данныхъ самою Москвою о независимости управленія кіевопечерскою лаврою. Во всемъ этомъ онъ ссылался на «Палинодію» З. Копыстенскаго о зависимости Кіева въ духовныхъ дѣлахъ не отъ Москвы, а отъ Константинополя. Весь подборъ историческихъ справокъ — направленъ у Димитрія противъ Москвы, которая въ своемъ политическомъ ростѣ тянула къ себѣ отъ Малороссіи и церковное управленіе; между тѣмъ отъ всѣхъ пережитыхъ катастрофъ, тамъ осталось одно дорогое достояніе, — это независимая церковь, объединяющая русское населеніе Украины и Польши.

Но обиднѣе всего для Димитрія и другихъ духовныхъ властей то, что имъ бросали въ глаза обвиненіе въ неправославіи и склонности къ католичеству. Съ этимъ примириться тамъ никто не могъ. Къ подозрѣнію давало поводъ употребленіе кіевскимъ духовенствомъ польскаго и латинскаго языка, форма монашеской одежды и другія бытовыя черты. Патріархъ іерусалимскій, стоявшій за самобытность церковной жизни въ Украинѣ, въ 1686 году писалъ московскимъ царямъ: «нынѣ въ той странѣ, называемой казацкая земля, нѣкоторые наученые въ Римѣ и Польшѣ отъ латиновъ, архимандриты, игумены, держатся неподобныхъ

[1]) Проф. *Шляпкинъ*, 40.

мудрованій въ монастыряхъ. Одна православная вѣра (ведетъ) ко спасенію, и не подобаетъ вѣрнымъ прельщаться чрезъ философію и суетную прелесть. Мы считаемъ казаковъ православными, однако, многіе имѣютъ поврежденные нравы, какихъ перенимать не подобаетъ православнымъ» [1]).

Димитрій съ горечью узналъ о такомъ отзывѣ Досиѳея; ему не хотѣлось вѣрить подлинности грамоты, у него запало подозрѣніе, что все это приписано переводчикомъ.—Однако постепенно выяснялось, что помимо іерусалимскаго патріарха, московская подозрительность къ кіевскимъ ученымъ усердно поддерживалась и разогрѣвалась греческими выходцами, видѣвшими въ нихъ соперниковъ въ погонѣ за монополіей просвѣщенія. При склонности Москвы вѣрить подобнымъ слухамъ, всякій, кто только и въ Украинѣ хотѣлъ выслужиться предъ Москвой, могъ раздувать тамъ ихъ. Даже гетманъ Самойловичъ, происходившій изъ поповичей, изъ своихъ видовъ не пропускалъ случая сообщать о приверженности своего духовенства къ «латинской наукѣ» и раздорамъ.

Для встрѣчи новаго митрополита, возвращавшагося изъ Москвы, Кіевопечерскій архимандритъ выѣхалъ въ столицу гетмана, Батуринъ; вмѣстѣ съ собою везъ онъ и Димитрія, какъ «казнодѣя печерскаго», то есть проповѣдника. Недавній изгнанникъ въ Украинѣ, жившій у Димитрія въ монастырѣ, Гедеонъ Четвертинскій, совмѣстно съ родственникомъ своимъ, гетманомъ, теперь имѣлъ въ Украинѣ большую силу. Оба они пользовались прочнымъ расположеніемъ къ себѣ московскихъ царей и патріарха. Гедеонъ пожалованъ тамъ титуломъ митрополита «всея Россіи», и имѣлъ отъ нихъ богатые

[1]) *Каптеревъ.* Характеръ отношеній къ правосл. востоку XVI—XVII вв.

подарки, церковными облаченіями, украшенными драгоцѣнными камнями. Ему пожаловали даже карету съ лошадьми. Не забытъ царями и каѳедральный его Софійскій соборъ, куда Гедеонъ везъ въ даръ отъ царей золотые сосуды, украшенные финифтью.

Вниманіе Гедеона къ Димитрію выразилось въ томъ, что онъ сталъ просить, вмѣстѣ съ гетманомъ, и убѣждать снова принять игуменство въ Батуринскомъ монастырѣ. Димитрій, привыкшій благоговѣть передъ архіереями и принимать ихъ слова за указаніе свыше, согласился на предложеніе. Вѣроятно ему обѣщано всякое содѣйствіе въ составленіи четьи миней. Духовныя власти сопровожали новаго митрополита изъ Батурина, при вступленіи его на кіевскую паству. Димитрію опять надо было разстаться съ родными своими. Хозяйство Саввы Григорьевича было шире, онъ имѣлъ уже и садъ при домѣ, и дворъ, купленный [1]) имъ въ 1684 г. за 1000 золотыхъ. Теперь онъ состоялъ ктиторомъ Кирилловскаго монастыря. Въ его домѣ Димитрій, вѣроятно, встрѣчался съ Иннокентіемъ Монастырскимъ. Димитрій растался съ Кіевопечерскою лаврою. Пришлось порвать новыя знакомства. Здѣсь онъ познакомился съ кіевскимъ воеводою Шереметевымъ и Гордономъ, которые были слушателями его церковныхъ проповѣдей въ торжественныхъ случаяхъ [2]). Здѣсь онъ подружился съ пріѣхавшимъ изъ-за рубежа Стефаномъ Яворскимъ.

Гетманъ принялъ свои мѣры оказать въ Батуринѣ содѣйствіе Димитрію въ его ученомъ трудѣ. При пер-

---

[1]) „Кіев. Еп. Вѣд.“ 1868 г. 143 стр.

[2]) 1685 г. 24 февраля въ годовщину смерти Гизеля — Димитрій говорилъ рѣчь на панихидѣ въ присутствіи московскихъ начальныхъ людей. Она поражаетъ, какъ своей пространностію, такъ и страннымъ заглавіемъ „Столпъ или пирамида Гизелю“. Рѣчь вся состоитъ изъ похвалъ почившему.

вой же возможности онъ сталъ хлопотать изъ Москвы о высылкѣ Великихъ Четей Миней. Онъ пишетъ объ этомъ къ В. В. Голицыну, своему ласковому пріятелю и благодѣтелю. Не упоминая имени Димитрія, гетманъ извѣщаетъ, что духовныя особы въ Малороссіи начали писать житія святыхъ угодниковъ Божіихъ и, для лучшаго изслѣдованія, необходимы Минеи Четьи, какихъ нѣтъ у нихъ, а есть онѣ у патріарха Іоакима въ церкви Успенія Богородицы. Гетманъ усиленно («еще и повторе») проситъ прислать эти книги для составителей житій святыхъ, если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, на первые 4 мѣсяца: сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь, удостовѣряя, что таково желаніе кіевскаго митрополита, и ручаясь, что книги, по прочтеніи будутъ отосланы обратно къ патріарху; проситъ, затѣмъ, В. В. Голицына доложить и царямъ о такомъ дѣлѣ, Богу угодномъ и людямъ служащемъ ко спасенію, чтобы патріархъ не отказалъ ему въ В. Четьяхъ Минеяхъ [1]).

При гетманскомъ ходатайствѣ дѣло увѣнчалось успѣхомъ. Димитрій получилъ московскія Великія Четьи Минеи Макарія, писанныя уставомъ, 4 книги [2]). Съ неослабѣвающимъ увлеченіемъ продолжалъ онъ свое книжное дѣло въ Батуринѣ. Считая свой трудъ порученіемъ отъ всей Малороссійской церкви, онъ относился къ нему съ внимательною осторожностію. Все писанное имъ отдавалось для прочтенія многимъ лицамъ, какъ свѣтскимъ, такъ и духовнымъ, съ просьбою высказать свое сужденіе о написанномъ [3]). Недоразумѣній при составленіи житій оказалось много. Въ Софійскомъ соборѣ находилось книгохранилище. Димитрій пользо-

[1]) Письмо Самойловича къ В. В. Голицыну, — приведено у Проф. Шляпкина, 46 и 47 стр.

[2]) Соч. I. 475.

[3]) Тамъ-же.

вался всѣми находящимися тамъ книгами, пріобрѣталъ ихъ и самъ, такъ что книжнаго матеріала оказалось очень много. Чтобы разобраться въ немъ и отнестись къ нему съ критической оцѣнкой, онъ составилъ справочный алфавитный словарь, или «Ономастиконъ именъ святыхъ съ пролога по азбуцѣ собранныхъ (року 1687 мѣсяца сентября)» [1]). Здѣсь указано по алфавиту имя святого, кто онъ, мученикъ или преподобный. Такой алфавитъ облегчалъ работу [2]). Отсутствіе однообразія въ библейскомъ лѣтосчисленіи и у хронографовъ немало замедляло работу. У Димитрія возникъ вопросъ о годѣ Рождества Христова. При описаніи мучениковъ и святыхъ, жившихъ во времена гоненій на христіанъ, привелось столкнуться съ языческимъ опредѣленіемъ времени по консуламъ, съ указаніями на календы, иды, ноны, служащими временными обозначеніями въ календарѣ греко-римскаго міра. Для хронологическихъ опредѣленій у Димитрія списанъ и древнеримскій календарь на весь годъ. Чтобы облегчить такія справки, онъ имѣлъ мнемоническіе стихи, быть можетъ, составленные гдѣнибудь въ западныхъ школахъ для учениковъ [3]); до стиховъ онъ всегда былъ охотникъ; вѣроятно, стихи заучены имъ наизусть. Заинтересованные въ работѣ Димитрія торопили его скорѣе печатать написанное, а въ особенности побуждалъ его къ этому архимандритъ Кіевопечерской лавры, гдѣ нужда въ четьи минеяхъ была неотложная [4]).

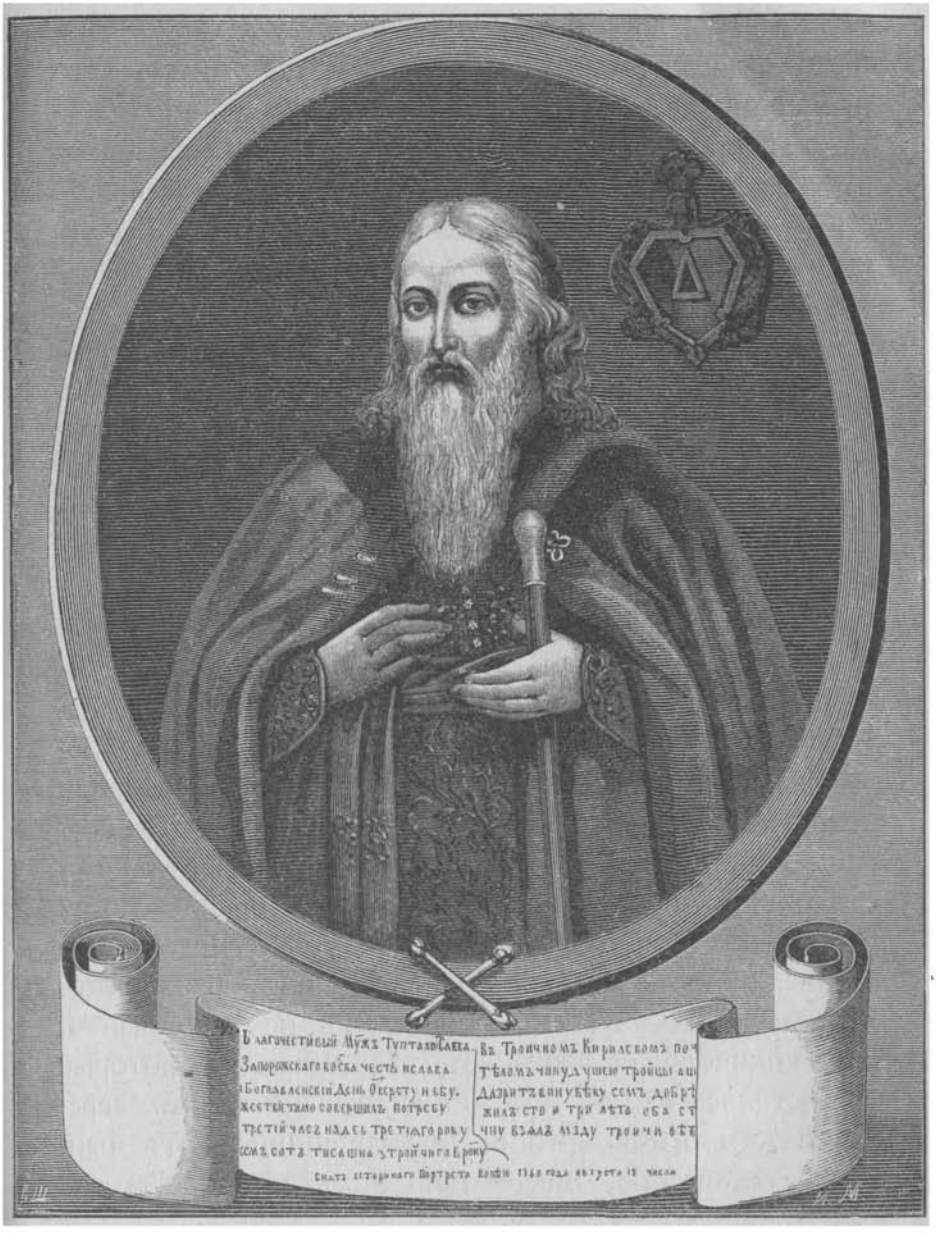
Но онъ встрѣтилъ препятствіе къ изданію съ такой стороны, отъ которой можно было менѣе всего ожидать.

[1]) Проф. *Шляпкинъ*, 51.

[2]) У заглавія „Ономастикона“ замѣтка его „bene hoc“ — хорошо это.

[3]) Какъ теперь у насъ заключаются латинскіе предлоги въ ритмическую форму.

[4]) Соч. I, 475–477.



Савва Григорьевичъ Туптало, отецъ св. Димитрія.

Въ 1686 году отъ московскаго патріарха пришло требованіе малороссійскому духовенству дать свое мнѣніе о Флорентійскомъ соборѣ. Патріархъ писалъ, что нынѣ одни принимаютъ и хвалятъ этотъ соборъ, а другіе, наоборотъ, его не признаютъ. Приписывая такое раздѣленіе кознямъ діавола, святитель требовалъ извѣстій о соборѣ изъ книгъ, какія есть въ Кіевѣ, именно: изъ за чего онъ начался и какія на немъ были разсмотрѣны вопросы и предложенія [1]).

Митрополитъ Гедеонъ, получившій патріаршую грамоту, созвалъ кіевскихъ духовныхъ властей, въ томъ числѣ и Димитрія, въ кіевопечерскую лавру и, въ присутствіи всѣхъ, велѣлъ читать ее. Всѣ удивились запросу изъ Москвы. Приказаніе не разглашать объ этомъ народу, чтобы не возникло среди него смятеній и, вообще, политическихъ осложненій, обнаруживало у патріарха скрытое подозрѣніе къ одному кіевскому духовенству. Когда же узнали, что такая же грамота есть и къ черниговскому владыкѣ, то всѣ поняли намѣреніе патріарха испытать, «точно ли Малая Русь соборъ Флорентійскій принимаетъ за соборъ?» [2]) Всѣ заговорили «отрицательно», что вся восточная церковь это сборище отринула и за соборъ не считаетъ. При такомъ единодушіи поручили архимандриту Кирилловскому, Иннокентію Монастырскому, снестись съ Черниговскимъ архимандритомъ, Ѳеодосіемъ Углицкимъ, и написать отвѣтъ въ Москву, что соборъ тотъ не законный и не каноническій, а тѣмъ изъ православныхъ, которые прельстились на унію съ Римскимъ костеломъ, заразившись многими ересями, народившимися отъ папскаго самовластія, никто изъ нихъ не послѣдуетъ.

---

[1]) Архивъ Ю.-З. Россіи, I, V, 245—246.

[2]) Такъ понималъ грамоту патріарха и Димитрій, „Св. Димитрій" 1849 г. М. г. 25—26.

Подъ письменнымъ полномочіемъ Иннокентію подписались всѣ, тутъ бывшіе, въ томъ числѣ и Димитрій. Иннокентій снесся письменно съ Ѳеодосіемъ объ этомъ, но Ѳеодосій ограничился обѣщаніемъ послать въ Кіевъ изъ Чернигова особаго довѣреннаго для переговоровъ.

Однако, изъ Чернигова никто не пріѣзжалъ, потому что Черниговскій архіепископъ, Лазарь Барановичъ, послалъ уже отвѣтъ къ московскому патріарху отъ одного себя. Онъ писалъ, что о Флорентійскомъ соборѣ ему немного извѣстно, мало въ Черниговѣ и книгъ объ этомъ сборищѣ, а подробно напечатано о немъ въ Острожской исторіи о соборѣ, изданной въ Москвѣ подъ названіемъ «Житіе препод. Сергія Радонежскаго». Исторію о Флорентійскомъ соборѣ Лазарь излагаетъ кратко.

Кіевскія духовныя власти, вмѣстѣ съ Димитріемъ, не могли не обидѣться на запросъ изъ Москвы, потому что подъ предлогомъ свѣдѣній о соборѣ, патріархъ вывѣдывалъ о томъ,—нѣтъ ли среди нихъ «*хлѣбопоклонической ереси*». Такъ названо въ Великороссіи латинское мнѣніе, составляющее вѣроисповѣдную особенность папства. По этому мнѣнію, на литургіи хлѣбъ и вино пресуществляются во время произнесенія словъ І. Христа: «пріимите ядите,—сіе есть тѣло Мое», а также «пійте отъ нея вси, сія есть кровь Моя»; тогда какъ, по православному ученію, пресуществленіе бываетъ во время слѣдующей затѣмъ молитвы священнодѣйствующаго «и сотвори убо хлѣбъ сей въ честное тѣло Христа Твоего... преложивъ духомъ Твоимъ святымъ». По православному воззрѣнію, латиняне преклоняются на литургіи предъ Св. Дарами еще тогда, когда они не пресуществлены, а представляютъ простой лишь хлѣбъ и вино; во время московскихъ споровъ о пресуществленіи, латиняне за это прозваны «хлѣбопоклонниками»,

то есть преклоняющимися не предъ Св. Тайнами, а предъ простымъ хлѣбомъ и виномъ. Ученіе о пресуществленіи Даровъ силою словъ Христовыхъ утверждено на Флорентійскомъ соборѣ.

Патріархъ, дѣйствительно, своимъ запросомъ хотѣлъ вывѣдать, нѣтъ ли такого мнѣнія, утвержденнаго Флорентійскимъ соборомъ, и въ Малороссійской церкви. Вслѣдствіе соприкосновенія малороссовъ съ уніатами, въ Москвѣ подозрѣвали, что ученые тамъ: «на два колѣна храмлютъ», на словахъ льстиво показываютъ себя принадлежащими къ церкви, но держатся однихъ съ латинянами убѣжденій. «Они полны яда латинской отравы..., всѣваютъ такіе слухи и въ простомъ народѣ, возмущаютъ его».

Уклончивый отвѣтъ Лазаря Барановича и молчаніе изъ Кіева еще болѣе усилили подозрѣнія патріарха. По словамъ Димитрія, умолчано кіевскимъ духовенствомъ въ отвѣтѣ патріарху «о формѣ освященія святѣйшей Евхаристіи потому, что объ этомъ возбудили вопросъ въ Москвѣ греко-латинскіе учителя, вышедшіе изъ Греціи» [1]).

Однако, патріархъ считалъ необходимымъ выяснить этотъ вопросъ, чтобы предупредить въ Малороссіи возникновеніе споровъ о пресуществленіи, подобныхъ тѣмъ, какіе были въ Москвѣ.

Хотя онъ высказываетъ только одну главную причину своего запроса, именно, что онъ долженъ дать отвѣтъ Богу за всю паству, но побужденія у него были шире: кромѣ религіозныхъ были и политическія. Опасались, что и вновь присоединенная Малороссія можетъ порвать неокрѣпшія политическія связи изъ за вѣроисповѣдныхъ разностей.

---

[1]) Братья Лихуды, вышедшіе съ востока въ Москву.

Вопросъ о времени пресуществленія проникъ въ Москву изъ Малороссіи. Въ Москвѣ представителями «хлѣбопоклоннической ереси» были малороссы. Лихуды усердно раздували у москвичей подозрѣнія къ кіевскимъ ученымъ. Литературная борьба шла полнымъ темпомъ. Подозрѣніе въ неправославіи кіевскихъ ученыхъ усиливались въ Москвѣ по причинѣ слуховъ объ обрядовыхъ различіяхъ, существующихъ въ Малороссіи. Патріархъ Досиѳей указывалъ на своеобразную одежду кіевскихъ монаховъ, подражающихъ въ этомъ іезуитамъ. Священнослужители причащались на литургіи не трижды, во имя св. Троицы, какъ въ Великороссіи, а однажды, въ честь единосущнаго Сына Божія [1]); московскій патріархъ обвинялъ черниговскаго архіепископа въ посвященіи за одной литургіей нѣсколькихъ ставленниковъ [2]). Все это служило матеріаломъ для недоразумѣній.

Несмотря на старанія Москвы, чтобы все это не разглашалось въ народѣ, слухи о московскихъ требованіяхъ объясненій отъ малороссовъ, привыкшихъ къ свободѣ,— росли и усиливались. Встревоженный ими гетманъ Мазепа послалъ Варлааму Ясинскому «цедульку», гдѣ спрашивалъ,—что за сношенія у него съ патріархомъ [3]). За печерскаго архимандрита, больного тогда глазами, отвѣчалъ гетману Димитрій Савичъ особеннымъ письмомъ, гдѣ разсказалъ, какъ кіевскія духовныя власти узнали о патріаршей грамотѣ, какъ онѣ поручили Иннокентію Монастырскому составить отвѣтъ московскому святителю, «а о времени пресуществленія отвѣчать ему не поручено, такъ какъ мы всѣ вѣрусмъ по старому, какъ научились отъ своихъ отцовъ», — заключаетъ Димитрій.

[1]) *Сумцовъ*, Лазарь Барановичъ, 174. Проф. *Щляпкинъ*, 177.

[2]) *Сумцовъ*, Л. Барановичъ.

[3]) Письмо св. Димитрія въ книгѣ „Св. Димитрій", 1849 г. М. 25—26.

Затѣмъ Мазепа устно бесѣдовалъ съ архимандритомъ Кирилловскимъ Иннокентіемъ, казалъ ему письмо Шакловитаго изъ Москвы и какія-то другія бумаги; Иннокентій хвалилъ іеромонаха Сильвестра Медвѣдева, защищающаго въ Москвѣ латинское мнѣніе о пресуществленіи Даровъ, превознося его труды, умъ и вѣру. Тоже самое подтвердилъ Иннокентій и въ письмѣ своемъ къ Мазепѣ: «Не дѣло моего ума постигнуть, какъ совершается пресуществленіе словами Господа, но сила Божія въ немощахъ совершается,—могу и я что либо о томъ написать» [1]).

Московское литературное движеніе, переходившее въ политическое, служило предметомъ особеннаго вниманія въ Малороссіи. Тамъ уже многіе читали преслѣдуемую патріархомъ книгу Сильвестра Медвѣдева «Манну». Ее имѣлъ гетманъ, читали и дѣлали отзывъ о ней архимандритъ Иннокентій Монастырскій и Димитрій Савичъ. Оба они сравнивали «Манну» съ книгою Лихудовъ, противниковъ Сильвестра,—«Акосомъ», присланную самимъ патріархомъ къ митрополиту Гедеону; Лазарю Барановичу и Варлааму Ясинскому; причемъ, отдавали предпочтеніе «Маннѣ», излагающей латинское ученіе. Иннокентій ничего въ греческой книжкѣ «Акосѣ» не нашелъ, кромѣ одной ереси, и сталъ писать на нее опроверженіе. Димитрій 1688 г., сопоставляя «Манну» съ «Акосомъ», дѣлалъ обильныя выписки изъ того, что отвѣчалъ Медвѣдевъ на Лихудовскій «Акосъ».

Мазепа извѣщалъ Шакловитаго, что всѣ духовные готовы не только подписаться, что Медвѣдевъ правъ, но готовы за такое мнѣніе и умереть. Гетманъ такъ увѣрялъ со словъ Иннокентія Монастырскаго. — Во всемъ этомъ умственномъ движеніи и Димитрій не чуждъ былъ увлеченія мнѣніями Монастырскаго.

[1]) Проф. *Шляпкинъ*. 178.

Скоро и въ Малороссіи съ литературной почвы споры перешли на церковную. Изъ Москвы движеніе перекинулось въ Украину. Каждая партія группировалась около одного лица, какъ около своего знамени. Въ Москвѣ руководителями движенія явились, съ одной стороны, греки — братья Лихуды, а съ другой, — Сильвестръ Медвѣдевъ; въ Кіевѣ же, «по указу митрополита и всего духовнаго чина», выразителемъ общаго мнѣнія выдвигали Кирилловскаго архимандрита, друга Димитріева, Иннокентія Монастырскаго [1]).

Въ Кіевѣ смотрѣли на запросы патріарха, какъ на одну изъ многихъ попытокъ лишить ихъ канонической независимости, поданную теперь греческими выходцами. Какъ бы въ отвѣтъ на обвиненія отъ греческихъ выходцевъ, отъ кіевскихъ ученыхъ послѣдовало заявленіе, что книга Лихудова содержитъ ереси.

Гетманъ Мазепа.

Въ виду того, что Димитрій во время вопроса о пресуществленіи сочувствовалъ книгѣ Сильвестра Медвѣдева, не прерывалъ дружескихъ связей съ его малороссійскимъ защитникомъ, Иннокентіемъ Монастырскимъ,—не лишне упомянуть о доводахъ Иннокентія Монастырскаго въ вопросѣ о пресуществленіи [2]). Книга его носитъ такое названіе «О пресуществленіи словесы Христовыми съ дѣйствіемъ св. Духа совершающемся, Иннокентія Монастырскаго, кіевскаго, противу

[1]) Письмо Мазепы къ Шакловитому (Проф. Шляпкинъ, 179).

[2]) Оно подверглось въ Москвѣ преслѣдованію и сохранилось въ рукописи въ Имп. Публ. Библ. Ѳ. I, № 668, 21 л.

Лихудіевыхъ, словеса Христовы бездѣльны творящихъ, написанная въ лѣто отъ воплощенія Бога Слова 1689 г. въ постъ великій». Здѣсь указывается, что мнѣніе Лихудовъ противорѣчитъ содержанію литургіи апостола Іакова и мнѣнію отцовъ церкви. Лихуды унижаютъ всемогущія Божественныя слова Самого Господа «примите, ядите...» и т. д. и доказываютъ, что сильнѣе ихъ на литургіи человѣческія слова Іакова, Златоуста и Василія Великаго. Это похоже на не умершую еще съ XI вѣка ересь Берендарія, который училъ, что слова Господни: «пріимите, ядите» надо понимать исторически. Такъ Лихуды пытаются ниспровергнуть Божественное установленіе. Они учатъ, что слова Господни произносятся только для воспоминанія, и пишутъ съ яростію, называя кіевскую лавру уніатскою и еретическою.

Иннокентій Монастырскій написалъ и другое сочиненіе «Опроверженіе на Акосъ». Здѣсь Лихуды обвиняются въ недобросовѣстности. Малороссы, заимствующіе науку отъ іезуитовъ, считаются ими неправославными; но это — клевета. По милости Божіей Малороссійская церковь имѣетъ много свидѣтелей въ неизмѣнной вѣрности православію. Она возставала противъ іезуитовъ еще въ то время, когда была подъ властію католика, короля Польскаго, и стояла до крови; имѣетъ мучениковъ за православную вѣру: мощи борца за православіе, мученика іеромонаха Аѳанасія, и теперь почиваютъ въ Брестѣ Литовскомъ. По всѣмъ большимъ городамъ Польши есть страдальцы до смерти за вѣру. Итакъ, если малороссійская церковь находится въ непримиримой борьбѣ съ латинянами, то не ясно ли, что она ни въ чемъ съ ними не согласна? Сами Лихуды — лицемѣры; они сами никакихъ убѣжденій не имѣютъ.

Литературное движеніе, такъ пылко начатое, не

смотря на сочувствіе всѣхъ духовныхъ высшихъ лицъ, не разрослось, благодаря лишь обычнымъ рѣшительнымъ московскимъ пріемамъ. Подозрительность свою къ малороссамъ патріархъ Іоакимъ питалъ давно и принялъ крутыя мѣры. Еще въ 1677 году онъ распорядился, чтобы богослужебныя и лѣтописныя книги, печатанныя у черкасъ, не противорѣчили другимъ и согласовались во всемъ съ такими же книгами московскаго изданія [1]). Не спрашивая согласія кіевскаго митрополита, онъ присоединялъ къ своему вѣдомству малороссійскіе монастыри. Такъ въ 1686 г. подъ предлогомъ, что въ бѣлорусской епархіи нѣтъ «законныхъ архіереевъ», онъ поставилъ въ непосредственную зависимость себѣ Полоцкій Богоявленскій монастырь, «доколѣ, по волѣ Божіей, въ той странѣ собственные архіереи православные устроятся» [2]). Въ 1688 году, въ разгаръ споровъ объ пресуществленіи кіевскій митрополитъ лишенъ званія, «всея Россіи», даннаго царями. Въ томъ же году изъята изъ вѣдѣнія кіевскаго митрополита черниговская епархія и присоединена къ Москвѣ. И сдѣлано это по ничтожной причинѣ: черниговскій владыка, Лазарь Барановичъ, не хотѣлъ догадаться, что патріархъ Іоакимъ, спрашивая у него мнѣнія и извѣстія о Флорентійскомъ соборѣ, требовалъ этимъ не свѣдѣній о соборѣ, а высказать свой взглядъ [3]) на время пресуществленія Св. Даровъ.

Для Димитрія тѣмъ тяжелѣе были такія отношенія съ Великороссіею, откуда вся Украина ждала лишь порядка и спокоя, что въ самой основѣ церковнаго управленія лежали разные принципы: въ Малороссіи держа-

[1]) *Мансветовъ*, „Какъ у насъ правились церк. книги". М. 1883 г. 20.

[2]) Акты Ю.-Зап. Россіи V, 190.

[3]) Писахомъ сія не невѣдяще о томъ соборищи и бывшихъ на немъ, но хотяше извѣститися, аще они (въ томъ числѣ и Лазарь Барановичъ) согласни суть свѣтлой восточной церкви.

лись принципа соборнаго управленія, и привыкли ко ставропигіальнымъ привиллегіямъ, въ Москвѣ же признавали лишь единоличное управленіе въ духовныхъ дѣлахъ, подъ наблюденіемъ патріарха. Кіевскіе ученые стремились къ научной обоснованности догматическаго содержанія; Московскій патріархъ признавалъ того лишь за истиннаго сына церкви, кто опирается на слова священнаго писанія, святыхъ отцевъ, «а не силлогизмами и аргументами токмо упражняется». Въ Московской Руси считали «вся писанія Божественна», въ томъ числѣ и творенія восточныхъ отцевъ, церковные традиціи тамъ считались неприкосновенными. Терпимость даже въ обрядахъ не была въ числѣ московскихъ добродѣтелей. Поводомъ къ столкновенію послужили крѣпкія допетровскія связи въ Москвѣ государства и церкви: за политическимъ пріобрѣтеніемъ почти всегда слѣдовало и религіозное присоединеніе. Патріархъ зорко слѣдилъ за жизнію въ вновь присоединенныхъ областяхъ. Іоакимъ стоитъ за то, чтобы въ войскахъ не было иностранныхъ командировъ, чтобы иновѣрные не командовали православными [1]). Въ 1675 году вышло запрещеніе носить нѣмецкое платье [2]). Запрещенъ у Іоакима даже «простой обыкновенный языкъ» для выраженій вѣры [3]). По присоединеніи Малороссійской церкви патріархъ запретилъ пускать въ предѣлы Русской Украины духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, выѣзжающихъ изъ Польши, если они не имѣютъ на то разрѣшенія (февр. 1688 г.). Въ Москвѣ составилось убѣжденіе, что за рубежемъ обитаютъ только плевосѣятели уніаты и іезуиты [4]); тогда какъ Димитрій тамъ то и видѣлъ не-

[1]) Житіе и завѣщаніе пр. Іоакима. Спб., 1879, 132 стр.
[2]) Медовиковъ. Истор. знач. ц. Ал. Мих., 216.
[3]) Син. рукоп. № 586, у Шляпкина 230.
[4]) Тамъ же.

утомимыхъ борцовъ противъ уніи и защитниковъ православнаго народа, живущаго среди уніатовъ.

Не только для изданія, но и для составленія Димитріемъ Житій Святыхъ такія обстоятельства принесли много препятствій. Не смотря на повторенный приказъ патріарха кіевскому высшему духовенству высказаться относительно своего мнѣнія о времени пресуществленія св. Даровъ, — митрополитъ Гедеонъ и кіевопечерскій архимандритъ медлили отвѣтомъ съ полгода. Московскій патріархъ сталъ, наконецъ, просить вселенскаго патріарха, чтобы онъ, съ прочими восточными патріархами, написалъ малороссійскимъ духовнымъ властямъ принудительныя грамоты. Просьба была подкрѣплена, по обыкновенію, приложеніемъ милостыни въ 50 золотыхъ [1]).

Іоакимъ пишетъ и кіевопечерскому архимандриту, увѣряя его, что самъ онъ знаетъ о православіи иноковъ лавры, однако проситъ высказаться по современному горячему вопросу объ Евхаристіи, чтобы, во-первыхъ, подтвердить истину, а, во-вторыхъ, чтобы посрамить нѣкоторыхъ совратителей, приписывающихъ и кіевопечерскимъ монахамъ латинскія мнѣнія [2]). Въ число «младомудрецовъ учившихся у еретиковъ латинъ», о которыхъ писалъ патріархъ, могъ относить себя и Димитрій, жившій не малое время за литовскимъ рубежомъ, въ Слуцкѣ.

Особенно знаменательно для Димитрія осужденіе патріархомъ изданія въ типографіи кіевопечерской лавры книги «Выклада». Патріархъ, усмотрѣвъ въ немъ латинскія мнѣнія, и пишетъ въ Кіевъ, что, вѣроятно,

[1]) Отвѣтъ отъ патр. Каллиника Константинопольскаго и патр. Досиѳея Іерусалимскаго въ благопріятномъ смыслѣ пришелъ въ Москву 14 марта 1691 г. (Арх. Ю.-З. Россіи. I, 449).

[2]) Проф. *Шляпкинъ*. 189.

«Выкладъ» изданъ іезуитами подъ именемъ иноковъ лавры. Ранѣе всѣхъ отвѣчалъ на это патріарху опять черниговскій владыка, но отвѣчалъ въ такомъ независимомъ тонѣ относительно своихъ убѣжденій объ Евхаристіи и книгѣ «Выкладъ», что патріархъ еще зорче сталъ послѣ слѣдить за кіевскими изданіями. Лазарь не скрывалъ своей вѣры въ силу словъ Господа «пріимите ядите» для пресуществленія, каково ученіе принято не отъ латиновъ, а отъ греческихъ, вполнѣ православныхъ, учителей. Книга «Выкладъ», доказывающая это, издана не іезуитами, а жившимъ свято покойнымъ архимандритомъ Кіевскимъ, Ѳеодосіемъ Сафоновичемъ. Въ ней доказательства привсдены не изъ писаній латинскихъ учителей, а изъ твореній восточныхъ отцевъ церкви, и она вполнѣ согласна со всѣми книгами, вышедшими изъ кіевопечерской лавры. Лазарь обѣщаетъ всегдашнее повиновеніе патріаху, если оно не будетъ противно церковнымъ догматамъ и не нарушитъ вѣрности Церкви Христовой.

Вздумали было защищать тотъ же «Выкладъ» предъ патріархомъ и кіевскія власти: митрополитъ, кіевопечерскій архимандритъ и весь духовный соборъ. Но патріархъ въ приведенныхъ ими доводахъ усмотрѣлъ, что они еще пребываютъ въ своихъ обычаяхъ и приводятъ нѣкоторыя основанія изъ ученія латинскаго. Поэтому, посылая имъ пастырское наставленіе, Московскій святитель требуетъ отъ нихъ слѣдовать восточной Церкви о пресуществленіи, исправиться, согласиться во всемъ и немедленно ему отвѣчать. Въ составъ «духовнаго собора» кіевской митрополіи, къ которому обращено было такое патріаршее увѣщаніе, входилъ также и Димитрій.

Такія обстоятельства принесли Димитрію не мало огорченій.

Въ разгаръ обостренныхъ сношеній съ кіевскими

духовными властями въ началѣ 1688 г. патріархъ вдругъ потребовалъ возвращенія себѣ въ Москву Великихъ Макарьевскихъ Четьи Миней, высланныхъ еще по ходатайству прежняго гетмана Самойловича. Высылка тогда состоялась при содѣйствіи В. В. Голицына, съ которымъ теперь патріархъ жилъ не въ ладахъ. Такимъ образомъ Димитрій лишался главнаго источника для своихъ книжныхъ трудовъ. Требованія патріарха объ возвращеніи книгъ были направлены къ кіевскому митрополиту и кіевопечерскому архимандриту. Димитрій теперь самъ писалъ патріарху. Онъ извѣщалъ, что книги въ монастырѣ Батуринскомъ держались въ его рукахъ, что онъ со вниманіемъ ихъ читалъ и получилъ отъ нихъ много пользы. Отдаю ихъ вашему святѣйшеству съ благодарсніемъ и извѣщаю, что я въ святомъ послушаніи, возложенномъ на меня Малороссійской церквію (1683 г., когда Малороссія еще не была подчинена въ духовныхъ дѣлахъ московскому патріарху) написалъ житій святыхъ на шесть мѣсяцевъ, пользуясь книгами м. Макарія и другихъ христіанскихъ историковъ. Написанныя житія святыхъ читаны нѣкоторыми благородными людьми и подверглись сужденію ихъ, а особенно въ печерской лаврѣ. Нынѣ же по желанію многихъ я хотѣлъ бы издать ихъ для духовной пользы христіанамъ, къ чему понуждаетъ меня и архимандритъ печерскій своими письмами. На таковое, не безполезное (какъ я думаю) для церкви Божіей, дѣло, прошу вашего верховнѣйшаго архипастырскаго благословенія [1]).

Такъ книги опять отправлены были въ Москву. Отвѣта отъ патріарха долго не приходило, а начать печатаніе, безъ разрѣшенія патріарха, какъ было прежде до 1685 г. подъ властію Константинопольскаго па-

[1]) Соч. I, 475—477.

тріарха, теперь стало неудобнымъ. Лаврѣ удалось испросить себѣ, въ февр. 1688 г., изъ Москвы всѣ привилегіи ставропигіи, но въ льготной грамотѣ патріарха умолчано о правѣ ея распоряжаться печатаніемъ: патріархъ желалъ самъ провѣрять книжное дѣло кіевскихъ ученыхъ. Не получая разрѣшенія на напечатаніе Четей Миней, рѣшились обойтись безъ него, такъ какъ у Лавры уже была государева грамота на типографію. Первую книгу Четьи Миней начали отпечатывать съ 2-го іюня 1688 года. Самъ Димитрій, для наблюденія за этимъ дѣломъ пріѣхалъ изъ Батурина въ Кіевъ. Житія за мѣсяцъ сентябрь отпечатали еще до его прибытія, и начали уже слѣдующій [1]). Большая радость была у Димитрія, когда въ январѣ 1689 г. книга вышла изъ печати. Труды его не пропали безслѣдно. Книгу внимательно просмотрѣли всѣ духовныя власти, самъ митрополитъ кіевскій, архіепископъ черниговскій [2]) и др.

Къ Московскому патріарху послали отъ лица печерскаго архимандрита письмо съ извиненіемъ въ томъ, что отпечатали Четью Минею, не получивши святительскаго согласія; въ оправданіе ссылались на то, что предшественнику Ясинскаго, архимандриту Гизелю, такое благословеніе печатать книги дано. При этомъ, кромѣ книги Четьи Миней для самого патріарха, послали такую же и для поднесенія Московскимъ царямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, просили выслать снова въ лавру Макаріевскія Великія Четьи Минеи для дальнѣйшаго составленія Житій Святыхъ.

Патріархъ, однако, остался недоволенъ кіевопечерскими властями. Онъ укорялъ, что въ лаврѣ поступаютъ не по обѣщанію своему, что имъ слѣдовало сна-

[1]) Такъ какъ церковный годъ начинается не съ января, а съ сентября, то житія святыхъ начинаются съ сентября.

[2]) Ю.-З. Архивъ, V, 276—280.

чала все, написанное въ рукописи, до отпечатанія послать въ Москву на освидѣтельствованіе и печатать съ разрѣшенія его, патріарха. Въ новой книгѣ патріархъ, какъ и слѣдовало ожидать, обратилъ вниманіе на отношенія автора къ западнымъ ученіямъ и усмотрѣлъ погрѣшности въ ней. По его мнѣнію, тамъ проведено воззрѣніе, чуждое православной церкви, именно, — утвержденіе о непорочномъ зачатіи Пресв. Дѣвы Маріи, о каковомъ ученіи даже паписты запретили толковать подъ угрозами наказаній за это. Кромѣ того, патріархомъ замѣчено, что блаженный Іеронимъ Стридонскій отнесенъ къ числу православныхъ учителей. Въ патріаршей грамотѣ упомянута, наконецъ, и косвенная причина недовольства въ Москвѣ. Это — отпечатаніе въ кіевопечерской типографіи незадолго предъ тѣмъ временемъ книжки «Вѣнецъ Христовъ». Патріархъ съ укоромъ писалъ, что въ «Вѣнцѣ» написано, будто, онъ, патріархъ, благословилъ напечатаніе, а имъ не только не подавалось благословенія, но наложено прямое запрещеніе [1]). Хотя Четья Минея уже была отпечатана и исправленіе ея, какъ того желалъ патріархъ, стало невозможнымъ, но онъ нашелъ средство исправить ее. Мѣры исправленія кіевскихъ книгъ были уже знакомы; онѣ состояли въ удаленіи изъ книги листовъ и въ замѣнѣ ихъ исправленными [2]).

Патріархъ потребовалъ и теперь перепечатать листы въ Четьи Минеи, гдѣ замѣчены имъ ошибки, и раздать тѣмъ лицамъ, у которыхъ пріобрѣтены новыя Четьи Минеи, для замѣны; а находящіяся въ типографіи книги отнюдь не выпускать подъ страхомъ церковной казни,

[1]) Архивъ Ю.-З. Россіи I, V, 281—283.

[2]) Въ 1677 г., патріархомъ велѣно выдрать изъ псалтыри, что печатана въ Черкасскомъ Новгородкѣ, листъ 239.

пока не будутъ всѣ освидѣтельствованы самимъ патріархомъ, очень теперь занятымъ другими дѣлами.

Суровый отзывъ патріарха долженъ былъ удручающе подѣйствовать на скромнаго отъ природы Димитрія. Печерскій архимандритъ и съ гетманомъ ничего не могли предпринять для его утѣшенія. Ихъ ходатайства предъ В. В. Голицынымъ о «Вѣнцѣ Христовомъ» не были уважены, потому что патріархъ не только велъ себя независимо отъ ближняго боярина, но безпрепятственно входя всегда «на верхъ» къ государямъ для совѣщанія съ ними, властно и увѣренно дѣйствовалъ, съ возрастающею подозрительною внимательностію присматриваясь къ кіевскимъ ученымъ.

Димитрій сначала думалъ отвѣчать на обвиненія патріарха и доказать свои мнѣнія. Въ своихъ [1]) «замѣткахъ къ алфавиту» имъ сдѣланы выписки изъ книгъ Баронія о Пресв. Дѣвѣ Маріи, Дамаскина о рожденіи ея, Іоанна де-Картагена въ защиту ученія о непорочномъ зачатіи. Относительно учителей западной церкви имъ найдено и выписано даже московское свидѣтельство о почитаніи ихъ святыми. Такъ, въ Великой Четьи Минеѣ м. Макарія Іеронимъ называется старѣйшимъ пресвитеромъ великой римской церкви, просіявшимъ учительствомъ въ церкви Божіей; тамъ говорится, что онъ жилъ «пресвятѣйшимъ житіемъ, на еретиковъ бысть млатъ и всей христіанской истинѣ твердѣйшее основаніе»; въ евангеліи московской печати въ житіи Ев. Марка прямо называется «святымъ». Въ цвѣтной тріоди въ сырную субботу, въ пѣсни 9, Іеронимъ съ Германомъ названы «божественными свѣтильниками». Августинъ Иппонскій называется «божественнымъ» въ предисловіи къ библіямъ Московской печати. Въ

[1]) Проф. Шляпкинъ, 193.

слѣдованной псалтири, печатанной въ Москвѣ же, помѣщено для благочестиваго назиданія Августиново предисловіе. Такимъ образомъ, Августина не переставали и на востокѣ почитать, такъ какъ онъ 53 года былъ учителемъ ея [1]).

Въ этихъ выпискахъ видны ученые пріемы Димитрія. Онъ легко ориентируется въ всевозможныхъ книгахъ; хорошо знакомъ и съ печатными книгами московской печати, благодаря чему поражаетъ возражателя его же орудіемъ. Мнѣніе Димитрія о непорочномъ зачатіи Дѣвы Маріи замѣтно и послѣ, напримѣръ, въ его собственноручныхъ замѣткахъ отъ 1708 года и въ «Поклоненіи Страстямъ Господнимъ», гдѣ говорится: «поклоняемся Твоему безгрѣшному зачатію и рожденію отъ св. родителей, Іоакима и Анны» [2]). Повторяется подобное выраженіе и въ проповѣди его на день успенія Пресв. Богородицы, такъ какъ это было тогда лишь частнымъ благочестивымъ вѣрованіемъ о безусловной непричастности Пресв. Дѣвы грѣху, а не составляло еще вѣроисповѣдной догматической католической особенности.

Изъ послѣдующихъ обстоятельствъ выяснилось, что патріархъ гнѣвался за напечатаніе не Четей Миней Димитрія, а «Вѣнца Христова», за который и послѣ писалъ новыя укоризны кіевскимъ духовнымъ властямъ.

Въ 1689 году Димитрій ѣздилъ въ Москву въ свитѣ гетмана Мазепы. Мазепа отправлялся по совѣту своего покровителя, боярина В. В. Голицына, чтобы доложить царямъ объ окончаніи лѣтняго крымскаго похода. Всѣ разсчитывали встрѣтить тамъ привѣтливый пріемъ. Въ гетманской свитѣ находилось 200 человѣкъ. Въ томъ числѣ ѣхали и духовныя лица: Кирил-

[1]) Тамъ-же. [2]) Соч. I, 276 стр.

ловскій игуменъ—Иннокентій Монастырскій и Батуринскій игуменъ.—Димитрій Туптало, іеромонахи, 2 бѣлыхъ священника [1]). При игуменахъ состояли намѣстники и іеродіаконы. Съ Димитріемъ ѣхали 2 діакона, — Петръ и Ефремъ. Нѣкоторые изъ духовенства имѣли особыя причины къ поѣздкѣ. Иннокентій Монастырскій отправленъ соборомъ кіевскихъ духовныхъ властей, по требованію московскаго патріарха, какъ «мужъ смиренномудрый, пріискренно восточныя церкви сынъ, вѣдущій извѣстно писанія св. отецъ, древнихъ учителей св. Христовы восточныя Церкви», чтобы лично говорить въ Москвѣ о времени пресуществленія Св. Даровъ [2]), какъ того желалъ самъ патріархъ. Аѳанасій Заруцкій, глуховской житель, ѣхалъ испросить позволенія печатать свою книгу, «На похвалу великихъ государей». Онъ такъ же, какъ и Димитрій, нуждался въ лѣтописяхъ, хранящихся въ Москвѣ, для провѣрки царскихъ родословій. О побужденіяхъ для поѣздки въ Москву другихъ духовныхъ неизвѣстно. По нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, для устнаго объясненія съ патріархомъ изъ Кіева послано много лицъ [3]). Быть можетъ и Батуринскій игуменъ данъ въ товарищи своему другу, Иннокентію Монастырскому.

Малороссы съ гетманомъ въѣхали въ Москву 10 августа [4]). Имъ задолго еще до прибытія готовили пышную встрѣчу. Отъ царей выслана «предорогая карета съ окнами». При въѣздѣ Мазепы въ Москву, его встрѣчали съ воинскими почестями. Малороссы остановились въ большомъ посольскомъ дворѣ.

Пріемъ отличался привѣтливостію. Сама царевна

---

[1]) *Костомаровъ*. „Мазепа и мазепинцы". 1885, Спб., 33 стр.

[2]) Доменецкій, латинствующій полемистъ указываетъ на такую цѣль посылки Монастырскаго (проф. *Шляпкинъ* 201).

[3]) Тамъ же, 202. *Костомаровъ*, „Мазепа", Спб. 1905 г., 409.

[4]) *Соловьевъ*. Ист. Россіи, XIV, 153. Соч. I,—Діарій 1689 г.

Софія Алексѣевна посылала кушанье со своего стола, Мазепу хвалили за побѣды [1]). Каждому назначено опредѣленное обильное количество корму. Димитрій получалъ 75 рублей въ день (5 алтынъ).

На другой же день по прибытіи, ихъ допустили къ царю Іоанну Алексѣевичу и царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ. Мазепу хвалили тутъ, какъ участника крымскаго похода, помогавшаго В. В. Голицыну поразить татаръ, и поднесли государево жалованье, состоящее изъ серебряныхъ и золотыхъ вещей. Въ тотъ же день Димитрій, вмѣстѣ съ гетманомъ и съ другими духовными лицами гетманской свиты, представлялись патріарху. Вѣроятно, тутъ же, у патріарха, они видѣли московскихъ архіереевъ, занятыхъ теперь борьбою съ раскольниками: будущаго патріарха Россіи, — митрополита казанскаго Адріана, а также митрополита Крутицкаго Евѳимія, митрополита Павла Нижегородскаго и особенно ненавидѣвшаго папистовъ Аѳанасія, архіепископа Холмогорскаго, изучившаго латинское мнѣніе о пресуществленіи, какъ видно изъ его помѣтки на «книгѣ о Литургіи», — заключавшей въ себѣ и латинскую мшу, — что эта книга у него «ради знанія латинской бредни» [2]). Тутъ же былъ и тобольскій митрополитъ Игнатій Корсаковъ.

Малороссы попали въ Москву въ самое неудобное для гостьбы время. Только что началась ссора царя Петра Алексѣевича съ сестрою. Въ день въѣзда малороссовъ царь Петръ уѣзжалъ въ Троицкій Сергіевъ монастырь. И Димитрій замѣтилъ, что Царя Петра на пріемѣ почему-то не было: «былъ нѣгдѣ въ походѣ», догадывается онъ [3]).

---

[1]) Акты Зап. Россіи, V, 224.

[2]) Вѣрюжскій „Аѳанасій Холмогор." Спб., 1908 г., 585 стр.

[3]) Діарій.

Но народъ уже волновался; стрѣльцамъ предстояло выбирать, на какую сторону встать имъ въ ссорѣ брата и сестры. Черезъ два дня, по прибытіи малороссовъ, и патріархъ уѣхалъ къ Троицѣ, а предъ своимъ отъѣздомъ изъ столицы произнесъ проклятіе на царевну Софію за ея приверженность къ латинствующей партіи. Положеніе малороссовъ, пріѣхавшихъ по приглашенію фаворита царевны, стало неудобнымъ. Попытки Софіи примириться съ братомъ оказались безуспѣшными. Она послала князя Троекурова звать Петра въ Москву, но Петръ не ѣхалъ. Онъ потребовалъ высылки изъ Москвы стрѣльцовъ.

Малороссамъ стало извѣстно, что книга для государей принята и посланные изъ кіевопечерской лавры для такого подношенія: іеромонахъ Сила Журавскій, съ іеродіакономъ Мелетіемъ Трофимовичемъ и Ильею Поновскимъ награждены, имъ пожалованы два мѣха лисьи хребтовые [1]). Но и подношеніе сдѣлано не во время: вниманіе всѣхъ было отвлечено необычайными событіями. Точно также безполезно оказалось и подношеніе книги брату временщика, Алексѣю Васильевичу Голицыну [2]). Отъ Петра пришло требованіе выдать Медвѣдева и Шакловитаго. Софья уже не скрывала опасности и публично заявила, что братъ ищетъ ея погибели. В. В. Голицына вытребовали къ Троицѣ и задержали его тамъ. Сентябрскія новогоднія празднества не состоялись, за отсутствіемъ патріарха. Признаки народнаго волненія замѣчены уже иностранцами, жившими въ Москвѣ: они начали выѣзжать изъ города. а малороссы должны были ждать или исхода начинавшихся событій или отпуска домой.

Вмѣсто великой чести, приготовляемой предъ пріі-

---

[1]) Проф. *Шляпкинъ*. 204. [2]) Тамъ же.

ѣздомъ Мазепы, на него стали смотрѣть иначе и члены малороссійской свиты. Они стали гостями партіи, которая терпѣла крушеніе. О Самойловичѣ сожалѣли и поговаривали даже о выборѣ новаго гетмана, вмѣсто Мазепы [1]).

Послѣ окончательнаго паденія временщика Софіи, В. В. Голицына, 9 сент. малороссы двинулись къ Троицѣ, но до монастыря ихъ не допустили, оттуда вышло приказаніе имъ остановиться въ селѣ Воздвиженскомъ. Впрочемъ, на другой же день имъ позволили явиться предъ свѣтлыя царскія очи. Для гетмана въ посадѣ былъ поставленъ великолѣпный шатеръ. Царь Петръ принялъ его очень милостиво. Здѣсь также хвалили его со старшинами за службу въ крымскомъ походѣ. Хитрый Мазепа съумѣлъ понравиться Петру и уже оболгать своего благодѣтеля, В. В. Голицына. Петръ велѣлъ удовлетворять всѣ его челобитныя [2]).

Когда все такимъ образомъ устроилось, тогда и духовныя лица Мазепиной свиты могли вздохнуть свободнѣе. На другой день послѣ пріема Мазепы Петромъ они представились патріарху. По свидѣтельству Димитрія, малороссы часто бывали у него [3]). Вѣроятно, въ это время происходили объясненія ихъ о времени пресуществленія Св. Даровъ. Иннокентій Монастырскій, изъявившій готовность «стоять и умереть» за латинское ученіе о пресуществленіи силою словъ Господнихъ, съ упорствомъ защищалъ свое мнѣніе. Но положеніе его становилось ложнымъ: онъ защищалъ мнѣніе о пресуществленіи отъ лица всѣхъ духовныхъ кіевскихъ властей, а между тѣмъ послѣдніе, съ

[1]) *Соловьевъ*, И. Р. XIV, 153, Костомаровъ, „Мазепа и мазепинцы", 409—419 стр.

[2]) *Костомаровъ*, „Мазепа". Спб., 1905 г. 409—419 стр.

[3]) Діарій.

кіевскимъ митрополитомъ Гедеономъ во главѣ, послали къ патріарху уже повинную, что они «всему тому, о чемъ отъ Христа... приняла... Церковь, вполнѣ послѣдуютъ», а равно и ученію о «преизряднѣйшей тайнѣ Св. Евхаристіи» [1]). Въ то время, когда Иннокентій говорилъ за независимость мнѣнія отъ лица кіевскаго собора, — патріархъ имѣлъ уже въ рукахъ эту грамоту отъ 22 августа и страшно разгнѣвался на Иннокентія. Гдѣ то узнали, что Монастырскій жидовскаго происхожденія, неизвѣстно кѣмъ и посвященъ и т. п.; особенно повредило ему близкое знакомство съ Іером. Сильвестромъ Медвѣдевымъ, защитникомъ латинскаго мнѣнія. Монастырскаго обвинили, что онъ ложно выдаетъ свои доказательства за мнѣнія св. отцовъ, «прокляли» и, наконецъ, 28 сент. отправили его изъ Россіи въ Украину на 8 подводахъ [2]), со всѣми его подчиненными. Книгу его о Пресуществленіи послѣ сожгли въ Москвѣ, такъ какъ нашли ее «полною всякаго злословія» [3]).

Во главѣ духовныхъ малороссовъ остался у Троицы Батуринскій игуменъ, Димитрій Саввичъ. Быть можетъ, по совѣту опытнаго политика Мазепы, всѣ малороссы измѣнили тонъ. Теперь съ патріархомъ они говорили «благочестно и скромно» и во всемъ согласились съ нимъ [4]). О Димитріи московскіе іерархи слышали и ранѣе. Его «Руно Орошеннос» было распространено и въ Москвѣ [5]).

---

[1]) Архивъ Ю.-З. Россіи, I, V, 288—289.

[2]) Проф. *Шляпкинъ*, выписки изъ рукописи Яхонтова, 207 стр.

[3]) *Вѣрюжскій*, „Аѳанасій Холмогорскій". Спб., 1908 г. 503 стр.

[4]) Патріархъ Адріанъ, бывшій въ то время у Троицы, свидѣтельствуетъ, что кромѣ Евреина Монастырскаго были „и *иные* ихъ же лица и имена совѣсть ихъ вѣсть" (Проф. *Шляпкинъ*, 215).

[5]) Книгу „Руно Орошенное" имѣлъ у себя, принимавшій малороссовъ, Аѳанасій Холмогорскій.

Димитрія патріархъ благосклонно выслушалъ, благословилъ его продолжать Житія Святыхъ и далъ образъ Божіей Матери.

Конецъ пребыванія Димитрія въ Россіи омрачился кровавыми событіями. Онъ упоминаетъ о казняхъ, свидѣтелями которыхъ очутились невольно и малороссы: «въ бытность нашу въ Троицкомъ монастырѣ казнено трое знатныхъ особъ, за нѣкоторый бунтъ, головы отсѣчены, а иные кнутомъ сѣчены, инымъ языки рѣзаны, инымъ уши, и въ ссылку разосланы» [1]).

Предъ отправкою въ Украину всѣмъ малороссамъ кормы увеличили втрое. Въ страхѣ отъ всего видѣннаго они спѣшили скорѣе выѣхать. Димитрій содрогался при воспоминаніи о московскихъ событіяхъ предъ своимъ выѣздомъ: Въ Діаріи у него записано: «въ путь, въ домы своя, съ Божіимъ благословеніемъ собираемся. Господи, поспѣши!» Съ крутыми московскими мѣрами мириться онъ не могъ: не даромъ въ Малороссіи говорили, что «и смерть не такъ страшна, какъ отсылка въ Москву» [2]). На Димитрія Москва не могла не произвести своеобразнаго впечатлѣнія. Она выдавалась могучею властію, богатствомъ и прочными традиціями. Тогда какъ на Украинѣ не было центральной личности, около которой сосредоточивалась бы политическая жизнь, на Москвѣ все къ себѣ притягивала сильная царская власть. По мановенію малолѣтняго Царя въ Москвѣ падало значеніе временщиковъ, какъ Голицынъ, ставившій Малороссіи гетмановъ, отстранена сама правительница, царевна Софія Алексѣевна. Рядомъ съ Царемъ Димитрій видѣлъ русскихъ правительственныхъ лицъ, съ жестокою настойчивостію проводящихъ правительственные

[1]) Соч. I, 347 стр. изд. М., 1895 г.

[2]) *Костомаровъ*, „Руина“, 65 стр.

виды. На стражѣ охраненія царской власти стояло и духовенство; при малороссахъ раздалось патріаршее проклятіе противникамъ Царя.

Жестокость примѣнялась даже въ церковныхъ дѣлахъ: съ настойчивостью «немудрыхъ русаковъ» въ проведеніи однообразія въ церковныхъ вѣрованіяхъ Димитрій ознакомился, какъ изъ грамотъ патріарха, такъ и изъ Троицкихъ преній съ Монастырскимъ, и, вообще, знакомые съ западною жизнію удивлялись характернымъ московскимъ порядкамъ:«нѣмые учители у дыбъ стоятъ въ Константиновской башнѣ; вмѣсто Евангелія, огнемъ просвѣщаютъ, вмѣсто апостола, кнутомъ учатъ» [1]).

Спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ, сами малороссы переняли такіе московскіе пріемы и, стоя во главѣ духовнаго управленія въ Россіи, отличились такою жестокостію, что имя черкаса надолго служило предметомъ ненависти великорусскаго духовенства. Но теперь, на свѣжій взглядъ тихаго и скромнаго Димитрія, такіе порядки приводили его въ крайнее недоумѣніе. У Димитрія скоро обнаружилось опасеніе, чтобы и ему самому не приписали ереси, такъ строго карающейся въ Москвѣ «гражданскими казнями». При первомъ удобномъ случаѣ,—13 февраля слѣдующаго года [2]),—онъ послалъ отъ лица себя и содержателей типографіи объясненіе тѣхъ мѣстъ своей Четьи-Минеи, гдѣ патріархъ нашелъ неправославный взглядъ, — съ своимъ обѣщаніемъ впредь «плѣнять разумъ въ послушаніе».

По прибытіи въ свой Батуринскій монастырь, Димитрій опять занялся составленіемъ Четьи-Минеи. Работа затруднялась недостаткомъ необходимыхъ книгъ. Помимо пролога житій святыхъ Симеона Метафраста

---

[1]) Петръ Артемьевъ, у проф. *Шляпкина* выдержка, 235 стр.

[2]) При прошеніи властей кіевопечерской лавры къ патріарху, продолжать печатаніе Четьи Минеи.

приводилось пользоваться и западными источниками, которые легче было достать, чѣмъ выпросить изъ Москвы Великія Четьи-Минеи м. Макарія. О нѣкоторыхъ святыхъ свѣдѣній не доставало, житія другихъ оказывались настолько пространными, что не вмѣщались въ границы монастырскихъ чтеній (четей). Димитрій съ неохотою сокращалъ ихъ, оговариваясь, что болѣе полное описаніе житія святого можно читать въ Великой Четьи-Минеи. Восполняя Четью-Минею, Димитрій написалъ и такія житія, которыхъ у митрополита Макарія не находилось [1]). Житійное повѣствованіе у него уже не ограничивалось передачею свѣдѣній о жизни угодника изъ имѣющихся у него греческихъ, латинскихъ и славянскихъ книгъ, но пополнено географическими и хронологическими свѣдѣніями [2]).

Черезъ 4 мѣсяца усидчивой работы можно было приступить уже къ напечатанію второй книги Четьи-Минеи за Декабрь, Январь и Февраль. Кіевопечерскія власти послали въ Москву казнодѣя Елисѣя Завадовскаго, съ письменною просьбою къ патріарху Іоакиму о позволеніи начать печатаніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, къ нему послали исправленные и вновь отпечатанные листы для сентябрьской книги, взамѣнъ тѣхъ, которые велѣно удалить. При этомъ приложили объясненіе, составленное Димитріемъ относительно Іеронима, что онъ называется святымъ и въ книгахъ московской печати, именно: въ тріоди постной въ службѣ сырной субботы на утрени, въ древнихъ виленскихъ и львовскихъ уставахъ подъ 15 іюля, а также въ книгѣ «Жезлъ» на листѣ 50. Точно также въ оправданіе своего мнѣнія о непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы Маріи сослались на московскую книгу «Жезлъ», на 5 листѣ, и на

[1]) Проф. *Пляпкинъ*, 237. [2]) Тамъ же.

6 пѣснь Рождеству Богородицы. За помѣщеніе такихъ мнѣній въ печатной Четьи-Минеи кіевопечерскія власти приносятъ то оправданіе, что такъ думать, говорить и печатать еще не было запрещенія. Исправленные два листа присылаютъ въ Москву на соборное опредѣленіе, обѣщая полное повиновеніе и, не оглашая въ народъ, перемѣнить листы.

Когда Завадовскій прибылъ въ Москву, патріарха уже не было въ живыхъ, а избранія новаго еще не состоялось. Отдать посланныя книги было уже некому. Нуждаясь въ государевомъ жалованьи, Завадовскій пишетъ тогда самимъ царямъ принять отъ него исправленные листы для сентябрьской Минеи, такъ какъ, по распоряженію покойнаго патріарха, свѣтскіе люди не должны знать о нихъ и онъ отдать ихъ, поэтому, никому не смѣетъ. На эту просьбу послѣдовалъ указъ, чтобы письма кіевопечерской лавры разсмотрѣть въ Малороссійскомъ приказѣ.

Царь не торопился избраніемъ патріарха. Ему указывали двухъ кандидатовъ, — Адріана, митрополита казанскаго, и Афанасія, архіепископа Холмогорскаго [1]). Спустя нѣкоторое время избранъ былъ Адріанъ.

Желаніе Димитрія исполнилось лишь позднею осенью 1690 г., когда во главѣ великорусской и малороссійской церкви стали лица, вполнѣ оцѣнившія его книжное дѣло и довѣрявшія ему. 6 апрѣля 1690 г. умеръ кіевскій митрополитъ Гедеонъ. Это былъ человѣкъ добрый, тоже сочувствовавшій Димитрію, не забывшій его и въ своемъ завѣщаніи. Въ монастырь Димитрія онъ отказалъ 100 золотыхъ на сорокоустъ по себѣ [2]). Но кромѣ сочувствія онъ ничѣмъ не могъ поддержать Димитрія, такъ какъ самъ не имѣлъ большого образованія, не выдаваясь

[1]) *Вѣрюжскій* П. И. „Аѳанасій Холмогорскій".

[2]) *Евгеній.* Опис. Кіев. соб., 114, 118 стр. Прилож.

ни характеромъ, ни умомъ [1]). Вмѣсто него, на кіевскомъ соборѣ 2-го іюня избрали въ митрополиты архимандрита Варлаама. Возложивши на Димитрія послушаніе писать Житія Святыхъ, Варлаамъ и ранѣе поддерживалъ его [2]). Поэтому у Димитрія была теперь полная надежда на новаго владыку. И дѣйствительно, во время поѣздки въ Москву для своего посвященія въ санъ митрополита, Ясинскій сильно ходатайствовалъ тамъ за Димитрія. Послѣ своего поставленія 31 августа 1690 г. [3]), онъ просилъ новаго патріарха Адріана о содѣйствіи какъ въ составленіи Житій Святыхъ, такъ и въ печатаніи ихъ. При этомъ, хвалилъ усердіе и трудолюбіе составителя. Новый московскій святитель отнесся къ труженику съ живымъ сочувствіемъ. Онъ самъ послалъ свою грамоту ему съ выраженіемъ своего удовольствія по поводу такихъ «богоугодныхъ трудовъ», по написанію, исправленію и печатанію книги за первые мѣсяцы. Димитрію важно было то, что святитель, благословляя его на трудъ составлять Четьи-Минеи на весь годъ, изъявлялъ согласіе написанныя Четьи печатать тамъ же, въ кіевской лаврѣ; въ патріаршей грамотѣ предписывалось, чтобы новый Кіевскій митрополитъ и новый настоятель Кіевопечерской лавры оказывали составителю всякія содѣйствія.

Грамоту отъ патріарха привезъ въ Батуринъ Димитрію самъ митрополитъ Варлаамъ.

Съ великою радостію принялъ Димитрій святительское посланіе и отвѣчалъ на него письмомъ, гдѣ горячо благодарилъ за милость. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не

---

[1]) *Сумцовъ*, „Л. Барановичъ“, 162.

[2]) Онъ снабжалъ Димитрія книгами, напр. „Каталогомъ епископовъ и патріарховъ Византійской церкви“ (проф. *Шляпкинъ* 243).

[3]) *М. Евгеній*, „Описаніе Кіев. собора“, прилож., 129.

безъ вѣдома Ясинскаго, отъ него изложена въ томъ же письмѣ просьба выслать ему Великія Четьи Минеи за декабрь, январь и февраль для составленія и провѣрки своей второй книги Житій Святыхъ, такъ какъ въ первый разъ ее присылали изъ Москвы на такое краткое время, что ему некогда было ихъ прочесть и заимствовать то, что надобно [1]).

Разнообразный составъ книгъ подъ руками, при недостаткѣ необходимыхъ и надежныхъ историческихъ источниковъ, заставлялъ Димитрія относиться критически къ показаніямъ, не только западныхъ, но и книгъ московской печати. Хронологія тѣхъ и другихъ оказывалась неодинакою. Предстоялъ старательный трудъ согласовать лѣтосчисленія, библейское, святоотеческое и западное. Для облегченія въ занятіяхъ онъ самъ составилъ грекоримскій календарь, затѣмъ хронологическій перечень событій русскаго государства, каталогъ греческихъ царей, досталъ себѣ «Каталогъ епископовъ и патріарховъ» Византійской церкви, составленный по сочиненіямъ Никифора Каллиста Ксанфопула, Константина Арменопула, Филиппа Кипрянина.

О кіевскихъ митрополитахъ Димитрій сочинилъ особый «каталогъ» съ краткимъ о нихъ лѣтописцемъ; тутъ же присоединены у него извѣстія и о великорусскихъ іерархахъ. При составленіи каталоговъ и хронологическихъ датъ онъ пользовался, какъ видно изъ его упоминаній, сочиненіемъ Яна Губовича, архимандрита Германскаго «о церковной іерархіи», лѣтописцемъ Нестора, Палинодіей, патерикомъ Коссова и московскимъ хронографомъ.

При такомъ критическомъ отношеніи къ источникамъ церковной исторіи, изложеніе Житій Святыхъ,

[1]) Соч. I, 350 стр. Изд. М. 1895 г.

однако, сдѣлано не въ видѣ простого сухого перечня событій. Составитель, видимо, самъ переживалъ въ душѣ своей внутреннее состояніе подвижниковъ и мучениковъ. Иногда его сочувствіе угоднику изливалось даже въ стихотворной формѣ.—Беззавѣтно отдавшись любимому занятію, углубясь въ книжныя занятія до увлеченія ими, Димитрій долженъ былъ отзываться и на окружающія его событія. Тѣсное сближеніе у него было съ Кіевскимъ митрополитомъ. Пріемы управленія Ясинскаго сначала ставропигіальною лаврой, а потомъ епархіею, несомнѣнно, оказали вліяніе на него. Такъ какъ въ западномъ краѣ іезуиты при распространеніи уніи старались больше всего о вліяніи іерархіи на паству, то и православные, въ противовѣсъ имъ, должны были усилить значеніе своего духовенства. Въ 1691 г. митр. Варлаамъ созвалъ въ Кіевѣ соборъ изъ духовенства, гдѣ постановлено обратить вниманіе на значеніе исповѣди и дѣятельность духовниковъ, въ особенности на усиленіе школьнаго образованія, чтобы дѣти могли впослѣдствіи съ успѣхомъ занимать священно-служительскія должности. Положеніе митрополита требовало не малаго такта и снаровки; паства его была разнообразная. Онъ обязанъ былъ подчиняться власти московскаго патріарха въ духовныхъ дѣлахъ только той части своей паствы, которая состояла въ подданствѣ у Москвы. Но у него была еще православная же паства, состоящая изъ польскихъ подданныхъ, какъ мірянъ, такъ и духовенства. Лѣвобережная Украина въ духовныхъ дѣлахъ вся подчинялась Москвѣ, а часть лѣвобережной привыкла считать своимъ главою все еще Константинопольскаго патріарха. Польскимъ подданнымъ, какъ напр., епархіи Бѣлорусской небезопасно было бы искать

[1]) ***Малышевскій,*** „Кіевскіе церковные соборы". К., 50.

благословенія не у Константинопольскаго патріарха, духовная власть котораго признавалась и польскимъ королемъ. Затруднительны были отношенія и къ епархіальнымъ малороссійскимъ архіереямъ. Епископъ Могилевскій, Іосифъ Шумлянскій, только по имени считался православнымъ, а на дѣлѣ былъ уніатомъ. Митр. Варлаамъ вынужденъ былъ жаловаться на него московскимъ царямъ. За территоріальную цѣлость епархіи ему приходилось бороться съ Черниговскимъ архіепископомъ, Лазаремъ Барановичемъ. Такое положеніе порождало своеобразныя недоразумѣнія; напримѣръ, считая себя независимымъ отъ Московскаго патріарха по дѣламъ духовенства польской націи, Варлаамъ поставилъ во епископа Луцкаго, женатаго на вдовѣ и разведеннаго съ нею, Діонисія Жабокритскаго, въ надеждѣ испросить на то разрѣшеніе отъ восточныхъ патріарховъ, помимо московскаго, такъ какъ Луцкъ находился въ Польшѣ. Составляемыя Четьи Минеи должны были способствовать въ религіозному самосознанію всей православной паствы и объединенію ея. Сознавая такое значеніе своего труда для церкви, подъ воздѣйствіемъ кіевскаго владыки Димитрій усиленно «денноношно», какъ онъ говорилъ, занимался составленіемъ ихъ, насколько позволяла ему это жизнь подлѣ шумной гетманской резиденціи. Онъ отрывался отъ дѣла только для церковнаго служенія, которое давно стало для него насущною духовною пищею. Еще въ ранней молодости онъ не пропускалъ утреннихъ Богослуженій. Если случалось въ ночь долго работать, онъ засыпалъ предъ утренею, не раздѣваясь [1]). Народныя религіозныя процессіи находили въ немъ непремѣннаго участника. Такъ въ 1690 году онъ вторично ѣздилъ на поклоненіе Руденской иконѣ Божіей

[1]) Соч. I, 344, изд. М. 1895 г. „Сновидѣніе Димитрія".

Матери, по случаю перенесенія ея изъ Рудни [1]) въ Кіевъ. 13 января 1691 г. гетманъ разрѣшилъ перенести изъ войсковой Казенной палаты въ Батуринѣ въ монастырь къ Димитрію часть мощей св. великомученицы Варвары. По случаю перенесенія мощей, Димитрій установилъ каждый вторникъ пѣть ей въ монастырѣ молебенъ. Мощи св. мученицы оказались въ Батуринѣ по слѣдующимъ обстоятельствамъ. Въ годъ рожденія св. Димитрія Кіевъ взятъ былъ княземъ Радзивиломъ. Завоеватель пожелалъ получить двѣ части мощей мученицы отъ перси и отъ ребра. Одну онъ сохранилъ для своей супруги, бывшей дочери господаря Волошскаго, которая завѣщала ее предъ своею смертію митрополиту Кіевскому, Іосифу Тукальскому. Такъ оказалась эта часть мощей сначала въ Каневѣ, а потомъ въ лѣвобережной резиденціи гетмановъ—Батуринѣ [2]). Подлинность ея засвидѣтельствована, по словамъ Димитрія, въ книгѣ «Выкладъ», составленной Ѳеодосіемъ Сафоновичемъ, игуменомъ того Михайловскаго монастыря, гдѣ находятся мощи св. муч. Варвары. Когда Димитрій узналъ, что святыня лежитъ въ войсковой казнѣ среди денежныхъ цѣнностей, то испросилъ у гетмана позволенія взять ее въ свою обитель.

Должно быть, Димитрію приводилось выслушивать сомнѣнія о томъ, — подлинныя ли это мощи св. Варвары. Въ защиту мощей «патрона» своего, Димитрій написалъ разсказъ о чудесной помощи мученицы кіевскому райцу, Іоанну Сафоновичу. Во время своей болѣзни Сафоновичъ пожелалъ взять воды отъ мощей св. Варвары. Во снѣ послѣ этого онъ видитъ самую мученицу, которая сказала: «многіе не вѣрятъ, что и мощи мои есть

[1]) Въ 60 верстахъ отъ Чернигова, близъ Любеча.

[2]) Другая часть мощей мученицы подарена епископу Виленскому. Четьи-Минеи, 4 дек.

въ Михайловскомъ монастырѣ, а ты вѣруй и другимъ повѣдай, чтобы вѣровали». Іоаннъ Сафоновичъ сообщилъ о видѣніи своему брату, Ѳеодосію. Благоговѣйное почитаніе этой мученицы побудило Димитрія записать случаи чудесной помощи умирающимъ, обращающимся съ молитвою къ ней. Такъ, одинъ человѣкъ, осужденный на смерть, по молитвамъ къ ней не былъ казненъ, пока не причастился Св. Тайнъ; всѣ просящіе ее, по словамъ Димитрія, не умрутъ безъ причастія; кто боится безъ причастія умереть, — тотъ долженъ обращаться къ ней; одинъ монахъ, пренебрегавшій помощью св. Варвары, умеръ, несподобившись Св. Тайнъ; а другой, призывая св. мученицу Варвару, сподобился принять ихъ изъ рукъ ангела [1]). Впослѣдствіи Димитрій написалъ житіе св. мученицы Варвары для Четьи-Миней, издалъ ее и отдѣльной книжкой [2]). Онъ особенно почиталъ эту святую и записывалъ всѣ извѣстные ему случаи благодатной помощи отъ ея мощей.

Такъ Димитрій умѣлъ совмѣстить свои любимыя занятія: и книжное, и церковное. Онъ находитъ время слѣдить за жизнью своихъ знакомыхъ, считаетъ годы ихъ службы, бѣдъ и страданій, оплакиваетъ кончину ихъ [3]).

За то онъ и пользовался особеннымъ уваженіемъ

---

[1]) Димитрій былъ очень внимателенъ ко всѣмъ преданіямъ о чудесныхъ явленіяхъ, какія были въ народѣ. Такъ на престольномъ Евангеліи его рукою записано преданіе о Крупицкомъ монастырѣ, близъ котораго была его „келлія", что эта обитель свое названіе получила отъ Крупицъ, падавшихъ близъ монастыря во время голода.

[2]) *Пекарскій*, „Наука и лит. при Петрѣ В.", II. 8.

[3]) По случаю смерти Ѳеодосія Гугуревича, Димитрій въ своихъ запискахъ перечисляетъ мѣста и годы его службы, вспоминаетъ его терпѣніе, что почившій въ бѣдахъ и страданіяхъ провелъ цѣлый годъ (Соч. I, 488). 4 іюля 1691 г. у него отмѣченъ умершимъ Петръ, діаконъ Батуринскій, 23 іюня—Митрофанъ Кирилловскій.

всѣхъ, кто только его зналъ. Его отличали какъ митрополиты кіевскіе, Гедеонъ и Варлаамъ, такъ и другіе монашествующіе. Замѣтно стремленіе знающихъ Димитрія принять отъ его рукъ постриженіе. По прибытіи изъ Москвы, въ январѣ 1690 г., онъ постригаетъ въ монашество больную Ангелину, а въ апрѣлѣ Порфирія, Мартиніана и Клементія [1]). Со своей стороны, и Димитрій съ особенною любовію относился къ своимъ постриженникамъ, относя дни постриженія иноковъ къ замѣчательнымъ днямъ своей жизни и отмѣчая ихъ въ своемъ дневникѣ наравнѣ съ выдающимися событіями, напр., землетрясеній, затмеіи солнца, явленіемъ кометы, пролета саранчи, смерти близкихъ знакомыхъ.

Какъ любили Димитрія знавшіе его, показываютъ подарки, имъ получаемые, и довѣріе къ нему. Митрополитъ Гедеонъ предъ своею смертію завѣщаетъ Димитрію деньги на поминовеніе по себѣ; Ѳеодосій Гугуревичъ оставляетъ ему отъ себя книгу, — «Nomenclator Marianus. Romae. 1649».

Былъ такой случай. Одинъ монахъ Кирилловскаго монастыря, по имени Ѳеофанъ, нѣсколько лѣтъ тому (1684 г.) назадъ рѣшилъ ѣхать за рубежъ, чтобы учиться въ иностранныхъ коллегіяхъ. Это было тогда въ обычаѣ, но Димитрію отъѣздъ его былъ не по сердцу. «Богъ вѣсть, зачѣмъ онъ ѣдетъ?» думалъ онъ тогда о своемъ постриженникѣ. Теперь этотъ самый Ѳеофанъ вернулся изъ заграницы назадъ, побывавши въ Парижѣ, Барѣ, Римѣ и проч., ознакомленный тамъ съ западною наукою [2]). При свиданіи съ нимъ Димитрій забылъ уже свое прежнее недовольство. Впослѣдствіи онъ хвалилъ даже обычай посылать людей за границу для науки, смѣло говорилъ объ этомъ въ

[1]) Діаріи. [2]) Тамъ же 488.

церковной проповѣди предъ московскими людьми, не перестававшими вѣрить, что вредно знакомиться съ нѣмцами [1]), ради ихъ прелести, чтобы вѣру не отмѣнили бы и не пристали къ инымъ [2]).

Широко поставленное хозяйство тогдашнихъ монастырей также не мало занимало Димитрія. До штатовъ 1764 года, какъ великорусскіе, такъ и малороссійскіе монастыри владѣли земельною собственностью, которая сопряжена вездѣ и всегда съ хозяйственными заботами. Въ монастыряхъ не только держались волы и кони для пахоты; но на земляхъ за игуменами и епископами жили крестьяне, такъ же, какъ и за казаками. Для добыванія средствъ къ своему содержанію практиковались всевозможныя занятія до винокуренія включительно.

Димитрій въ даръ своему монастырю получилъ 2 февраля 1691 г., отъ самого гетмана Мазепы «житные торги» [3]), то есть,—пошлину съ торговцевъ въ Батуринѣ хлѣбомъ. Урожаи тоже озабочивали его. Въ августѣ 1690 г. Димитрій записалъ пролетъ саранчи. Она появилась въ этомъ году въ такой массѣ, что опустошила засѣянныя поля, нѣлыми грудами оставалась на землѣ и гнила. Скотъ, поѣдавшій се съ травою заболѣвалъ. Запахъ саранчи отзывался даже на мясѣ скота. Настала страшная дороговизна продуктовъ [4]). Объемъ хозяйства у Димитрія росъ, благодаря расположенію къ нему властей не только малороссійскихъ, но и великорусскихъ. Такъ въ 1689 г. московскіе цари на подношеніе Димитріевыхъ Четей-Миней отвѣтили жалованной грамотой на угодья Крупицкаго Батурин-

[1]) Димитрій говорилъ объ этомъ тогда, когда ненависть къ заграничнымъ обычаямъ развивалась и росла подъ давленіемъ крутыхъ Петровскихъ реформъ.

[2]) *Котошихинъ*, „О Россіи". Спб., 1859 г., 43.

[3]) *Филаретъ*, „Истор. статистич. описаніе Черниг. Еп", III, 303.

[4]) *Костомаровъ*, „Мазепа", 130 стр.

ского монастыря. Грамотою утверждались за игуменомъ Димитріемъ всѣ владѣнія и угодья, на рѣкахъ Сеймѣ, Ромнѣ, Кущъ, Ушуруна, присвоенныя монастырю разными гетманами, пущи съ бортьми, сѣнными покосами, озерами и лѣсами, до 10 мельницъ, поля, острова, сады, пчельники: Старое, Заборошное, Кривое, Лозовица, Осѣчье, село Обмачевъ, Красный борокъ, Лицетовщина, Хмилово, сельца въ Овручскомъ повѣтѣ Торчинка и Могильная земля, вотчины Любѣтово, Заболотово, Озаричи, село Спасскаго поля съ Божкомъ [1]). Всѣ эти вотчины, угодья и оброчныя статьи требовали вниманія и умѣлаго управленія со стороны игумена.

Жизнь близъ гетманской резиденціи не позволяла Димитрію быть замкнутымъ. Къ нему пріѣзжали разныя духовныя лица Украины, являвшіяся къ гетману и имѣвшія нужду до него. Благодаря этому, онъ былъ въ курсѣ всѣхъ политическихъ и церковныхъ событій Украины. Такъ въ 1692 году онъ ждалъ къ себѣ архимандрита Новгородъ-Сѣверскаго монастыря, Ѳеодосія Углицкаго,—поставленнаго во епископа въ Москвѣ на черниговскую епархію, вмѣсто престарѣлаго Лазаря Барановича, и по просьбѣ послѣдняго, — такъ какъ новый епископъ обязанъ былъ послѣ посвященія въ Москвѣ явиться къ гетману.

Между тѣмъ событія стали тревожными [2]). Поговаривали уже о политическомъ отдѣленіи Украины отъ Москвы, чтобы отдаться Польшѣ. На Мазепу составляли доносы. Въ Батуринъ пріѣзжали узнавать о положеніи дѣлъ даже лица духовныя. Кіевскій митрополитъ, Варлаамъ Ясинскій, тоже былъ встревоженъ ходившими слухами о грядущихъ перемѣнахъ. Отъ него въ Бату-

[1]) „Чт. Общ. Ист и Др.“, 1884 г., II, 20—21; *Филаретъ* „Ист. стат. опис. Черн. Еп.“. III, 303.

[2]) *Костомаровъ* „Мазепа и мазепинцы“, 466, 481.

ринъ пріѣзжала игуменья кіевскаго подольскаго Фроловскаго монастыря для провѣрки слуховъ въ самой столицѣ гетмана.

Съ одной стороны, тревожное теченіе событій, обстоятельствъ, а съ другой, — понужденія митрополита Варлаама продолжать составленіе Четьи Минеи заставило Димитрія оставить, ради книжныхъ занятій, управленіе обителью. 14 февраля 1692 года послѣдовалъ его новый отказъ отъ игуменства. Хотя митрополитъ Варлаамъ и назначилъ другого игумена, Пахомія Ходоровича, но не желалъ и Димитрія оставить безъ повышенія. Онъ подалъ гетману проектъ, чтобы въ виду важности Батурина, какъ мѣстопребыванія гетмана, учредить тамъ протопопію, для монастырей же сдѣлать архимандрію и архимандритомъ поставить пречестнаго отца Димитрія, ввѣривъ ему власть надъ Батуринскими монастырями: Глуховскимъ, Максановскимъ и другими [1]). Проектъ, однако, остался невыполненнымъ.

Димитрій, отказавшись отъ управленія монастыремъ, поселился въ кельи, выстроенной имъ еще 1691 года и освященной 18 октября. Изящество вкуса Димитрія сказалось въ самомъ устройствѣ кельи. Она была дубовая, вся расписана вѣтками и цвѣтами и долго послѣ него сохранялась [2]).

Теперь въ этой кельи Димитрій все свое время употреблялъ на писаніе житій святыхъ. Надъ Великими Четьями-Минеями, высланными изъ Москвы, онъ трудился всю зиму, а весною, еще въ великій постъ 1693 г. изъ Гданска (принадлежащаго тогда Польшѣ) прислали ему «Acta Sanctorum» Болландистовъ. «Акты святыхъ» дали богатый новый матеріалъ для Четьи-

[1]) Діарій.

[2]) *Толстой*, „Древности и святыни города Ростова". М., 1860 г., 50. Церковно-общ. Вѣстникъ, 1881 г. № 105, 119 и 125 стр.

Минеи. Написанныя житія предстояло исправить по нимъ, а тѣ житія, какихъ не было въ Великихъ Четьяхъ-Минеяхъ и у Сурія,—составить вновь по актамъ. Такъ имъ составлено заимствованное изъ Боллантистовъ житіе Петра Севастійскаго на 9 января, Дороѳея, Христины и дружины ихъ на 6 февраля. Такія исправленія своевременно втиснуты въ напечатанную вторую книгу за декабрь, январь и февраль. Что касается уже напечатанной первой части, то Димитрій составлялъ особую тетрадь пополненій для второго ея напечатанія. Тетрадь эта впослѣдствіи хранилась и осталась въ его библіотекѣ [1]).

Быстро, уже въ маѣ (9) мѣсяцѣ того года, вторая книга приготовлена къ печати. Димитрій самъ поѣхалъ въ Кіевопечерскую лавру для наблюденія за типографскими работами [2]). Впрочемъ, ему привелось цѣлыхъ 2 мѣсяца, съ 9 мая по 10 іюля, ожидать начала работъ по печатанію.

Димитрій опять нашелъ себѣ отдыхъ на короткое время въ родной семьѣ предъ новыми усидчивыми трудами. Савва Григорьевичъ состоялъ тогда ктиторомъ Кирилловскаго монастыря. Игуменомъ этого монастыря состоялъ все еще ближній другъ Димитрія, архимандритъ Иннокентій Монастырскій. Къ нему тоже онъ наѣзжалъ, участвуя, какъ въ богослуженіи, такъ и въ проповѣди. Сохранилось слово [3]) Димитрія, сказанное имъ тогда въ этой обители.

Въ этомъ словѣ, произнесенномъ въ присутствіи такихъ лицъ, которыхъ онъ давно зналъ и съ молодости любилъ, мы видимъ будущаго архипастыря. Теченіе рѣчи поражаетъ добродушіемъ и простотою. Это—

---

[1]) Опись имущества Димитрія у проф. *Шляпкина*, приложеніе, 52 стр.
[2]) Діарій.
[3]) „Чт. Общ. Ист. и Укр. Р." 1884 г., II кн.

простое толкованіе простой молитвы «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу»: какъ сынъ долженъ почитать отца, и человѣкъ обязанъ воздавать славу Отцу Небесному, говоритъ тутъ Димитрій. Какъ почтительный сынъ не смѣетъ при своемъ отцѣ присѣсть, но стоитъ предъ нимъ, «шапочку снявши», — съ подобными выраженіями своего почтенія надо относиться къ Богу. Такъ и ангелы на небѣ предъ Богомъ закрываютъ двумя крылами свои лица, двумя ноги и двумя летаютъ. Сынъ Божій говоритъ, что Онъ прославилъ Отца Своими страданіями. Прославили Отца своими страданіями и мученики. Но какими страданіями мы Его прославимъ? Нѣтъ у насъ теперь Перуновъ, Волосовъ, Ладъ, Купалъ. На мѣстахъ ихъ — святыя церкви. Однако идолы есть: Златоустъ твердитъ, что у насъ есть различные виды идолослуженія. «Объясни же намъ учитель святый, скажи хоть единаго идола; чтобы его, какъ нѣкогда Перуна въ Кіевѣ, сокрушить!» Слушайте же, что намъ тотъ святой учитель скажетъ: «не говори мнѣ, что не кланяешься золотому кумиру, но то мнѣ скажи, не дѣлаешь ли того, что повелѣваетъ злато!» У тебя идолъ не на холмѣ Кіевскихъ горъ, а въ шкатулкѣ, а идолослуженіе — въ сердцѣ! Что бы золото ни сказало тебѣ, ты слушаешь его, какъ крещенный идолопоклонникъ. Смиреніемъ мы должны прославлять Бога. «Въ чистомъ ульѣ бываетъ много меду: много даровъ Св. Духа и въ чистомъ сердцѣ. Откуда выйдутъ пчелы, на ихъ мѣсто летятъ осы и ядовитые шершни: откуда прогнанъ Духъ Святый скверными дѣлами, туда много наберется осъ, — жалъ грѣховныхъ. Неправда бы то было, если бы кто господина полновластнаго изъ дому нахально «выпихалъ въ шію», а мы изгоняемъ Св. Духа скверными дѣлами», и вмѣсто него поселяемъ идоловъ.

Таково было содержаніе проповѣди. Рѣчь на род-

номъ малороссійскомъ языкѣ о почтеніи къ отцу, въ присутствіи Саввы Григорьевича, упоминаніе о языческихъ кіевскихъ древностяхъ на самомъ мѣстѣ древняго нахожденія ихъ, упоминаніе о пчеловодствѣ, занятіи кіевлянъ, — поражаетъ жизненностію, сердечностію и произвела, вѣроятно, сильное дѣйствіе на присутствующихъ.

Теперь мѣшали естественности рѣчи однѣ лишь насильственныя попытки истолковать, что ноги у ангеловъ означаютъ нашу низость, а глава ихъ честь. Натянуты также нѣкоторыя сравненія. Рутинна также схоластическая манера упоминать языческія имена и ссылка на западныхъ писателей, изъ которыхъ Франциску приписана имъ полнота духа (Spiritu elevatus).

Московскій патріархъ Іоакимъ.

Въ это время въ Печерской лаврѣ Димитрія окружали лица, относящіяся къ нему съ любовію. Тамъ просматривали цѣлымъ соборомъ его Четью-Минею за декабрь, январь и февраль. Это вмѣнено въ обязанность Печерскому архимандриту еще патріархомъ Іоакимомъ. Помимо этого приказанія, въ Кіевѣ былъ обычай, чтобы авторы давали свои произведенія до напечатанія ихъ читать своимъ знакомымъ, во избѣжаніе неточностей и недосмотровъ.

Подъ наблюденіемъ кіевскихъ духовныхъ властей напечатаніе Четьи-Минеи началось и продолжалось до 1695 года. Въ январѣ уже и вторая книга увидѣла свѣтъ. Изъ Печерской лавры отправлено въ Москву, по поводу окончанія книжнаго предпріятія, нѣсколько

пословъ и нѣсколько грамотъ. По желанію Димитрія поѣхали туда соборные кіевопечерскіе старцы, строитель Троицкаго больничнаго монастыря и смотритель кіевопечерской типографіи, іеромонахъ Софроній. Въ грамотѣ отъ кіевскаго митрополита заключалась просьба о томъ, чтобы московскій святитель милостиво принялъ отпечатанную Четью-Минею и благословилъ игумена Димитрія, пречестнаго трудолюбца, за его усердіе, а равно и разрѣшилъ продолженіе «Житій Святыхъ». Кіевскій владыка давалъ обѣщаніе опять слѣдить за написаніемъ и отпечатаніемъ ихъ. Гетманъ Мазепа тоже, со своей стороны, грамотою отъ 8 февраля изъ Лубенъ, извѣщаетъ патріарха о желаніи, чтобы Димитрій окончилъ писаніе «Житій Святыхъ». Особая грамота отъ 26 февраля къ патріарху о томъ же послана и отъ печерскаго архимандрита съ братіею[1]).

Писалъ патріарху и самъ труженикъ надъ Четьями Минеями. Называя себя подножіемъ патріарха, посылая ему поклонъ до лица земного, Димитрій проситъ принять книгу, какъ плодъ патріаршаго благословенія и молитвъ; извиняется, затѣмъ, что она не въ переплетѣ, благодаритъ патріарха, что своею прежнею грамотою «возбудилъ и возставилъ» его на трудъ. «Благословеніе ваше архипастырское (т. е. грамоту патріарха отъ 1690 г.), я дерзнулъ въ эту новую книгу вложить для лучшаго ея украшенія» и подтвержденія читателямъ именемъ патріарха, что описанныя чудесныя дѣянія несомнѣнны. Въ заключеніе Димитрій проситъ патріарха опять выслать ему Великія Четьи-Минеи митр. Макарія на мартъ, апрѣль и май для соглашенія имѣющихся при составленіи подъ руками книжныхъ источниковъ; равнымъ образомъ, дать патріаршее благословеніе ему про-

[1]) Архивъ Юго-Зап. Россіи, I т. V, 417, 419.

должать четиминейный трудъ, а кіевскому митрополиту по-прежнему прочитывать написанное: «о семъ благоволи святѣйшество ваше къ его преосвященству (м. Варлааму) особо писать» [1]). Въ предупрежденіе недоразумѣній, какія были при представленіи первой книги Четьи, въ предисловіи ко второй книги всѣ неточности, замѣченныя патріархомъ Іоакимомъ и самимъ авторомъ, были оговорены и исправлены, напр., о времени кончины Св. Анны, матери Богородицы, о числѣ гвоздей, которыми пригвоздили Спасителя, о смѣшеніи именъ Михаила Травла и Михаила Рангаве. При этомъ излагается и просьба къ читателю исправить всѣ погрѣшности, какія только окажутся въ книгѣ.

Вторую книгу Четьи-Минеи приняли въ Москвѣ несравненно милостивѣй, чѣмъ первую при старомъ патріархѣ. Самъ патріархъ Адріанъ лично писалъ Димитрію, какъ своему «возлюбленному сыну и люботруднику въ книгословоправленіи». Труду его приписывается особенная важность и выражается молитвенное патріаршее пожеланіе окончить полезное для всей церкви дѣло на весь годъ. Составителю «Житій Святыхъ» патріархъ желаетъ долголѣтняго благополучнаго здравія и заслужить небесной участи съ ними [2]). Въ награду Димитрію за труды патріархъ пожаловалъ 10 рублей. Вниманіе патріарха къ Димитрію не ослабѣвало и послѣ. На подношеніе Четьи-Минеи чрезъ годъ онъ отвѣтилъ присылкою ему книги православнаго «катехизиса», вновь переведеннаго съ греческаго языка на славянскій и изданнаго въ Москвѣ, «для выраженія любви (своей) архипастырской» къ Димитрію [3]). Разрѣшено было Печерской лаврѣ вновь отпечатать «Руно Орошенное» Димитрія.

---

[1]) Архивъ Юго-Зап. Россіи, I т. V, 421—423.

[2]) Тамъ же, I т V, 433—436.

[3]) *Шляпкинъ*, 256.

Адріанъ въ особой грамотѣ, отъ 29 мая 1695 г., умолялъ кіевскаго митрополита Варлаама, чтобы уговорилъ благого мужа, игумена іеромонаха Димитрія, исполненнаго разумомъ и люботрудіемъ, какъ опытнаго и тщательнаго писателя — не оставлять начатаго дѣла, пока оно не окончится. Отдѣльныя патріаршія грамоты съ выраженіями удовольствія и благопожеланій отъ святителя получили и гетманъ Мазепа и кіевопечерскій архимандритъ [1]). Милость патріарха такъ радовала Димитрія, что онъ мечталъ слѣдующую третью книгу Четей везти въ Москву самъ [2]).

Патріахъ Адріанъ возложилъ на Димитрія новое порученіе — написать житіе кизическихъ мучениковъ.

Когда Адріанъ состоялъ митрополитомъ въ Казани, то въ 1687 году, поселившіеся тамъ, русскіе люди страдали отъ эпидимической болѣзни «трясавицы». Мѣстныхъ татаръ болѣзнь щадила, какъ будто ихъ «Господь оставлятъ здѣсь хорошо жить». Адріанъ, по этому поводу, для ободренія христіанъ выстроилъ въ 1688 году храмъ въ Казани во имя кизическихъ мучениковъ, подающихъ, по вѣрованію Церкви, безмездное врачество. Къ Димитрію теперь послана была изъ патріаршаго дома грамота написать житіе ихъ, а равно описать и сооруженіе храма въ Казани. Въ 1694 году Димитрій уже закончилъ этотъ трудъ и представилъ въ Москву [3]), извлекши свѣдѣнія о кизическихъ мученикахъ изъ Болландистовъ, церковной исторіи Созомена и Корнелія а Ляпиде [4]).

[1]) Архивъ Юго-Зап. Россіи, I т. V, 430, 431.

[2]) Письмо его къ Феологу отъ 1696 г. („Св. Димитрій" 1849 г., 36—37 стр.).

[3]) Ему дано названіе: „Врачество безмездно св. девяти мучениковъ Кизическихъ въ лѣто 7202, мѣсяца марта, трудомъ грѣшнаго іеромонаха Димитрія Савича, животописателя. Сказаніе о прославленіи ихъ во градѣ Казани и о новосозданной во имя ихъ каменной церкви и обители, и слово о нихъ.—твореніе Димитрія грѣшнаго".

[4]) Архивъ Юго-Зап. Россіи I т. V, 416.

Но и при такомъ благоволеніи къ Димитрію патріарха судьба грозила ему новыми испытаніями. Поднимались смуты, омрачавшія свѣтлыя отношенія патріарха Адріана. Печерскій архимандритъ Мелетій Вуяхевичъ, на котораго тоже возложено было помогать дѣлу Димитрія, ничѣмъ не проявлялъ себя, кромѣ упорства ѣхать въ Москву къ патріарху для поставленія [1]) и ссорою съ иноками. Патріархъ, по доносу чернеца Іероѳея, даже запретилъ ему священнослуженіе за то, что онъ, будто бы, изгоняетъ чернецовъ изъ лавры. Въ епархіальной жизни въ Кіевѣ тоже возникали недоразумѣнія, могущія кіевское духовенство вовлечь въ столкновеніе съ Московскимъ патріархомъ, какъ, напримѣръ, поставленіе во епископа Луцкаго и Острогожскаго такого человѣка, который жилъ въ разводѣ съ своею женою. Въ это дѣло втянули даже друга Димитрія,—префекта школъ Стефана Яворскаго. У Димитрія еще на памяти были пререканія съ Московскимъ патріархомъ Іоакимомъ, отражавшіяся и на его занятіяхъ Четьями. Онъ теперь опасался коварствъ вражіихъ [2]). Еще во время печатанія второй книги его назначили игуменомъ въ Глуховской монастырь [3]). Димитрій теперь уединился тамъ и занялся устройствомъ обители въ хозяйственномъ отношеніи, онъ улучшалъ постройки, между прочимъ проектировалъ новую соборную церковь. Испрошена на это грамота митрополита, заключенъ и договоръ съ подрядчиками. Однако, событія церковныя и политическія не переставали интересовать Димитрія.

[1]) Тамъ же, I т. V, 296, 311, 317, 323, 325, 327, 334.

[2]) Письмо его къ Ѳеологу 1696 г., въ книгѣ „Св. Димитрій", 1849 года, 36—37 стр.

[3]) Діаріи.

[4]) Глуховскій Петропавловскій монастырь—въ 20 верстахъ отъ Глухова, на правомъ берегу рѣки Клевени, на высокомъ лѣсистомъ холмѣ (Ист. Іерархіи, III, 697).

Умеръ 1693 г. 3 сентября въ Черниговѣ архіепископъ Лазарь Барановичъ, — этотъ «столпъ церквей», какъ называетъ его Димитрій. Не долго спустя 1696 г. 6 февраля скончался и его преемникъ, св. Ѳеодосій Углицкій; въ началѣ 1696 г. пришла вѣсть о кончинѣ московскаго царя Іоанна Алексѣевича. Въ томъ же году послѣдовала смерть друга Димитрія, игумена Иннокентія Монастырскаго.

Въ 1696 году Димитрію предложили занять мѣсто игумена въ Кирилловскомъ монастырѣ, гдѣ ктиторомъ состоялъ его отецъ, Савва Григорьевичъ. Онъ сначала отказался, но послѣ былъ «убѣжденъ принять игуменство». Жить здѣсь ему почти не удалось: будучи опредѣленъ сюда въ началѣ 1690 г., онъ 20-го іюня получаетъ уже другое назначеніе въ архимандрита Елецкаго Успенскаго, близъ Чернигова, монастыря, вмѣсто Іоанна Максимовича [1]), который по смерти св. Ѳеодосія Углицкаго возведенъ въ санъ Черниговскаго епископа. Посвященіе въ санъ архимандрита совершилъ епископъ Іоаннъ. Это назначеніе онъ считалъ уже честью, которая превышала его силы, какъ писалъ онъ на поздравленія изъ Москвы отъ Ѳеолога; въ то же время Димитрій не переставалъ управлять и Глуховскимъ монастыремъ въ теченіе 3 лѣтъ. Ему помогалъ въ этомъ его намѣстникъ, Ипполитъ.

При пріемѣ Елецкаго монастыря, тамъ оказалась и денежная казна [2]) и не малыя земельныя владѣнія. Такъ, когда новый игуменъ чрезъ мѣсяцъ собрался ѣхать въ Батуринъ, Кіевъ и Глуховъ, то его осадили просьбами о деньгахъ: монахи просили выдать имъ «зажитое»,

---

[1]) Соч. I, 492.

[2]) При пріемѣ казны Димитріемъ оказалось 10 битыхъ талеровъ, 1000 золотыхъ чеками, въ казнѣ хранились вкладныя деньги пани Полуботковой— 15 червонныхъ гнутыхъ грошей.

отецъ Геннадій заявилъ, что у него мало денегъ на расходы. Отправляющійся тогда-же въ Нѣжинъ намѣстникъ Ипполитъ заявилъ, что и ему надо деньги. По возвращеніи Димитрія изъ Глухова опять къ нему приступилъ казначей за деньгами. При смѣнѣ казначея новымъ, въ декабрѣ того года, тоже оказались такія же надобности. Такъ и передъ каждымъ выѣздомъ архимандрита изъ обители выдавались деньги братіи, «бо згола неотколь взяти». Съ лежащей суммы израсходовано у Димитрія за все его управленіе 544 злотыхъ и «шаговъ три». Казна монастыря, однако, при Димитріи не убыла, а возросла, потому что были жертвователи, въ родѣ пана бунчуковаго, обознаго и самого гетмана, такъ что принявши въ 1697 году сто битыхъ талеровъ, онъ при сдачѣ монастыря оставилъ ихъ 1000.

Въ Елецкомъ монастырѣ Димитрій усердно поддерживалъ довольно широко поставленное хозяйство по селамъ Овдѣевцы, Горбовѣ, Серединцы и Святыхъ Ризникахъ, наблюдалъ за посѣвами, сѣнокосомъ, умолотомъ, скотоводствомъ, пасѣкою, запасами хлѣба и сѣна. За время управленія Димитрія утварь по церкви увеличилась владными вещами отъ пани обозной и самого пана обознаго. Самъ гетманъ внесъ, въ видѣ пожертвованія, 300 золотыхъ чеками. Земельныя угодья прикупалъ и самъ Димитрій [1]).

На Димитрія сразу пала обязанность защищать границы земельныхъ монастырскихъ владѣній и крестьянъ, жившихъ на нихъ. У гетмана разбирались челобитныя Елецкаго архимандра съ братіею на Шабельника, захватившаго монастырскій сѣнокосъ; на черниговскихъ людей, притѣснявшихъ «онисовцевъ», подана была у него жалоба Черниговскому полковнику Лизогубу [2]).

[1]) „Русская Старина", 1882 г., X, 170—173.

[2]) *Филаретъ*, „И. С. Описаніе Черниг. Еп." III, 6, 19, 21.

За это время, въ голодную зиму 1699 г., Димитрій показалъ себя сострадательнымъ къ бѣдному крестьянину. По распоряженію его, на лежачую казну монастырскую покупали хлѣбъ и въ самой обители кормили голодныхъ [1]). По отмѣткѣ Димитрія оказалось потраченнымъ на это 250 грошей золотыхъ. Впрочемъ, эта сумма покрыта отчасти щедрымъ пожертвованіемъ богобоязненнаго пана бунчуковаго въ 150 золотыхъ.

Монастырское хозяйство, какъ владѣніе, такъ и управленіе считалось въ Украинѣ независимымъ ни отъ кого. Пріобрѣтеніе земельныхъ владѣній еще не стѣснялось правительствомъ, какъ въ Великороссіи. Димитрій показалъ себя распорядительнымъ и точнымъ хозяиномъ, сберегающимъ средства на черный день. Онъ имѣлъ въ это время собственныхъ лошадей: при отъѣздѣ изъ монастыря на прощанье онъ оставилъ въ подарокъ обители 6 своихъ собственныхъ [2]).

Черезъ 3 мѣсяца послѣ вступленія въ должность онъ предпринялъ поѣздку въ Батуринъ, затѣмъ въ Глуховской монастырь и въ Кіевъ. Цѣлью ея, по всей вѣроятности, было освященіе той самой церкви въ Глуховѣ, которую онъ же и началъ строеніемъ въ 1693 году. Въ Кіевѣ онъ навѣстилъ не только родныхъ своихъ, но и принялъ участіе въ храмовомъ праздникѣ Михайловскаго Златоверхаго монастыря. Здѣсь имъ произнесено сохранившееся до насъ слово [3]), на текстъ: «ополчится ангелъ Господень окрестъ боящихся Его». 8 ноября въ тотъ годъ пало на 23 недѣлю по пятидесятницѣ, когда читается Евангеліе объ изгнаніи бѣсовъ. Сопоставляя дневной праздникъ съ этимъ Евангельскимъ событіемъ,

[1]) „Р. Старина", 1882 г., X, 171—172 стр. *Филаретъ*, Опис. Черн. Еп. III, 20.

[2]) „Р. Старина", 1882 г., X, 170—173.

[3]) Слово у него озаглавливается такъ: „брань Св. Архистратига Михаила, воеводы силъ небесныхъ, и ангеловъ его съ седьмоглавнымъ зміемъ". (Соч. III, 199).

проповѣдникъ находитъ, что Св. церковь, какъ будто-бы «соборъ ангельскій съ легіономъ бѣсовскимъ къ битвѣ и брани сводитъ, гдѣ... Христосъ, предводительствуя, въ страну Гадаринскую сходитъ, а при Немъ воевода силъ безплотныхъ со всѣми полками ангельскими туда же вступаетъ, вооруженный на древняго непріятеля. Итакъ, пришедшу Іисусу въ страну Гадаринскую, Михаилъ и ангелы его брань сотвориша съ зміемъ». Сдѣлавши такое любопытное, въ схоластическомъ духѣ, сопоставленіе, проповѣдникъ говоритъ далѣе, что борьба у ангеловъ идетъ за насъ людей, указываетъ, затѣмъ, имена и должности архангеловъ, защищающихъ насъ, и объясняетъ значеніе 7-ми роговъ апокалипсическаго змія, враждующаго противъ людей. Въ этомъ словѣ уже просачиваются живыя талантливыя сравненія, свойственныя Димитрію, но ораторъ еще очень осторожно допускаетъ вольности и отступленія отъ тогдашнихъ правилъ «сложенія» проповѣдей.

Что касается причины поѣздки въ Батуринъ, то изъ сопоставленія писемъ и фактовъ можно заключить, что Димитрій ѣздилъ искать защиты гетмана. Съ Черниговскимъ владыкою благодушныхъ отношеній у него не замѣтно, такъ что его, съ монастырскою братіею, нашелъ необходимымъ защищать самъ московскій патріархъ Адріанъ. Въ письмѣ своемъ отъ 1-го февраля 1698 года патріархъ успокаиваетъ Димитрія, что имъ уже написано Черниговскому владыкѣ не обидѣть ихъ и вникать въ нужды («требованія») «любовію и рукою»; только проситъ не оставлять дѣла составленія «Житій Святыхъ» и самъ посылаетъ на издержки по этому дѣлу 20 червонцевъ [1]). За Димитрія въ Москвѣ

[1]) Патріархъ писалъ къ Димитрію: „тебѣ, рабу Господню и послушнику Святой Церкви и труднику на отмѣнную пользу церковнаго нашего сословія, здравія, спасенія и благополучнаго пребыванія желаемъ“. Посылая ему свя-

теперь стояли его друзья, посылавшіе ему свои письма, помогавшіе ему не однѣми молитвами о книжномъ дѣлѣ и радовавшіеся его возвышенію [1]). Вѣроятно они сообщали патріарху и объ отношеніяхъ Черниговскаго епископа къ Димитрію.

Епископу Іоанну Максимовичу патріархъ писалъ: «извѣстился я, что близъ тебя нынѣ въ Черниговскомъ Елецкомъ монастырѣ трудится въ общественномъ книжномъ словодѣліи пречестный архимандритъ Димитрій, составляющій «Житія Святыхъ». Просимъ твою любовь,— вспомоществуй твоею рукою ему, когда нужно будетъ... окажи ему любовь со благодушіемъ на пользу церкви».

У черниговской каѳедры существовали какія то наслѣдственныя недоразумѣнія съ духовенствомъ, управляемыхъ Димитріемъ, монастырей, которыя разрѣшались при посредствѣ высшихъ свѣтскихъ и духовныхъ властей. Праздникъ Рождества Христова Димитрій провелъ съ епископомъ, произнесъ даже слово въ этотъ день [2]). Но недоразумѣнія у нихъ возобновились, какъ скоро Димитрія перевели изъ Елецкаго монастыря въ Новгородъ-Сѣверскій. Этотъ монастырь считался богаче и, архіерейскаго дома. Лазарь Барановичъ высказывалъ убѣжденіе, что въ немъ лучше, чѣмъ въ Черниговѣ: есть при немъ и земли, и мельница. Нѣкоторыя монастырскія вотчины онъ, поэтому, своею властію присоединилъ къ каѳедрѣ, а о присоединеніи другихъ были заявлены просьбы предъ гетманомъ.

Мазепа незадолго предъ этимъ пріѣзжалъ въ Черниговъ и узналъ объ этомъ отъ самого епископа. Въ

тительское свое благословеніе на новое „чинодостоинство“, то есть архимандритство, просить трудиться какъ въ управленіи паствою и въ проповѣди Слова Божія, такъ и въ составленіи „Житій Святыхъ“ (Проф. *Шляпкинъ*, 261).

[1]) Напр., 2 письма Ѳеолога въ 1697 г., о которыхъ упоминаетъ Димитрій „Яр. Еп. Вѣд.“ 1874 г., 246 — 247 стр.

[2]) Соч. III, 402. Изд. К. 1903 г.

началѣ управленія Димитрія монастыремъ, изъ Батурина вышелъ гетманскій приказъ, чтобы спорную слободу Юриновку отъ Новгородъ-Сѣверскаго монастыря взять въ Черниговскій архіерейскій домъ. Должно быть, Димитрій протестовалъ противъ такого рѣшенія, потому что гетманъ писалъ ему: «извольте, ваше преподобіе, ничѣмъ не оправдываясь и насъ больше не тревожа просьбами, ту слободу Юриновку отдать каѳедрѣ» [1]).

Во время пребыванія Димитрія въ черниговскихъ монастыряхъ у него вышло изъ печати нѣсколько сочиненій.

Отдѣльно отпечатана его книжка «жизнь великомученицы Варвары» (1698 г.) [2]). Имъ же написана псалма великомученику Димитрію Солунскому [3]), «Апологія», появившаяся изъ печати 1700 г. [4]). Въ это время у Димитрія зрѣли другіе литературные планы. Когда онъ составлялъ «Житія Святыхъ», то нашелъ полезнымъ издать эти же житія въ сокращенномъ видѣ въ одной небольшой книгѣ, въ порядкѣ мѣсяцеслова, и назвать ее по древнему обычаю, «мученикословіемъ» (Μαρτυρολόγια), потому что пространныя житія святыхъ не всякій можетъ имѣть, по ихъ дороговизнѣ; но если и пріобрѣтетъ ихъ, то, за обычными недосугами, прочитать ихъ ежедневно не можетъ; бываетъ такъ, что нѣкоторые люди привыкли воздавать почитаніе святымъ особымъ имъ поклономъ на каждый день; а такъ какъ въ мѣсяцесловахъ написано не о всѣхъ святыхъ, то Димитрій и рѣшилъ собрать краткія житія святыхъ.

Такъ появилась новая книга,- «Мартирологъ вкратцѣ, въ обители Спаса Новгородка Сѣверскаго новонапи-

[1]) *Филаретъ.* „Опис Черниг. Еп.“ III, 68
[2]) *Пекарскій.* „Наука и лит. при Петрѣ В.“, II, 8.
[3]) „Ир. Еп. Вѣд.“ 1861 г. № 43, 417.
[4]) *Пекарскій.* „Наука и лит.“ II, 31.

санный, въ лѣто 1700». Изъ Кіевопечерской лавры отъ имени архимандрита Іосафа Кроковскаго снарядили опять посольство въ Москву для поднесенія книги патріарху. Но этотъ разъ ѣхалъ соборный старецъ, писарь Гавріилъ Филипповичъ и проповѣдникъ, Амвросій Слонимскій.

Въ Москвѣ приняли пословъ ласково, положили жалованіе каждому изъ нихъ деньгами, съѣстными припасами и обласкали ихъ. Послѣ того, какъ ими поднесена была отпечатанная третья книга «Житій Святыхъ», ихъ отпустили домой съ пожалованіемъ 61 руб. на всю свиту и корму на 10 дней [1]). Выходъ третьей книги Четьи-Минеи отмѣченъ въ лѣтописи, что появленіе ея въ свѣтъ наполнило духовной радостію сердца книжныхъ людей [2]).

Отъ Кіевопечерской лавры въ это время самому составителю Димитрію архимандритъ Кроковскій прислалъ образъ Пресв. Богородицы, замѣчательный тѣмъ, что онъ подаренъ царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ кіевскому митрополиту, Петру Могилѣ [3]). Самъ Димитрій не скрывалъ своей радости, по поводу выхода 3 книги житій. Въ письмѣ своемъ къ Ѳеологу [4]) онъ выражаетъ задушевное свое желаніе: «О, бы сподобилъ мя Господь и послѣдніе три мѣсяца написати!» Въ Новгородъ Сѣверскомъ монастырѣ у Димитрія завелись новыя знакомства; такъ большимъ пріятелемъ былъ новгородскій гражданинъ панъ Доморца, который переписывался съ нимъ и послѣ [5]). Вращаясь среди всѣхъ выдающихся событій своего времени, повидимому, глубоко поглощенный возложенными порученіями, Димитрій Савичъ за это время обнаружилъ глубокое религіозное чувство и необычайное смиреніе. Такъ у него въ Діаріи

[1]) Проф. *Шляпкинъ*, 266. [2]) Лѣтопись *Величка*, III, 551. [3]) Соч. I, Діарій. [4]) „Яр. Еп. Вѣд." 1874 г. № 32. [5]) „Яр. Еп. Вѣд." № 46,374 стр.

тщательно отмѣчены чудеса, происходящія отъ Чудотворныхъ иконъ Божіей Матери, подобныя тѣмъ, какія у него описаны въ «Рунѣ Орошенномъ», напримѣръ, исцѣленіе пяти болящихъ въ воскресный день во время литургіи въ селѣ Старожищѣ, близъ Слуцка, въ 1678 г., или 76 чудотвореній въ Старчицахъ [1]), а также случаи чудесной помощи отъ мощей великомученицы Варвары.

Глубокая религіозная его настроенность видна и изъ отношеній его къ іерархамъ.

Благожеланію архіепископа Лазаря Барановича онъ придаетъ пророческое значеніе, и молится: «дай, Боже, чтобы пророчество его архипастырства сбылось!» Гревожные сны заставляютъ его задумываться, что черезъ особу преосвященнаго отца архіепископа Самъ Создатель наказывалъ его. Въ недѣлю крестопоклонную 1676 года тотъ же владыка, приснившись ему, съ укоромъ говорилъ: «не я ли тебѣ имя нарекъ? Брата Павла оставилъ, и прочихъ приходящихъ, тебя же избралъ!» Четыре года Димитрій носилъ въ памяти этотъ странный сонъ. Четыре года онъ спрашивалъ о діаконѣ Павлѣ, не былъ ли когда таковой, но не могъ сыскать ни въ Кіевѣ, ни въ Черниговѣ, ни по другимъ монастырямъ. «Богъ вѣсть, что значитъ Павелъ діаконъ?» [2]) недоумѣваетъ онъ. Смиреніе Димитрія поразительно. Когда чудовскій монахъ Ѳеологъ въ 1677 г. поздравилъ его съ возведеніемъ въ санъ архимандрита, называя его достойнымъ такого повышенія, какъ благонравнаго, сравнивая его со свѣтомъ, озаряющимъ міръ, и проч., то Димитрій въ отвѣтъ пишетъ, что ему стыдно отъ такихъ похвалъ: «я неблагонравенъ, а злонравенъ, исполненъ злыхъ навыковъ, грубъ я и невѣжа, а свѣтъ мой — одна тьма и прахъ!» [3]).

[1]) Соч. I, 334 — 335, изд. М. 1895 г. [2]) Соч. I, 346 — 347.
[3]) „Яр. Еп. Вѣд." 1874 г. № 31, 246 — 247 стр.

Ярославль. Церковь I Предтечи на Толчковѣ (1687 г.)

ГЛАВА III.

Димитрій въ Москвѣ

Вторая половина XVII вѣка въ Россіи полна богатыхъ историческихъ событій и составляетъ замѣчательную эпоху ея развитія. Наставало время соединенія старой Руси съ новою. Оно освѣщало минувшіе вѣка, какъ яркій результатъ ихъ; оно служило звеномъ для будущихъ событій. Это былъ завершительный моментъ государственной и общественной жизни, въ духѣ древнерусскихъ устоевъ, почти безъ малѣйшихъ признаковъ духовной связи съ западомъ.

Задачи объединенія Руси завершились: она стала единымъ политически цѣлымъ. Въ XVII вѣкѣ шло завершеніе старорусскаго политическаго строенія земли: издано уложеніе, присоединена Малороссія, распространилось и укрѣпилось владычество Россіи въ сѣверной и восточной части Азіи, дипломатическія сношенія захватили огромную территорію восточнаго и западнаго океановъ. Въ дѣлѣ Никона и въ отноше-

ніяхъ къ расколу опредѣлились внутреннія убѣжденія русскихъ людей.

Въ концѣ XVII вѣка Россія круто повернулась на Западъ, обнаружилось усиленное стремленіе къ сближенію съ Европою и къ воспріятію новыхъ началъ западнаго образованія. Правда, знакомились съ Европою немногіе, русскій народъ—не иначе смотрѣлъ на иностранца, какъ на иновѣрца, съ которымъ всякое сношеніе ограничивалось до той поры лишь въ сферѣ военной. Но эти немногіе люди, составляя правящую силу, влекли народъ къ западно-европейскому укладу, влекли помимо его воли, указами, распоряженіями, нарядами, даже мѣрами жестокости. Для того, чтобы вложить сознаніе новыхъ европейскихъ понятій въ народныя массы, понадобились новые люди.

Въ такую важную эпоху Русскаго государства царь Петръ сталъ приглашать къ себѣ кіевскихъ ученыхъ.

Изъ множества ихъ только одинъ вполнѣ удовлетворялъ вкусамъ и стремленіямъ Петра. Это—Ѳеофанъ Прокоповичъ. На другихъ царь смотрѣлъ подозрительно. Онъ ждалъ просвѣщенія отъ Европы. Но тамъ просвѣщеніе давно имѣло два теченія. Одно старое—схоластическое, котораго держались католическіе ученые, а другое — выродившееся изъ гуманистическаго движенія, свободное отъ всякихъ авторитетовъ, процвѣтающее въ протестантскихъ университетахъ. Первое привилось въ Кіевѣ. Малороссія обязана своимъ образованіемъ Польшѣ, гдѣ царила схоластика. Пропитанные ученостію, кіевляне свысока смотрѣли на «немудрыхъ русаковъ». Петръ замѣтилъ у нихъ жажду господства и требованіе повиновенія отъ другихъ [1]). Самъ онъ тяготѣлъ къ нѣмецкимъ порядкамъ и разо-

[1]) Въ пародіяхъ Петра Великаго на всешутѣйшій соборъ, ясно отмѣчены черты юго-западнаго духовенства.

чаровывался въ кіевскихъ ученыхъ, которые не соотвѣтствовали преобразовательнымъ видамъ.

Первымъ появился въ Россіи другъ Димитрія, Стефанъ Яворскій. Около этого времени, кіевскій митрополитъ Варлаамъ испросилъ у патріарха себѣ викарія, съ титуломъ епископа Переяславскаго. Выборъ палъ на Стефана, бывшаго тогда игуменомъ Святоникольскимъ. При погребеніи воеводы А. С. Шеина Стефанъ произнесъ рѣчь. Петру, присутствовавшему тутъ, она понравилась, заинтересовалъ его и самъ горячій, подвижной ораторъ. Царь пожелалъ назначить его на рязанскую каѳедру, вмѣсто ушедшаго на покой митрополита Авраамія. Стефанъ открыто противился назначенію, но воля Петра была непреклонна. Его посвятили въ Рязань.

Вслѣдъ за Стефаномъ, вызвали и Димитрія. Его назначили въ Сибирь. Какъ при опредѣленіи Стефана Яворскаго въ Рязань имѣлось въ виду поставить человѣка не съ узкими взглядами, и не ханжу, а такого который проникся бы прежде всего просвѣтительными планами царя и былъ помощникомъ ему во всемъ, тѣ же качества требовались и отъ кандидата на Сибирскую митрополію. Отъ архипастыря Сибири, по взгляду Петра, большая ученость и не требовалась, а нуженъ человѣкъ разумный и покладистый [1]).

На самомъ же дѣлѣ громадная Сибирская епархія требовала самыхъ разнообразныхъ свойствъ отъ правящихъ ею лицъ. Пространства ея раскидывались на десятки тысячъ верстъ. Населеніе, по большей части, состояло изъ непросвѣщенныхъ людей, дикихъ племенъ, кочующихъ номадовъ. Всѣ они еще ждали христіанской проповѣди. Воеводы и начальники не могли выполнять просвѣтительныхъ задачъ, такъ какъ сами

[1]) *Соловьевъ.* XIV, 295.

нерѣдко находились на положеніи ссыльныхъ. Не было и малыхъ промежутковъ времени, чтобы изъ Сибири перестали жаловаться на самоуправство, жестокость и несправедливость правящихъ лицъ. Въ XVII вѣкѣ возлагали большія надежды на епископовъ, назначаемыхъ въ Сибирь. Архіепископу Сибирскому и Тобольскому издавна вмѣняли въ обязанность и дали право ходатайствовать за всѣхъ опальныхъ и гонимыхъ татаръ предъ воеводами, пріучать къ себѣ и приводить ко крещенію иноземцевъ ласкою и наученіемъ, а не страхомъ и жестокимъ обращеніемъ. При безчинствахъ бояръ, воеводъ и дьяковъ онъ могъ поучать и высшихъ царскихъ слугъ сначала съ умиленіемъ, а тамъ и съ прещеніемъ [1]).

Сибирскому епископу было бы довольно одной борьбы съ безпорядками, происходящими отъ самыхъ сибирскихъ правителей. Миссіонеры, какъ милости, просили заступленія отъ Московскаго правительства, чтобы воеводы и дьяки не чинили помѣхи къ обращенію язычниковъ въ христіанство. Кромѣ того, понадобилось бы долголѣтнее управленіе, чтобы только ознакомиться съ разнообразною паствою, говорящею на невѣдомыхъ языкахъ, живущею въ различныхъ климатическихъ поясахъ, отъ знойнаго до полярнаго. Не даромъ бывшій предъ тѣмъ епископъ Игнатій Корсаковъ сошелъ съ ума. Попробовалъ онъ для облегченія себя въ управленіи, по старому русскому обычаю, учредить десятильниковъ изъ боярскихъ дѣтей и чрезъ нѣсколько годовъ услышалъ о страшныхъ раззореніяхъ, обидахъ, налогахъ, побояхъ, безчестіяхъ дѣвицамъ, насиліяхъ, лихоимствѣ, которые творились отъ нихъ въ Сибири именемъ владыки. Христіанскими пунктами служили рѣдкіе храмы, убогія часовни и бѣдные мона-

[1]) *Ивановъ.* Описаніе гос. архива старыхъ дѣлъ. М. 1850. 260 — 263.

стыри. Митрополитъ Игнатій Корсаковъ отъ изнуренія лишился сна и отъ безсонницы «повредился въ умѣ». Во время посвященія Стефана Яворскаго онъ жилъ въ Москвѣ въ Чудовѣ монастырѣ.

Патріархъ все еще надѣялся на выздоровленіе Игнатія, чтобы имѣть его при себѣ въ качествѣ помощника, но Петръ взглянулъ на дѣло иначе. На Сибирь у царя образовались особенные виды. Онъ хотѣлъ еще больше расширить область и вѣдомство Сибирскаго владыки.

Въ 1692 году завязались дипломатическія сношенія съ Пекиномъ о разрѣшеніи въѣзжать въ Китай для торговли русскимъ караванамъ и построить русскую церковь. Петру доносили, что китайскій богдыханъ Канзій, расположенъ къ православной вѣрѣ, и тѣмъ вызвали у царя надежду на возможность воздѣйствовать, если не на самого китайскаго императора, то на его подданныхъ, какъ дѣйствовали уже тамъ іезуиты. Въ 1685 г. русскіе плѣнники насильно увели съ собою въ Китай русскаго священника Максима. Митрополитъ Игнатій послалъ Максиму въ Пекинъ благословенную грамоту на освященіе перваго храма. Узнавши объ этомъ, Петръ писалъ: «это дѣло зѣло изрядное. Только ради Бога поступайте осторожно и не шибко, чтобы китайскихъ начальниковъ не привесть въ злобу, а также и іезуитовъ, для чего тамъ надобны попы не столько ученые, сколько разумные и покладистые» [1]).

Теперь, при извѣстіи о безнадежномъ положеніи Игнатія, Петръ прямо кидаетъ взоры на кіевскихъ ученыхъ. Кіевскому митрополиту имъ предписывалось: «для утвержденія и пріумноженія въ православную вѣру и проповѣди св. Евангелія въ идолопоклонныхъ народахъ, такожъ для приведенія ясачныхъ народовъ въ вѣру христіанскую», поговоря о томъ съ святѣйшимъ

[1]) *Соловьевъ.* XIV, 295.

патріархомъ великій государь указалъ: поискать въ малороссійской области, — городахъ и монастыряхъ, — изъ архимандритовъ и игуменовъ или иныхъ знаменитыхъ иноковъ добраго и ученаго и благого непорочнаго житія, которому бы въ Тобольскѣ быть митрополитомъ и могъ бы Божіею помощію исподоволь въ Китаѣ и въ Сибири въ слѣпотѣ идолослуженія и другихъ невѣжествіяхъ закоснѣлыхъ человѣкъ приводить въ познаніе, и служеніе, и поклоненіе истиннаго Живаго Бога». Требуя такого просвѣщеннаго человѣка, способнаго поставить дѣло проповѣди на высоту, царь желалъ, чтобы избранный ѣхалъ не одинъ, а съ двумя—тремя добрыми и учеными иноками для обученія китайскому и монгольскому языку, а также для служенія и ученія въ новопостроенной въ 1685 году пекинской церкви въ такомъ духѣ и направленіи, чтобы расположить богдыхана и китайцевъ къ русскимъ торговымъ людямъ [1]).

Царь, какъ видно, хотѣлъ и въ духовныхъ назначеніяхъ извлечь свои государственные виды, именно, освѣжить и закрѣпить дипломатическія и торговыя сношенія съ сосѣдними государствами. Онъ такъ интересовался успѣхами русской колоніи въ Пекинѣ, что наказывалъ Виніусу выспрашивать у пріѣзжихъ купчинъ изъ Китая, ходятъ ли китайцы въ церковь, хвалятъ ли службу, не смѣются ли надъ нею и къ которому храму болѣе склонны, — къ русскому или къ іезуитскому? Равно спрашивалъ царь и о томъ, каковы тамъ попы, много ли русскаго народу, какъ украшена церковь, гдѣ совершается погребеніе умершихъ, кто изъ китайцевъ принялъ крещеніе? [2]) На кіевскихъ иноковъ Петръ расчитывалъ, что они опытнѣе и способнѣе соперничать

[1]) П. С. З., IV, № 1800.

[2]) Акты историч. V т., № 295.

съ іезуитами въ постановкѣ церковнаго дѣла и проповѣди, чѣмъ великорусское духовенство.

Патріархъ Адріанъ извѣщалъ кіевскаго митрополита Варлаама, какъ о необходимости, выслать въ Москву, по велѣнію государя, людей, о чемъ у него было уже съ нимъ «совѣтываніе», потому что «нынѣ время того дѣла истязуетъ». Постарайся, писалъ онъ къ м. Варлааму, ради славы имени Божія и расширенія нашей вѣры, людей способныхъ къ проповѣди и достойныхъ епископскаго сана изъ игуменовъ или іеромонаховъ, человѣка *два*, а съ ними—человѣка 4 ученыхъ и искусныхъ въ доброй жизни, отправить, если они пожелаютъ на дальнюю поѣздку [1]).

Того лѣта намѣревался «ради потребы своея» ѣхать изъ Москвы въ Украину митрополитъ Стефанъ Яворскій. Патріархъ поручилъ ему доставить свою грамоту въ Кіевъ, а въ августѣ опять обращается къ нему съ запросомъ: «нынѣшнимъ временемъ мы извѣстились, что ты туда не поѣхалъ. Нынѣ мѣрности нашей сотвори вѣдѣніе: грамоту нашу въ Кіевъ къ митрополиту кіевскому послалъ или нѣтъ? Да еще возвѣсти насъ, которые бы люди именно тамъ, по твоему сужденію, на то были годны» [2]). Въ концѣ года (27 декабря) вышелъ именной указъ для избранія освященнымъ соборомъ въ санъ Сибирскаго митрополита въ Москву пріѣхать въ началѣ 1701 года переяславскому епископу, Захарію Корниловичу, и Новгородскому Черниговскому архимандриту Димитрію, чтобы избранный по нынѣшнему же зимнему пути могъ уѣхать въ Тобольскъ. Чтобы побудить ихъ поторопиться выѣздомъ изъ Украины, объявлена двойная порція содержанія съ того самаго дня, «какъ они будутъ великихъ государей у руки».

Такъ Димитрій навсегда оставилъ Малороссію. Онъ

[1]) Проф *Шляпкинъ*, 276. [2]) Тамъ же, 475.

прибылъ въ Москву съ небольшою свитою,—съ намѣстникомъ, 3 діаконами, 3 слугами и 14 конюхами на 12 лошадяхъ. Пріѣхавшіе получили государево жалованье деньгами пивомъ, медомъ; имъ выдавали особыя деньги на дрова для топленія свѣтлицъ, свѣчи сальныя и конскій кормъ. На все ассигновано 72 рубля 2 алтына (около 500—600 нынѣшнихъ руб.). Димитрій дожидался царя въ Москвѣ съ 9 февраля цѣлый мѣсяцъ.

У Петра въ то время начались новыя комбинаціи. Мечты о торговыхъ сношеніяхъ съ Китаемъ нѣсколько стушевались болѣе насущною для него потребностію въ Балтійскомъ морѣ. Онъ только что возвратился изъ мѣстечка Биржъ, гдѣ видѣлся съ польскимъ королемъ Августомъ для уговора, какъ вести имъ союзную войну противъ шведовъ. При первомъ свиданіи съ царемъ Димитрій привѣтствовалъ его рѣчью. Царь въ то время былъ въ полномъ развитіи юношескихъ силъ и способностей. Въ сравненіи съ 50 лѣтнимъ Димитріемъ, потерявшемъ уже остроту зрѣнія отъ усидчивыхъ книжныхъ работъ и нѣсколько уже сутуловатомъ, высокій, стройный и молодой царь съ орлинымъ испытывающимъ взглядомъ производилъ величественное впечатлѣніе. Опытный въ ораторствѣ Димитрій началъ говорить предъ нимъ о царскомъ маестатѣ, отражающемъ на землѣ величіе небеснаго царя, указалъ на 3 сословія: дворянское, военное и поспольство, на которыхъ зиждется дѣятельность царя,какъ на небѣ Господь носится на таинственныхъ животныхъ; какъ Небесный царь положилъ душу свою за церковь, такъ и земной царь не щадитъ своего здоровья и трудовъ за церковь Христову и за безопасность отечества [1]). Таково было содержаніе рѣчи Димитрія. Его предпочли Переяславскому епископу. Тобольская каѳедра предоставлена ему. Большое участіе въ на-

[1]) Соч. I, 50.

значеніи и посвященіи принималъ, другъ его, Стефанъ Яворскій, носившій тогда титулъ митрополита рязанскаго, а на дѣлѣ завѣдующій, послѣ смерти патріарха Адріана, скончавшагося 16-го октября 1700 года, всею патріаршею областію и дѣлами, подвѣдомственными патріарху.

Посвященіе Димитрія въ санъ митрополита состоялось 23 марта 1701 года на крестопоклонной недѣлѣ [1]) въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. При хиротоніи его присутствовали 3 митрополита: Крутицкій —Трифиллій, Нижегородскій — Исаія и Рязанскій — Стефанъ. Хотя теперь споры о пресуществленіи, уже и прекратились, но малороссовъ и всѣхъ посвящаемыхъ обязывали, кромѣ исповѣдыванія православнаго вѣроученія, заявлять свою непричастность къ заблужденіямъ, въ которыхъ заподозрѣны малороссы. Еще въ 1696 году постановлено внести въ текстъ архіерейской присяги и для царскихъ духовниковъ православное исповѣданіе о времени пресуществленія Св. Даровъ въ слѣдующихъ словахъ: «не принимать странныхъ обычаевъ въ церковныхъ преданіяхъ и чинѣхъ, паче же отъ латинъ новопривмѣщающихся; еще вѣровать и мудрствовать — совершатися Божественной литургіи пресуществленію Тѣла и Крови Христовы, яко восточніи и наши россійстіи учителе древніи учатъ, наитіемъ и дѣйствіемъ Св. Духа — чрезъ призываніе архіерейское или іерейское въ словесѣхъ, къ Богу Отцу молительныхъ: сотвори убо хлѣбъ сей и прочая» [2]). И Димитрія при хиротоніи обязали присягать, чтобы онъ не признавалъ того ученія, за которое стоялъ въ Москвѣ Сильвестръ Медвѣдевъ, и которому въ Малороссіи сочувствовали нѣкоторыя духовныя власти.

Кромѣ того, Димитрій давалъ клятвенное обѣщаніе

[1]) Діарій.

[2]) Акты ист. V т., № 218, 374 стр.

соблюдать миръ церковный, управлять паствою и учить ее, не ожидая наградъ, — такъ какъ самъ получаетъ свой санъ даромъ изволеніемъ государя, — не дѣлать не достойнаго противъ церковныхъ правилъ, если бы кто и потребовалъ этого подъ угрозою даже смерти. Когда будетъ избранъ патріархъ и позоветъ на соборъ, то повиноваться его зову.

Присяжный свой листъ вновь избранный «митрополитъ городовъ Сибири и Тобольска» вручалъ поставившимъ его митрополитамъ: они же, «когда Богъ благоволитъ... быть отцу патріарху..., да вручатъ (это) писаніе избранному святителю» [1]).

Новый Тобольскій владыка въ мартѣ 1701 г. послѣ своей хиротоніи вступилъ въ управленіе Сибирскою епархіею. Прибывшая съ нимъ въ Москву свита отпущена обратно въ Малороссію. Малороссійскихъ спутниковъ Димитрія щедро наградили государевымъ жалованьемъ: деньгами, мѣхами и сукнами, снабдили кормомъ на 2 недѣли [2]). Митр. Димитрій поселился теперь въ Чудовомъ монастырѣ, гдѣ было Сибирское подворье. Такъ какъ предшественникъ его, митрополитъ Игнатій Корсаковъ, пріѣхалъ въ Москву на чреду священнослуженія, то въ Москвѣ находились прибывшіе изъ Сибири пѣвчіе, была и архіерейская ризница. Игнатія, послѣ проявленія имъ буйства при нареченіи Стефана Яворскаго, держали съ 3-го апрѣля въ Симоновомъ монастырѣ.

Предъ митрополитомъ Димитріемъ опять потекла обычная московская жизнь, какую онъ видѣлъ въ

---

[1]) Проф. *Пятницкій*, 279, 216.

[2]) Намѣстнику дали 7 рублевъ, сукно англійское, пару соболей въ 5 рублевъ, тремъ діаконамъ по 4 рубля, по сукну англійскому, по парѣ соболей по 3 руб. пара и т. д. Подарки получили даже служки и возницы деньгами и сукномъ амбургскимъ.

1689 году. Петровская реформа уже начиналась. Совершались одни за другими важныя распоряженія и событія политическаго и церковнаго значенія, измѣняющія прежнее взаимоотношеніе церкви и государства. Хотя царь рѣдко бывалъ дома, но и въ отсутствіе его вся жизнь вращалась по мысли, желанію и волѣ его. Требовалось полное подчиненіе его замысламъ не только отъ свѣтскихъ служилыхъ людей, но и отъ духовенства, хотя русское неподготовленное духовенство никакъ не могло проникнуться замыслами Преобразователя. Лѣтомъ, 19-го іюня при Димитріи объявлена война со шведами. По Москвѣ шли полки, двигались военные обозы. Продолжительныя приготовленія разрѣшились ужасными слухами о Нарвскомъ пораженіи. На духовенствѣ лежала обязанность поддержать въ народѣ бодрость. Вѣсти шли неутѣшительныя. Пораженіе унесло много человѣческихъ жизней, многіе уведены шведами въ плѣнъ. По словамъ Димитрія, возстали и возстаютъ на всецѣлый корабль Церкви Христовой и всего отечества христіанскаго, то глады, то огненныя казни, пожары великолѣпныхъ зданій, городовъ и храмовъ Господнихъ, то непрестанныя брани и возстанія иноплеменниковъ! Одни мечемъ посѣчены, другіе въ плѣнъ отведены. Не упоминаемъ уже о внутреннихъ междоусобіяхъ! [1]). Одновременно со слухами о военныхъ неудачахъ при Димитріи, жившемъ въ Чудовомъ монастырѣ, въ самомъ Кремлѣ вспыхнулъ страшный пожаръ, испепелившій до 2.000 зданій.

Петръ, однако, самъ не упалъ духомъ. Напротивъ, какъ натуру сильную, воодушевленную ясною идеей, неудачи подняли его духъ и располагали къ упорной борьбѣ съ врагомъ. Но чтобы поправить военныя дѣла,

[1]) Соч. II, 411 — 412.

пришедшія въ разстройство, онъ прежде всего принесъ въ жертву задуманному дѣлу—духовенство. При недостаткѣ средствъ для войны ему указали на неисчислимыя, будто-бы, церковныя богатства: вотчинныя, денежныя и имущественныя.

При Димитріи въ Москву со всѣхъ сторонъ свозили мѣдные церковные колокола для отливки изъ нихъ пушекъ. Если народъ съ ужасомъ долженъ былъ смотрѣть, какъ повсюду снимали ихъ съ колоколенъ и отвозили для воинскаго употребленія, то что могло чувствовать духовенство, а въ особенности Димитрій, видѣвшій въ Малороссіи всегдашнее покровительство Церкви даже со стороны иновѣрцевъ? Изъ будущей Димитріевой Ростовской епархіи доставлено въ Москву свыше 300 пудовъ колокольной мѣди [1]).

Петръ Великій

Нужда въ денежныхъ средствахъ у государства отражалась всевозможными стѣсненіями церковныхъ учрежденій. Все, что считалось, по мнѣнію правительства, излишнимъ, отъ нихъ отбиралось. Вышелъ постепенный рядъ унизительныхъ для духовенства высочайшихъ указовъ. Уже во время прибытія Димитрія въ Россію, здѣсь происходила опись монастырей, — строенія, имущества, вотчинъ, людей и служекъ. Вышелъ указъ уволить изъ монастыреи бѣль-

[1]) „Яр Еп. Вѣд" 1867 г. № 10, 79 стр.

цовъ и лишнихъ слугъ не держать. Самимъ монахамъ приказано заниматься физическимъ трудомъ. Письмо въ кельяхъ запретили, не велѣно держать тамъ ни бумаги, ни чернилъ. Страннымъ должно было казаться такое распоряженіе для Димитрія, всю жизнь проведшаго въ письменныхъ келейныхъ занятіяхъ и знавшаго изъ лѣтописныхъ источниковъ, что писаніе книгъ составляло заслуженное достоинство русскихъ иноковъ.

Подверглись закрытію старыя церковныя учрежденія, какъ напримѣръ, патріаршій разрядъ. Возстановленъ ненавистный духовенству тотъ Монастырскій приказъ, противъ котораго ратовали патріархи. Въ приказѣ сосредоточили все управленіе монастырскими вотчинами. Завѣдывало имъ свѣтлое лицо, воевода И. А. Мусинъ-Пушкинъ. Все, казавшееся Петру лишнимъ въ монастыряхъ, обращалось въ правительственные рессурсы; какъ-то: оброчныя статьи патріаршихъ, архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ и всякіе остатки отъ расходовъ въ монастыряхъ. Наконецъ, всѣмъ монахамъ положено опредѣленное «штатное» жалованье, — около 10 рублей въ годъ на каждаго. Всѣ остатки отъ такихъ дачъ велѣно представлять изъ монастырей въ Монастырскій приказъ, а оттуда шли на военныя надобности.

Были и протесты со стороны низшихъ духовныхъ лицъ, но недовольныхъ правительственными распоряженіями карали, какъ государственныхъ преступниковъ, а чтобы не могло быть таковыхъ изъ высшей духовной іерархіи, для этого медлили избраніемъ патріарха. Стефанъ Яворскій, поставленный блюстителемъ патріаршаго престола не могъ не чувствовать того униженія, которое онъ унаслѣдовалъ по смерти послѣдняго патріарха. Сношенія правительства съ нимъ ограничивались простыми лишь приказаніями ему. Стефанъ Явор-

скій, если съ кѣмъ могъ дѣлиться сознаніемъ обиднаго положенія своего, такъ это со своимъ другомъ, митрополитомъ Димитріемъ. По горячности, природной подвижности и чувствительной отзывчивости ко всему, Стефанъ не могъ не высказываться предъ нимъ и сравнивать положеніе церкви въ Москвѣ съ свободною привольною церковною жизнью въ Малороссіи. Поводомъ къ такимъ разговорамъ могло служить сочиненіе Корба, только что присланное въ Москву, гдѣ говорилось о свирѣпости московитовъ во время стрѣлецкаго движенія.

Димитрій и самъ не могъ не видѣть странныхъ надписей, прибиваемыхъ къ городскимъ воротамъ, гдѣ публично высказывалось отъ имени правительства о намѣреніи ограничить духовенство въ имущественномъ отношеніи и сословныхъ правахъ. Если Димитрій и отзывался въ своихъ проповѣдяхъ о текущихъ событіяхъ, то лишь о такихъ, въ которыхъ требовалось утѣшить и ободрить слушателей. Ничего не имѣли малороссійскіе выходцы противъ распоряженій Петра (дек. 1701 г.) носить нѣмецкое платье всѣмъ, ходившимъ по Москвѣ, но страннымъ для нихъ былъ способъ убѣжденія. Нарушителямъ царскаго приказа грозили штрафомъ и гнѣвомъ царя. Величіе преобразовательныхъ плановъ и мѣры о просвѣщеніи народа омрачались, необычною въ Малороссіи, древнерусскою жестокостію. Личность человѣческая всецѣло приносилась государству и его цѣлямъ.

Замѣняя теперь митрополита Игнатія Корсакова, вызваннаго изъ Сибири для очереди въ богослуженіи и проповѣди, Димитрій принужденъ былъ отзываться на занимающія умы политическія событія живымъ церковнымъ словомъ. Всѣ военныя неудачи и несчастія онъ приписывалъ грѣхамъ людей и призывалъ къ покаянію.

По случаю объявленія войны со шведами онъ говорилъ въ Москвѣ проповѣдь; не молчалъ также и во время общаго унынія послѣ нарвскаго пораженія. Онъ высказалъ, что нужно твердо переносить испытанія и принести жертвы на общее дѣло. Еще не все потеряно. Нельзя отчаяваться, какъ людямъ, которые вѣрятъ въ судьбу и предопредѣленіе. Спаситель Самъ сказалъ: молитесь и дастся вамъ. Рука Всевышняго, простертая къ наказанію грѣшниковъ, удерживается при молитвѣ ихъ. Примѣры этого неисчислимы. Тяжелый трудъ — война, много требуется силъ, средствъ, помощи: вотъ тутъ-то и надо поднимать, какъ Моисей, свои руки на молитву къ Богу о дарованіи побѣды. Всѣмъ надо молиться. Вся Россія теперь, какъ обиженная вдовица, должна припасть Праведному Судіи со слезами, чтобы отомстилъ Онъ нашему сопернику и доставилъ радость небесной помощи [1]). Молитвенныя слезы составятъ облака. Изъ облаковъ могутъ быть громы и молніи на враговъ нашихъ! [2]).

Успѣхъ оружія своей новой родины составлялъ такое пламенное желаніе Димитрія, что въ одной проповѣди онъ разбиралъ предъ слушателями, какихъ враговъ надо любить. Христосъ сказалъ: «любите враги ваша». Но это Онъ говоритъ не о тѣхъ врагахъ, которые воюютъ на наше христіанское отечество и враждуютъ на благочестивую нашу вѣру [3]).

Изъ произнесенныхъ тогда проповѣдей видно, что Димитрій въ своемъ новомъ положеніи, по-свѣжести впечатлѣній, раздѣлялъ общее настроеніе русскихъ людей. Недовольство поведеніемъ царя сообщилось и ему. Въ его проповѣди находятъ намеки на то, что Петръ не присутствуетъ самъ въ войскѣ, не бросаетъ при

[1]) Соч. II, 309. [2]) Соч. II, 315. [3]) Соч. II. 519.

страшныхъ испытаніяхъ веселой своей жизни, что у него всѣмъ завѣдуютъ и руководятъ имъ нѣмцы, а русское войско терпитъ неудачи и пораженія [1]). Представляя въ примѣръ пророка Самуила и царя Саула, Димитрій говоритъ, что если и не могутъ молитвы іереевъ привлечь воинскій успѣхъ, то лишь за невѣріе царя [2]). Понятно, поэтому сочувствіе къ новому Сибирскому владыкѣ старорусской партіи. Проповѣди его слушалъ царевичъ Алексѣй Петровичъ и посылалъ ему подарки. У Димитрія сохранился даренный ему царевичемъ золотой крестъ, съ такою же цѣпью и съ мощами посединѣ, украшенный по сторонамъ драгоцѣнными камнями: яхонтами, изумрудами и лалами [3]).

За все время годового пребыванія Димитрія въ Москвѣ извѣстно 15 проповѣдей. Онѣ произнесены имъ большею частію въ с. Преображенскомъ (3) и въ Донскомъ монастырѣ (3), а также въ Успенскомъ соборѣ и въ другихъ мѣстахъ и случаяхъ. Нѣкоторыя произнесены въ присутствіи государя [4]) и особъ царской фамиліи.

Нѣтъ извѣстій, чтобы рѣчь Димитрія производила на царя особенное дѣйствіе, какъ рѣчи живого и бойкаго Стефана. Быть можетъ, спокойствіе тона у Димитрія, самый видъ его и тихое произношеніе роняли достоинства его проповѣди въ глазахъ царя. Быть можетъ, непріятно дѣйствовало на самолюбіе Петра то обстоятельство, что у Димитрія не было въ проповѣди панегириковъ ему, какъ, напримѣръ, у Аѳана-

---

[1]) Соч. II, 423. [2]) Соч. II, 230.

[3]) Опись имущ. Св. Димитрія „Яр. Еп. Вѣд.“, 1861 г. № 17, 164.

[4]) Напр. въ первую недѣлю великаго поста. Извѣстно въ печати 7 проповѣдей Димитрія, произнесенныхъ въ 1701 году въ Москвѣ („св. Димитрій“ 1849 г. 41 стр.).

сія, Холмогорскаго архіепископа, который не находилъ и не употреблялъ иныхъ сравненій для своего государя, какъ только съ Богомъ и со Христомъ [1]). Есть преданіе, что царь, подозрѣвавшій высшихъ іерарховъ во властныхъ «замахахъ» и въ скрытности, хотѣлъ узнать характеръ Димитрія и его взгляды на политику; для этого, призвавши его къ себѣ во дворецъ, усердно угощалъ виномъ, желая вызвать на откровенность. Димитрій принялъ царское угощеніе, но отвѣчалъ ему непрестанными смиренными поклонами на все, о чемъ царь ни заговаривалъ съ нимъ, и только, молча, благославлялъ Петра.

Въ Москвѣ у Димитрія, кромѣ митрополита Стефана, оказались преданные друзья, о которыхъ онъ послѣ вспоминалъ съ признательностью. Это были справщики печатнаго двора, Ѳеологъ и Каріонъ. Когда онъ сдѣлался больнымъ, они его не оставляли безъ помощи. Чудовскій келарь Іоасафъ «Колдычевскій служилъ мнѣ больному любезно, не гнушаючися немощи, купно съ твоею (Ѳеолога) честностію и Димитріемъ Алексѣевичемъ. Спасетъ Богъ и отца Каріона, что меня ягодами вишневыми кармливалъ» [2]), вспоминалъ послѣ Димитрій. Подружился здѣсь также онъ съ будущимъ митрополитомъ Сибирскимъ, Филоѳеемъ Лещинскимъ, о которомъ ранѣе отзывался неодобрительно, какъ человѣкъ небезукоризненной точности въ литературномъ отношеніи.—Благодаря друзьямъ у Димитрія расширилось знакомство съ текущимъ московскимъ церковнымъ движеніемъ. Такъ, Димитрій присутствовалъ въ Преображенскомъ при спорѣ м. Стефана Яворскаго съ фанатикомъ Григоріемъ Талицкимъ «о лѣтѣхъ» [3]). Во-

[1]) *Втрюжскій В. И.* „Аоанасій Холмогорскій“, Спб., 1909 г.

[2]) Соч. V, 131.

[3]) „Труды Кіев. духов. ак.“ 1864 г. III, 259.

просъ этотъ долженъ быть уже знакомымъ Димитрію, такъ онъ имѣлъ трактующую объ этомъ книгу Іосифа Волоцкаго, посланную ему еще въ Кіевъ московскими друзьями [1]). По крайней мѣрѣ онъ критически отнесся къ доводамъ Яворскаго и къ его ссылкамъ на святыхъ отцовъ, у которыхъ, по мнѣнію Димитрія, счисленіе лѣтъ далеко не согласно съ библейскимъ.

Впрочемъ, Димитрій держалъ себя такъ корректно, что всѣ его любили и уважали. Даже іезуиты, проживающіе въ Москвѣ, считали сначала его благорасположеннымъ къ нимъ. Одинъ іезуитъ называетъ Димитрія европейски образованнымъ и увѣряетъ, что онъ такой же настроенности, какъ и Стефанъ Яворскій, о которомъ и протестанты говорили, какъ о тайномъ папистѣ [2]).

Въ Москвѣ обращались къ митр. Димитрію разныя лица, ѣдущія въ Сибирь. Сохранились стихи, сочиненные имъ для Никиты Демидова, отправляющагося въ пожалованную ему отъ царя Невьянскую и Нижнетагильскую мѣстность:

„Никита Демидовичъ, мужъ благословенный
Съ сыномъ Якинфомъ будучи во всемъ умноженный.
О Всепѣтая Мати ему сопутствуй,
Сохраняй въ дому здрава, на пути присутствуй,
Архіерей Тобольскій молитъ тя усердно:
Даруй ему здравіе цѣло и невредно,
Храни блгополучно въ премногая лѣта
Избавляй и покрывай отъ злаго навѣта".

Во время пребыванія Димитрія въ Москвѣ умеръ (13 мая 1701 г.) предшественникъ его по каѳедрѣ, несчастный м. Игнатій Корсаковъ. Димитрій самъ отдалъ ему послѣдній долгъ. Игнатія погребли въ Симоновомъ

[1]) Проф. *Шляпкинъ*, 265.

[2]) Въ Москвѣ 1684 г. позволено жить одному іезуиту, а въ 1689 г. ихъ было 4. „Разсужденіе о книгѣ Камень вѣры". Рукопись Имп. Публ. Биб. Цвѣтаевъ. Изъ исторіи испов. Россіи. М. 1886 г. 368 — 376.

монастырѣ, гдѣ онъ жилъ въ послѣднее время предъ своею кончиною. При погребеніи присутствовали и другіе митрополиты, кромѣ блюстителя патріаршаго престола [1]).

Не радовали Димитрія разсказы о далекой Сибири. Время наступало горячее. Инородцы сибирскіе сами тяготѣли къ христіанству. Ихъ массовое движеніе немного спустя создало славу Сибирскому митрополиту Ѳилоѳею Лещинскому, просвѣтителю Сибири. До Димитрія дошли слухи объ обращеніи въ христіанство вогуловъ. Ихъ нужно было учить христіанской вѣрѣ.

Подобные утѣшительные слухи тонули въ массѣ вѣстей о Сибирскихъ нестроеніяхъ, бѣдности и общественныхъ бѣдствіяхъ. Лѣтомъ 1701 года въ Тобольскѣ во время страшнаго пожара погорѣло 5 церквей и дѣвичій монастырь. Въ огнѣ уничтожены списки крестьянъ сибирскихъ архіерейскихъ вотчинъ. Димитрій далъ распоряженіе, чтобы въ архіерейскій домъ истребовать новые списки изъ Тобольской приказной палаты [2]). Новые петровскіе налоги скоро дали себя почувствовать. Димитрію, митрополиту Сибирскому и Тобольскому, съ 150 церквей предъявили взыскъ данныхъ денегъ не только за текущій годъ, но и за минувшіе, начиная съ 1688 года [3]). Сибирскія церкви, надѣленныя землею, еще въ 1698 году лишены были руги. При такихъ обстоятельствахъ необходимо быть въ Сибири человѣку съ практическою сноровкою и опытностію. Хотя Димитрій и озаботился вызвать туда на службу малороссовъ и, насколько могъ, приводилъ дѣла въ порядокъ, но обстоятельства заставляли скорѣе выѣзжать на мѣсто службы. Для Димитрія, какъ и для каждаго

---

[1]) Проф. *Шляпкинъ*, 282.

[2]) „Странникъ“, 1866 г. № 11.

[3]) *Забѣлинъ* „Мат. ист. для г. Москвы“, I, 1091.

малоросса, Сибирь не считалась «золотымъ дномъ». Сибирью въ Украинѣ пугали другъ друга [1]). Ни одинъ изъ сосланныхъ туда малороссовъ, какихъ зналъ Димитрій, оттуда не возвращался живымъ. Туда на памяти Димитрія отправлены, по распоряженію Москвы, писарь Шійкевичъ, войсковой судья Незамай, Рославецъ, Адамовичъ, Д. Многогрѣшный и другіе [2]). Всѣ они пропали для Украины безслѣдно въ Сибирской дали, гдѣ и люди, и климатъ соперничали въ безпощадности къ украинцамъ.

Отпуска Димитрію въ Сибирь еще не было. Государь, уѣхавъ изъ Москвы, занимался въ Воронежѣ постройкою кораблей. 17 апрѣля 1701 г. Виніусъ напоминалъ царю: «Сибирскій, государь, архіерей ожидаетъ вашего государева указу: съ Москвы ему въ путь свой, до пришествія вашего государева, идтить ли или пожидать, еже и самъ онъ ожидаетъ?» На это Петръ кратко отвѣчалъ изъ Воронежа: «архіерею дожидатца» [3]).

По пріѣздѣ государя въ Москву Димитрій не могъ сразу явиться къ нему, потому что былъ боленъ. Тогда царь самъ посѣтилъ его и разспрашивалъ о его болѣзни. Димитрій открылся, что болѣзнь у него стала съ тоски: посылаютъ его противъ желанія и силъ въ далекую, несносную и вредную для здоровья, Сибирь, а у него единственное стремленіе — окончить составленіе своихъ Четь-Миней. Государь внялъ его положенію и позволилъ ему остаться въ Москвѣ. Онъ самъ началъ хлопотать о пріисканіи въ Сибирь, подходящаго къ его планамъ человѣка, спрашивалъ даже у патріарха

---

[1]) „Руина“, 16.

[2]) Въ Сибирь сосланы были, кромѣ того, Самко, Меѳодій и др. „Руина“, 66, 204, 280, стр.

[3]) „Письма и бумаги Петра В.“, подъ ред. *А. Ѳ. Бычкова*. Спб. 1887 г., I т., 853 и 449.

Досиѳея, нѣтъ ли въ Іерусалимѣ такого тактичнаго и благочестивой жизни человѣка на Сибирскую каѳедру?

10 ноября 1701 года умеръ въ Ростовѣ митрополитъ Іоасафъ Лазаревичъ. Мѣсто его, не безъ содѣйствія Стефана Яворскаго, предоставили 4 янв. 1702 г. Димитрію [1]).

Для занятія тобольской каоедры въ Сибирь, того же дня, представили іеромонаха Филоѳея Лещинскаго. Димитрій участвовалъ въ посвященіи (1 февр.). Филоѳея, вмѣстѣ съ м. Стефаномъ и м. Парѳеніемъ Лаодикійскимъ.

Ярославль. Церковь Николы Мокраго (1670 г.).

[1]) Соч. I, 493; „Яр. Губ. Вѣд." 1849 г. № 6.

Ярославль. Церковь Николы Мокраго (1670 г.).

ЧАСТЬ II.

Дѣятельность Димитрія въ Ростовѣ.

ГЛАВА I.

Ознакомленіе съ паствою.

На ростовскую каѳедру Димитрій прибылъ 1 марта 1702, въ воскресенье 3 недѣли поста съ образомъ Ватопедской иконы Божіей матери. Отъ ростовской паствы при встрѣчѣ поднесена владыкѣ Боголюбская икона Божіей Матери.

Онъ сначала пріѣхалъ въ Спасо-Яковлевскій монастырь, находящійся на окраинѣ города по дорогѣ изъ Москвы. Помолившись здѣсь, онъ указалъ въ юго-западномъ углу храма мѣсто, гдѣ желалъ быть похороненнымъ [1]).

Изъ монастыря онъ прибылъ прямо въ Ростовскій Успенскій соборъ и служилъ первую литургію. Послѣ

[1]) Влагаемыя при этомъ въ уста Димитрія: „се покой мой, здѣ вселюся къ вѣкъ вѣка!“ взяты изъ его проповѣди и вошли въ синодальное житіе съ легкой руки перваго составителя житія его, митр. Арсенія (Син. Архивъ. Дѣло объ открытіи мощей. № 28 отъ 1752 г. 20 Окт.).

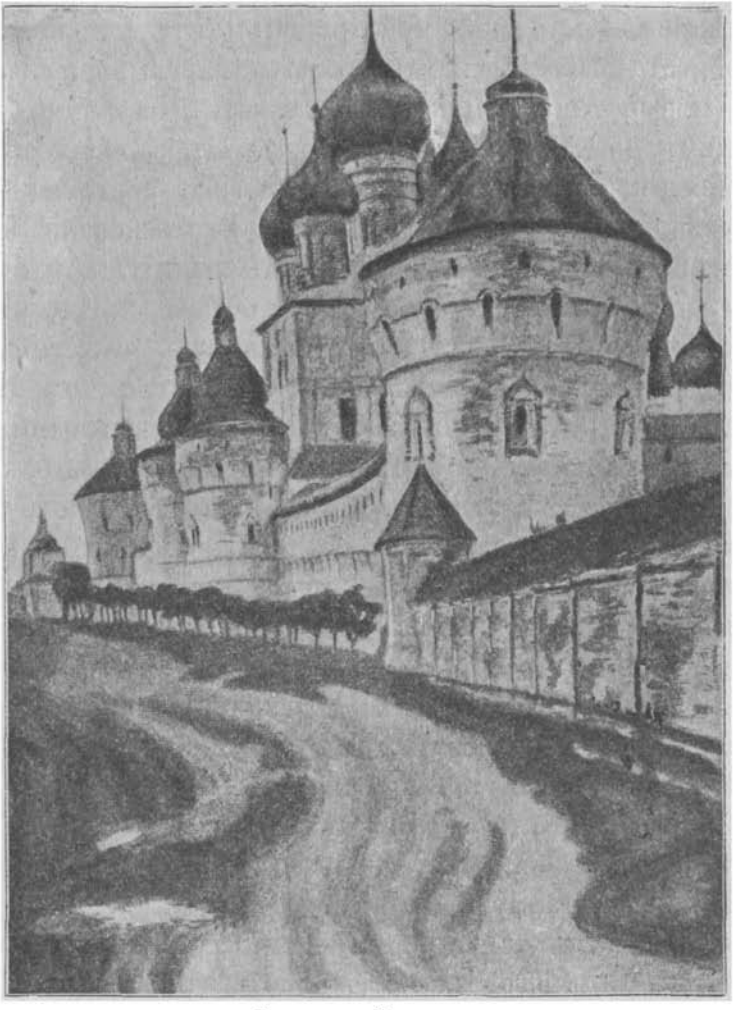
литургіи онъ обратился къ паствѣ съ замѣчательнѣйшимъ своимъ словомъ, такъ любимомъ и теперь въ простомъ народѣ.

«Миръ вамъ». Изволеніемъ Бога, все устрояющаго на пользу, и повелѣніемъ пресвѣтлѣйшаго Монарха, Благовѣрнаго Великаго Государя нашего Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца, соизволеніемъ и благословеніемъ всего освященнаго собора, мое недостоинство, прибывъ сюда, на престолъ пречестнѣйшей митрополіи Ростовской и Ярославской, миръ вамъ, о возлюбленные, словеснаго Христова стада овцы, возвѣщаю, миръ пречестнѣйшему сему Пречистыя Матери Божія храму, миръ богоспасаемому граду Ростову, миръ богоспасаемому граду Ярославлю, миръ богоспасаемому граду Угличу, и всѣмъ богоспасаемымъ епархіи сея церквамъ и градамъ миръ и благословеніе, миръ жительству и сожитію вашему, миръ домамъ вашимъ, миръ сердцамъ вашимъ, какъ и апостолъ говоритъ: *и миръ Божій да водворяется въ сердцахъ вашихъ, въ оньже и звани бысте* (Кол. 3, 15).

Да не смущается сердце ваше о моемъ къ вамъ пришествіи, дверьми бо внидохъ, а не прелазяя инуды: не искалъ, но поисканъ былъ, ни я не зналъ васъ, ни вы меня не вѣдали, но неисповѣдимая глубина судебъ Господнихъ, она послала меня къ вамъ; я же пришелъ, не для того, чтобы вы послужили мнѣ, но чтобы послужить вамъ, по слову Господню: *хотяй быти въ васъ первый, да будетъ всѣмъ слуга* (Матѳ. 20, 26).

Пришелъ я къ вамъ съ любовію, сказалъ бы, что пришелъ, какъ отецъ къ дѣтямъ, но лучше скажу: пришелъ, какъ братъ къ братьямъ, какъ другъ къ любезнымъ другомъ. Ибо и Христосъ Господь не стыдится нарицать насъ братіею. *Вы други Мои*, говоритъ, *не ктому васъ нарицаю рабы, но други* (Іоанна 15, 19),

а что еще почетнѣе и удивительнѣе, что и отцами себѣ именуетъ тѣхъ, кого любитъ, говоря: *сей Ми есть и отецъ, и мати, иже творитъ волю Отца Моего не-*



Ростовскій Кремль.

беснаго (Мато. 12, 49). Поэтому по любви моей къ вамъ вы для меня и отцы, и братія и други. Если же и отцемъ меня назовете, то я апостольски вамъ отвѣчаю:

чадца моя, ими же бользную, дондеже вообразится въ васъ Христосъ (Галат. 4, 19).

Я пришелъ тѣмъ путемъ, которымъ нѣкогда пришелъ сюда изъ Кіева иже во святыхъ отецъ нашъ Исаія, здѣшній Ростовскій чудотворецъ; тотъ на сіе мѣсто принесъ благословеніе отъ благодати, свыше изліянной на новый Аѳонъ, или лучше сказать, на новый Іерусалимъ, на Кіево-Печерскія горы. Итакъ, я грѣшный, прибывъ изъ Кіева по стопамъ того святого Исаіи, говорю: да будетъ на мѣстѣ семъ благословеніе Божіе, Богородицы, преподобныхъ отецъ нашихъ Антонія и Ѳеодосія и прочихъ чудотворцевъ Печерскихъ, въ нетлѣніи почивающихъ и всю вселенную чудесами озаряющихъ! Радуюся духомъ, прибывъ въ сей градъ, въ сей домъ, который здѣшніе чудотворцы стопами святыхъ своихъ ногъ освятили, молитвами оградили, богоугоднымъ житіемъ украсили, подвигами и трудами возвеличили и премногою святынею прославили. Радуюся духомъ, видя такое собраніе, великое словесныхъ овецъ Христовыхъ стадо, которое пасетъ самъ Пастыреначальникъ Христосъ, которое соблюдаетъ Пречистая и Преблагословенная Дѣва Марія, Матерь Христа Бога нашего, которое блюдутъ и охраняютъ древнѣйшіе пастыри, архіереи Божіи и великіе свѣтильники: Леонтій, Исаія, Игнатій, Іаковъ и прочіе, иже въ здѣшней сей епархіи угодники Божіи, предстоящіе престолу Божію, непрестанно о насъ ко Господу молящіеся. Радуюся духомъ, видя таковый виноградъ, его же насади десница Вышняго, напоила благодать Духа Святаго, возрастили труды прежде бывшихъ архіереевъ, посѣщаетъ Самъ Христосъ со Пречистою Своею Богоматерію и источаетъ вино духовнаго веселія.

Молю же и долженъ умолять Пастыреначальника, Владыку Христа, да соблюдетъ сіе Свое стадо цѣло и

невредимо отъ волковъ видимыхъ и невидимыхъ, да ни одна овца отъ этой Христовой и Богородичной ограды не впадетъ въ заблужденіе и погибель, да ни одна овца не будетъ похищена адскимъ звѣремъ, да ни одна овца не превратится въ козлище, но пусть лучше изъ козлищъ превратятся въ овцы, и вси съ благословенными овцами деснаго стоянія да сподобятся во время пришествія Господня.

А поелику Архіерей Великій, небеса прошедый, меня, хотя и недостойнаго поставилъ вамъ пастыремъ и ввѣрилъ мнѣ спасеніе ваше, которое со страхомъ и трепетомъ, какъ имѣющій воздать о васъ отвѣтъ, пріемлю; поэтому я буду знать и соблюдать свои по отношенію къ вамъ обязанности, вы же свои, по отношенію ко мнѣ, должны знать и исполнять. Я, при помощи Божіей, по наставленію апостольскому, долженъ *немощи немощныхъ носити, и не себѣ угождати*, но каждому изъ васъ *во благое къ созиданію, ибо и Христосъ не Себѣ угоди*. Я долженъ вразумлять безчинныхъ, утѣшать малодушныхъ, поддерживать слабыхъ, быть долготерпѣливымъ ко всѣмъ; долженъ любить добрыхъ, злыхъ же наказывать съ милостію; заботиться о пользѣ всѣхъ, тщательно искать всѣмъ спасенія, о всѣхъ молиться.

И вы, о возлюбленные, меня, по Христѣ Господѣ, хотя и грѣшнаго пастыря своего, должны знать и являть любовь нелицемѣрную, почитаніе безъ лести и подобающее повиновеніе и оказывать съ усердіемъ.

Если Богъ повелѣлъ, чтобы я былъ вамъ отцомъ, то и вы будьте присными мнѣ чадами. Если благоизволилъ Христосъ, чтобы я былъ первымъ между вами, то и вы будьте кроткими и смиренными подъ управленіемъ первенствующаго. Если Духъ Святый поставилъ меня пастыремъ вамъ, то будьте мнѣ истинными овцами, овцами слушающими, а не преслушающими

гласа пастыря своего. Если Богъ поставилъ меня учителемъ вамъ, то «пріидите чада, послушайте мене, страху Господню научу васъ». Если далъ наставникомъ вамъ, то повинуйтеся вашему наставнику и покоряйтеся, ибо мнѣ ввѣрено неусыпное о душахъ вашихъ попеченіе, «какъ обязанному дать отчетъ, чтобы я дѣлалъ это, съ радостію, а не воздыхая».

Когда я увижу съ вашей стороны добросовѣстное ко всему отношеніе, возрадуюсь; когда же недобросовѣстное, буду воздыхать. Когда увижу васъ истинными овцами Христовыми, идущими на десно, буду радоваться; когда же увижу васъ уклоняющимися на сторону козлищъ, буду воздыхать. Когда найду въ васъ истинную любовь, смиреніе, повиновеніе о Господѣ, премного возрадуюся; если же найду не любовь, неуваженіе, неповиновеніе, много буду воздыхать. О добронравномъ и богоугодномъ вашемъ житіи возрадуюся, о развращенныхъ же воздохну. Вы же заботьтесь, да съ радостію пасу васъ, а не воздыхая. Ибо если заставите меня воздыхать о васъ, не полезно вамъ будетъ сіе.

Богъ же Преблагій, хотяй всѣмъ человѣкомъ спастися, и въ разумъ истинный пріити, Той да наставитъ вы на путь свой, во еже творити волю Его благую и совершенную, и во всемъ Ему угождати, да не посрамлены и не постыжденны предстанемъ страшному Того суду. Да возрадуюсь-же и азъ недостойный пастырь, и реку ко Владыцѣ Христу: *се азъ и дѣти мои, яже далъ ми еси.* Нынѣ-же потщимся вси купно уклоняющееся отъ зла, творити благостыню, да угодны очесамъ Господнимъ явимся.

Благодать-же Господа нашего Іисуса Христа съ вами, и любы моя со всѣми вами. Аминь» [1]).

---

[1]) „Яр. Еп. Вѣд." 1902 г., № 9.

Новаго владыку, всю жизнь, до 50-лѣтняго возраста прожившаго въ Украинѣ, поразила церковная жизнь въ Ростовской области. Онъ не скрывалъ своего удивленія, высказывалъ его въ своихъ посланіяхъ, проповѣдяхъ и сочиненіяхъ. Благодаря этому, можно судить о состояніи духовенства и паствы, объ отношеніи правительства къ церкви, а равно и объ ненормальныхъ явленіяхъ въ церковной жизни, вродѣ суевѣрій и раскола. Все это вызывало административныя и просвѣтительныя мѣры новаго святителя, особенно противъ нестроеній въ церковной жизни.

Духовенство.

Въ первый же день бросилась въ глаза Димитрію небрежность духовенства при совершеніи богослуженія, а послѣ оказалось еще нѣчто большее: «клирошане читаютъ и поютъ безъ вниманія, священники съ діаконами въ алтарѣ сквернословятъ, а иногда и дерутся» [1]).

Вскорѣ по прибытіи на каѳедру Димитрій поѣхалъ въ Ярославль. Случилось ему войти въ сельскую церковь. Когда онъ спросилъ у мѣстнаго попа: «гдѣ животворящія Тайны Христовы?» Попъ не понялъ такихъ словъ владыки и стоялъ молча, ломая голову надъ вопросомъ.— «Гдѣ Тѣло Христово?» Пояснилъ архіерей; но попъ и этого вопроса не могъ понять. А когда одинъ изъ опытныхъ, стоящихъ подлѣ архіерея, священникъ подсказалъ ему: «гдѣ *запасъ*» [2]), тогда онъ взялъ изъ угла

[1]) Соч. III, 250. Поученіе на память мч. Плакиды.

[2]) „Запасъ“ сокращенное слово отъ названія „Запасныхъ Св. Даровъ“. Мѣстное названіе запаса прилагается еще къ хлѣбу. Думается, что состояніе ростовской паствы не такъ было ужасно, какъ изображено въ проповѣдяхъ и посланіяхъ св. Димитрія, который смотрѣлъ на пастырство, во-первыхъ съ идеальной точки зрѣнія, а во-вторыхъ, не могъ приноровиться къ быту ростовскаго духовенства, народная простота котораго бросалась въ глаза и Посошкову. Духовное просвѣщеніе здѣсь давно процвѣтало. Оно теперь пало, но были

«сосудецъ зѣло гнусный» и показалъ небрежно хранимую святыню. Такъ она, по словамъ Димитрія, хранилась въ углу съ клопами и тараканами.

Обозрѣвая всѣ опущенія по должности среди духовнаго чина, Димитрій восклицаетъ: чему я удивляюсь, такъ это долготерпѣнію Божію! Священники стоятъ около престола Божія безъ страха и безъ боязни, а Милосердный Христосъ не казнитъ внезапною смертію безчинствующихъ въ алтарѣ [1]). Въ быту, жизни и взглядахъ духовенства Димитрій видѣлъ полное невѣжество, пьянство и безобразные поступки.

Разговоры у духовенства между собою Димитрій находилъ «смѣху подобными». Напримѣръ, одинъ іерей разсказываетъ другому, будто тѣмъ самымъ мечемъ апостолъ Петръ отсѣкъ ухо Малху, которымъ и пророкъ Илья порубилъ жрецовъ Іезавеліиныхъ. Пастыри не только сами не просвѣщены ученьемъ, но не любятъ знающихъ, даже порицаютъ ученье и хулятъ [2]).

Духовныя лица не отдаютъ своихъ дѣвицъ въ замужество по мнимымъ религіознымъ соображеніямъ и даже не заставляютъ ихъ исполнять христіанскій долгъ исповѣди. Отъ дѣтей духовенства владыкѣ случалось слышать, что они и не помнятъ, когда причащались. Святитель не даромъ увѣщаваетъ пастырей подавать пасомымъ руку помощи и «во внѣшнихъ нуждахъ», заступаться за невинно угнетаемыхъ, заботиться объ убогихъ и нищихъ [3]). Нѣкоторые іереи лѣнились хо-

---

отдѣльныя лица, даже дьячки, интересовавшіеся книгою. Самый фактъ со священникомъ не говоритъ ясно о неразвитости духовенства, если принять во вниманіе малороссійскій выговоръ новаго владыки, непривычку и страхъ духовенства видѣть когда либо въ своей церкви архіерея, а главное неопредѣленность вопроса: священникъ могъ ожидать въ немъ экзаменъ по богословію: мало ли умономрачительныхъ вопросовъ въ нашемъ катихизисѣ?

[1]) Соч. III, Слово о пастырствѣ.

[2]) Соч. II, 503, 505, 507, 512, 514.

[3]) Соч. II, 503, 514.

дить къ нищимъ и убогимъ, но богатыхъ посѣщали. Изъ за такого нерадѣнія много бѣдныхъ умирало безъ исповѣди и причащенія Св. Тайнъ [1]).

Пьянство духовенства вносило много безобразныхъ явленій въ приходской жизни. Напьется «злонравный іерей», говоритъ Димитрій, и начнетъ разсказывать грѣхи своихъ духовныхъ дѣтей и обличать ихъ. Въ пьянствѣ они хвастаютъ своими духовными дѣтьми; предъ посторонними людьми въ бесѣдахъ или въ гнѣвѣ съ укорами бранятъ ихъ.

Въ увѣщаніи такимъ духовникамъ Димитрій говоритъ объ обязанности іерея хранить исповѣдныя тайны и сравниваетъ грѣхи съ камнями, отягощающими нашу совѣсть, а милосердіе Божіе съ моремъ. Подобно тому, какъ камни, брошенные въ море, никому уже не видимы, такъ должно быть и съ грѣхами, ввергнутыми въ пучину милосердія Божія. Іерею, разсказывающему о исповѣдныхъ грѣхахъ, не уйти отъ адскихъ мукъ, да и здѣсь, по человѣческимъ законамъ, слѣдуетъ ему языкъ ископать сзади [2]).—Пьянствовали иногда до болѣзни. Въ 1704 году былъ у Димитрія Угличскій архимандритъ Макарій и разсказалъ ему о такихъ несчастныхъ пастыряхъ. Попъ Прокопій Оглобля, напившись пьянымъ, былъ подхваченъ на подводу какими то страшными людьми. Дорогою онъ перекрестился и очутился предъ убогимъ домомъ подлѣ открытой ямы съ трупами и т. п. [3]).

Невѣжественные священники сами совѣтовали пасомымъ не часто причащаться; на это возмущенный владыка отвѣтилъ особымъ посланіемъ, чтобы причащать

[1]) Владыка грозитъ имъ, что Владыка Христосъ взыщетъ съ іерея какъ за грѣхи богатого, такъ и бѣднаго. Если много дѣла у іерея, то Димитрій совѣтуетъ поручать это дѣло „придѣльному“ іерею. (Соч. I, 154 — 159, изд. К. 1895 г.).

[2]) Соч. 159, изд. К. 1895 г.

[3]) Проф. *Шляпкинъ* „Св. Димитрій“, 371.

мірянъ, какъ можно, чаще. Служба совершалась механически, съ соблюденіемъ лишь обрядности, безъ внутренняго участія совершителя ея. Разъ протопопъ Ростовскій видитъ, какъ одинъ священникъ служитъ литургію безъ служебника, не читая положенныхъ молитвъ, а дѣлая только обычные возгласы. Когда его спросили, почему при немъ нѣтъ книги, онъ отвѣчалъ: «я уже прочелъ положенныя молитвы на дому». Ему возразили, что такъ не слѣдуетъ дѣлать, а онъ сослался на обычай: «я отъ старыхъ поповъ къ этому привыкъ», и сказалъ даже по имени, отъ кого научился. Подобныя манеры невнимательнаго и небрежнаго отношенія къ богослуженію глубоко возмущала святителя: онъ сравнивалъ такое служеніе съ кадильницей, брящающей безъ огня и дыма. Съ негодованіемъ узнавалъ онъ, что и просфоры для литургіи употреблялись иногда ржаныя, а не пшеничныя.

Священники, вообще, не сознавали ни важности своего сана, ни отвѣтственности служенія, а служили изъ-за доходовъ: «не для Іисуса, а для хлѣба куса», какъ говорилъ святитель.

При высокомъ благоговѣніи къ пастырскому служенію святитель Димитрій, какъ видно изъ его духовной грамоты, возмущался положеніемъ брать деньги за поминовеніе умершихъ, хотя при жизни и не укорялъ въ этомъ іереевъ.

Нечего и говорить о томъ, что онъ не могъ быть доволенъ также грубою живописью въ церквахъ. Нерѣдко встрѣчалъ онъ иконы, написанныя неправильно и даже «ужасно». Напримѣръ, мученика Христофора писали съ собачьей головою; Бога Отца—лежащимъ на кровати съ подушками, какъ бы отдыхающимъ послѣ шести дней творенія. Пресв. Дѣву при Рождествѣ Христовомъ представляли больною, для чего рисовали при

ней женщину. Обозрѣвая городскія и сельскія церкви, святитель обращалъ вниманіе на чистоту церковной утвари: дарохранительницъ, купелей и проч.

Были случаи, когда духовенство вступало съ кроткимъ владыкою «въ состязаніе». Много было досады святителю отъ вдоваго священника Давыда, который упрекалъ его въ латинствѣ, называлъ даже еретикомъ «и многою бранью лаялъ». По этому поводу слѣдствіе производилъ самъ начальникъ Монастырскаго Приказа, бояринъ Мусинъ - Пушкинъ. Священникъ, вмѣсто того, чтобы, по обычаю, принять монашество, просилъ оставить за нимъ мѣсто въ приходѣ. Владыка отказалъ. Священникъ сочелъ себя обиженнымъ и обратился съ жалобою къ царицѣ Прасковіи Ѳеодоровнѣ, которая письмомъ просила митрополита пощадить просителя и сдѣлать по его желанію. Но владыка въ рѣшительныхъ словахъ написалъ царицѣ о невозможности для него удовлетворить такую просьбу. Давыдъ, по отзыву святителя, былъ человѣкъ неистовый; онъ оказалъ раскольническое противленіе св. церкви, хуля новыя книги, разглашалъ о ложныхъ чудесахъ. Онъ, по поведенію своему, развратникъ, святотатецъ и хульникъ, заслуживающій лишенія сана [1]).

Имѣя въ виду такихъ невѣжественныхъ, жалкихъ помощниковъ по управленію ростовскою паствою и безнадежную бѣдность ихъ, митрополитъ Димитрій писалъ своему знакомому, Ѳеологу, въ Москву, «печалію смущаюся, видя бѣды священниковъ и глядя на слезы ихъ..., хотя и уповаю я на Бога, но, при очевидной такой нуждѣ, печалюсь» [2]). Вспоминалъ и свою родину на Украинѣ, гдѣ тоже духовенство не стояло на особенной высотѣ образованія въ сравненіи съ его паствою. И тамъ рѣдко

[1]) Соч. изд. М. 1895 г. 1 т. 268—369.

[2]) „Яр. Еп. Вѣд." 1873 г. 276; № 37.

кто изъ духовнаго чина зналъ порядокъ библейскихъ исторій, когда и что происходило. Игуменъ одного Кіевскаго монастыря разъ спрашивалъ у Димитрія, который еще жилъ тогда въ Украинѣ: когда былъ пророкъ Илія, до Рождества Христова или послѣ? Приводилось ему слышать отъ духовнаго лица и такое утвержденіе, что Маккавеи жили послѣ апостоловъ, потому что учитель ихъ Елеазаръ ободрялъ ихъ на судѣ апостольскими и святительскими рѣченіями, какъ это видно изъ пролога.

Если въ Малороссіи духовенство проявляло такое невѣжество, то что сказать о ростовскомъ духовенствѣ, у котораго и школъ не было? Разница была лишь въ томъ, что въ Украинѣ духовенство обособилось отъ паствы; считая себя выше народа, держало себя съ достоинствомъ. Въ Ростовѣ же, какъ и вообще въ Великороссіи, священнослужители ничѣмъ не отличались отъ мужика. «Потѣшно было видѣть, какъ иной пресвитеръ возложитъ на себя златотканную одежду (ризу), а на ногахъ лапти растоптанные и во всякомъ калѣ обваленные, а кафтанъ нижній весь гнусенъ» [1]).

Паства.

Состояніе народной массы въ нравственномъ и религіозномъ отношеніи казалось такимъ безотраднымъ, что скорбное сердце святителя отдыхало лишь на одной добродѣтели,—именно на вынужденномъ терпѣніи страдальцевъ, которыхъ случайно судьба, жадность людей и требованія правительства ставила на правежи, бросала въ тюрьмы и заставляла глодать сухой хлѣбъ [2]).

---

[1]) *Посошковъ*, соч. I, 25, 27.

[2]) Слово Димитрія о Царствіи Божіемъ, водворившемся на селѣ.

Униженіе личности считалось обычнымъ во всѣхъ слояхъ общества. Святителю не могло не бросится въ глаза рѣзкое противорѣчіе религіозности съ нравственною разнузданностію. Еще Котошихинъ замѣтилъ о русскихъ людяхъ, что «московскіе люди — не богобоязненные», — разумѣя ихъ безнравственную жизнь. М. Димитрій рисуетъ яркую картину нравовъ ростовскихъ. Неправды и обиды происходятъ такія, что иногда стыдно и говорить о нихъ. Среди господъ — какое-то озлобленіе на подчиненныхъ [1]). Сладострастіе считаютъ высшимъ наслажденіемъ. Строятъ храмы, а чужое грабятъ и воруютъ; ихъ созидаютъ чужимъ кровавымъ потомъ и слезами [2]). Это — не благочестіе, если кто либо созидаетъ Богу храмъ, а ближняго своего приводитъ въ разореніе, — это разбой! восклицалъ Святитель. Заставитъ человѣкъ за себя молиться нищихъ и церковниковъ, а другіе люди отъ него плачутъ [3]). «Христосъ Спаситель! Если бы ты нынѣ взошелъ въ твою церковь и увидѣлъ, какъ безчинствуютъ, вѣроятно, тоже бы изгнаніе учинилъ! Велико нынѣ безстрашіе въ церкви. Гдѣ съ кѣмъ увидѣться? — Въ церкви! Гдѣ разглагольствовать?—Въ церкви! Гдѣ шутить и смѣяться?—Въ церкви! Гдѣ привѣтствуютъ, поздравляютъ другъ друга, спрашиваютъ о здоровьи, о женѣ, дѣтяхъ и о прочемъ?—Въ церкви! Будто церковь на то и создана, что бы сходиться только на политику и и безчиніе, а не на молитву Божію? [4]). Особенно возмущало святителя неравенство сословій и правъ. Нынѣ, какъ на пиру Ирода, господа чуть не также поядаютъ и пьютъ кровавые труды человѣческіе, а бѣдныхъ крестьянъ своихъ немилосердно мучать. У господъ всего довольно до пресыщенія, а у бѣдныхъ крестьянъ нѣтъ

[1]) Соч. II, 357. [2]) Соч. III, 208. [3]) Соч. II, 341. [4]) Соч. III, 240, 250.

и краюхи черстваго хлѣба. Одни объѣдаются, а другіе алчутъ; эти упиваются, а тѣ развѣ водою утоляютъ свою жажду; здѣсь веселятся, а тамъ плачутъ на правежахъ [1]). Подождите, богачи немилосердные, обидчики убогихъ людей,—дайте срокъ! Придетъ и на васъ часъ смертный, въ ту пору увидите, каково будетъ ваше блаженство и счастье! [2]) — А вы страдальцы, не изнемогайте въ терпѣніи, но благодарите Христа своего! [3]) Такъ утѣшаетъ владыка обиженныхъ. — Иногда онъ высказываетъ желаніе, чтобы воеводы и судьи не на мздѣ судили бы и не грабили бы [4]).

Въ темномъ народѣ пороки стали бытовымъ явленіемъ. Тамъ сохранились еще съ давнихъ временъ гульбища, кулачные бои, хороводы, святочныя игрища и суевѣрія. Разсматривая жизнь простого народа, святитель восклицаетъ: «гдѣ болѣе воровства, какъ не въ простомъ народѣ? Тамъ происходятъ беззаконія, разбои, убійства и такія дѣла, о которыхъ не только говорить, но въ помыслѣ воспоминать стыдно» [5]). Отъ развратной жизни зарождались физическое растройство и болѣзни, о которыхъ тоже упоминаетъ Святитель [6]). Были случаи страшныхъ побоищъ. Такъ въ одномъ такомъ побоищѣ между архіерейскими и монастырскими крестьянами участвовало 3.000 человѣкъ, было много раненыхъ и даже убитыхъ. Случались не простые разбои, а грабежи церквей. Крали не только изъ сельскихъ церквей [7]), но изъ городскихъ. Въ самомъ городѣ Ярославлѣ съ чудотворной иконы Божіей Матери Ѳеодоровской въ 1702 г. унесена дорогая риза и всѣ драгоцѣнности при ней.

Отношенія между духовенствомъ и паствою, при

---

[1]) Соч. II, 476. [2]) Соч. II, 585—587. [3]) Соч. II, 185. [4]) Соч. III, 101 стр. изд. К. 1903 г. [5]) Соч. III, 388. [6]) IV, 510, 385, 420, 417. [7]) Яр. Еп. Вѣд. 1872 г. 23—24 стр. О „краденіи“ изъ церкви на Пеньѣ.

отсутствіи авторитетности пастырей, не могли быть нормальными. Священника выбирали себѣ сами прихожане, прося, затѣмъ, посвятить его. Напримѣръ, помѣщики Ростовскаго уѣзда, села Карагачева, Илья Ивановъ Мещериновъ, да сельца Ликина, князь Семенъ Матвѣевичъ Шаховской, пишутъ владыкѣ: «излюбили мы помѣщики того же села Карагачева церкви Рождества Пресв. Богородицы попова сына, Василія Лсонтьева, чтобъ ему, по твоему архипастырскому благословенію, а по нашему излюбу быть у той же церкви Рождества Пресв. Богородицы вторымъ священникомъ въ поможенье отцу своему, потому что тотъ священникъ при старости, и (чтобы) церкви Божей безъ пѣнія не быть и душамъ христіанскимъ безъ покаянія не умереть. Милостивый Государь, преосвященный Димитрій, митрополитъ Ростовскій и Ярославскій, пожалуй насъ, вели его, Василія, по твоему архіерейскому благословенію, поставить въ попы. Смилуйся, пожалуй!» [1]).

Но такой выборъ и полюбовная сдѣлка крестьянъ съ духовенствомъ еще не служила залогомъ согласія между ними. Заводились дѣла о раздорахъ въ приходской жизни.

Въ началѣ управленія Ростовскою паствою, 1702 г., владыка получилъ жалобу отъ воскресенскаго священника изъ города Углича: прихожане-де той церкви, его духовныя дѣти, упиваются до пьяна, въ церковь Божію не ходятъ, и сму ни въ чемъ не послушны, поносятъ его попа, небылыми словами за то только, что онъ ихъ, своихъ приходскихъ людей, учитъ по правиламъ святыхъ отецъ, не святитъ колодца и проч.— На эту челобитную воскресенскіе прихожане отвѣтили владыкѣ, что священникъ самъ не исправенъ: не ходитъ

[1]) „Чтенія въ Общ. И. и Д. Р.“, 1886 г. IV, № 68, 79 стр.

на домъ, не дастъ креста, дерется, снимаючи съ себя ризы, кулакомъ ушибъ прихожанина, и т. д. [1]).

Итакъ, взоръ владыки не могъ отдохнуть на паствѣ. Изъ жизни богачей до владыки доходили вѣсти объ однихъ лишь порокахъ и нравственной темнотѣ; погрязшіе въ такую жизнь люди не думали объ улучшеніи. Надо было будить ихъ сознаніе. Взаимное отношеніе сословій представляло господство привиллегированнаго сословія надъ безнравнымъ крестьяниномъ. Мало утѣшительнаго представляло и духовенство, жившее одними матеріальными интересами съ народомъ и ограничивающееся только обрядовою стороною религіи.— Отъ владыкъ всѣ одинаково были далеко. Ихъ не привыкли видѣть въ сельскихъ церквахъ и обращались къ нимъ только для расправы надъ явными нарушителями правилъ вѣры и нравственности. О внѣдреніи свѣжихъ началъ, вмѣсто замкнутой въ форму обрядности, никто ко владыкѣ за совѣтомъ не обращался.

«Окаянное наше время!» восклицалъ святитель въ одной проповѣди: «Не знаю, за кого приниматься нужнѣе: за сѣятелей или за землю; за іереевъ или за сердца человѣческія?.. Сѣятель не сѣетъ, а земля не принимаетъ! Іереи не брегутъ, а люди заблуждаются... Со всѣхъ сторонъ худо: іереи глупы, а люди не разумны!» [2]). Судя по такимъ словамъ владыки, паству ростовскую надо было «снова въ вѣру христіанскую приводить».

Много предстояло искоренить духовныхъ недостатковъ во всей паствѣ и требовались большія силы вмѣсто нихъ насадить самыя необходимыя Евангельскія начала.

Выборъ прихожанами себя священника практиковался и въ Малороссіи, онъ знакомъ былъ Димитрію. Но кромѣ этого, ему привелось узнать великорусскій

[1]) „Яр. Еп. Вѣд.“, 1872 г., № 18, 142—144 стр.

[2]) II, 384, 390.

обычай закрѣпленія должностныхъ церковныхъ мѣстъ въ одномъ родѣ, не только по мужской, но и по женской линіи. Такъ священническая жена подаетъ 1709 г. просьбу владыкѣ закрѣпить мужнино мѣсто за ея дочерью, которая могла бы выбрать себѣ жениха, такъ какъ она послѣ мужа осталась вдовой съ ребятишками сама шестая» [1]).

Матеріальное состояніе архіерейскаго дома.

Ростовская епархія считалась одною изъ самыхъ по древности важныхъ и по средствамъ богатыхъ въ Россіи. При учрежденіи патріаршества она въ числѣ четырехъ возведена въ митрополію. Въ одномъ изъ проектовъ XVII вѣка предлагалось поставить въ ней патріарха. Такому значенію ростовской епархіи, кромѣ ея древности и наслѣдственнаго уваженія къ владыкамъ, управлявшимъ нѣкогда религіозною жизнію почти всѣхъ полночныхъ странъ, помогало нажитое вѣками прочное благосостояніе. Помимо дани съ ростовскаго духовенства, въ ростовскій архіерейскій домъ шли доходы съ огромныхъ церковныхъ вотчинъ, принадлежавшихъ ему. Одни лѣса занимали территорію до 300 квадратныхъ верстъ. Соотвѣтствующее количество было и пахотной земли, сѣнныхъ покосовъ, мельницъ, рыбныхъ ловель, оброчныхъ статей. Крестьянское населеніе архіерейскихъ земель закрѣплено къ архіерейскому дому на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и къ служилому сословію. Владыка, имѣя надъ нимъ право суда, распоряженія трудомъ и расправы. Онъ несъ предъ правительствомъ ту же платежную отвѣтственность, какъ и служилое сословіе: денежными пошлинами, рекрутами, налогами, если го-

[1]) „Ярослав. Губерн. Вѣд.“. 1883 г., № 42, 425.

сударь по особому усмотрѣнію не освобождалъ отъ какой либо повинности, напр., ямской, полоняянничической и т. п.

Только, въ сравненіи съ правами служилаго сословія. положеніе его было выше и правъ больше. По образцу московскаго патріарха, у владыки завелись помѣщики, которымъ, за ихъ службу владыкѣ, давались архіерейскія вотчины съ крестьянами въ помѣщичье управленіе. Святитель имѣлъ своихъ бояръ, боярскихъ дѣтей, дворянъ, которые служили у него въ приставахъ, управителяхъ, судьяхъ, стряпчихъ, десятильникахъ и т. п. Богатства архіерейскаго дома давали возможность предшественникамъ Димитрія украшать каѳедральный городъ сооруженіями и постройками. Митрополитъ Іона Сысоевичъ, благодаря неистощимымъ средствамъ населенныхъ своихъ земель, понастроилъ храмовъ, разукрасилъ ихъ съ такимъ великолѣпіемъ, что затмилъ древнюю славу ростовскихъ князей, сидѣвшихъ здѣсь въ удѣльное время, и значеніе, какое имѣли ростовскіе князья, перешло теперь, благодаря духовному вліянію на народъ и богатству епархіи, на ростовскихъ владыкъ.

Обиліе матеріальныхъ средствъ давало каждому архіерею возможнось осуществлять на дѣлѣ свои природныя склонности. Если одинъ изъ нихъ, по собственному его выраженію «для забавы людишекъ поотливалъ колоколишекъ» въ 500 пудовъ, въ 1000 и даже въ 2000, то и Димитрій могъ разсчитывать завести, напримѣръ, любимыя его школы для народа въ видахъ сознанной имъ необходимости народнаго просвѣщенія. Но его судьба поставила быть архіереемъ въ особенное, никогда не бывалое на Руси время, какого не испыталъ ни одинъ изъ 56 предшественниковъ Димитрія по каѳедрѣ. Находиться когда бы то ни было въ томъ теченіи, которымъ уносилось все старое, и стремительнымъ по-

токомъ неслось новое, архіереямъ было очень трудно. Планы царя легли тяжкимъ бременемъ на народъ, на духовенство, а въ особенноети на архіеревъ.

Теперь узнали на дѣлѣ цѣль и плоды монастырскихъ переписей. Когда Димитрій проживалъ еще въ Москвѣ, по монастырямъ разъѣзжали стольники, дворяне, приказные и стряпчіе. По ростовскимъ монастырямъ и въ вотчинахъ архіерейскаго дома опись производилъ стольникъ Воейковъ. Своими мѣрами, установленными при переписи, Воейковъ бросилъ въ отношенія между крестьянами и духовными ихъ властями недоразумѣнія, не угасавшія десятки лѣтъ [1]). Описи земельныхъ имуществъ монастырей и архіерейскихъ домовь служили для правительства показателемъ того, что можно взять съ нихъ на военныя нужды, а нужды оказывались велики, разнообразны,—на войско, на строеніе кораблей, на основаніе Петербурга и т. д. Въ своемъ увлеченіи кораблестроеніемъ на Воронежской и Олонецкой верфи, Петръ потребовалъ средствъ отъ всѣхъ сословій. Въ кумпанства для постройки кораблей входило и духовенство, помимо особаго корабельнаго сбора съ него по 4 алтына съ деньгою съ приходскаго двора. При вступленіи Димитрія на Ростовскую епархію вышло распоряженіе всѣ церковныя оброчныя статьи отдавать въ оброкъ уже чрезъ свѣтскихъ властей съ надбавкою.

Указы объ этомъ прибивали въ проѣзжимъ воротамъ. Въ слѣдующіе годы требованія всякихъ сресствъ въ правительственную казну росли и изыскивались съ изумительною находчивостію, въ видѣ налоговъ баннаго, гробового и т. п., истощая и церковныя вотчины.

---

[1]) Такъ какъ крестьяне села Рязанина упорствовали послѣ переписи Воейкова подчиняться Спасоярославскому монастырю болѣе 50 лѣтъ: слѣдственное дѣло о неповиновеніи ихъ монастырскимъ властямъ тянулось полвѣка. (Архивъ синода. Дѣло о Рязанинѣ. 1755 г. № 84; 1747 г. 26 авг № 62; 1755 г. 7 сент., № 88).

Въ 1703 году потребовали людей для кораблестроенія;— сначала въ видѣ набора съ 200 дворовъ по одному плотнику съ инструментами, а потомъ на это дѣло опредѣлили все Пошехонье. Кромѣ того, плотники потребовались изъ Ростова, Ярославля и Романова. Потомъ былъ спросъ о нарядѣ каменщиковъ и кирпичниковъ для постройки городовъ. Гдѣ такихъ мастеровъ не находилось, тамъ взыскивали по гривнѣ со двора [1]). Кромѣ плотниковъ и кирпичниковъ, на Олонецкую верфь требовали кузнецовъ. Изъ Ростовскихъ уѣздовъ сгоняли въ Москву лошадей для осмотра и набора въ войска [2]). Шла переписка брать провіантскій сборъ натурою [3]). При налогахъ на драгунскихъ лошадей въ указахъ настойчиво подтверждалось, что сборъ обязательно шелъ съ самого духовенства, а не съ прихожанъ. Съ тѣхъ поръ, безпрерывно недостатокъ и убыль въ войскахъ сопровождались усиленными рекрутскими наборами. При Димитріи начался наборъ рекрутовъ изъ духовнаго сословія, чего никогда ранѣе не бывало ни въ Великороссіи, ни въ Украинѣ. Всѣ лица, происходящія изъ духовнаго званія, но неграмотныя и неспособныя быть церковниками, должны были идти въ солдаты; иная служба имъ воспрещалась [4]). Строго смотрѣли за тѣмъ, чтобы отъ этого распоряженія никто не уклонялся.

Въ Ростовской епархіи такія правительственныя мѣры приводили въ страхъ и порождали самые невѣроятные слухи. Одинъ священникъ узналъ, что скоро въ рекрутскій наборъ станутъ вербовать безъ снисхождений изъ всего духовенства и даже священно-цер-

---

[1]) *Горчаковъ*, „Мон. Приказъ“, прил. 16 стр.
[2]) Проф. *Тляпкинъ*, 302.
[3]) *Горчаковъ*, „Мон. Приказъ“, 208.
[4]) П. З. С. IV, № 2186, 2308.

ковнослужителей. Въ охватившей его печали сталъ онъ молиться, чтобы Богъ не допустилъ его разлучиться съ женой и дѣтьми; затѣмъ отправился въ Ростовъ провѣрить слухи. Ростовскій протопопъ Симеонъ подтвердилъ, что объ этомъ говорилъ ему и воевода, будто, скоро будетъ такой наборъ. Священникъ пришелъ въ ужасъ и сталъ думать, какъ-бы ему укрыться. Подумывалъ даже все бросить и бѣжать, да жаль стало съ семьей разставаться; нечѣмъ было и прокормиться безъ прихода. Дорогой повстрѣчались съ нимъ священники, пріѣзжавшіе въ Ростовъ по поводу такихъ же слуховъ. Тѣ его утѣшили. Зашли они для вывѣдыванія въ приказъ духовныхъ дѣлъ и начали съ приказнымъ дьякомъ свою рѣчь издалека, будто, пришли съ уплатою оброчныхъ денегъ за своихъ дѣтей. Дьякъ сказалъ: «плату вы платите попрежнему и за великаго государя Бога молите. Велѣно было намъ, по государеву указу, дѣти ваши всякаго церковнаго чина въ рекрутскій строй брать, а нынѣ тѣ указы на Москвѣ съ воротъ сняты и вы живите попрежнему» [1]).

Теперь положеніе духовенства стало зависѣть отъ взглядовъ правительственныхъ, которые были такъ новы и необычны, что давали поводъ вѣрить всякимъ слухамъ. Помимо натуральныхъ повинностей, старые денежные сборы увеличивались и безъ конца налагались новые. Увеличены ямскіе сборы, полоняничные; новые сборы носили какія то безформенныя названія, гривенный, полтинничный, полуполтинничный (на военный приказъ 1708 г. 8-го дек.). Въ числѣ спеціальныхъ сборовъ—значился «для содержанія царевны Маргариты Алексѣевны» по 5 денегъ со двора [2]). Кромѣ того,

[1]) Сказаніе о явленіи честнаго и животворящаго Креста Господня... въ Никольскомъ погостѣ". Ярославль, 1874 г. 42 — 43 стр.

[2]) *Горчаковъ*, — „Мон. Приказъ", 228.

стольникъ Воейковъ, по указамъ отбиралъ серебряную казенную посуду, ломаное серебро въ монастыряхъ и даже конскую сбрую, если она оправлена въ серебро [1]). Какимъ-то чудомъ укрылись отъ государевыхъ прибыльщиковъ сѣнные доходы; до нихъ дошла очередь послѣ.

Архіерейскій домъ и монастыри могли бы еще содержаться отъ своихъ вотчинъ, гдѣ на нихъ съ изстари работали крестьяне и отправляли натуральныя повинности. Но и это было ограничено. Половина всѣхъ церковныхъ крестьянъ освобождена правительствомъ отъ натуральныхъ повинностей, съ обязательствомъ, вмѣсто этого, взносить 28-ми копѣечный ежегодный налогъ въ казну. Въ Спасоярославскомъ монастырѣ Воейковъ опредѣлилъ на содержаніе братіи 1 1/2 тыс. душъ крестьянъ, тогда какъ до этого времени у монастыря было 14.000 человѣкъ. Остальные вошли въ составъ «заопредѣленныхъ». Распредѣленіе крестьянъ сдѣлано Воейковымъ такъ неудачно, что стало причиной нескончаемыхъ волненій среди крестьянъ и полувѣковой тяжбы ихъ съ монастыремъ.—Положеніе церковныхъ крестьянъ тоже ухудшилось, когда единицу обложенія раздробили, именно, вмѣсто двора, стали взыскивать съ каждой живой крестьянской души. По установленной круговой порукѣ, крестьянъ обязали платить за рекрутовъ, за бѣглыхъ, умершихъ послѣ народной переписи и за всякую пустоту.

Отъ несноснаго положенія, разоренные налогами и разборами, крестьяне бросали церковныя вотчины и обращались въ бѣга. Отъ этого вотчинное хозяйство еще болѣе разстраивалось, платежи въ казну увеличивались, такъ какъ крестьянское общество обязано было

---

[1]) П. С. П. и Распор. II, № 79, 485 стр. Опис. док. и дѣл. Син. III, 589.

платить не только за себя, но и за бѣглыхъ. Въ случаѣ недоимокъ несли отвѣтственность за крестьянъ ихъ духовныя власти. При чемъ свѣтскія власти имѣли склонность обвинять ихъ въ нерадѣніи къ государственнымъ интересамъ даже и тогда, когда сами тормозили такіе платежи. Разъ изъ углицкихъ монастырей потребовали обычной ежегодной высылки 18 человѣкъ служекъ и конюховъ въ указныя мѣста. Въ день отправки всѣхъ высылаемыхъ похваталъ углицкій воевода подъ тѣмъ предлогомъ, что ими не взнесены денежные и хлѣбные платежи въ государеву казну. Прибытіе ихъ въ Москву, поэтому, затянулось, а отписываться о причинахъ умедленія долженъ былъ митрополичій стряпчій предъ самимъ Воейковымъ [1]). Свѣтскія власти не опускали повода доносить на всякія неисправности духовенства. Послѣднее старалось задобрить стольниковъ, но не всегда удачно могло это сдѣлать. Отъ времени м. Димитрія сохранились жалобы, что стольники не принимали простого чествованія, а предпочитали и вымогали взятки.

На Ростовскомъ митрополитѣ тоже лежала отвѣтственность за вотчинные платежи предъ Монастырскимъ Приказомъ. Въ 1704 году предписано ему наблюдать за поповскими старостами, чтобы писать имъ вѣнечныя памяти на клейменой бумагѣ по одной только свадьбѣ на столбцѣ, оплачиваемомъ копѣечнымъ сборомъ, такъ какъ при нѣкоторыхъ церквахъ стали писать по 5—6 и даже по 20 свадебъ на одномъ листѣ. За такое нерадѣніе къ государственному интересу виновниковъ отсылали для правежа пенныхъ денегъ въ оружейную палату [2]). Въ 1706 г. узаконено съ дьячковъ и всякихъ церковныхъ причетниковъ, которые

[1]) *Шляпкинъ*, 306.

[2]) *Горчаковъ*,—„Мон. Приказъ“, прил. 21 стр.

написаны въ службу, брать по рублю, съ малолѣтнихъ по 26 алтынъ и 4 деньги, со старыхъ и увѣчныхъ постольку же. При такихъ сборахъ денегъ, опрашивали еще и о новорожденныхъ, на которыхъ впередъ положенъ такой же окладъ, какъ и на младенцевъ [1]).

Владыкѣ не представлялось никакой возможности стоять за свое вотчинное хозяйство, какъ въ Черниговѣ, потому что всякіе протесты шли въ разрѣзъ петровскимъ указамъ. Ему оставалось терпѣть, какъ бы ни стѣсняли его.

По какому-то счастливому случаю разрѣшалось отпускать запасы съ вотчинъ про архіерейскій обиходъ безъ оскудѣнія. Но въ остальномъ содержаніе дома все болѣе и болѣе ограничивали: на другіе домовые расходы безъ указа «отпущать ничего не велѣно» [2]). Отъ владыки требовали точнаго выполненія предписаній о сокращеніи монаховъ, приходскаго духовенства и о неприкосновенности церковныхъ вещей.

Ему сдѣлали форменный указной выговоръ за то, что онъ, будто-бы, постригалъ лишнихъ, по своему усмотрѣнію, монаховъ, а также поставлялъ священниковъ, по 2 и по 3, въ такіе приходы, гдѣ положено быть одному. Въ 1705 году ему посланъ изъ Москвы высочайшій выговоръ: Царь узналъ, что въ Ростовѣ продолжаютъ посвящать архимандритовъ, игуменовъ, даютъ имъ шапки, ставятъ протопоповъ тамъ, гдѣ ихъ не было ранѣе, и такимъ образомъ поступаютъ самочинно. Кромѣ того, Ростовскій владыка увеличиваетъ, будто-бы, составъ приходскихъ причтовъ, отпускаетъ своихъ поповъ въ патріаршую область, гдѣ они служатъ у крестовъ, бѣдствуютъ и ведутъ нетрезвую жизнь; затѣмъ, вопреки церковнымъ правиламъ, по-

[1]) „Яр. Еп. Вѣд.“, 1874 г. № 22, „Положеніе духовенства въ XVIII в.“.

[2]) *Шляпкинъ*, 300.

свящаетъ несовершеннолѣтнихъ, многихъ проклинаетъ и налагаетъ запрещенія, такъ что иные умираютъ безъ покаянія. Ему поставлялось на видъ нерадѣніе о своей паствѣ—и предписывается: впредь о всѣхъ своихъ назначеніяхъ священно-церковнослужителей извѣщать письменно въ патріаршій казенный приказъ, какъ это было и при патріархѣ; отъ вдовыхъ священниковъ слѣдуетъ ему отбирать подписку въ обязательствѣ принять постриженіе; ставить вновь священниковъ не по переписнымъ книгамъ, а по писцовымъ [1]), и только по усиленнымъ просьбамъ самихъ прихожанъ невозбраняется учредить второй причтъ; посвящать только ученыхъ священниковъ и не моложе 30 лѣтъ.

Запрещается, «по правиламъ св. апостоловъ», переводить священниковъ съ одного мѣста на другое, потому что переведенные священники имѣютъ обычай продавать свое мѣсто, по своему усмотрѣнію, другимъ іереямъ. Проклинать людей архіерею совершенно возбраняется [2]), но не повинующихся можно подвергать запрещенію на время, пока «не престанутъ отъ начинанія своего». — Такой выговоръ учиненъ святителю по настоянію Воейкова. Обостренныя отношенія ихъ между собою видны и изъ другихъ дѣлъ. Такъ еще въ началѣ святительства Димитрія, Воейковъ доносилъ о растратѣ церковныхъ вещей у архіерея, будто бы, старыя ризы у него употребляются на костюмы для комедійныхъ представленій. Сначала стольникъ послалъ казначею свои указы—не тратить церковныхъ матерій безъ разрѣшенія. Казначей, однако, его не послушалъ. Тогда Воейковъ запечаталъ церковную палату и донесъ въ Монастырскій Приказъ. Владыкѣ пришлось не только

[1]) Гдѣ въ писцовыхъ книгахъ значится 1 дворъ священническої, по переписнымъ на томъ же погостѣ отмѣчено 2 — 3 и больше.

[2]) При патріархѣ Адріанѣ.

перенести такое хозяйничанье стольника въ своемъ домѣ, но и выслушать выговоръ, посланный изъ Духовнаго Патріаршаго Приказа, гдѣ во главѣ всего стоялъ другъ владыки, м. Стефанъ Яворскій.

Съ Воейковымъ у святителя случались частыя непріятныя столкновенія. Однажды, во время литургіи въ ростовскомъ соборѣ кого то били на правежѣ. Отчаянные крики истязуемаго ясно слышались въ самомъ храмѣ и мѣшали богослуженію. Архіерей послалъ на правежъ сказать, чтобы прекратили истязаніе. Однако, распоряжавшійся тамъ стольникъ продолжалъ битье и крики продолжали раздаваться. Тогда святитель оставилъ богослуженіе и ушелъ въ любимое свое село Демьяны [1]). Велики пороки, по мнѣнію Димитрія, во всѣхъ званіяхъ и сословіяхъ, но дворяне всѣхъ превзошли въ нарушеніи нравственнаго закона. Въ одной проповѣди его приводится легендарное сказаніе, будто Моисей, сходя съ Синайской горы со скрижалями, разбилъ ихъ не впоперекъ, а вдоль, при чемъ на одной отбитой половинѣ было только начало отдѣльной заповѣди: не, не, не..., а на другой окончаніе ея: «сотвори себѣ кумира, пріемли имени Господа Бога твоего всуе, убій, прелюби сотвори, укради; по этой половинѣ заповѣди и живутъ нынѣ дворяне, говоритъ Димитрій: убиваютъ, крадутъ и проч.

Несогласія между владыкою и Воейковымъ перешло даже границы отношеній по должности. Однажды во время проповѣди святителя дочери Воейкова безъ стѣсненія громко разговаривали и смѣялись. По окончаніи проповѣди онъ въ своемъ возгласѣ «благословеніе Господне на васъ», прибавилъ: «кромѣ смѣющихся». Впрочемъ самъ Воейковъ несъ строгую отвѣтствен-

---

[1]) „Яр. Еп. Вѣд“., 1888 г., № 29, 482 стр.

ность за цѣлость церковныхъ средствъ, которыя могли быть обращаемы въ казну правительства. Онъ долженъ былъ слѣдить, когда поповскіе старосты собирали дань съ духовенства на архіерейскій домъ, вѣнечныя деньги съ браковъ и проч., а также слѣдить за правильностію записи ихъ. 1704 г. 4 дек. приказано данныя деньги и вѣнечныя пошлины и всякіе доходы митрополита Димитрія сбирать ему, Воейкову, совмѣстно съ архіерейскимъ казначесмъ, съ точною записью всего. Разъ въ Московскомъ Казенномъ Приказѣ обнаружили неправильную запись въ книгахъ, именно: — утайку сбора по деньгѣ съ каждаго приходскаго двора, вѣнечныя деньги тоже оказались записанными не сполна;—вмѣсто 5 алтынъ 4 деньги съ первобрачныхъ записано по 4 алтына, вмѣсто 13 алтынъ 2 денегъ съ второбрачнаго— по 6 алтынъ и т. п. — Съ Воейкова потребовали не только объясненій, но и всѣхъ удержанныхъ по его [1]) недосмотру денегъ.

Въ 1705 году велѣно переписать всѣхъ монаховъ, а также количество постриженій послѣ народной переписи съ указаніемъ, на какія убылыя мѣста размѣщены новые постриженники и по какимъ указамъ. Представить въ Москву справки объ этомъ обязали митрополита [2]).

Въ томъ же 1705 году изъ ограниченнаго содержанія монахамъ убавили еще половину: получающимъ 10 рублей въ годъ положено по 5 рублей, равно архіерейскимъ людямъ, служащимъ на жалованьѣ, давать половину, да и во всѣхъ вотчинахъ половину доходности отбирать для отсылки въ Монастырскій Приказъ на дачу ратнымъ людямъ [3]). «Столько беззаконій! Столько обидъ!» восклицалъ владыка. «Они вопіютъ на небо и будятъ тамъ гнѣвъ отомщенія! Но мы не теряемъ

---

[1]) *Шляпкинъ*, 308. [2]) Тамъ же. [3]) Проф. *Шляпкинъ*, 302.

надежды!» Положеніе низшаго бѣлаго духовенства, не имѣвшаго средствъ платить дань архіерею, возбуждало одну печаль и тревогу: «внѣуду брани, внутрьуду страхи!» [1]) «печалью смущаюся, видя бѣды, сущія священникомъ, и видя слезы ихъ и домъ нашъ, падающій часъ отъ часу!»

Старшаго виленскаго, терпѣвшаго отъ уніатовъ, Димитрій утѣшаетъ: «вы терпите отъ чужихъ, а мы отъ своихъ». «Остался только прахъ». Самъ чуть не пѣшкомъ брожу: ни коня, ни всадника! Оскудѣли овцы отъ пищи и лошадей нѣтъ [2]). Гомерическое опустошеніе церковнаго хозяйства дало поводъ Димитрію вспомнить разрушенную Трою. Святитель утѣшается лишь тѣмъ, «когда самъ ничего не имѣешь, то никто уже ничего и не отниметъ» [3]). Онъ сознавалъ, что царя вынуждаетъ къ новымъ налогамъ тяжелая война, повторялъ даже точныя слова Петра: «деньги нервъ войны!» [4]) Повидимому, и въ монастыряхъ сознавали необходимость обратить всѣ средства на временныя общегосударственныя нужды для борьбы съ непримиримымъ врагомъ, только неизвѣстно, что вызывало на такое сознаніе: патріотизмъ или запуганность. Угличскіе старосты церковныхъ вотчинъ сожалѣютъ, что нѣтъ у нихъ для высылки на верфи ни кузнецовъ, ни плотниковъ, они выражаютъ готовность не только платить за это деньгами, но и положенную пеню, что государь укажетъ [5]). Времена стали для святителя такъ тяжелы, что ему было, какъ онъ выражался, не до фантазій и не до книгопечатанія.

---

[1]) Соч. I, 708.

[2]) „Яр. Еп. Вѣд.", 1873 г. № 34, 268.

[3]) Fuimus Troes, fuit Ilium et ingens gloria Teuctorum, а теперь прахъ et stadio maleſida carinis (Виргилій).

[4]) Соч. I, 502 — 504.

[5]) Тамъ же.

Свѣтскіе чиновники распоряжались имуществомъ архіерейскаго дома, какъ своимъ. Однажды владыка уѣзжалъ въ Москву. Когда же вернулся оттуда, то домъ его едва не оказался уже занятымъ: въ немъ хотѣли помѣстить плѣнныхъ шведовъ. Въ Москвѣ онъ видѣлъ тоже порабощеніе. Болѣе горячій митрополитъ Стефанъ Яворскій не молчалъ о своемъ униженіи. О недовольствѣ его зналъ и Петръ Великій. Конечно, оба митрополита дѣлились другъ съ другомъ своими мыслями о небываломъ униженіи церкви и стѣсненіи духовенства. Яворскій въ письмѣ къ Димитрію сѣтуетъ, что онъ живетъ у царя на положеніи плѣнниковъ, «отъ нихъ же первый есмь азъ, грѣшный Стенка!»

Самъ царь всегда изъявлялъ ростовскому владыкѣ знаки своего расположенія. Проѣздомъ въ Архангельскъ, весною 1702 года, Петръ былъ въ Ростовѣ; посѣтилъ и архіерейскій домъ. Св. Димитрій принялъ его въ сохранившейся до нынѣ, Бѣлой палатѣ [1]). Царь былъ въ благодушномъ настроеніи и, будто бы, приказалъ стольнику Воейкову: если тебѣ прикажетъ архіерей, домъ архіерейскій перенести на островъ (на Ростовскомъ озерѣ), то ты во всемъ удовольствуй [2]). Но все это скоро забылось. Практическій взглядъ царя усмотрѣлъ новые предметы эксплоатаціи ростовскихъ земельныхъ угодій. Послѣ его посѣщенія стали устраивать казенныя овчарни на ростовскихъ земляхъ, обильныхъ мелкою луговою травою.

Святитель протестовалъ противъ обидъ Церкви и униженій ея, но протесты его были литературнаго характера. Въ лѣтописцѣ [3]), не предназначенномъ, впро-

[1]) Бѣлая палата теперь реставрирована и поддерживается благодаря умѣлымъ стараніямъ просвѣщеннаго археолога *А. А. Титова.*

[2]) *Шляпкинъ*, 358.

[3]) Отрывокъ Лѣтописи Димитрія о церковныхъ въ имѣніяхъ „Чтеніяхъ О. Л И. и Др. Р.“ 1862 г.

чемъ, для напечатанія, обличаются у него люди, которые не только своего не даютъ на церковь, но и чужое отнимаютъ; написана даже большая статья о неотниманіи у Церкви имѣній. Свѣдѣнія о свободѣ Церкви собирались имъ тщательно. Онъ проситъ своего друга, Феолога, послать слово «о разграбляющихъ имѣнія церковныя», переписавши его изъ книжки, принадлежавшей ему [1]). Самъ затѣмъ, выписывалъ мѣста изъ Баронія, Голятовскаго, Кедрина, гдѣ говорилось о церковныхъ имѣніяхъ, о неприкосновенности ихъ и наказаній свыше за отнятіе ихъ. Въ древности въ Россіи много составлялось такихъ словъ «на обидящихъ Церкви Божія», «о свободѣ святыя церкви». Послѣднее отъ 1505 года хранилось и у святителя Димитрія. Но онъ опасался показывать все это постороннимъ, потому что «различны нравы у людей, одинъ ищетъ пользы, а другой ухватки» [2]).

Если Димитрій касался защиты церковнаго достоянія въ своихъ проповѣдяхъ, то всегда говорилъ въ общемъ смыслѣ, а не объ однихъ земельныхъ церковныхъ имѣніяхъ, называя церковное достояніе «вещами», «святымъ», и, при этомъ, опирался на ту нравственную силу, которая издревне охраняла имущество Церкви, закрѣпляла и способствовала росту его во всѣхъ видахъ.

«Чужія вещи, а особенно церковныя — огонь» они все сожгутъ, гдѣ появятся незаконно, нельзя обогатиться грабежомъ. Иліодоръ, казначей царя Селевка, пришедшій ограбить въ іерусалимѣ церковь, — битъ былъ ангелами.

Если придетъ человѣкъ въ безбожіе, забудетъ страхъ Божій, тогда рѣшится и на неправедный промыслъ, простретъ тогда руку и на святыню. Кто отнимаетъ

[1]) „Яр. Еп Вѣд.“, 1874 г., № 34, 269 стр.

[2]) Тамъ же, 268.

у другого вотчины, палаты и дома, тотъ вверженъ будетъ въ тѣсноту адскую [1]).

Приводятся у святителя и историческія доказательства церковноимущественнаго права. Такъ онъ напоминаетъ, что прежде цари представляли церкви не только богатства, но и свои порфиры, скипетры и вѣнцы, содѣйствуя благолѣпію ея [2]).

Но нравственное воздѣйствіе святителя не приносило результатовъ тогда, когда сила заключалась въ указахъ и распоряженіяхъ правительства. Всякій налогъ на церковныхъ собственниковъ и строгость взысканія его оправдывали военною нуждою. На обложенія и самъ царь смотрѣлъ тогда, какъ на мѣру чрезвычайную и временную. Извѣстенъ отвѣтъ царя одному архіерею, что если во время шведской войны, по нуждѣ, пришлось перелить колокола на пушки, то послѣ можно сдѣлать и наоборотъ: пушки опять перелить на колокола.

Зато Ростовскій воевода, Иларіонъ Воронцовъ, оказывалъ возможное содѣйствіе владыкѣ въ его скудномъ положеніи. Такъ, онъ озаботился укрѣпить городской валъ у Ростовскаго кремля, гдѣ шелъ спускъ къ озеру. Отъ стока весеннихъ водъ земляной валъ непрерывно обсыпался; спускъ по нему къ Ростовскому озеру сталъ затруднительнымъ; во время же крестныхъ хожденій невозможно стало пронести чрезъ это мѣсто иконы.

За неимѣніемъ средствъ у владыки, воевода хлопоталъ чрезъ разрядъ укрѣпить валъ на казенный счетъ [3]).

Когда, такимъ образомъ, за всѣмъ обширнымъ хозяйствомъ архіерейскаго дома и монастырей и за исправностію вотчинныхъ сборовъ слѣдили изъ Монастырскаго Приказа чрезъ своего стольника, то духовнымъ владѣль-

---

[1]) II. 32, 70, 347, 124. [2]) Соч. III, 527, 530.

[3]) Опис. док. и бумаги Моск. Арх. М. 10, М. 1884 г., IV кн, 241 стр. Благодарственное письмо святителя къ воеводѣ за покровительство учителямъ и присланное вино находится въ „Архивѣ“ Воронцовыхъ, I т, 1 стр.

цамъ, какъ любили тогда выражаться въ правительственныхъ указахъ, стало «менѣе заботы» о вотчинахъ: за нихъ свѣтскія власти дѣлали безчеловѣчные взыски, примѣняли правежъ за неплатежи. Хозяйство уменьшилось за сокращеніемъ земель, доходовъ и числа монаховъ; бѣльцы же всѣ были повысланы изъ монастырей.

Всѣ черныя работы на монастырь, по установившемуся вѣковому обычаю, исполняли вотчинные крестьяне; они пахали пашню, привозили хлѣбъ не только въ Ростовъ, но, по особымъ нарядамъ, и въ Москву. Они же ставили на владычныхъ лугахъ сѣно, рубили и поставляли дрова, лучину, исполняли всѣ сдѣлья, безъ которыхъ теперь немыслимо было обойтись монастырямъ и архіерейскому дому: поставляли овощи, грузди, морошку, грибы, овчины, подводы и т. п. Такія «сдѣлья» поражаютъ своею мелочностію, но они составляли необходимое подспорье при скудныхъ средствахъ духовныхъ вотчинниковъ, издавна развившихъ широкое домовое хозяйство. Но когда крестьяне почувствовали стѣсненное положеніе духовныхъ своихъ владѣльцевъ, они стали смѣлѣе по отношенію къ нимъ. При своемъ собственномъ разореніи отъ безчисленныхъ государственныхъ налоговъ, они уже проявляли готовность попользоваться архіерейскими лѣсами и лугами.

Оберегавшіе архіерейскіе лѣса боярскія дѣти доносили владыкѣ, какъ трудно хранить ихъ отъ крестьянскихъ порубокъ. Лѣсъ воровали помѣщичьи крестьяне не только тайкомъ, но и открыто. Такъ въ 1708 году для порубки архіерейскаго заповѣднаго и дровяного лѣса на свои дома пришли «съ многолюдствомъ», вооруженные бердышами, дубинами и копьями. Когда, оберегавшій ихъ, Иванъ Губастовъ сталъ ихъ недопускать, то они его били и увѣчили на смерть; похва-

лялись еще и убить въ лѣсу, если онъ станетъ мѣшать имъ.

Нѣкоторыя вотчины, вмѣсто пользы, приносили одинъ убытокъ. Такъ въ подмосковномъ Дорогомиловскомъ селѣ всѣ почти крестьяне разошлись въ столицу на заработки. Сборы съ нихъ на архіерейскій домъ поступали неисправно, а между тѣмъ всѣ недоимки съ нихъ ложились на отвѣтственность владыки [1]). Архіерейскій домъ пришелъ въ такую скудость, что святитель вынужденъ просить пожертвованій на него на сторонѣ. Такъ онъ пишетъ къ Ѳеологу въ Москву: «попроси чего не великое у благодѣтелей» [2]).

Пастырскія отношенія къ пасомымъ, при такомъ положеніи святителя требовали отъ него большой сноровки, терпѣнія и нравственной силы. Что онъ могъ сдѣлать для облегченія изнывающаго отъ поборовъ населенія? Трудно было угодить и своимъ вотчиннымъ крестьянамъ. Тогда привелось бы отказаться отъ средствъ, доставляемыхъ ими для содержанія своего архіерейскаго дома, гдѣ скудость сказывалась во всемъ. Не безопасно стало указывать и на безпощадное отношеніе къ крестьянамъ разныхъ правительственныхъ сборщиковъ.

Однако, мудрый и тихій владыка нашелъ средства помощи въ труднѣйшее время для русскаго народа, въ важнѣйшій историческій моментъ государственнаго устроенія. Силу же для этого онъ почерпалъ въ беззавѣтной любви къ своей паствѣ, какъ духовенству, такъ и къ простому народу. Она сказывается во всѣхъ его мѣропріятіяхъ по епархіальному управленію; въ разрушеніи одряхлѣвшей обрядности и въ насажденіи библейскихъ началъ жизни не только церковной, но и школьной, а также бытовой и общественной.

---

[1]) Син. Архивъ, дѣло 1755 г. 5 іюня, № 84.

[2]) „Яр. Еп. Вѣд.“, 1902 г., 152.

Златоустовская церковь (конца XVII вѣка).

ГЛАВА II.

Школа Димитрія.

Всѣ человѣческія нестроенія Димитрій считалъ послѣдствіемъ невѣжества. Даже причиною паденія прародителей онъ считалъ незнаніе; невѣжествомъ объяснялъ происхожденіе раскола и другія заблужденія; пышная похвала разуму написана имъ еще въ «Алфавитѣ Духовномъ», появившемся въ Малороссіи [1]). Познаніе онъ превозноситъ, откуда бы оно не почерпалось. Онъ хвалилъ обычай посылать молодыхъ людей за границу. «Что другое можетъ вразумить человѣка, какъ не ученіе?» говаривалъ онъ. Поэтому, принималъ всѣ мѣры насадить школьное образованіе въ своей епархіи. Первая Ростовская школа имъ основана, имъ поддерживалась и, если закрыта, то помимо воли и вѣдѣнія и даже въ отсутствіе его.

---

[1]) О принадлежности „Алфавита Духовнаго" св. Димитрію не было сомнѣнія 50 лѣтъ спустя послѣ его смерти, когда собирали его сочиненія. Архивъ син., дѣло объ открытіи мощей св. Димитрія, № 28 отъ 1752 г., 20 окт.

[2]) Діарій подъ 1691 г.

Она помѣщалась въ самомъ ростовскомъ кремлѣ подлѣ архіерейскихъ палатъ въ комнатахъ садоваго корпуса [1]). Вербовали въ нее дѣтей всякаго сословія и состоянія, не только духовнаго званія, но дѣтей горожанъ, даже «нищихъ». Для святителя всѣ дѣти были равны и обученіе для всѣхъ предлагалось безплатное. Вскорѣ по вступленіи Димитрія на паству, поповскіе старосты извѣстили всѣхъ священниковъ, чтобы въ открытую у архіерея школу посылали учиться всѣхъ дѣтей школьнаго возраста. И, должно быть, священники не сразу откликнулись на зовъ архіерея, потому что вскорѣ послѣдовало отъ него внушеніе не задерживать дѣтей дома, высылать ихъ въ архіерейскій домъ и не ждать повторительныхъ указовъ. Ослушникамъ владыка грозилъ даже мздою [2]). Такимъ образомъ въ школу собралось до 200 человѣкъ дѣтей. Въ это число попали малороссійскія дѣти и даже греки.

Весь годъ (1702) прошелъ въ приготовленіяхъ и организаціи обученія,—въ устройствѣ помѣщенія, наймѣ учителей и вербованіи учениковъ. При такомъ поспѣшномъ и совершенно новомъ дѣлѣ, составъ ростовскихъ учениковъ оказался самымъ разнообразнымъ по сословію, подготовкѣ, пониманію, а можетъ быть и по возрасту. Дѣтей раздѣлили не по возрасту, а по способностямъ на 2 разряда: лучшій и худшій; занятія съ лучшими и худшими учениками шли отдѣльно.

Владыка самъ влагалъ душу въ школьную постановку. Онъ ходилъ въ школу, слушалъ отвѣты учениковъ, самъ испытывалъ ихъ. Зимою онъ читалъ и толковалъ имъ священныя книги ветхаго завѣта, а лѣтомъ приглашалъ въ свое архіерейское село Демьяны и тамъ занимался съ ними объясненіемъ священныхъ

[1]) „Яр. Еп. Вѣд.“, 1899 г., 483.
[2]) „Яр. Еп. Вѣд.“, 1871 г., № 6, 371.

книгъ новаго завѣта. Постановка воспитанія отличалась разнообразіемъ и широтою.

Не мало изобрѣтено такихъ средствъ, чтобы умы учениковъ не замыкались въ одной школьной сферѣ науки. Имъ предоставлялась свобода. Иногда ихъ вывозили по Ростовскому озеру на островъ; тамъ они бѣгали, гуляли въ полѣ. Нерѣдко посѣщали и архіерейскія села; кромѣ Демьянъ, бывали въ Шестаковѣ, Капцахъ. Самъ будучи знатокомъ и цѣнителемъ искусства и поэзіи, Димитрій не пренебрегалъ развитіемъ у дѣтей сценическаго искусства. Дѣти, болѣе опытные, разыгрывали пьесы и комедіи. Съ позволенія владыки они пользовались для декораціи и костюмовъ матеріей изъ архіерейской ризницы и, при томъ, въ такомъ размѣрѣ, что возбудили неудовольствіе стольника Монастырскаго Приказа. Въ 1702 г. представлена извѣстная комедія на Рождество Христово. Былъ тутъ и владыка [1]). Въ 1704 г. они разыграли пьесу «Вѣнецъ великомученику Димитрію» въ стихахъ. Самъ владыка сочинилъ для нихъ діалогъ на Воскресеніе. Иногда давалась комедія на Рождество Христово. Драматическое построеніе «стиховъ страстныхъ», сочиненныхъ св. Димитріемъ, даетъ поводъ предполагать, что дѣти разыгрывали и эту пьесу. По смыслу пьесы на сцену выходило 11 отроковъ съ предметами, бывшими при распятіи Господнемъ, напр., вервью, бичемъ, терновымъ вѣнцомъ, молотомъ и др. и въ стихахъ выражали скорбь о страданіяхъ Его [2]).

Разнообразіе школьной жизни и самодѣятельность способствовали сознательному развитію дѣтей. Свобода царила и въ педагогическихъ пріемахъ. Ученикамъ предоставляли самимъ приготовлять уроки. Владыка лично

[1]) „Яр. Еп. Вѣд.“. 1902 г., 151.

[2]) „Стихи Страстные“. Яр. 1889 г.

увѣщевалъ ихъ учиться, въ поощреніе раздавалъ имъ по грошу денегъ, и приглашалъ къ себѣ. Поощренія иногда опирались на чувство честолюбія дѣтей. На ученье указывалось, какъ на источникъ почестей и власти епископовъ, князей и воеводъ. Кто опережалъ товарищей и переселялся на высшее мѣсто, на похвалу такому не жалѣли фразъ: его уподобляли кедру ливанскому, кипарису или финику, тогда какъ худыхъ учениковъ величали ракитою, горькой осиной и другими менѣе звучными прозвищами. Иногда въ наказаніе провинившихся не пускали гулять по архіерейскимъ дачамъ въ Демьяновѣ.

Дѣтямъ, не имѣвшимъ понятія о совмѣстномъ обученіи, трудно было войти въ школьную колею. Поэтому, владыка снисходительно относился къ виновникамъ, если они сознавались въ своихъ проступкахъ. За сознаніе въ лѣности и шалостяхъ обѣщалось всегда помилованіе. Но были ученики, не думающіе объ исправленіи. Такимъ дѣтямъ самъ владыка грозитъ наказаніемъ даже плетью. Инымъ не нравилось ученье и они не ходили въ школу; другіе изъ нерасположенія къ латыни, уходили отъ уроковъ, подъ предлогомъ, что имъ, какъ пѣвчимъ, надо идти въ церковь. Какъ только владыка узналъ о такихъ непорядкахъ,—то самъ принималъ мѣры. Разъ онъ пишетъ ученикамъ: «слышу о васъ худо; вмѣсто ученія учитеся раздраженію, а нѣціи отъ васъ во слѣдъ блуднаго сына пошли со свиніями конверсовать. Печалюсь очень и гнѣваюсь на васъ, а такъ какъ причина вашего развращенія та, что всякъ живетъ по своей воли, всякъ большой, то, поэтому, ставлю надъ вами сеньора, господина Андрея Юрьевича, чтобъ онъ васъ мунштровалъ, какъ цыганскихъ лошадей, а кто воспротивится ему, тотъ пожалованъ будетъ плетью»[1]).

[1]) „Чт. О. И. Др. Р.“, 1883 г., № 6, 17 стр

Такъ какъ въ непріятныхъ столкновеніяхъ учениковъ со своими учителями фигурируетъ латынь, то, вѣроятно ростовскимъ ученикамъ этотъ предметъ былъ ненавистнѣе другихъ. Это было общимъ явленіемъ. Со времени возникновенія малороссійскаго вліянія на великорусскую школу латынь упорно проводится въ ней и всегда встрѣчастъ не менѣе упорное нежеланіе среди учащихся къ ея воспріятію. Древняя русская образованность покоилась на византійско-греческихъ основаніяхъ. Греческій языкъ и аскетическое направленіе въ византійскомъ духѣ имѣло мало общаго съ латинскою образованностью схоластическаго и практическаго типа. Съ Петра Великаго началось вліяніе той половины западной Европы, гдѣ все, напоминающее старый папскій строй, подверглось отверженію и гдѣ латинскій языкъ не имѣлъ главной роли въ просвѣщеніи. Въ Кіевскихъ ученыхъ латынь нашла горячихъ почитателей. Они принесли ее въ Россію и проводили въ школахъ съ замѣчательною настойчивостію. Массовое нежеланіе учиться латыни въ расчетъ никогда не принималось, не хотѣли видѣть и безрезультатность такой учебной постановки. За все много-вѣковое время господства латыни не составлено было въ Россіи ни одного учебника латинскаго языка, а пользовались чуть ли не въ теченіе 200 лѣтъ однимъ учебникомъ іезуита Альвара [1]).

Св. Димитрій тоже отдалъ дань общему увлеченію. У него преподавался и греческій, и латинскій языкъ, но не оба языка пользовались одинаковымъ расположеніемъ преподавателей: латинскій ставился выше. Лучшее отдѣленіе или классъ назывался латинскимъ, а менѣе успѣшное—греческимъ. «Грамматическое ученье»

[1]) Новый учебникъ по латинскому языку, вмѣсто *Альвара*, составилъ ростовскій архіепископъ, *Самуилъ Миславскій*, отпечатанъ 1785 г. „Яр. Еп. Вѣд.". 1904 г. 638

началось съ русской азбуки. Одновременно учили и писать, и искусству пѣть. Владыка былъ большой любитель пѣнія, въ молодости даже несъ послушаніе церковнаго пѣнія, да въ югозападныхъ школахъ нотному пѣнію отводилось въ школѣ не послѣднее мѣсто. Изученіе всей грамматики кончилось въ три года. Послѣ приступили и къ изученію синтаксиса. Въ концѣ года происходилъ экзаменъ. Въ теченіе учебнаго года ученики упражнялись, какъ и въ юго-западныхъ школахъ, въ словопреніи, напр., по вопросу, — кто выше, — Іоаннъ Предтеча или Іоаннъ Богословъ, возлежавшій на персяхъ Господа; одинъ ученикъ защищалъ и превозносилъ Крестителя, а другой — Богослова, а въ концѣ концовъ оба спорящіе мирились и каждый изъ нихъ хвалилъ того, кого защищалъ его противникъ. Латинскому языку научали до такого совершенства, что ученики могли писать на немъ стихи и составлять композиціи. Держась въ постановкѣ школьнаго преподаванія южнорусскихъ традицій, самъ Димитрій высоко ставилъ и греческій языкъ. Онъ считалъ еллинскій языкъ началомъ и источникомъ любомудрія; отъ греческаго языка произошло всякое ученіе во всѣхъ народахъ. Хвалитъ онъ греческій языкъ и въ частныхъ письмахъ [1]), и въ проповѣдяхъ.

Для ознакомленія учащихся съ христіанскимъ вѣроученіемъ послѣ молитвъ изучался катихизисъ. Практиковавшійся въ ростовской школѣ катихизисъ занесенъ тоже изъ Украины. Въ немъ есть характерныя упражненія въ схоластическомъ совопросничествѣ. Въ катихизисѣ, бывшемъ въ употребленіи въ школѣ, и даже помѣщенномъ ошибочно въ число его сочиненій [2]), есть признаки его примѣненія для школы.

[1]) Письмо къ М. Іову Новгородскому.

[2]) Соч. I часть.

Наемъ учителей, пріобрѣтеніе учебниковъ, лексиконовъ славяногреческихъ и греколатинскихъ, глобусовъ, географическихъ картъ, тетрадей для многочисленныхъ ученическихъ письменныхъ упражненій и проч., все это составляло заботу одного владыки. Учителя вызваны изъ Украины. По русскому языку извѣстенъ Евѳимій Морогинъ, а латинскій языкъ преподавалъ Иванъ Мальцевичъ [1]); былъ и третій учитель реторики, Богомодлевскій.

Платы за обученіе не взималось, потому что и при безмездномъ обученіи владыкѣ приводилось понуждать отцовъ, чтобы отдавали своихъ дѣтей въ ученье. Сборы съ духовенства на школу только разрушило бы новое дѣло образованія. Рѣшено, поэтому, деньги на школу брать изъ средствъ ростовскаго архіерейскаго дома. Но тамъ Воейковъ все успѣлъ уже зарегистрировать. Владыкѣ приводилось просить у Монастырскаго Приказа разрѣшенія тратить на дѣло образованія свои же архіерейскія средства. Онъ представилъ особую роспись расходовъ, какъ на служащихъ своего дома, монаховъ, переводчиковъ, писцовъ, дьяковъ, келейника, повара, такъ и на учителей съ учениками.

Учителя греческаго и латинскаго языка получали по 30 рублей въ годъ каждый, учитель русскаго языка— 5 рублей. Ученикамъ святитель ассигновалъ, по ихъ бѣдности, по деньгѣ на день; въ поощреніе же лучшимъ, которые будутъ изучать греческій и латинскій языки,—тѣмъ по 2 деньги.

Роспись святителя чрезъ Воейкова поступила въ Монастырскій Приказъ. Тамъ рѣшено было расходы на школу покрывать изъ архіерейскихъ средствъ тѣмъ

---

[1]) *Петровъ.* Акты и док. Кіев. Ак. II ч., прилож. 365 стр., „Яр. Еп. Вѣд.", 1892 г. 483.

болѣе, что жалованье учителямъ оказалось небольшое въ сравненіи съ учителями московской школы, получающихъ по 60 рублей въ годъ.

Не мало порадовало святителя сочувствіе и помощь его просвѣтительному дѣлу со стороны воеводы, Иларіона Воронцова. Сохранилось письмо святителя, гдѣ выражена благодарность воеводѣ за привѣтливое отношеніе къ учителямъ ростовской школы за то, что онъ угостилъ ихъ и отправилъ на своихъ подводахъ въ Ярославль [1]).

Успѣхи школы интересовали владыку. За малоуспѣшность не примѣнялось строгихъ наказаній, если ученикъ не имѣлъ хорошихъ способностей. Ихъ ободряли и совѣтовали молиться святымъ.

Школьники замѣняли святителю семью и друзей въ тяжелыя минуты одиночества и болѣзни. Такъ онъ приглашалъ ихъ къ себѣ, когда былъ боленъ, и заставлялъ читать молитву «Отче нашъ» по 5 разъ въ воспоминаніе 5 язвъ Господа на крестѣ, потому что отъ этого ему было отраднѣе. Присутствіе учениковъ при богослуженіи было обязательно [2]). Во время всенощной ученики пѣли на клиросѣ, а во время каѳизьмъ всѣ приходили въ алтарь на благословеніе святителю. Онъ самъ ихъ причащалъ, самъ и исповѣдывалъ, убѣждая усердно молиться, жить въ чистотѣ, цѣломудріи и воздержаніи. Обѣщалъ имъ и свои молитвы Богу, если только это будетъ полезно для нихъ.

Ученики утѣшали, со своей стороны, святителя пѣніемъ. Пѣвчіе изъ учениковъ входили въ составъ архіерейскаго хора; они участвовали при богослуженіи и въ другихъ церквахъ. О близости Димитрія къ уче-

---

[1]) „Архивъ князя Воронцова“, I т. 1 стр.

[2]) Соч. I, 212.

никамъ свидѣтельствуютъ слѣдующія слова комедіи на Рождество Христово: «лицу святительства вашего предстоя, вѣрую, что вы тоже полны благости къ дѣтямъ, какъ и Господь былъ на землѣ, давая дѣтямъ къ себѣ путь невозбранный» [1]).

Къ огорченію владыки школа существовала только три года. Послѣ одной изъ своихъ поѣздокъ въ Москву 1705 г. святитель уже не нашелъ ея: учениковъ распустили, по приказанію стольника Воейкова. При скудости средствъ на военныя потребности, нашли излишнимъ и непроизводительнымъ выдавать деньги на содержаніе учителей и учениковъ. Досада святителя выразилась въ горестномъ его письмѣ къ митрополиту новгородскому, у котораго тоже возникла школа, основанная Лихудами. «Что человѣка вразумляетъ, какъ не ученье?» «Я завелъ было латино-греческое, поучились два лѣта не больше, стали и граматику не худо разумѣть... Но вознегодовали питатели наши (изъ Монастырскаго Приказа), будто бы много выходитъ на учителей и учениковъ издержекъ. И уже все то, чѣмъ долженъ архіерей питаться, отъ насъ отнято, не только вотчины, но даже и вѣнечныя памяти» [2]).

Но дѣла просвѣщенія св. Димитрій не покидалъ. Онъ приказываетъ священникамъ, чтобы они сами учили своихъ дѣтей грамотѣ, читать, писать и понимать, что читаютъ. До закрытія школы онъ убѣждалъ ихъ чрезъ свои пастырскія посланія отдавать дѣтей въ Ростовское училище, гдѣ безденежно учатъ, чтобы имъ не быть глупыми, а когда будутъ священниками, то могли бы учить народъ и по книгамъ, и живымъ словомъ.

Дѣло Димитрія не пропало безслѣдно. Стали по-

---

[1]) „Яр. Еп. Вѣд." 1902 г., 152.
[2]) „Яр. Еп. Вѣд.", 1888 г., 394.

являться школы и въ другихъ мѣстахъ. Въ Ростовской епархіи упоминается за Петровское время цифирная школа. Въ другихъ епархіяхъ школы мало-по-малу стали возникать. Это дало поводъ правительству сдѣлать общее предписаніе всѣмъ архіереямъ заводить школы при ихъ домахъ на свой счетъ.

Ярославль. Колокольня Златоустовской церкви (конца XVII вѣка).

Колокольня церкви Рождества Богородицы 1645 г.

ГЛАВА III.

Управленіе паствою.

Отъ священниковъ владыка требовалъ, чтобы они исправно совершали богослуженіе и учили своихъ духовныхъ дѣтей. На обязанность ихъ онъ особымъ указомъ возложилъ трудъ обученія прихожанъ молитвамъ. Обученіе должно происходить за литургіею: владыка совѣтовалъ каждому священнику съ амвона читать краткія молитвы: «Іисусову молитву», «Царю небесный», «Трисвятое», «Отче нашъ», «Богородице Дѣво радуйся» и «Символъ вѣры», и твердить со слушателями не спѣша «по одной точкѣ».

Свои собственныя проповѣди онъ приноравливалъ такъ, чтобы нѣкоторыя изъ нихъ могли быть произнесены и священниками. Для этого онъ дѣлалъ отмѣтки, до какого мѣста написанной имъ проповѣди можно говорить, какъ ее приспособить и съ чего начать. Относительно слова на день мучениковъ кизическихъ въ руко-

писи есть помѣтка: «сіе и мученикамъ общее, аще изволиши чести». А далѣе,—«зри: аще не въ день св. 9 мучениковъ, то сіе пропусти и чти конецъ» и т. п. [1]).

Святитель не раздѣлялъ обычнаго взгляда, что «архіерей», какъ начальникъ надъ іереями, не обязанъ заглядывать въ народную толщу. За обличеніе духовныхъ нестроеній онъ принимается самъ. Онъ даже бросаетъ свое излюбленное желаніе—писать лѣтопись. Богъ о лѣтописаніи не станетъ спрашивать, а объ этомъ, если молчать,—истяжетъ. Не для того архіерей, чтобы величаться, но чтобы показывать въ себѣ образецъ смиренія Христова. Не добро ему не имѣть во устахъ слова, называться учителемъ и не учить, источники на мантіи носить, а источниковъ ученія не источать [2]), и, главное, образецъ, его собственной жизни долженъ исправлять всѣхъ. Онъ убѣждаетъ пастырей взять пасомыхъ «на рамена своя, какъ доилица носитъ доимыхъ» [3]). Священникамъ святитель завѣщалъ неослабную проповѣдь, если не словомъ, то жизнію. [4]). Признакъ добраго пастыря, когда онъ предъ овцами, а не позади овецъ ходитъ въ подвигахъ и богоугожденіи; не добро, когда овца бодрая, а пастырь лѣнивъ; овца постничаетъ, а пастырь разрѣшаетъ на вся. Если ему повелѣвается души своей для овецъ не щадить, то надо ли жалѣть своего имѣнія для нихъ? [5]).

Надежнымъ средствомъ будить благочестіе въ паствѣ Димитрій считаетъ въ богослуженіи. Опять же примѣръ усердія и любви къ общественному богослуженію онъ подавалъ самъ. Онъ не пропускалъ у себя ни

[1]) Впрочемъ подобныя помѣтки могли быть написаны послѣ собирателями проповѣдей Димитрія.

[2]) Осталась проповѣдь Димитрія, произнесенная въ Толгскомъ монастырѣ о свѣщахъ.

[3]) Соч. III, 326. [4]) Соч. III, 64, 76.

[5]) Соч. Кіевъ, 1901 г. IV ч., 569 стр.

одной утрени. Требовалъ и отъ духовенства чиннаго богослуженія. Онъ устраивалъ крестные ходы, самъ участвовалъ въ нихъ и шелъ, какъ бы это далеко ни было. 22 іюня 1704 г. онъ устроилъ торжество переложенія въ новую раку св. мощей князей Ѳеодора, Давида и Константина Ростовскихъ. Въ 1705 году подтвердилъ общія распоряженія о церковномъ благочиніи, какія практиковались повсемѣстно въ Великороссіи.

По городамъ и уѣздамъ духовенство, по обычаю, выбирало одного *старосту,* который бралъ съ духовенства всякіе окладные и неокладные сборы, а также наблюдалъ за церковнымъ порядкомъ въ своемъ округѣ. Вмѣсто такого старосты, владыка послалъ 1705 г. въ Угличъ своего домоваго монаха, Варлаама. Въ инструкціи Варлааму [1]) наказано наблюдать, чтобы богослуженіе совершалось «чинно и не мятежно и единогласно и пѣніе пѣли на рѣчь»; литургію по новоисправленнымъ служебникамъ совершали надъ 5 просфорами съ четвероконечнымъ крестомъ, и просфоры печь изъ чистой пшеничной муки. Ему внушено слѣдить, чтобы антиминсы въ церквахъ были новые, и вездѣ вся утварь была цѣлая, а не ветхая, въ церквахъ находилось достаточное количество новоисправленныхъ книгъ, сосуды для св. мура и купели — чистые, запасные дары въ приличныхъ дароносицахъ на престолѣ. Прихожанъ предписано научать ихъ обязанности, чтобы они съ своими дѣтьми исповѣдывались во всѣ 4 поста, а въ церкви стояли чинно и т. п.

Чтобы оживить богослуженіе въ Великій Пятокъ и во время говѣнія прихожанъ, святитель велѣлъ читать въ этотъ день во время утрени, послѣ великаго славословія, составленный имъ «Плачъ на погребеніе Христа»,

[1]) Проф. *Пляпкинъ*, приложено, 16 стр.

а также и предъ причащеніемъ. Содержаніе «Плача» такое: «Куда ты идешь Іисусъ! Станьте, носящіи, чтобы приблизиться намъ къ нему и оплакать слезами Того, Кто кровь Свою пролилъ за насъ! Что я вижу? Богъ біенъ, язвенъ и бездыханенъ! Тѣло окровавлено, глава уязвлена терніемъ, произращеннымъ для него землею. Очи залиты и кровью, и слезами. Лицо, просіявшее на Ѳаворѣ, оплевано, на устахъ желчь, — сомкнуты онѣ! Руки и ноги пригвождены *долгими* гвоздями, ребро прободено! Воинъ отверзъ копьемъ сердце Его для нашихъ взоровъ. Разгоряченное сердце охлаждено желѣзнымъ наконечникомъ. Язвы Его вопіютъкъ намъ: «люби Меня, потому что все это за тебя претерпѣлъ». О, распяли любовь нашу къ Тебѣ, чтобы мы спогреблись Тебѣ! Да будутъ Его язвы въ нашемъ сердцѣ навсегда!» [1])

Самъ святитель возбуждалъ горячую и живительную вѣру въ присутствующихъ. Въ 1707 году 23 декабря, былъ такой случай: для больной бѣсноватой женщины онъ служилъ молебенъ въ дѣвичьемъ монастырѣ предъ чудотворнымъ образомъ Божіей Матери. По прочтеніи кондаковъ съ икосами больная, страдавшая 5 лѣтъ, почувствовала облегченіе; во время литургіи самъ архіерей причастилъ ее Св. Тайнъ и она возвращалась домой уже совершенно здоровою [2]).

Когда составлялось въ первый разъ житіе св. Димитрія, то были въ живыхъ еще очевидцы такихъ чудесъ. Со словъ такого очевидца, престарѣлаго священника, впослѣдствіи, 1757 г., записанъ такой случай. Жена этого священника, Татьяна Романовна, со времени

---

[1]) Соч. I, 208 стр. Форма изложенія здѣсь очень напоминаетъ манеру *Млодзяновскаго*, но богатство и благородства чувства въ содержаніи дѣлаетъ этотъ „Плачъ“ самобытнымъ твореніемъ Димитрія.

[2]) Проф. *Шляпкинъ*, 432.

замужества страдала тоскою. За два года до кончины Димитрія (1707 г.) послѣ Пасхи она въ тяжкой тоскѣ стала кричать. Испуганный мужъ ея поспѣшилъ въ келью архіерея и сталъ просить помолиться за больную. На утро ее привели въ домовую архіерейскую церковь Григорія Богослова. — Во время пѣнія задостойника она сильно билась и кричала. По окончаніи литургіи, владыка велѣлъ священнику кропить ее святою водою. Больная кричала: «ты де мой мучитель, въ другой разъ ты меня мучишь: архіерей де меня мучилъ, а теперь ты меня сталъ мучить!» Въ полдень пришелъ святитель въ ту же церковь, приказалъ больную ввести въ церковь и читалъ надъ нею по великому требнику заклинательныя молитвы «и прочее чиноположеніе и во время чтенія молитвъ, когда духа заклиная именемъ Божіимъ и ударяя рукою своею по лицу ее, Татьяну, стоящую предъ его преосвященствомъ, коя тогда была держима людьми, сказалъ: «изыде, душе нечистый, отъ созданія Божія!» Тогда онъ, нечистый духъ, въ отвѣтъ говорилъ: «изыду, боюся тебя, архіерея!» А преосвященный, заклиная снова и кропя святою водою, говорилъ: «убойся Бога, а меня не бойся, только выйди!» Женщина была исцѣлена [1]). Священнику, который, какъ очевидецъ, разсказывалъ объ этомъ, въ 1757 году было 73 года, а во время разсказаннаго имъ событія онъ имѣлъ 25 лѣтъ отъ роду.

Пасомые любили святителя. Упоминаются случаи, когда, по выходѣ его изъ храма послѣ литургіи, они окружали его, сопровождая до келліи, и прося о разрѣшеніи своихъ недоумѣній. Онъ приглашалъ совопросниковъ въ келью и тамъ бесѣдовалъ съ ними.

Въ Монастырскомъ Приказѣ, при ассигновкѣ средствъ

[1]) Архивъ Синода. Дѣло № 28, отъ 1752 г. 20 окт. Объ открытіи мощей св. Димитрія.

на ростовскаго архіерея, рѣзко раздѣлили личныя нужды архіерея отъ нуждъ его домовыхъ людей. Архіерейскіе дома имѣли большой составъ служащихъ, такъ какъ устраивались на подобіе патріаршаго. При домѣ жили судьи, приказные дьяки, канцелярскіе служители, протоколисты, а равно и домовые служителя; въ тотъ же составъ архіерейскаго дома входила и духовная свита митрополита: священники, монахи, діаконы, пѣвчіе, управитель архіерейскаго дома изъ духовныхъ особъ, секретари, протоколисты, канцеляристы; изъ низшихъ служащихъ: кухмистеры, повара, приспѣшники, хлѣбники, пивовары, солодовники, гвоздари, садовники, кузнецы, окольнишники, лошкомои, хлѣбники, конюхи и проч., дворяне, боярскія дѣти, находящіяся у государственныхъ сборовъ, пристава и стряпчіе по разнымъ городамъ.

Составъ архіерейскаго дома былъ въ разное время неодинаковъ;—въ лучшія времена доходилъ до 500 человѣкъ, спускался и до 200. При Димитріи его крайне сократили: положено 34 приказныхъ и 85 домовыхъ служителей [1]) на «преогромный домъ» [2]). Изъ средствъ дома жалованье отпускалось не всѣмъ. Нѣкоторые питались отъ своихъ рукъ, какъ, напримѣръ, свѣтскія особы: секретари, десятильники, бравшіе съ каждой церкви «почестныя», т. е. добровольныя пожертвованія деньгами. Иныхъ митрополитъ Димитрій самъ надѣлялъ изъ своихъ владычныхъ доходовъ. Всѣ церкви въ Великороссіи и все духовенство считались податными учрежденіями. Дань съ нихъ опредѣлялась не одинаково. При св. Димитріи получалось около 3 рублей съ церкви [3]), церквей же было около 800. Кромѣ того,

[1]) „Историч. Вѣстн.“, 1883 г., 602 — 648.

[2]) Письма архіеп. Самуила въ „Яр. Еп. Вѣд.“. 1904 г., 692 стр.

[3]) При бѣдности духовенства дань въ 3 руб. была довольно тяжкою, такъ какъ это составитъ на наши деньги до 30 рублей. Запись сборовъ съ

взносили въ архіерейскій домъ за новые антиминсы, были ставленическія пошлины, со священниковъ взимались епитрахильныя деньги, съ діаконовъ—постихарныя, потомъ, при переводѣ съ мѣста на мѣсто платились перехожія пошлины, новоявленныя, дьячковскія, пономарскія, просфирническія, когда выдавались имъ грамоты на должность. Всѣ эти деньги шли не на одного архіерея. У Димитрія часть ихъ удѣлялась въ казну, по нѣкоторой части получалъ казначей, іеромонахъ, ризничій, подризничій, хлѣбникъ, истопникъ, писарь, иподіаконъ и приказный истопникъ. Съ перехожихъ грамотъ деньги шли на архіерея, казначея и подъячихъ.

Когда такихъ пошлинъ, даней, окладныхъ и неокладныхъ сборовъ оказывалось въ иныхъ епархіяхъ мало. то, по малороссійскому обычаю, начали приписывать къ нимъ вотчинные монастыри. Только цѣли приписки оказались различными: въ Малороссіи нѣсколько монастырей соединялось подъ однимъ управленіемъ, чтобы защитить слабыя обители отъ обидъ, по образцу западноевропейскихъ конгрегацій; а въ Великороссіи, наоборотъ, приписывали монастыри къ архіерейскому дому, чтобы брать съ нихъ доходы на содержаніе архіерейскаго дома. За приписными монастырями вотчины оставались попрежнему, но часть вотчинной доходности взносилась на содержаніе архіерейскаго дома.

Въ епархіи Димитрія находилось около 40 монастырей [1]). Составъ людей въ нихъ теперь уменьшался,

---

церквей была однообразна, напр., съ Толчковской (сравнительно богатой) церкви взималась: дани по окладу 4 рубля 16 алтынъ 4 деньги; десятильничь почестныхъ 10 алтынъ, въ Московскій подъемъ и въ подводы 6 алтынъ 4 деньги; въ Московское строенье 30 алтынъ; пѣвчимъ славленаго 3 алтына: полоненикомъ на окупъ съ 5 дворовъ по 8 денегъ; на дачу полковымъ подможныхъ 3 алтына 2 деньги („Яр. Еп. Вѣд.“, 1874 г., № 19).

[1]) *Строевъ* считаетъ 41 монастырь („Списки іерарховъ и настоятелей монастырей“ Спб., 1877 г.).

вслѣдствіе правительственныхъ желаній съэкономить побольше остатковъ, которые можно было бы обратить на военныя нужды.

Владыка вникалъ въ теченіе внутренней монастырской жизни и состава монаховъ. Отъ него зависѣло замѣщеніе настоятелей, казначеевъ и другихъ административныхъ лицъ. При уходѣ настоятеля, монастырское имущество описывали и увѣдомляли объ этомъ владыку. Новому настоятелю давалась отъ него грамота на настоятельство. Такъ, въ настояльной грамотѣ игуменьѣ Ярославскаго Казанскаго дѣвичьяго монастыря, Александръ, Святитель приказываетъ священникамъ, діаконамъ, старицамъ и слугамъ въ монастырѣ новую игуменью почитать, слушаться и повиноваться, какъ госпожѣ своей. Она должна устраивать обитель, имѣть духовную любовь, заботиться и начинать всякое доброе дѣло. Въ составъ монастырскаго братства поступали вдовые священники. Впрочемъ, въ случаѣ нежеланія постричься, имъ давалась грамота на служеніе въ приходѣ. Такъ въ 1706 г., священникъ села Туталова, Василій, проситъ владыку пожаловать его — благословить служить въ томъ же храмѣ и выдать эпитрахильную грамоту, обѣщая жить чисто и въ послушаніи своему духовнику, въ домѣ своемъ зазорныхъ лицъ не держать, кромѣ матери и сестеръ. Святитель соглашается на его просьбу [1]). Къ монашествующимъ святитель относился внимательно и съ любовью. Сохранилось его письмо къ старицѣ монахинѣ Варсонофіи Евѳиміевнѣ, гдѣ онъ увѣщеваетъ ее такъ: «люби Бога, такъ какъ Ему работаешь. Онъ воздастъ тебѣ» [2]).

При обширномъ размѣрѣ епархіи, ростовскій архіс-

---

[1]) Проф. *Шляпкинъ*, 321 стр. [2]) Соч. I, 221 стр.

рей не могъ расчитывать на спокойную жизнь въ своей келліи. Помимо безпрестанныхъ посѣтителей изъ духовенства съ просьбами объ опредѣленіи на мѣста, о переводѣ, съ жалобами и челобитьями, — каждое время года давало особыхъ докладчиковъ и челобитчиковъ. Осенью съѣзжались сельскіе старосты и выборные изъ церковныхъ архіерейскихъ вотчинъ съ докладами объ урожаѣ, сельскихъ работахъ, о необходимости новыхъ построекъ и перемѣнъ въ хозяйствѣ. Зимою съ 1 декабря начинали съѣзжаться поповскіе старосты изъ всѣхъ городовъ и уѣздовъ епархіи съ собранною ими казною даней, окладныхъ и неокладныхъ сборовъ со всего духовенства. Хотя всѣ экономическія дѣла сосредоточивались въ Ростовскомъ Духовномъ Приказѣ, но и владыкѣ съ своими экономомъ и казначеемъ было тогда не мало дѣла.

Изъ Монастырскаго Приказа строго провѣряли записи, въ особенности цѣлость вѣнечныхъ пошлинъ, чтобы онѣ не оказались меньше окладной вѣнечной суммы, зорко слѣдили за денежными недочетами и всякими неправильностями. Отвѣта тогда требовали со стольника, тотъ въ свою очередь тянулъ къ отвѣту духовныхъ властей, а за все отвѣчалъ архіерей. Провинившихся своихъ подчиненныхъ не могъ и онъ защитить. Жестоко наказывали нѣ за одно злоупотребленіе, но и за недосмотръ и халатность. Такъ въ 1704 г. правежемъ взыскивали съ виновныхъ запущенный въ Ростовѣ гербовый сборъ съ вѣнечныхъ памятей [1]).

Помимо челобитчиковъ, просителей и отвѣтчиковъ у Димитрія водились гости.

Святитель Ростовскій принималъ у себя разъ самого

[1]) Вѣнечный сборъ впослѣдствіи уничтоженъ императрицею Екатериною II.

царя, Петра Великаго. Два раза или болѣе пріѣзжала поклониться ростовскимъ святынямъ изъ Москвы царица Прасковья Ѳеодоровна (1708 и 1709 гг.). Она глубоко уважала святителя и не забывала своимъ вниманіемъ; однажды послала ему въ жалованье лисье одѣяло, въ другой разъ водки въ 4 стеклянныхъ сосудахъ, именуемыхъ бутылкахъ, и 3 кочана красной капусты. Такихъ почетныхъ гостей обычно принимали въ крестовой палатѣ. Изъ высшихъ духовныхъ лицъ его посѣтилъ митрополитъ Ефремъ Сербскій, бывалъ тамъ и Сильванъ, архимандритъ Троицкій.

Съ своими украинскими земляками у Димитрія знакомство не прерывалось. Сохранилось письмо его къ новгородъ-сѣверскому гражданину, Семену Тимоѳеевичу Доморцѣ, котораго онъ благодаритъ за вниманіе къ себѣ и своимъ родственникамъ. Въ Кіевъ отъ него отправлялись за какимъ то дѣломъ особые «посланники».

Изъ Троицкой лавры въ 1707 году на праздникъ Рождества Христова прибылъ къ владыкѣ префектъ, учитель философіи въ Московской академіи, іеродіаконъ Стефанъ Прибыловичъ для того, чтобы поднести ему конклюзію. Конклюзія — это родъ нынѣшняго «спича». У Прибыловича она вся состояла изъ напыщенныхъ восхваленій архіерею и написана на латинскомъ языкѣ, считавшимся тогда особенно важнымъ для выраженія высокихъ матерій. Искусстное письмо ея на кускѣ атласа разукрашено рисунками и фигурами, — именно, — изображеніемъ Духа Святаго въ видѣ голубя, окруженнаго по сторонамъ ангелами и ликомъ святыхъ угодниковъ. Изъ рисунковъ и надписей видно, что конклюзія была выраженіемъ признательности за составленіе житій святыхъ: вензель вязью указывалъ иниціалы Димитрія Савича. Димитрій величался здѣсь отцомъ

патрономъ и особеннымъ благодѣтелемъ; четыре его книги Житій Святыхъ уподобляются четыремъ евангельскимъ книгамъ и называются «святѣйшимъ книгостроеніемъ». Авторъ Житій восхваляется за то, что являетъ своею подвижническою жизнію образецъ подражанія святымъ. — При подношеніи конклюзіи самъ Прибыловичъ произнесъ предъ Димитріемъ похвальную рѣчь. Это былъ молодой человѣкъ, подававшій большія надежды своимъ трудолюбіемъ и знаніемъ философіи и богословія. Димитрій съ 1708 года посвятилъ его въ санъ іеромонаха [1]).

Къ святителю пріѣзжали гости и изъ Греціи. Такъ въ 1700 году былъ у него греческій архимандритъ, Іосифъ Коломнятинъ изъ Аѳонской Пантократовой обители. Онъ освящалъ Духовскую церковь въ Ярославлѣ [2]).

Димитрій, какъ привѣтливый хозяинъ, и самъ приглашалъ гостей: «пожалуйста, въ церковь къ обѣднѣ, а ко мнѣ на груздочки». «Степанъ Васильевичъ покушалъ груздочковъ съ моимъ недостоинствомъ» [3]), пишетъ онъ. Близкіе гости принимались владыкою въ своемъ архіерейскомъ домѣ. Въ него вела передняя комната съ чугуннымъ поломъ, называемая крестовою, потому что въ ней находились иконы и распятія. Она служила и молельней, и пріемной, а иногда и столовой. Въ ней находились 2 стола, изъ которыхъ одинъ покрытъ былъ ковромъ. За крестовой находились 2 архіерейскихъ кельи, а внизу подъ ними и парадными комнатами—людскія комнаты. Въ комнатахъ находились портреты Саввы Григорьевича, митрополитовъ Варлаама Ясинскаго и

[1]) Конклюзія *Прибыловича* сохранилась до настоящаго времени въ ризницѣ Спасояковлевскаго монастыря. Переводъ ея у *Шляпкина*, въ приложеніи, 47—50.

[2]) „Яр. Еп. Вѣд." 1874 г., 376 стр.

[3]) „Яр. Еп. Вѣд., 1873 г. и 1888 г., № 24, 384 стр., соч. V, 171.

Стефана Яворскаго. Для увеличенія числа комнатъ онѣ раздѣлялись занавѣсками. Одежда владыки отличалась почти однимъ цвѣтомъ—зеленоватымъ или темнокрапивнымъ, такого же цвѣта употребляли подушки, постели и одѣяла. Въ кельи находились на станкахъ глобусы, — небесный и земной. Вмѣстѣ съ иконами находились благословляющіе кресты, одинъ басмяной, а другой въ видѣ Голгоѳы. Тутъ же въ ковчежцѣ находились мощи святыхъ, напр., великомученицы Варвары, полученныя имъ отъ архимандрита Кіевскаго Златоверхаго монастыря, мощи князей Василія и Константина Ярославскихъ, были вѣроятно, части мощей и другихъ святыхъ. Въ кельяхъ находилась масса книгъ и выписокъ. Кромѣ 300 томовъ своей библіотеки, у владыки много книгъ заимствовалось изъ другихъ мѣстъ, въ особенности изъ Москвы.

Изъ людей, постоянно и близко всѣхъ находившихся къ Димитрію, былъ его племянникъ, пріѣхавшій изъ Украины, іеромонахъ Михаилъ, котораго Димитрій посылалъ съ порученіями въ Москву къ своему другу, митрополиту Стефану Яворскому. Близокъ былъ по всегдашней совмѣстной работѣ его переписчикъ. Уваженіемъ Димитрія пользовался дьякъ Михаилъ Ѳеоктистовъ [1]).

У святителя не прерывалась большая переписка съ друзьями. Онъ съ любовью писалъ пространныя письма, выражая въ нихъ мысли и чувства. Помимо писемъ къ митр. Яворскому и справщику Московской типографіи Ѳеологу, онъ переписывался съ митрополитомъ Иларіономъ Сарскимъ и Подонскимъ, съ Гавріиломъ епископомъ Вологодскимъ, съ отцомъ Иларіономъ Поликарповичемъ, соловецкимъ архимандритомъ и др. Боль-

[1]) „Яр. Губ. Вѣд.“, 1888 г., № 52, 528 стр.

шая часть переписки касается задушевнаго дѣла Димитріева—его книжныхъ трудовъ. Онъ имѣлъ сношенія даже съ іерусалимскимъ патріархомъ, прославшемъ ему въ подарокъ полотенце или «мандиліонъ», съ надписью отъ своего имени,—«Димитрію митрополиту» [1]).

Одни выражали ему сочувствіе за его цѣнный трудъ — составленія Четей-Миней, а другіе уважали его за скромный образъ жизни. Иногда обращались къ нему, какъ знатоку языковъ. Ѳсологъ послалъ ему чрезъ Волкова посмотрѣть греческую библію, посылали ему треязычный лексиконъ [2]) Ѳеодора Поликарпова.

Знавшіе Димитрія проявляли ему такую любовь, что Димитрію приходилось часто посылать письменную благодарность за память. Такъ митрополита новгородскаго онъ благодаритъ за «изрядную рыбку», присланную къ нему, и за полъ бочки свѣжепросольныхъ новгородскихъ лодогъ, и соболѣзнуетъ, что не можетъ ничѣмъ воздать по убожеству своему [3]). Почти одновременно изъ Москвы шлетъ ему въ подарокъ дьякъ Монастырскаго Приказа, Гавр. Ос. Окуньковъ, башмаки греческіе. Троицкой архимандритъ Сильвестръ, — при просьбѣ выслать ему Четьи-Минеи, послалъ Димитрію хлѣбъ и рыбу, какъ благословеніе Троице-Сергіевой обители [4]). Воевода Воронцовъ прислалъ вина, за которое благодарилъ его Димитрій [5]), а благодѣтель Стефанъ Васильевичъ изъ Москвы—нѣмецкихъ сухариковъ, но «не смѣю ихъ въ постѣ кушать — не съ молокомъ ли?» сомнѣвается святитель [6]). Иногда посылали груздочки, рыбу,

[1]) Полотенце іерусалимскаго патріарха хранится теперь въ ризницѣ Ростовскаго Спасояковлева монастыря. („Яр. Еп. Вѣд.“, 1880 г. № 45, 359 стр.).

[2]) „Русскій Паломникъ“, 1886 г., № 18, 160 стр.

[3]) Отъ 1708 г. „Яр. Еп. Вѣд.“, 1888 г., № 29, 449 стр.

[4]) Соч. I, 494.

[5]) Архивъ князя Воронцова, I, 1 стр.

[6]) „Яр. Еп. Вѣд.“, 1874 г. № 34.

чай и огурцы. Соловецкій архимандритъ съ монахомъ Антоніемъ послалъ рыбу. Стрянчій изъ Москвы, Т. Терпигоревъ, послалъ 150 свѣжепросольныхъ огурцовъ, дошедшихъ до Димитрія, когда онъ совершалъ свой походъ въ Ярославль [1]).

На всѣ такіе знаки уваженія Димитрій отвѣчалъ высылкою своихъ отпечатанныхъ книгъ [2]). Иногда проситъ чаю немного, такъ какъ «въ Ростовѣ взять негдѣ, а иногда надобно». Но что всего удивительнѣе во всей перепискѣ ни единымъ словомъ никѣмъ не упоминается о жгучемъ вопросѣ ожидаемаго выбора новаго патріарха московскаго.

За семь лѣтъ своей жизни въ Ростовѣ Димитрій дѣлалъ походы не только въ Ярославль и по епархіи, но поѣздки въ столицу, а равно и въ Вологду.

Въ 1705 году, едва онъ вернулся изъ лѣтней поѣздки въ Ярославль, приказомъ блюстителя патріаршаго приказа, его вызвали въ Москву на очередь служенія, вмѣстѣ съ пѣвчими, домовыми припасами и домовыми людьми. Къ 1 сентября онъ явился въ столицу и пробылъ здѣсь весь 1706 годъ.

Онъ проповѣдывалъ въ Чудовомъ монастырѣ, въ с. Преображенскомъ, въ присутствіи царя Петра, и въ другихъ мѣстахъ,—по случаю храмовыхъ праздниковъ или придворныхъ торжествъ; произносилъ и надгробныя слова. Въ присутствіи государя онъ говорилъ стройно, по кіевскимъ образцамъ составленное слово объ ярости, повреждующей умъ, здоровье и достоинство человѣка. Въ примѣръ приводится, какъ ослѣпленный гнѣвомъ Александръ Великій убилъ своихъ друзей. Въ назиданіе излагается польза отъ терпѣнія: оно — сокровище, которымъ могутъ обладать всѣ, но такое рѣдкое, что

[1]) *Шляпкинъ*, 377.

[2]) „Душепол. Чтеніе“, 1885 г., № 2, 122.

трудно его отыскать. Точно также замѣтна его попытка обосновать свою проповѣдь на 8 іюля. Онъ проситъ письмомъ Ѳеолога написать ему, почему Матерь Божія называется Одигитріей, и принести отвѣтъ предъ литургісй къ нему въ церковь [1]).

Произносить проповѣди въ Москвѣ приводилось едва ли не въ каждый воскресный и праздничный день. Однихъ письменныхъ за конецъ 1705 г. сохранилось 12, такъ что надобныя справки, безъ своей ростовской библіотеки, были затруднительны и схоластическая стройность не могла быть выполненною. Димитрій нашелъ исходъ для этого. Онъ воспользовался проповѣдями Ѳомы Млодзяновскаго. 19 ноября въ селѣ Измаиловскомъ онъ произнесъ извѣстное слово, начинающееся: царствіе небесное подобно купцу, ищущему бисера [2]). Оно и теперь представляетъ образчикъ красоты русскаго слова. Уже тогда, чрезъ 3 года по прибытіи въ Россію, Димитрій успѣлъ уловить характерныя черты жизни и духъ народа, и отобразить въ церковномъ словѣ. Проповѣдь Млодзяновскаго подъ перомъ Димитрія получила такое удачное примѣненіе, что считается оригинальнымъ произведеніемъ его. Сочувствіе слушателей еще болѣе вело Димитрія по пути новаго творчества. Онъ произносилъ и другія проповѣди въ народномъ духѣ.

Въ Москвѣ ростовскій владыка еще тѣснѣе сблизился съ Стефаномъ Яворскимъ. Реформы Петра, такъ тяжело отразились на Ростовскомъ хозяйствѣ, возбуждали недовольство и въ Москвѣ. Яворскій самъ былъ недоволенъ новыми порядками и отношеніемъ царя къ церкви и, вѣроятно, говорилъ объ этомъ съ Димитріемъ. Близость Ростовскаго владыки къ царевичу Алексѣю

[1]) Соч. III ч., 97 — 110.

[2]) Соч. III, 383 — 400. Слово заимствовано у *Млодзяновскаго*.

Петровичу тоже заставляетъ думать, что онъ сочувствовалъ партіи стараго порядка. 3 іюня 1706 г. онъ произноситъ слово о перенесеніи мощей св. Димитрія Угличскаго [1]), память котораго особенно торжественно праздновалъ всегда царевичъ Алексѣй Петровичъ.

Въ іюлѣ 1706 г. владыка вернулся въ Ростовъ. Его ожидало большое огорченіе. Въ его отсутствіе весь архіерейскій домъ описали. Въ архіерейскіе покои, за отсутствіемъ хозяина, хотѣли поставить шведовъ, взятыхъ въ плѣнъ. Но тамъ былъ гость у Димитрія,—сербскій митрополитъ Ефремъ, который не допустилъ такого вторженія въ архіерейскіе покои и отстоялъ для себя архіерейскую келью.

Димитрій узналъ объ этомъ еще изъ Москвы и благодарилъ митрополита, прося жить у него здраво и благоденственно [2]).

Въ это время закрыли и ростовскую школу. Такъ сказалась непритязательность Димитрія на благоволеніе царя и близость его къ рязанскому митрополиту.

Въ 1708 г. 10 августа святителя вызвали опять въ Москву на хиротонію кіевскаго Іоасафа Кроковскаго. На 2 сентября 1708 г. онъ пріѣзжалъ въ Александровскую слободу на погребеніе царевны Маргариты Алексѣевны и говорилъ надгробное слово. Тамъ же онъ еще разъ былъ для постриженія кормилицы царевича Алексѣя Петровича. Въ томъ же году предпринималъ 3 февраля, поѣздку въ Вологодскую епархію, по просьбѣ Ив. Ст. Стрѣшнева, для погребенія его отца, іерея Стефана [3]). Съ вологодскимъ епископомъ Гавріиломъ сношенія были понятны, потому что епархіи ихъ были смежными. Въ 1703 г. еп. Гавріилъ проситъ о посвя-

---

[1]) *Шляпкинъ*, 408.

[2]) Чтенія въ общ. И. и Р. Р., 1861 г., II кн., 12.

[3]) Соч. I, 506.

щеніи во діакона въ Ростовскую епархію къ Воскресенской церкви на Пурѣ Андрея Иванова, который просилъ объ этомъ вологодскаго епископа. Кромѣ того, онъ просилъ Димитрія содѣйствовать освобожденію отъ солдатчины ростовскаго жителя Петра Ѳеодорова Кичигина. Кичигинъ отъ солдатства Димитріемъ освобожденъ, какъ только попросили его объ этомъ, и Иванова поставить во діаконы еп. Гавріилу обѣщалъ [1]).

Во время вторичнаго пребыванія святителя въ Москвѣ еще болѣе обнаружилось его несочувствіе новому направленію политики, отражавшейся неблагопріятно на религіозныхъ обычаяхъ и бытѣ среди знати. Вмѣсто того, чтобы превозносить царя, онъ въ своихъ проповѣдяхъ намекаетъ на его слабыя природныя и нажитыя стороны. «Силенъ царь, говорилъ святитель, но не совершенно; онъ имѣетъ власть только надъ людскимъ тѣломъ, а не надъ душою каждаго; погубить, кого угодно, можетъ, а спасти ни у кого души не можетъ, да и о своей душѣ не знаетъ, приведетъ ли ее ко спасенію. Царская власть часто побѣждалась слабою женщиной, какъ видно изъ примѣровъ Давида и Вирсавіи, Самсона и Далилы, Дарія и Апамини. Въ настоящей жизни мало правды: нельзя ее говорить никому, если не хочешь бѣды и гоненій. Пострадали за истину Предтеча, Христосъ, *Стефанъ* первомученикъ. Такъ и нынѣ, начни только произносить праведную истину и истинную правду, тотчасъ потерпишь не меньшее» [2]). Такъ говорилъ Ростовскій архіерей еще въ 1707 году, а въ слѣдующемъ году уже въ самой Москвѣ въ проповѣди обличалъ небреженіе къ религіи, нарушеніе постовъ въ войскахъ, склонность русскихъ къ протестантству, упорность знатныхъ ро-

[1]) „Волог. Еп. Вѣд.“, 1865 г., № 1, 38 стр.

[2]) Соч. III, 111 — 112.

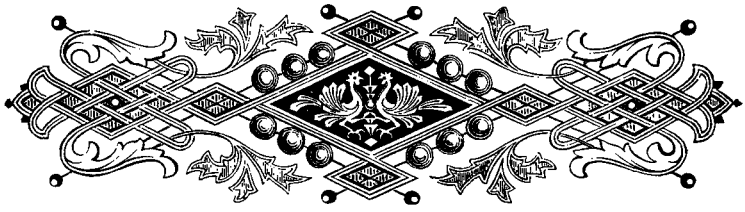
довъ. Самыя сравненія онъ употребляетъ тѣ, которыя употреблялись и Петромъ. Въ проповѣди разсказывается о пирѣ Ирода. На пиру Венусъ, Бахусъ и Арей, олицетворяющіе прелюбодѣяніе, вино и человѣкоубійство. Венусъ пришла царствовать, она и царями помыкаетъ. Подлѣ нея — Бахусъ. Этотъ божишко и нашимъ православнымъ христіанамъ не нелюбъ, понравился. Очень ужъ взялись за чревоугодіе, подражая ученику Бахусову Лютеру. «Не соблюдать постовъ—это не грѣхъ! День и ночь пьянствовать — это общительность! Пребывать въ гуляньи—это дружба! А что говорятъ о загробной жизни для души, — то куда ей идти? Это басни!» Говоритъ Бахусъ: «не надобно въ войскахъ соблюдать поста, а ѣсть мясо, чтобы военные люди сильными были, не ослабѣли бы для брани отъ поста и воздержанія». Но Гедеоновы воины, и постясь, побѣдили Мадіанитянъ. «Вывелись добрые люди, нѣтъ среди нихъ Константиновъ, нѣтъ Владиміровъ, нѣтъ другихъ богобоящихся любителей благолѣпія дому Господня, которые не только свое богатство и порфиры, и скипетры, и вѣнцы обращали на церковное украшеніе!» [1]). Мы оставили сосцы нашей матери церкви и ищемъ египетскихъ, иноземныхъ, еретическихъ, православію противныхъ [2]).—Точно также онъ осуждалъ съ церковной каѳедры нововведеніе у богатыхъ людей ставить въ домахъ античныя статуи или бюсты королей, и пренебрегать иконами; обличенія Ростовскаго владыки не могли не возбудить разговоровъ въ Москвѣ, гдѣ крѣпла партія послѣдователей старины. Близкое общеніе съ иновѣрцами у москвичей будило вопросы о ихъ вѣрѣ и оправданіи. Ростовскій владыка коснулся и этого предмета. По его мнѣнію, многіе изъ ино-

[1]) III, 527, 530. [2]) III, 375, изд. К. 1903 г.

вѣрцевъ живутъ по правдѣ, но неправильная вѣра не оправдаетъ ихъ предъ Богомъ. Святая церковь молится объ обращеніи ихъ на путь спасенія.

Петръ искалъ теперь популяризаторовъ его начинаній съ церковной реформы, а не указаній, какъ ему поступать. Недовольство его простиралось на все старорусское духовенство. Если онъ и отвѣчалъ на ненависть со стороны духовныхъ къ новымъ порядкамъ, то отвѣчалъ на нихъ пародіями и пренебреженіемъ къ проявляющемуся, по его мнѣнію, среди русскихъ папскому всевластію.

Оба дѣятеля на русской нивѣ, — и царь Петръ, и святитель Димитрій одинако познакомились съ западомъ, одинъ въ Польшѣ, другой—въ Европѣ, оба сознавали невѣжество и застой въ народѣ, и тотъ и другой одинаково стремились, хотя и разными средствами, къ просвѣщенію народа. Тотъ и другой сознавали силу ученья: Царь хотѣлъ заимствовать науку, чтобы освѣтить цѣли жизни, а святитель дѣйствовать болѣе теплымъ и сроднымъ народу средствомъ,— Евангельскимъ, заставляя всколыхнуть застоявшіяся убѣжденія указаніемъ на ненормальность настоящаго состоянія и свѣтлый привлекательный идеалъ для будущаго.



ГЛАВА IV.

Проповѣди св. Димитрія.

Св. Димитрій придавалъ большое значеніе силѣ слова: «злое слово и добрыхъ злыми творитъ, доброе же слово и злыхъ дѣлаетъ добрыми», говорилъ онъ [1]). Самъ онъ съ такимъ умѣньемъ пользовался даромъ слова, что его еще при жизни звали Златоустомъ [2]). Такая идеальная нравственная мѣра противъ нестроснй паствы, въ сравненіи съ тогдашними московскими способами внушеній, выдвинула ростовскаго святителя изо всѣхъ современныхъ ему іерарховъ.

Св. Димитрія можно назвать проповѣдникомъ покаянія [3]). У него въ проповѣди видна одна опредѣленная цѣль: возбудить высшіе духовные запросы у слушателей и дать отвѣтъ на нихъ, а также помочь пасомымъ возрастать въ христіанской жизни. Его проповѣди носятъ нравственно-практическій характеръ. Если раскрывается предъ слушателями вѣроученіе христіанское, то оно непремѣнно связано съ примѣненіемъ его къ жизни. Во всѣхъ бесѣдахъ своихъ св. Димитрій обращаетъ взоры и чувства слушателей къ Распятому за насъ

[1]) II, 36; II, 155; II, 144; II, 205; III, 247; III, 377. „Лѣтопись“ заключительныя слова ея. (Соч. VI, 584, К. 1901 г.

[2]) „Яр. Еп. Вѣд.“, 1902 г., 132 —136. Статья о св. Димитріи, *А. А. Титовъ*.

[3]) Такъ называетъ его Иннокентій Херсонскій († 1857).

Сыну Божію. Искупленіе человѣка — это средоточный пунктъ всякаго его поученія. Изъ другихъ догматовъ христіанскаго вѣроученія святитель останавливается преимущественно на тѣхъ, которые имѣютъ ближайшее отношеніе къ спасенію человѣка, или на такихъ, разсмотрѣніе которыхъ вызывалось обстоятельствами и событіями. Есть у него поученія о поклоненіи св. иконамъ, о Божествѣ Іисуса Христа, о важныхъ и благодѣтельныхъ причинахъ вознесенія Господня, о молитвѣ (въ четвергъ I недѣли по пятидесятницѣ), объ ангелахъ (слово на соборъ архистратига Михаила), о воскресеніи мертвыхъ и о будущей жизни (слово на погребеніе Т. Б. Юшкова) [1]). Раскрытіе такихъ догматовъ вызывалось самою жизнію.

Поэтому, догматическія проповѣди св. Димитрія имѣютъ *полемико-апологетическій* характеръ. Очень немного такихъ проповѣдей, гдѣ излагается положительное ученіе церкви. Въ бесѣдѣ на вознесеніе Господне св. Димитрій говоритъ о важности и слѣдствіяхъ этого событія; въ бесѣдѣ объ ангелахъ — о сотвореніи ихъ и отношеніи ихъ къ людямъ. Ангелы занимаютъ, по мнѣнію Димитрія, среднее мѣсто, именно,—небеса, которыя находятся подъ эмпирейскимъ небомъ. Этимъ небомъ со всѣмъ міромъ ангельскимъ управляетъ Превысочайшій Богъ, нижайшее же (земля) управляется отъ средняго, то есть, ангелами. «Управлять ангелами изволилъ Самъ Богъ, управлять же и хранить людей Онъ повелѣлъ ангеламъ» [2]).

Въ словѣ о воскресеніи мертвыхъ выясняется, что тѣла людей «не будутъ причастны тлѣнію, сіяя премірною красотою»,—смерть души будетъ состоять въ

[1]) Соч. III ч.

[2]) III, 322. Подобное ученіе замѣтно у Симеона Полоцкаго (*Костомаровъ*. „Русск. Ист.“, II, 400).

отнятіи благодати Божіей и въ удаленіи отъ лицезрѣнія Божія. Въ поученіи объ ангелахъ на фактахъ исторіи Товита выясняется отношеніе ангеловъ къ людямъ. Во всѣхъ такихъ догматическихъ вѣроучительныхъ бесѣдахъ св. Димитрій не опускаетъ случая сдѣлать практическое назиданіе слушателямъ.

Такъ въ надгробномъ словѣ онъ высказываетъ: «намъ—польза отъ памяти смертныя, та, что поминая умершаго и держа его въ умѣ, мы вспоминаемъ свою смерть, видя его гробъ, мы помышляемъ и о своемъ». Вѣдь гласъ сына Божія раздается не только чрезъ Евангеліе или чрезъ проповѣдующихъ, но и видъ мертваго есть такой же гласъ сына Божія, обращенный къ намъ. Видишь мертвеца, несомаго къ погребенію, это гласъ Божій тебѣ: «и ты—умрешь, зачѣмъ не радишь о своемъ спасеніи?» Видишь развалины домовъ,—это гласъ Божій къ тебѣ, что, какъ они жили и умерли, такъ тебѣ предстоитъ смерть и т. д. [1]). Въ полемическихъ проповѣдяхъ у св. Димитрія указываются отрицательныя, не православныя мнѣнія, и раскрывается правильное церковное ученіе о томъ же предметѣ. Напримѣръ, объ иконахъ святитель говоритъ: «Образъ или икона есть изображеніе вещи истинныя, которая или есть, или была, или будетъ». Приступая къ поученію о молитвѣ, проповѣдникъ обѣщаетъ показать, какая польза и сила молитвы. Доводы онъ заимствуетъ изъ св. писанія: «я отъ писаній Божественныхъ съ тобой говорить буду», но пользуется также святоотеческими твореніями и исторіею. Въ ученіи объ иконопочитаніи есть ссылки на Моисея, поставившаго мѣднаго змія на крестѣ въ пустынѣ, такъ и на преданіе о томъ, какъ Іисусъ послалъ свое изображеніе Авгарю. Затѣмъ излагаетъ и

[1]) III, 496.

христіанскій взглядъ на иконы: «у насъ (признается) Богъ — одинъ, славимый и поклоняемый въ Троицѣ Святой, а икона Его служитъ (намъ) только изображеніемъ и воспоминаніемъ, и мы, православные, надежды на иконы не полагаемъ, но надежду и упованіе возлагаемъ на того, кто изображенъ на иконѣ» [1]). Установивши взглядъ на икону, св. Димитрій разрѣшаетъ и недоумѣнія противниковъ. Не противорѣчитъ, по его словамъ, иконопочитаніе 2-й заповѣди Закона Божія: тамъ запрещается почитать кумиры или идолы и самъ Моисей, принявшій отъ Бога эту заповѣдь, отъ Бога же получаетъ повелѣніе поставить въ скиніи литыя изображенія херувимовъ. Въ полемическихъ проповѣдяхъ слышится возмущеніе святителя, противъ ослушниковъ церкви. Въ рѣзкомъ тонѣ онъ говоритъ: «а что ты на это скажешь, седмиглавный змій, — иконоборная ересь?» «Васъ, мерзкихъ еретиковъ, гноеменитыхъ Компронимчиковъ, вмѣстѣ съ Св. седьмымъ соборомъ вселенскимъ, проклинаемъ!» [2]). Святитель съ воодушевленіемъ заключаетъ: «хотя бы вы отверзли мерзкія свои гортани со всѣмъ адомъ преисподнимъ, но Церковь Святую врата адова не одолѣютъ». Церковь, какъ столпъ и утвержденіе истины, съ которою мы — чада ея, — со всѣми отцами святыми... единогласно утверждаемъ и кровью нашею готовы подписаться: «Пречистому Твоему Образу поклоняемся, Благій!» Систематическаго изложенія догматовъ нѣтъ у святителя. Большая часть ихъ разсматривается во всѣхъ его сочиненіяхъ и такъ полна, что даетъ поводъ составить по нимъ «догматическое ученіе» въ полномъ объемѣ [3]). Но главная цѣль его

---

[1]) II, 40. [2]) II, 37 и 42.

[3]) Попытка составленія такого „догматическаго ученія“ св. Отца нашего Димитрія, выбраннаго изъ его сочиненія представлена въ „Христ. Чтеніи“. 1842 г. IV, 311 — 521. Къ сожалѣнію въ основѣ статьи положены „Вопросы и

проповѣди — способствовать нравственному преспѣянію слушателей и, потому, большая часть — *нравоучительныя.*

Въ проповѣди рисуется идеалъ христіанской жизни, а равно и уклоненія отъ него. Въ однихъ излагаются правила жизни, большая же часть полна горячихъ обличеній. Въ вѣроученіи христіанскомъ св. Димитрій почерпаетъ неоскудѣвающій источникъ назиданій людей и исправленія ихъ. Для него явно было отсутствіе въ пасомыхъ главнаго христіанскаго достоинства, именно, сознанія духа Евангельскихъ правилъ; все у людей сводилось къ внѣшности, къ обрядамъ благочестія. Чтобы научить слушателей, святитель избираетъ для проповѣди Евангельскіе разсказы, событія, тексты, указывая во всемъ нравственныя требованія отъ христіанина. Главная цѣль его проповѣди — привести слушателей въ умиленіе, разбудить сознаніе нравственнаго долга. Онъ указываетъ на Христово воплощеніе и искупленіе. Внушаетъ любовь къ Богу и всѣмъ ближнимъ, изображаетъ внутреннее обновленіе человѣка при помощи благодати Божіей, покаяніе, молитву, постъ, терпѣніе въ страданіяхъ, обновленіе и будущую жизнь. Таковы главные пункты проповѣди Димитрія. Чтобы легче было простому народу воспріять сознаніе нравственнаго долга, у святителя раскрывается безобразіе и тяжесть грѣха: «что можетъ быть гнуснѣе грѣха противъ седьмой заповѣди? Кто же это прелагаетъ благодать Бога нашего въ скверну? Поистинѣ никто другой, какъ христіанинъ, принявшій при крещеніи небесныя благодѣянія!... Кто нибудь скажетъ: какая же обида Христу Богу отъ того, что кто нибудь оскверняетъ тѣло свое

ответы о вѣрѣ", которые Димитрію не принадлежатъ, хотя и помѣщены въ числѣ его сочиненія въ I части (43 — 85 изд. М. 1895 г.). Если удалить изъ статьи выдержки изъ „Вопросовъ", то она уже теряетъ и цѣлость и цѣнность.

грѣхомъ блуднымъ? Воистину великая обида!... Все тѣло твое, которое ты оскверняешь и чернишь блуднымъ грѣхомъ, не твое тѣло, но Христово: храмъ Божій святъ — это вы!» [1]). Такъ отвращаетъ святитель отъ блуда указаніемъ на святость закона Христова, а также тяжесть и внутреннее безобразіе грѣха.

Въ нравообличительныхъ бесѣдахъ и поученіяхъ выставляются не столько частныя уклоненія отъ правилъ христіанской жизни, сколько указываются общіе пороки паствы. Св. Димитрій обращается съ обличеніями къ людямъ всѣхъ сословій, положеній, состояній не исключая и себя: «отъ нихъ-же первый есмь азъ», заявлялъ онъ. Приготовляясь въ недѣлю мытаря и фарисея говорить о тщеславіи и клеветѣ, онъ уклоняется предъ слушателями, говоритъ и о другомъ смыслѣ притчи: «нынѣшнюю о мытарѣ и фарисеѣ притчу пусть толкуютъ себѣ, кто какъ хочетъ, а я одно хочу повѣдать и любви вашей предложить; къ кому Господь сказалъ ее». Отвѣтивъ на такой вопросъ, далѣе говоритъ уже о тщеславіи и осужденіи [2]). Святитель имѣлъ здѣсь въ виду раскольниковъ, которые проявляли фарисейское самовосхваленіе, клеветали на церковныхъ предстоятелей и хулили церковь.—Иногда онъ мѣтко указываетъ недостатки и пороки разныхъ сословій. У него представлена живая картина, какъ Царствіе Божіе странствуетъ на землѣ, ища себѣ спокоя. Заходитъ въ палаты князей, бояръ и могучихъ людей, видитъ тамъ богатства, собранныя неправедно грабежомъ хищеніемъ, чрезъ обиды и слезы людскія, и, гнушаясь неправеднаго, отошло прочь. Пошло Царство небесное въ торговые ряды,— нѣтъ, думаетъ, здѣсь награбленнаго, поселюсь тутъ, а какъ посмотритъ на продажу и куплю, видитъ великій

[1]) II, 244, 246 — 247. [2]) II, 1—8.

суету, слышитъ ложь, обманы, божбу не по правдѣ, не смѣшкая, и оттуда выходитъ. Пошло Царство небесное въ приказы и ратуши, думая про себя; здѣсь судятъ, здѣсь поставлены люди творить правду. Но и здѣсь нѣтъ правды, просятъ даровъ, судья миритъ только на словахъ, а на душѣ у него зло. Увидавъ такіе суды, вышло оттуда Царство прочь. Проходитъ городомъ, слышитъ пированіе и мыслитъ: вотъ собрались люди на любовь, а гдѣ любовь, тамъ и Богъ; и мнѣ тамъ надо быть. Взошло на пиръ и видитъ: люди поѣдаютъ, вмѣсто хлѣба, другъ друга, словами льстятъ, а на сердцѣ у нихъ коварство. Напились, начали брань и возстали другъ на друга. Видя то, скорѣе выходитъ оттуда Царство небесное. Не нашло себѣ мѣста Царство и въ простомъ народѣ. Тамъ— беззаконія воровство, татьбы, разбои, убійства; такія дѣла, что и поминать о нихъ стыдно. Пойду говоритъ небесное Царство въ храмъ Божій: тамъ почію. Видитъ: одни въ церкви дремлютъ, иные разговариваютъ о своихъ дѣлахъ, нѣкоторые о чемъ-то мечтаютъ, клирики поютъ безъ вниманія, священники съ діаконами ссорятся, а иногда и дерутся. Нѣтъ, говоритъ Царство небесное, это не домъ Божій, а вертепъ и отошло прочь. Вотъ видитъ голодныхъ, на правежахъ біенныхъ, такихъ, что и душа едва держится. Возлюбило оно это мѣсто, поселилось на этомъ селѣ, а Евангеліе и записало: «подобно есть Царствіе небесное сокровищу сокровенну на селѣ» [1]).

Такъ обличаетъ св. Димитрій воровство, и лицемѣріе высшихъ сословій: свѣтскихъ и духовныхъ. Въ проповѣдяхъ смѣло указывается, какъ господа пользуются трудами бѣдныхъ крестьянъ, мучатъ ихъ, а сами

[1]) III, 248,—250.

наслаждаются, сіи упиваются, а тѣ развѣ водою жажду свою утоляютъ, здѣсь веселятся, а тамъ плачутъ на правежѣ» [1]). Не щадится и чинъ духовный: іереи небрегутъ о своихъ обязанностяхъ, о паствѣ, даже о своей семьѣ, члены которой живутъ безъ причастія по нѣсколько лѣтъ [2]). Санъ свой принимаютъ не для того, чтобы души человѣческія пасти и спасти, а чтобы самимъ питаться и быть въ почитаніи отъ другихъ [3]).

Во всѣхъ бесѣдахъ и поученіяхъ св. Димитрій выставляетъ высшій смыслъ Евангельскихъ требованій, вездѣ указываетъ, какъ ихъ примѣнить къ жизни. Трогательны при этомъ утѣшенія святителя грѣшникамъ: «и святымъ случается падать», говоритъ онъ, убѣждая возстать [4]).

Свѣдѣнія о расколѣ, ихъ ученіи, издѣвательствѣ и хуленіи на церковь, подвигли святителя заняться опроверженіемъ ихъ. Опасность раскола угрожала всей паствѣ. Надо было охранить народъ отъ опасной пропаганды, раскрыть обманъ раскольниковъ предъ пасомыми. Сохранились проповѣди направленныя исключительно противъ старообрядства таковы: поученіе въ недѣлю 21-ю противъ раскольническихъ соблазновъ; на воздвиженіе Креста Господня — о четвероконечномъ крестѣ, и отдѣльное поученіе о четвероконечномъ крестѣ» [5]).

Въ нынѣшнія времена, говорилъ святитель, угасла любовь въ сердцахъ человѣческихъ, придутъ въ церковь не для того, чтобы молиться со страхомъ Богу. Воздвизается вотъ Крестъ Христовъ, чтобы кто, воззрѣвши на него, исцѣлится. «Но думаю, ни одинъ христіанинъ не усумнится, какому кресту надо поклоняться, кромѣ бездѣльнаго сомнѣнія и вопроса нѣ-

[1]) II, 319. [2]) II, 386. [3]) II, 356. [4]) II, 18—19. [5]) II, 389, III, 195, 423.

которыхъ неразумныхъ людей: осмоконечному или четвероконечному? На таковой вопросъ и отвѣчать не надобно, такъ это ясно изъ священнаго писанія: «въ ветхомъ завѣтѣ крестъ изобразилъ руками Моисей и Іисусъ Навинъ, когда побѣждали враговъ, Іаковъ при благословеніи 2 сыновей Іосифа и другіе мужи. Въ нынѣшній день въ старыхъ стихирахъ поютъ: «четвероконечный міръ здѣсь освящается, четверочастному воздвизаемому Твоему Кресту, Христе»; въ каноникѣ въ 1-й пѣсни пишется: «крестъ—четвероконечная сила» и т. д. Все указываетъ въ Крестѣ Христовомъ на четвероконечіе, а не осмоконечіе!» О томъ-же свидѣтельствуютъ и св. отцы, Афанасій В., І. Дамаскинъ, такъ писано и въ старыхъ московскихъ книгахъ; «и въ семъ градѣ Ростовѣ обрѣтается крестъ, который далъ Іоаннъ Богословъ преподобному Авраамію (въ видѣніи), но и сей не осмоконечный крестъ». «Самихъ раскольниковъ спрошу,—какимъ крестомъ они крестятся? О сложеніи перстовъ нынѣ не говорю, такъ какъ времени не достанетъ; на другое время отлагаю... Зачѣмъ они не осмоконечнымъ крестятся?.. Говорю это, — не потому, будто, я отвергаю осмоконечный или шестиконечный Крестъ Христовъ, но чтобы заградить уста безумныхъ и не знающихъ, въ чемъ самая сила крестнаго поклоненія». Напр., въ Евангеліи мы чтимъ не бумагу, или чернила, которыми тамъ написано, а исторію. Не оклады чтимъ на немъ: думаю,—этого никто не скажетъ! Но почитаемъ слова Христовы». «Подобнымъ образомъ не доску и ваны чтимъ въ иконѣ, а изображеннаго. Явно обнаруживается безуміе нѣкоторыхъ людей, которые, когда икона новая, не хотятъ почитать, а если старая и окоптѣлая, или новая, но когда окоптятъ (ее) дымомъ, то почитаютъ. Если почитаютъ такъ доску, то въ такомъ случаѣ,—рѣзко говоритъ святитель,—если бы кто

и діавола изобразилъ и закоптилъ, то діаволу иной, не знаючи, поклонялся бы». Или, какъ нынѣ нѣкоторые господа стыдятся въ домахъ своихъ поставить икону Христову или Богородицы, но уже нѣкоторыя безстыдныя поставляются изображенія Венеры или Діаны, или прочихъ ветхихъ кумировъ, или и новыхъ, напр., королеву испанскую англійскую или французскую, и если бы невѣжа пришелъ и такія нечестивыя изображенія увидѣлъ, не узнавши, что то не Божьи, но мірскія, могъ бы имъ кланяться, какъ Божіимъ и св. изображеніямъ, невѣжества ради своего [1]). «Седьмой соборъ предалъ анаѳемѣ, какъ не покланяющихся иконамъ, также и тѣхъ, кто худо кланяется и боготворитъ иконы» [2]).

Въ иныхъ проповѣдяхъ Святитель совѣтуетъ слушателямъ читать «Увѣтъ духовный» и «Жезлъ правленія», чтобы ознакомиться съ заблужденіями раскольниковъ. Глубоко его возмущало упорство и безнравственная жизнь старообрядцевъ: Кто васъ прельстилъ противиться истинѣ? Развѣ измѣнилась Церковь? Не будетъ ли пребывать она до суднаго дня и врата адова не одолѣютъ ея? Развѣ Христосъ оставилъ Церковь свою, которую искупилъ честною кровію своею? Развѣ солгалъ, говоря: Я ссмь съ вами во всѣ дни, до скончанія вѣка». Небо и земля прейдутъ, а слова Господни не прейдутъ? вы же, окаянніи, говорите, что Церковь—(теперь уже)—не Церковь, считая слова Господни ложными? Кому лучше вѣрить: вамъ или Христу? [3]). Узнавши, что старообрядцы завели у себя общихъ женъ, святитель высказываетъ въ проповѣди предъ православными свое глубокое возмущеніе: «слышите сіи слова Господа, вы

[1]) III, 207 — 210.
[2]) III, 210.
[3]) II, 392.

братскіе учителя, называющіе себя святыми отцами, на самомъ же дѣлѣ—волки, бѣсовскія птицы, держащіяся ученія николаитовъ, блудники и прелюбодѣи и сквернители, которыхъ Христосъ Богъ ненавидитъ! Слышите и постыдитеся и покайтеся, пока еще не поразилъ васъ мечъ обоюдуострый, исходящій изъ устъ Христа!» [1]).

Обличая съ каѳедры раскольниковъ, святитель имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, назиданіе православныхъ слушателей, желалъ раскрытіемъ заблужденій въ расколѣ предохранить ихъ, такъ что и эти полемическія бесѣды направлены къ нравственному преспѣянію паствы внушить ей повиновеніе Церкви.

Есть у святителя Димитрія проповѣди съ надписью «*историческія*», какъ, напр., «въ недѣлю Ваій» [2]), и «слово на Страсти Господа нашего Іисуса Христа» [3]), но исторія или повѣствованіе о священныхъ событіяхъ служитъ тутъ опять лишь вспомогательнымъ средствомъ къ назиданію. Въ недѣлю Ваій онъ желалъ показать, что требуется отъ того, кто желаетъ войти въ Іерусалимъ небесный, и для этого пользуется фактами входа Іисуса Христа во Іерусалимъ въ такомъ широкомъ размѣрѣ, что извиняется предъ слушателями за утомленіе ихъ: «надо бы разсмотрѣть еще тайну постилаемыхъ по пути ризъ и вѣтвей..., но не хочу отягощать долгою бесѣдою васъ, — оставляю это для будущаго времени». Говоря о страданіяхъ Господа, святитель убѣждаетъ, что и намъ также добровольно слѣдуетъ переносить несчастія, какъ бы тяжелы они ни были.

Въ словахъ похваленныхъ и надгробныхъ, вопреки общимъ пріемамъ, святитель немного удѣляетъ

[1]) II, 394.
[2]) II, 70.
[3]) Изд. соч. 1857 г., V т., 27—68.

мѣста тому лицу, для котораго произносится слово; все и здѣсь сводится къ назиданію слушателей. Таково слово похвальное въ годовщину смерти Иннокентія Гизеля (1685 г.) [1]), или привѣтствіе въ Москвѣ Петру Великому [2]). Тѣмъ болѣе нравственнаго назидательнаго элемента въ похвальныхъ словахъ Пресв. Богородицѣ Одигитріи, успенію ея, на праздникъ Казанской иконы, св. Леонтію [3]), Симеону Богопріимцу: «силу тѣхъ похвальныхъ словъ я разсудилъ въ нашу пользу, оговаривается онъ, — что мы не можемъ вполнѣ выразить хвалу, ибо что можетъ быть лучше той похвалы, «которую сочинилъ Богъ, возвѣстилъ св. Духъ, Евангелистъ написалъ и церковь по вселенной проповѣдуетъ?» Какъ объ особенности, заимствованной отъ проповѣдниковъ юго-западной Россіи, можно упомянуть его пріемы похвалъ: онъ обращается къ имени «Маріа», разлагаетъ это слово на отдѣльныя буквы и къ каждой буквѣ подбираетъ какое либо свойство Богородицы: «мудрая», «агница», «раба», «источникъ жизни», «апостоламъ вѣнецъ». Въ концѣ онъ опять обращается къ слушателямъ, просятъ ихъ обратить вниманіе на грѣховное свое состояніе и исправлять его, имѣя такой образецъ жизнь, какъ Непорочная Дѣва.

Всего удивительнѣе то, что и въ надгробныхъ рѣчахъ среди плача и смятенія святитель призывалъ предстоящихъ у гроба къ назиданію. Въ похвалахъ умершему онъ не распространялся, но прямо приступалъ къ христіанскому ученію о гробѣ, о покаяніи, о радостномъ христіанскомъ упованіи лучшаго міра за гробомъ, о внезапности смерти, о воскресеніи мертвыхъ, о судѣ въ будущемъ [4]). Наклонность къ назидательному

[1]) III, 518.

[2]) I томъ, Соч. I, 36—39. Изд. М. 1895 г.

[3]) Библ. Спб. дух. Акад., № 1283, л. 180, 231, 236, 260.

[4]) III. 490, 518.

элементу развивалась у святителя вмѣстѣ съ возрастомъ его [1]).

Всѣ проповѣди святителя Димитрія дышатъ благодатною помазанностію. Среди обличеній пороковъ паствы онъ высказываетъ глубокое смиреніе предъ Богомъ, высказываетъ безсиліе изложить какое нибудь ученіе или изобразить славу святого. «Ты, святитель Христовъ (Алексій), самъ яви намъ, гдѣ овцы слушающія твоего гласа, чтобы намъ подражать, и кто отъ противныхъ стадъ, чтобы себя сохранить?» [2]). Его преданность Богу умилительна, его ревность о Богѣ чаруетъ читателя. О язвахъ Христовыхъ онъ говоритъ: «кто, взирая на язвы Господа Іисуса, на крестѣ висящаго, окровавленнаго, на прободенныя ребра Его, источающія кровь и воду, не помыслитъ въ себѣ: ради меня Господь мой язвенъ, окровавленъ, чтобы меня, пораженнаго грѣхомъ и умершаго душею, оживить, исцѣлить, омыть, очистить и жизнь вѣчную подать мнѣ. А когда такъ помыслитъ, не подскажетъ ли ему внутренній человѣкъ, — совѣсть: если Господь твой все это принялъ ради тебя, такъ ты зачѣмъ лежишь въ лѣности и нерадѣніи, какъ мертвый, безъ движенія и спящій во гробѣ?» [3]). Проповѣдникъ не можетъ произнести безъ священнаго умиленія самое слово «Искупитель». Его сердце наполняется безграничною радостію при мысли о Немъ. Часто среди бесѣды о Немъ св. Димитрій начинаетъ молиться Ему и славословить Его: «о сладость, превышая всѣхъ сладостей, Іисусе!, о, любовь, всякое желаніе побѣждающая, Іисусе! О, хлѣбъ небесный! О, безсмертное наше насыщеніе! О вѣчное

[1]) Ср. напр., „Пирамиду" похвалъ Иннокентію Гизелю 1685 г. и надгробныя слова Юшкову и др.; III, 518 и 483 и 90.

[2]) III, 36.

[3]) III, 318.

наше наслажденіе, Іисусе! Какой языкъ въ состояніи исповѣдать славу Твою? Какой умъ постигнетъ наслажденіе, ощущаемое отъ Тебя всѣми Тебя любящими! Увеселеніе, радость и сладость наша, Іисусе! Пусть окружатъ меня здѣсь враги, пусть соберутъ камни со всей вселенной, пусть мечутъ ихъ на меня, какъ градъ, дождь и тучу: и все то я пренебрегъ бы, только чтобы видѣть Лице твое, Свѣтъ мой, Іисусе!» [1]). Ни рамки проповѣди, ни требованіе стройности ея, не связываетъ оратора въ этихъ душевныхъ изліяніяхъ. И мысли и чувства, и воля его — у подножія Креста Господня. Поэтому, благодаря искренности, и слово его дышетъ неотразимою убѣдительностію.

Безгранична любовь его и къ людямъ. Онъ бесѣдуетъ, какъ кроткій другъ и добрый отецъ со своими дѣтьми. Они чувствуютъ силу его слова, когда онъ заговоритъ имъ о Богѣ, о Его законѣ, и объ людскихъ обязанностяхъ. Этою чертою онъ поразилъ всѣхъ еще въ словѣ при вступленіи на паству. Еще до прославленія его слово это ходило по рукамъ, переписывалось; его знали и въ столицахъ. «Богъ тебѣ — не звѣрь и губитель, внушаетъ онъ всякому, но благоутробный благодѣтель; спасенія, а не погибели тебѣ Онъ желаетъ? Зачѣмъ же ты убѣгаешь отъ Божественной Его чаши?» [2]).

Въ обличеніяхъ Святителя видна близость его къ положенію грѣшника, желаніе помочь ему, разъяснить его грѣховное состояніе. Онъ говоритъ о порокахъ и преступленіяхъ противъ вѣры и правды: о корыстолюбіи, сребролюбіи, разгульной жизни, клеветѣ, доносахъ, жестокости, пьянствѣ, холодности къ Церкви, неблагоговѣніи, а особенно противъ раскола съ его заблужденіями и нравственнымъ паденіемъ его послѣдователей. Чувствуя

[1]) II, 360.

[2]) II, 65 — 66.

среди своей рѣчи, что слушатели возразятъ ему,—будто они никогда не изгоняли отъ себя Бога, ораторъ предупреждаетъ ихъ выясненіемъ: «всячески ты гонишь Его и безчестишь: гонишь въ ближнемъ своемъ, безчестишь въ себѣ самомъ», когда причиняешь зло ближнимъ твоимъ, то зло дѣлаешь самому Христу, по Его слову: что вы сотворили одному изъ меньшихъ сихъ, то Мнѣ сдѣлали». «Разумѣешь ли сказанное тебѣ (изъ св. писанія): твои члены—не твои, но Христовы, такъ какъ отъ него созданы, оживотворены и честною Его кровію искуплены: и если кто нечистымъ грѣхомъ плотскимъ уды свои осквернятъ, то безчеститъ въ себѣ Христа, дѣлая уды Христовы—удами блудницы. Помысли, человѣкъ, сколько разъ ты осквернилъ себя любодѣяніемъ, прелюбодѣяніемъ и другими скаредными, сквернымъ и богомерзкими блудными дѣлами; столько разъ обезчестилъ ты Христа, блудничу скверну навелъ ты на Христа, уды Христа сдѣлалъ удами блудницы. Но не хочу о томъ много говорить, стыжусь не только упоминать, но и думать; твоей собственной совѣсти оставляю, каждый самого себя лучше знаетъ» [1]).

Замѣчательно, что проповѣдникъ тутъ даже не грозитъ и наказаніемъ за такое преступленіе; онъ считаетъ достаточнымъ воздѣйствовать на нравственное чувство. Тѣмъ выше мораль такой проповѣди, предоставляющей каждому свободно, безъ внѣшнихъ воздѣйствій, силою внутренняго переворота, оставить позорную жизнь.

Онъ самъ скорбитъ и плачетъ о своей обязанности обличать и карать. «Простите мнѣ, грѣшные люди, изъ ихъ же числа и я есмь, окаянный, простите мнѣ, говорю, что всякаго грѣшника, безъ покаянія жизнь свою изнуряющаго, я назову бѣсноватымъ» [2]).

---

[1]) II, 237 — 238.

[2]) Слово въ 10 недѣлю.

Сколько скорби и глубокой печали слышится въ его словахъ: «гладъ душевный, гладъ слышанія Слова Божія распространился по епархіи нашей: нѣтъ сѣятелей духовнаго сѣмени, нѣтъ и земли доброй!.. Архіерею, поставленному здѣсь отъ Бога пасти, немалая печаль о погибели многихъ человѣческихъ душъ, оставляющихъ Слово Божіе и внимающихъ лживымъ и льстивымъ ученіямъ. Печаль, что не принимается архіерейское его ученіе, и не его самого, но Самого Бога, потому что не отъ себя поучаетъ, но отъ Евангельскихъ и апостольскихъ писаній! Печаль, что дѣти отца не слушаютъ, овцы не слѣдуютъ за пастыремъ, ученики не внимаютъ учителю, бѣгаютъ св. Церкви, чуждаются церковныхъ таинствъ и становятся чадами гнѣва, сыновьями погибели, наслѣдниками ада, которымъ не другого чего ожидать, кромѣ геены огненной, вмѣстѣ съ бѣсами!» [1]).

У него нѣтъ желчныхъ рѣзкостей даже въ обличеніи коварства, притворства и лицемѣрія, которыя замѣчались въ особенности среди вельможъ. Полна добродушнаго юмора у него та картина, гдѣ вельможи изображаются предъ царемъ, смирно стоящими; какъ закадычные друзья, предъ царемъ они кротки и молчаливы [2]). Говоря о чревоугодіи и гордости онъ дѣлаетъ сопоставленія въ подобномъ же добродушномъ тонѣ: «неудивительно плотоугоднику не втиснуться съ толстымъ брюхомъ въ тѣсныя врата, но жалости достойно, если изсушившій плоть, кожу да кости имѣющій туда не войдетъ изъ за самомнѣнія.

На *форму проповѣдей* много повліяло мѣсто произношенія, а также характеръ оратора. Изъ всѣхъ извѣст-

[2]) II, 390.
[1]) Соч. III, 81.

ныхъ 122 [1]) проповѣдей только 9 сказано въ Малороссіи, остальныя же въ Россіи: въ Москвѣ (22) и въ Ростовской епархіи. Большая часть ихъ падаетъ на 1701—1706 годы. По требованію юго-западныхъ проповѣдниковъ, послужившихъ для Св. Димитрія образцами живой проповѣди, слово церковное должно отличаться стройностію, занимательностію и, особенно, искусственностію. Установленная словесная форма царила надъ содержаніемъ рѣчи. Димитрій своевременно отдалъ дань требованіямъ вѣка, его Малороссійскія проповѣди отличаются изысканнымъ искусственнымъ строеніемъ, а слово на Петра и Павла даже звонкою реторикою. За то въ великорусскихъ бесѣдахъ надъ формою преобладаетъ практическая мысль и искренность. Двигателемъ построенія рѣчи служило желаніе назиданія. Не обращалось уже вниманіе на нарушеніе единства рѣчи и всесторонности темы. Вмѣсто того, чтобы развлечь слушателей искуснымъ настроеніемъ слова и неожиданными оборотами рѣчи, у св. Димитрія—упорное желаніе добраться до сердца слушателя и пробудить его спящую совѣсть. Объ этомъ онъ говорилъ даже съ каѳедры: какая польза отъ грома, если онъ не прольетъ дождя? Такъ и пышныя слова не доставляютъ назиданія [2]). Построеніе рѣчи уже не отличается натянутостію; оно является привычнымъ пріемомъ опытнаго оратора и очень не рѣдко рѣзко нарушается отступленіями. Разъ, сопоставивши два праздника Благовѣщенія и понедѣльника Свѣтлой недѣли, онъ, вмѣсто того, чтобы закончить слово, продолжаетъ: «но еще не аминь, еще

[1]) Кромѣ печатныхъ проповѣдей есть проповѣди святителя въ рукописяхъ, напр., въ Софійской рукописи хранящейся въ Спб. дух. Академіи № 1283, или въ книгохранилищѣ братьевъ Вахромѣевыхъ, А. И. и С. И. въ Ярославлѣ (*А. А. Титова.* Описаніе Вахромѣевскаго книгохранилища, IV т., 89—194; 240, 333, 334 V т. 252, 409), а также у А. *Титова*—105 проповѣдей.

[2]) Соч. III, 296 изд. К. 1903 г.

что нибудь скажу и простецамъ для ихъ пользы,—то было сказано для книжныхъ людей, не хочу и не книжныхъ отпустить безъ пользы!» А далѣе уже болѣе простымъ задушевнымъ тономъ говоритъ о смерти души, что мы возстаемъ душею чрезъ воскресеніе Христово и чему насъ научаетъ праздникъ Благовѣщенія [1]). Такимъ образомъ, у Димитрія слышится уже простая бесѣда съ народомъ. Въ другой разъ [2]) говоритъ: «время аминемъ кончать, но о нѣкоторой вещи смущаются умомъ». Отступленія были и въ такомъ родѣ: «по третьему вопросу, чтобы не удлинить рѣчи (уже и самъ изнемогаю), коротко скажу» [3]), и т. д.

Употребляются у Димитрія и пріемы южно-русской проповѣди: для возбужденія вниманія приводятся въ примѣръ басни, миѳы, вопросы,—вызывающіе у слушателя недоумѣнія,—шутливыя сравненія, діалоги, диспуты съ библейскимъ лицемъ, видъ загадки. Но они тактично включены въ рѣчь и не нарушаютъ въ ней общей настроенности. «Баснословится среди людей, будто бы, сокровища, сокрытыя въ землѣ, иногда переходятъ съ мѣста на мѣсто безъ помощи людской. Басня это, не правда, не вѣрю тому, только то знаю, что сокровище Царства Небеснаго переходитъ съ мѣста на мѣсто и гдѣ ему понравится, тамъ обитаетъ». Послѣ этого проповѣдникъ говоритъ, какъ Царство Небесное искало себѣ покоя среди князей, богатыхъ и простыхъ людей [4]). На пиру Ирода въ проповѣди Димитрія являются Венера, Бахусъ и Марсъ, какъ олицетворенія страстей. Въ праздникъ среди проповѣди святитель вдругъ поражаетъ слушателей словами: «а вѣдь не услышитъ насъ

---

[1]) II, 92 — 100.
[2]) III, 148, (К. 1903 г.).
[3]) III, 233.
[4]) III, 247 — 248.

Господь! Да, не услышитъ,—повторяетъ онъ,—такъ какъ мы не бросаемъ своихъ пороковъ» и т. д.—«Пока сидѣлъ Богъ на небѣ на своемъ Божественномъ престолѣ, по то время никто не зналъ Его тайнъ, даже наиближайшіе его, всегда предстоящіе ему, ангелы. А какъ сошелъ съ неба на землю, такъ о его сокровенностяхъ не только набожные люди, какъ то Іосифъ, праведная Соломія, не только важныя особы, какъ три восточныхъ царя, но и простолюдины, пастухи бесѣдуютъ, говорятъ, разсказываютъ сокровенное. Одинъ только волъ съ осломъ молчатъ, хотя и долгіе языки имѣютъ [1]). А почемъ знать, если бы оселъ имѣлъ людской разумъ, не подумалъ ли бы, стоя при ясляхъ: «коли бъ тутъ былъ мой предокъ—оселъ тотъ, который возилъ на себѣ прор. Валаама и говорилъ по человѣчески, то, конечно, не молчалъ бы. А волъ что? Если бы и онъ имѣлъ разумъ, конечно бы подумалъ: когда бы тутъ былъ волъ оный, котораго Іезекіиль видѣлъ между шестью крылами херувимскими, лице тельчее имѣющій, то не только бы заговорилъ, но воспѣлъ бы тайну воплощенія Божія» [2]). Очень трогательны діалоги, приведенные въ проповѣдяхъ. Искусственная форма діалога практиковалась и въ южно-русской проповѣди, въ особенности у современнаго Димитрію польскаго проповѣдника Млодзяновскаго.

Но у св. Димитрія она не отзывается искусственностію, а трогательною наивностію преданной Богу души. Діалоги Димитрія скорѣе напоминаютъ пріемы Иліи Минятія [3]) и по силѣ чувства, и выраженіямъ [4]). Иногда

[1]) Фраза о долгихъ языкахъ и содержаніе заимствована у Млодзяновскаго.

[2]) III, 402—403.

[3]) Слово Иліи Минятія въ великій пятокъ.

[4]) III, 201 (—221).

въ проповѣди слушатели приглашаются разрѣшить вопросъ: кто первый назвалъ Бога. Оказывается, змій! [1]).

Впослѣдствіи такіе пріемы слова переходили у Димитрія въ образность, отъ чего самая проповѣдь становилась яснѣе и картиннѣе. Они служили по большей части для начала рѣчи. Иногда Димитрій прямо указывалъ, о чемъ будетъ говорить. Въ недѣлю 4, приведя по обычаю краткія слова св. писанія, — «мнози пріидутъ отъ востокъ и западъ», — св. Димитрій заявляетъ, что будетъ говорить о томъ: кто изгонится, за что изгонится и куда изгонится? Всѣ эти вопросы вытекали изъ одной основной мысли, что сыны царствія изгнаны будутъ вонъ. Въ срединѣ рѣчи образность употреблялась для уясненія предмета, такъ какъ всякія вещи лучше понимаются по образцу, чѣмъ чрезъ слово, говаривалъ св. Димитрій. Поразительно, что начиналъ рѣчь онъ иногда, такъ сказать, съ заключенія, съ той фразы, которой долженъ былъ закончить ее. Таково знаменитое его слово, которое оцѣнено рано въ простомъ народѣ и сохранилось въ наибольшемъ количествѣ списковъ: «Стыдно намъ мужскому полу,— начинаетъ вдругъ святитель,—что нынѣ празднуемаго свѣтильника міра, иже во святыхъ отца нашего Іоанна Златоустаго, не мы, но жена Златоустымъ назвала, возлюбленные слушатели! Стыдно намъ, что насъ въ этомъ предупредила женщина! Мужской полъ молчитъ, а женскій громко заявляетъ среди церкви: «учитель духовный, лучше сказать — Іоаннъ Златоустый! Глубокъ у тебя колодезь ученія, а верви ума нашего такъ коротки!» И съ того прозванъ былъ онъ Златоустымъ, отъ женщины, а не отъ насъ.

На антіохійцахъ вида: *они опоздали*, ихъ предупре-

[1]) Тѣже упражненія благочестивой пытливости и у Млодзяновскаго („Тр. Кіев. д. ак." 1871 г. II, 191).

дила женщина, въ ихъ соборной церкви воскликнула это! Въ то время св. Іоаннъ не былъ еще патріархомъ Цареградскимъ, но іеромонахомъ въ Антіохіи при св. патріархѣ Флавіанѣ. Столько стоятъ мужчинъ въ церкви, всѣ молчатъ, а одна женщина возвышаетъ голосъ, Іоанна Златоустымъ называетъ! Я думаю, антіохійцы скажутъ: мы смотрѣли на духовный чинъ, и ожидали, какъ нарекутъ Іоанну новое похвальное имя священники, такъ какъ это ихъ дѣло — давать имена. При томъ и приказаніе отъ нихъ имѣется у насъ: въ церкви молчать, что они скажутъ, готовое слушать. Это духовенство виновато, почему не отъ него, но отъ устъ женщины произошло то имя Златоустый!

А чинъ духовный скажетъ: да кто же можетъ въ чемъ нибудь перегнать и предупредить женщину? Кто бойчѣе женщины? Не жены ли обогнали высшихъ духовныхъ лицъ, апостоловъ Петра и Іоанна: предупредили и первыя прибѣжали ко Христову Гробу? — Мы еще разсуждали, какъ назвать такого великаго учителя, «устами ли Павла» или «Христовыми устами»? А она вдругъ неожиданно выкрикнула и назвала Златоустомъ. Прикрикнуть бы надо на саму ее, женщину, и напомнить ей апостольское правило: женщины въ церкви пусть молчатъ» и т. д.

Слово начинается такъ просто, что, вѣроятно, учитель самого св. Димитрія, Голятовскій пришелъ бы въ ужасъ отъ нарушенія въ немъ всякихъ гомилетическихъ правилъ о стройности и важности проповѣди и если могъ утѣшиться чѣмъ, такъ это—послѣдующимъ опаснымъ сопоставленіемъ Златоуста съ золотымъ Навуходоносоровымъ истуканомъ, гдѣ авторъ дробитъ признаки истукана и обращаетъ его въ ничтожество предъ живымъ носителемъ мудрости, — Златоустомъ. Но народъ русскій здѣсь почуялъ родную стихію, онъ уви-

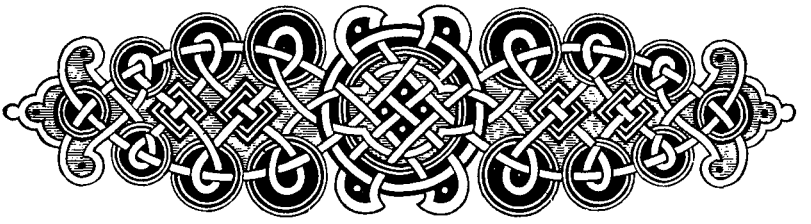
дѣлъ, какъ въ словѣ схвачены удачно взгляды его на женщину, на духовенство, на великаго учителя Златоустаго и, какъ драгоцѣнную народную поэму, сохранилъ ее въ своей памяти [1]).

Въ глубокомъ уваженіи къ св. писанію св. Димитрій указывалъ слушателямъ на внутренній его смыслъ, не «исторически, а духовне разсуждающе» [2]), рѣдко обращается у него вниманіе на буквальный, развѣ только при открывавшемся случаѣ сдѣлать нравственное приложеніе: такова, напр., его картина, какъ Давидъ свое «питіе съ плачемъ растворялъ» [3]). Чтобы выяснить смыслъ текста, онъ съ каѳедры вступалъ въ диспутъ или споръ съ библейскимъ лицомъ, высказываетъ ему нѣчто въ родѣ выговора или нравоученія и даже шутитъ съ нимъ. Послѣ чего изслѣдуетъ предметъ рѣчи, чтобы возстановить честь библейскаго лица. Такъ проповѣдникъ проситъ ангела, подавшаго книгу Тайнозрителю съ приказаніемъ съѣсть ее: Божій ангелъ, не вели ѣсть книги той небесной Богослову; пожалуйста, дай намъ сначала прочесть ее: узнать, что въ ней написано и научиться чему нибудь полезному, или скажи намъ устно, что тамъ написано! — Не слушаетъ насъ ангелъ и книги не даетъ прочитать, и устно не говоритъ, что тамъ написано, а Богослову рѣшительно велитъ: «прими и съѣшь ее! Богослове Святый! Отвѣчай [4]) ангелу, что никогда не ѣшь ты книгъ, не на то онѣ пишутся, чтобы ихъ ѣсть, но читать.

Изъ святоотеческихъ твореній въ проповѣдяхъ есть выдержки едва ли не болѣе изъ западныхъ, чѣмъ восточныхъ отцовъ: Кипріана, Григорія Двоеслова, особенно бл. Іеронима и Ѳомы Кемпійскаго.

---

[1]) III, 335 — 336. [2]) II, 135. [3]) II, 18. [4]) II, 135.



ГЛАВА V.

Книжныя занятія св. Димитрія.

«Не сразу домъ строится, не вдругъ и книга сочиняется; и закончивъ дѣло, мастеръ починяетъ его, исправляя и довершая». Такъ характеризовалъ св. Димитрій свои усидчивыя книжныя занятія. Чѣмъ больше онъ углублялся въ русскіе и иностранные источники о житіяхъ святыхъ, тѣмъ глубже сознавалъ необходимость пополненій и исправленія написанныхъ Четей-Миней, а не закончить своихъ книжныхъ начинаній онъ боялся пуще смерти. «Устрашила меня смерть Іосафа Колдычевскаго, пишетъ онъ своему другу Ѳеологу: страхъ смерти напалъ на меня и страхъ сугубый изъ-за того, что не знаю ни дня, ни часа, когда постигнетъ меня смертный судъ отъ Бога, а какъ останется книжное дѣло? Будетъ ли какой нибудь охотникъ приняться за него и докончить, а трудиться надъ этимъ дѣломъ надо еще много! Годомъ его не завершить!.. Одного жаль, что начатое книгописаніе далеко до окончанія, а бываютъ еще замыслы и о псалтырѣ».

Судя по количеству наполненнаго [1]), владыка пи-

[1]) Если собрать все написанное св. Димитріемъ, то собралось бы до 20 объемистыхъ томовъ. Сочиненія его составляютъ 5 большихъ томовъ по 300—700 стр. Новое изданіе его Четей-Миней на русскомъ языкѣ займетъ 12 томовъ. Кромѣ того есть еще „Розыскъ о Брынской вѣрѣ“, „Руно“. Сколько сочиненій еще

салъ денноночно не разставаясь со своимъ неудобнымъ гусинымъ перомъ, днемъ у тусклаго слюдянаго окна, а ночью при сальной свѣчѣ. Страстно искалъ онъ новыхъ и новыхъ источниковъ по церковной исторіи. На другой годъ по прибытіи въ Ростовъ ему удалось достать хронографъ Дороѳея Монемвасійскаго [1]). Теперь у него были на рукахъ Макарьевскія Четьи-Минеи для послѣдней еще не написанной имъ 4-й книги «Житій Святыхъ» за іюнь, іюль и августъ. Онѣ получены имъ еще въ Новгородѣ Сѣверскомъ отъ патріарха Адріана чрезъ печерскихъ старцевъ, возившихъ въ Москву для подношеній третью книгу «Житій Святыхъ». Познакомился Димитрій съ надобными ему книгами, будучи въ Москвѣ. Намѣреваясь уѣхать въ Сибирь въ 1701 году, онъ не думалъ прекращать писанія, какъ это видно изъ разговора его съ царемъ и наводитъ въ Москвѣ надобныя для этого справки. Эти занятія теперь пригодились. Послѣдняя книга «Житій Святыхъ» за іюнь, іюль и августъ, святителемъ была окончена въ Ростовѣ. Это было въ пятницу, 9 февраля 1705 года. Обрадованный Димитрій писалъ по этому поводу: «нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко». «Порадуйтесь со мною, что сподобилъ меня Господь августъ мѣсяцъ написать и завершить четвертую книгу, которую послалъ въ Кіевъ съ Алексѣемъ въ печать», пишетъ святитель Ѳсологу въ Москву: «извѣстите объ этомъ благодѣтеля моего Стефана Васильевича!» [2]). Всѣ сознавали важность законченнаго дѣла не только для Малорос-

---

не издано! изъ 30 словъ Софійской Лѣтописи № 1283, Спб., Лух. Ак.—10 словъ несомнѣнно Димитрія. Изъ другихъ 20 словъ нѣкоторыя есть въ Лѣтописи и другихъ сочиненіяхъ Димитрія, если не въ цѣломъ видѣ, то въ отрывкахъ.

[1]) Хронографъ Георгія Монемвалійскаго при патріархѣ Никонѣ переведенъ въ Москвѣ съ греческаго языка на русскій Арсеніемъ и Діонисіемъ. Греками (соч. IV, 43 стр.).

[2]) „Яр. Еп. Вѣд." 1874 г., № 33, „Св. Димитрій" 1849 г., 50—51 стр.

сіи и Великороссіи, но и для всей восточной церкви. Московская академія почтила составителя поднесеніемъ конклюзіи. Новгородскій митрополитъ Іовъ писалъ Димитрію о его трудахъ, что «дороже злата и сребра и предорогихъ маргаритовъ душеспасительная и животворивая Минея честная и святая книга Житій Святыхъ». За нее челомъ бьемъ благодарно [1]). Въ Кіевѣ спѣшили закончить печатаніе послѣдней книги. Между тѣмъ возникла нужда въ новомъ изданіи первой книги. Св. Димитрій принялся за новый трудъ — приготовить ее къ печати и для этого опять требовались ему первыя книги Макарьевскихъ Великихъ Четей-Миней. Онъ спрашиваетъ, поэтому, совѣта у Оеолога: «Я грѣшный отъ нихъ (послѣднихъ книгъ Макарьевскихъ Четей-Миней) уже отдалился. Кому писать, чтобы ихъ отдать? Какъ получить новыя (т. е. за сентябрь, октябрь и ноябрь) для дополненія?» [2]). Кромѣ пополненій въ первой части, Димитріемъ усмотрѣны еще въ 1700 г. нѣкоторыя сомнительныя мѣста и погрѣшности, напр., о времени кончины св. Анны, Матери Богородицы (9 сент.), о числѣ гвоздей, которыми прибитъ былъ Спаситель ко кресту (14 сент.), о смѣшеніи именъ Михаила Травла и Михаила Рангаве (4 ноябрь) [3]).

При исправленіи онъ сокращаетъ нѣкоторыя житія; напримѣръ, о св. Андреѣ Юродивомъ излагаетъ болѣе кратко. Иногда указываетъ на неясность: «житіе о Григоріи Синаитѣ, по его мнѣнію, не столько исторія, сколько панегирикъ, наборъ словъ», за которыми едва видны историческіе факты; рѣдко расширяетъ какое либо житіе, развѣ для необходимыхъ поясненій, какъ напр., о св. Вар-

[1]) „Странникъ“ 1861 г № 4, 2 отд. 121—122.

[2]) „Яр. Еп. Вѣд.“ 1874 г., № 34, 267 стр.

[3]) Все это отмѣтилъ самъ Димитрій въ 1695 г. въ предисловіи къ 2 Четьи-Минеи.

сонофіи Казанскомъ. Онъ тщательно провѣряетъ, когда видитъ что нибудь «не весьма добрѣ написаннымъ» и возбуждающимъ сомнѣніе [1]), или когда одинъ «образецъ несогласенъ первому» [2]). И ко всей своей работѣ онъ относился критически. Объ одномъ сборникѣ статей церковнаго характера, имъ же и написанномъ, онъ замѣчаетъ: много въ немъ неисправныхъ описей и ошибокъ. При вторичномъ обзорѣ Четьей-Миней онъ имѣлъ въ виду назначеніе ихъ для чтенія на каждый день года. Если въ славянскомъ мѣсяцесловѣ количество житій было недостаточно, то въ Четьяхъ-Минеяхъ предполагалось восполнять ихъ житіями святыхъ изъ «Актовъ Святыхъ» Болландистовъ. Такъ внесено вновь житіе мученика папы Фабіана, а также Гильды. Иногда святому не было удѣлено въ мѣсяцесловѣ и дня празднованія; Димитрій тогда рѣшалъ: сего святого въ мѣсяцесловахъ нигдѣ не положено; поэтому (можно) положить его августа въ 8 день. Большой книжный матеріалъ давалъ ему возможность и пополнять, и сокращать житія, и относиться къ нимъ критически. Теперь у него были В. Четьи-Минеи Макарія, житія святыхъ Метафраста, Сурія, Болландистовъ и русскія житія.

Кромѣ того, составилась масса выписокъ изъ твореній: пр. Макарія, І. Лѣствичника, Баронія, І. Голятовскаго, Кедрина, въ Ярославлѣ ему удалось найти «ключъ разумѣнія печерскій», но не полный.

Помимо провѣрки матеріала, находящагося подъ руками, святитель собиралъ книги и свѣрялъ ихъ заочно. Такъ онъ послалъ въ Москву своего племянника, іеромонаха Михаила, съ письмомъ къ митрополиту Стефану Яворскому просить «на малъ часъ» Ве-

[1]) Напр., усумнился Димитрій въ сообщеніи объ Авраміи Ростовскомъ, видѣвшемъ „церковное украшеніе“: „были ли тогда церкви въ Новгородѣ?“ (Проф. *Шляпкинъ*, 373).

[2]) Объ Авраміи Ростовскомъ.

ликую Четью-Минею за іюнь, хранящуюся въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, «такъ какъ велика у меня нужда въ той книгѣ», сознается онъ. Ѳеолога проситъ содѣйствовать посланному въ слѣдующемъ порученіи: посмотрѣть въ книгохранительницѣ, въ мартовской книгѣ Четей, житіе священномученика Иринея, епископа Сирмійскаго, сходно ли оно съ латинскимъ, переписать его и привести въ Ростовъ. Кромѣ того, святитель проситъ «пріискать житіе Св. Ефросина Псковскаго, который ходилъ въ Царьградъ по аллилуія», отдать житіе въ переписку и послать въ Ростовъ для удостовѣренія, «какъ явилась Пресв. Богородица и какъ аллилуія велѣла говорить: правда ли то или подлогъ?» Иногда онъ просилъ Ѳеолога выслать къ нему книгу на время: «видѣлъ я гдѣ то въ какой то вашей книжкѣ слово о разграбляющихъ имѣнія церковныя и просилъ тебя, чтобы переписали мнѣ, и теперь прошу: пожалуйста перепишите и пошлите» [1]). Получивши отъ Ѳеолога книжку «Купель Духовную», онъ переписалъ для себя и посылаетъ обратно [2]). Въ другой разъ благодаритъ Ѳеолога за присланныя книги «Дѣяній толкованія», «Апокалипсисъ» и Максима Грека «О Святомъ Духѣ», посылая эти книги обратно, такъ какъ первая книга нашлась и у самаго Димитрія, «Апокалипсисъ» сыскался въ Ярославлѣ, а также и Максимъ Грекъ. «Ключъ разумѣнія я сыскалъ въ Ярославлѣ, но неполный, два изданія тѣхъ «Ключевъ»: первый—печерской печати,—неполный, а другой львовской печати—полный, болѣе печерскаго». Онъ опять «молитъ» Ѳеолога послать «Ключъ» львовскаго изданія на краткое время: «нуждица мнѣ въ немъ нѣчто пріискать», поясняетъ онъ.

[1]) „Яр. Еп. Вѣд." 1874 г. № 34, 269.

[2]) Отчетъ И. П. Библ. 1862 г. 57 стр.

Однажды митрополитъ Стефанъ Яворскій велѣлъ ему поискать имя того аввы, о которомъ говорится у Григорія Двоеслова. Димитрій отвѣчалъ, что это находится въ бесѣдахъ Двоеслова Московскаго уставнаго письма, имя аввѣ тамъ означено Екитій. Екитія Двоесловъ называетъ отцомъ многихъ странъ и игуменомъ, прославившимся святостію жизни и чудесами. По этому случаю Димитрій проситъ Ѳеолога справиться въ Великихъ Четьяхъ-Минеяхъ за 12 марта, какъ переведено латинское имя, Екитія—Сквитій, Неквиксій или Сквиціи? Спрашиваетъ также и совѣта Ѳеолога, Каріона и Поликарповича, не положить ли житіе Екитія въ 4-ю книгу Четьи-Минеи, какъ полагалъ и Яворскій, такъ какъ житія восточныхъ святыхъ въ этой книгѣ кратки: [1]), помѣщено туда лишь то, что только полезно для читателей и принято Церковію.

Свѣдѣнія о святыхъ въ Четью-Минею собирались отовсюду. Изъ письма къ митрополиту Новгородскому Іову видно, что еще 1704 года до окончанія Четей-Миней у Димитрія возникла мысль собрать житія однихъ ростовскихъ чудотворцевъ. Въ Ростовѣ свѣдѣній было недостаточно, не находилось полнаго житія препод. Авраамія Чудотворца и св. Леонтія и Іакова, епископовъ Ростовскихъ. Димитрій узналъ, что въ Новгородскихъ монастыряхъ старыхъ книгъ очень много, и потому, проситъ митр. Іова найти, надобныя ему, «житія», переписать и выслать. Кромѣ того, проситъ: «молю святительство твое и о Валаамскомъ монастырѣ, который издревле былъ въ епархіи вашего преосвященства, вели извѣстить моей худости, какъ давно и какихъ лѣтъ онъ сталъ (основанъ), и Ѳеогностъ, игуменъ Валаамскій, въ какіе лѣта жилъ?» Книжное оску-

[1]) „Яр. Еп. Вѣд." 1874 г. № 33.

дѣніе въ Ростовѣ, славившемся въ древности обиліемъ просвѣтительныхъ средствъ, Димитрій объясняетъ разореніями и равнодушіемъ ростовцевъ, что никто не постарался опять ихъ собрать [1]). Свѣдѣнія о святыхъ Ростовской епархіи, о святыняхъ, мощахъ, чудесахъ отъ нихъ, онъ собиралъ въ «книжицу различныхъ вещей неисправленныхъ». Житіе Авраамія Димитрій нашелъ въ своей епархіи у одного дьячка. Изслѣдованія его простирались на предметы глубокой древности, когда Ростовская епархія включала въ свои предѣлы Ростовскую, Муромскую и Устюгскую области, и вліяла на послѣдующія событія церковной жизни въ Ростовѣ; напримѣръ, кто былъ первымъ епископомъ въ Ростовѣ, о родословіи князей Ростовскихъ и Владимірскихъ, объ убіеніи Василія и Константина Ярославскихъ князей и о чудесахъ отъ ихъ мощей, а также о князѣ Давидѣ и Ѳевроніи Муромскихъ, объ Іоаннѣ Власатомъ Ростовскомъ и Іоаннѣ Юродивомъ Устюгскомъ, о св. Димитріи Угличскомъ [2]). Онъ имѣлъ описаніе соборной Владимірской церкви и мощей, находящихся въ ней, чудотворной иконы Божіей Матери Толгской; воспроизведена имъ и легенда объ исцѣленіи Соломоніи, бѣсноватой жены Устюгской. Все это находилось въ связи съ составленіемъ Четьи-Миней.

Мысль архипастыря не ограничивалась заботами о составленіи «Житій Святыхъ» для чтенія однихъ монашествующихъ и собраніемъ свѣдѣній о ростовскихъ святыняхъ; онъ рѣшилъ сдѣлать свой трудъ полезнымъ и для мірскихъ людей. Идя на встрѣчу благочестивому

---

[1]) Проф. *Шляпкинъ*, 371—373.

[2]) Въ оглавленіи житія св. Димитрія Угличскаго указано прямо на составителя „Преосвященнаго Димитрія, митрополита Ростовскаго и Ярославскаго, который сложилъ его 1703 г.“

народному обычаю читать житія святыхъ, святитель задумалъ написать ихъ «*вкратцѣ*». Для новаго труда понадобилась ему опять книга «Акты Святыхъ» Болландистовъ.

Не обойдено были вниманіемъ святителя и духовенство. Изъ письма его къ другу своему Стефану Яворскому видно, что намѣреніе дать для духовенства руководство къ церковной исторіи заставило его составить новую книгу «Лѣтописецъ».

«Рѣдко кто изъ духовнаго чина вѣдаетъ порядокъ библейскихъ исторій, что когда происходило!» Рѣдкій кто даже имѣетъ библію, а купить ее трудно. Незнакомые съ нею, игумены и священники, не говоря уже о низшемъ духовенствѣ, перемѣшиваютъ событія ветхозавѣтныя съ новозавѣтными, — недоумѣваютъ даже, до Рождества Христова или послѣ жилъ пророкъ Илія? Въ Малороссіи Димитрію приводилось слушать разговоры о библейскихъ событіяхъ, «смѣху подобные». Въ виду этого Димитрій предположилъ написать Библейскую исторію по порядку событій въ небольшой книжкѣ, чтобы всякій могъ не дорого купить [1]). Но его исторія обратилась въ «Лѣтопись» о монархіяхъ, царяхъ и гражданскихъ событіяхъ. Послѣ изложенія книги бытія съ объясненіями и добавленіями онъ излагаетъ и церковную исторію [2]). Для Лѣтописца ему опять понадобились новыя книги; въ письмѣ своемъ къ Ѳеологу Димитрій пишетъ, что такихъ книгъ у него нѣтъ [3]). Онъ извлекалъ свѣдѣнія изъ своихъ Четей-Миней, Руна Орошеннаго, Макарьевскихъ Четей, пользовался греческими и латинскими книгами, Прологомъ, Діоптрой, Лимонаремъ, Кедриномъ, Дороѳеемъ Монемвасійскимъ,

[1]) Письмо его къ м. Стефану.

[2]) Соч. IV, 304, гдѣ Димитрій говоритъ, что съ Евера начинается церковная исторія, вмѣстѣ съ мірскою.

[3]) „Яр. Еп. Вѣд." 1874 г. № 34.

Стрыйковскимъ, Кіевскимъ синопсисомъ. Источниками послужили ему писанія многихъ западныхъ авторовъ [1]), пригодилось и знаніе языковъ: еврейскаго, греческаго, латинскаго и польскаго.

Большихъ трудовъ и вниманія стоила Димитрію эта книга, въ особенности, безпокоили его неточности и противорѣчія въ хронологіи. Изъ сопоставленія лѣтосчисленій оказывалась не малая разница, какъ между нашимъ лѣтосчисленіемъ, такъ и западнымъ. Такъ періодъ времени отъ сотворенія міра до Рожд. Христова у св. отцовъ значится въ 5500 лѣтъ, у Дороѳея Монемвасійскаго и у Кедрина 5506, у Никифора Ксанѳопула 5505. У русскихъ лѣтосчисленіе ведется не по библіи, а по хронографамъ. Держась библейскаго лѣтосчисленія, можно было стать въ разрѣзъ мнѣнію св. отцовъ. «Отчего же раньше не хотѣли увидѣть и разобрать?» Негодуетъ святитель на неисправность хронологіи. Зачѣмъ было молчать о такихъ разногласіяхъ, лжи не обличать и снисходить людскому упрямству?» Самъ Димитрій проявилъ такую осторожность, что обращаетъ вниманіе и на мѣсяца, оговариваясь, что годъ сотворенія міра начинается не съ сентября, а съ марта. Составителю Лѣтописца выпала тяжелая обязанность отвергнуть укрѣпившееся въ книгахъ заблужденіе относительно хронологіи. Онъ началъ изслѣдованіе о ней еще съ 1693 года. Тогда у него были подъ руками Лѣтописецъ, Буцеринъ, Аврелій Викторъ, Геродіанъ, Евсевій, папа Галасій, Кипріанъ, Стриковскій, Несторъ, теперь у него былъ уже хронографъ Дороѳея Монемвасійскаго. Одинъ хронографъ онъ нашелъ въ Спасоярославскомъ монастырѣ; затѣмъ сталъ

[1]) О нихъ въ книгѣ „Св. Димитрій“. 1849 г. 58 стр.: Корнелій а Ляпиде, Навклиръ, Буцелинъ, Клюверій, Омееръ, Беллярминъ, Функцій, Гаспней, Саліанъ и др.

принимать мѣры достать и другіе. Оказалось, что лѣтописи взяты изъ Ростова въ Москву, и онъ пишетъ Ѳеологу, чтобы сыскалъ для него хронографъ, такъ какъ у Дороѳея Монемвасійскаго лѣтосчисленія отъ сотворенія міра нѣтъ, а латинскія исторіи съ русскими не согласуются въ годахъ [1]). Въ другой разъ проситъ: «купи мнѣ на свои деньги книжицу святого Дороѳея и пришли, и цѣну возвѣсти. Полагаю,—та книга со святымъ Ефремомъ живетъ,—тогда обѣ купи, хотя не въ переплетѣ, а я платежникъ» тебѣ. Проситъ онъ также Г. Д. Строганова послать въ Ростовъ къ нему на короткое время книгу, называемую «Хронографъ или Лѣтописецъ», чтобы ему списать [2]). Кромѣ того, немного спустя, имъ написана просьба къ купцу Исаакію Вандербургу привести такія же книги изъ за границы. Вандербургъ исполнилъ желаніе владыки; и владыка, благодаря его, хвалитъ присланныя книги и всю западную науку [3]). «Драгоцѣнныя творенія! Гдѣ сколько переверну страницъ, столько собираю плодовъ. Достойны хвалы тѣ страны, которыя произвели тѣ книги!» [4]).

Вообще, онъ сожалѣетъ, что число лѣтописей въ Ростовѣ «такъ скудно, а достать ихъ очень трудно»; негодуетъ, что ихъ взяли въ Москву и не возвращаютъ.

Просьбы его о высылкѣ требующихся для Лѣтописца книгъ и свѣдѣній были безпрерывны. «Гдѣ бы сыскать Лѣтописца Ростовскаго Старшаго? Листовъ, которые — въ алтарѣ соборномъ, жду и молю переписать!» [5]). «Благодарю за таблицу: писцу рубль!» Что за страна варяги и гдѣ городъ Тмутаракань?» [6]).

---

[1]) Отъ 19 мая 1707 г. „Яр. Еп. Вѣд." 1874 г. № 34, 267.

[2]) Отъ 18 мая 1707 г. Вѣстн. Евр. 1826 г. № 8, 274.

[3]) Отъ декабря 1707 г. до ноября 1708 г. 4 письма (Душепол. чт. 1864 г. II, 4).

[4]) Тамъ же, № 33.

[5]) „Яр. Еп. Вѣд." 1874 г. № 35, 276. [6]) Тамъ же, 302.

Кромѣ хронологіи, Димитрій критически относился и къ источникамъ исторіи; одни изъ нихъ одобряетъ, въ другихъ сомнѣвается. Отвергая, напримѣръ, сказанія западныхъ писателей о Сатурнѣ, онъ говоритъ: «Клуверово изслѣдованіе и Маттіево (Стриковскаго) сказаніе вѣроятнѣйшее мнится быти» [1]). У святителя отъ постоянныхъ книжныхъ занятій образовалась привычка къ римскому календарю, такъ что иногда на письмахъ его помѣчены такія шутливыя временныя даты; «6 ноны февральскіе», «8. bris» (octobris, т. е., октября).

Цѣль Димитрія при составленіи Лѣтописца и затрудненія въ хронологической области наложили отпечатокъ и на самую книгу. Содержаніе расположено по столѣтіямъ; этимъ пріемомъ отстранена необходимость обозначать даты отдѣльныхъ лѣтъ. Исторіи каждаго столѣтія предшествуетъ хронологическая таблица, гдѣ сопоставлены лѣтосчисленія по пасхаліямъ греческихъ и западныхъ писателей, а также и разница ихъ.

Повѣствованія всѣхъ событій даннаго вѣка укладывались у него въ одну главу. Такъ какъ хронологическое дѣленіе допотопной исторіи очень крупно и не на всѣ столѣтія, падали выдающіяся библейскія событія, то въ скудныхъ свѣдѣніями вѣкахъ Димитрій помѣщалъ разныя статьи нравственнаго характера. Такъ какъ въ слѣдующіе послѣ Сиоа вѣка начались войны и нечестіе, то, Димитрій подъ этою временною датою говоритъ о войнѣ, какъ злѣ въ человѣческомъ родѣ, и о грѣхѣ. Подъ тѣми столѣтіями, гдѣ должна быть описана, полная раскаянія, жизнь прародителей и удаленіе ихъ изъ рая, святитель, за неимѣніемъ историческаго матеріала въ библіи, пишетъ слово о покаяніи. Иногда, отмѣтивъ столѣтіе, помѣщаетъ, вмѣсто исто-

[1]) Соч. IV, 311.

рическаго матеріала, свое разсужденіе о земледѣліи. Иногда же онъ прямо вписываетъ свою проповѣдь обличительнаго, бытоваго или эсхатологическаго содержанія. Тутъ есть статьи о неотниманіи имуществъ отъ церкви. По шутливому выраженію Димитрія, онъ безъ книгъ вынужденъ тутъ мудрить, какъ слѣпой безъ руководителя ходить [1]). Разнообразіе содержанія лѣтописи, за которое извинялся святитель предъ московскими своими друзьями, однако, оказалось въ духѣ и вкусѣ народа. Никакая другая книга Димитрія не имѣла такого большого распространенія въ народѣ, какъ эта. Такъ понялъ святитель ростовскій духовныя потребности великорусской паствы. Лѣтопись доведена до 6 столѣтія 4-й тысячи лѣтъ отъ сотворенія міра. Къ книгѣ приложена исторія нашествія турокъ на Украину и взятіе Чигирина; эта исторія написана была ранѣе для гетмана Самойловича и приложена къ лѣтописи издателями ея безъ всякихъ поправокъ [2]).

Скромный святитель не надѣялся на свои литературныя силы въ новомъ родѣ произведеній. По мѣрѣ написанія отдѣльныхъ статей Лѣтописца, онъ посылаетъ написанное для прочтенія своимъ друзьямъ, Ѳеологу и Стефану Яворскому. «Не потерялъ ли моего Лѣтописца, пишетъ онъ Ѳеологу въ 1707 году (31 дек.), читаешь ли его и Каріону даешь ли читать? Прислалъ я къ Лѣтописи малое приложеньице, прочти и положи на подобающемъ мѣстѣ, будутъ и еще приложенія къ нѣкоторымъ мѣстамъ. Да не очень долго у себя держи! Въ великій постъ, живы ли будемъ, пошли!» [3]).

[1]) Соч. I, 500—501.

[2]) Самойловичъ представляется тутъ еще не опальнымъ (IV, 612, 615, 619, 621).

[3]) „Р. Старина" 1872 г. VI, 952; „Яр. Еп. Вѣд." 1884 г. № 38, 302.

Но болѣе, чѣмъ на всѣхъ другихъ, святитель полагался на мнѣніе, о своемъ Лѣтописцѣ. митр. Стефана Яворскаго «Ты мнѣ одинъ изъ тысячи. Прежде я также, что покажу митр. Варлааму Ясинскому и что онъ одобритъ, то смѣло печатай». «Не вижусь, не бесѣдую ad coram, по крайней мѣрѣ, письмомъ наговорюсь, хотя и наскучу, простите!» Пишетъ онъ къ блюстителю патріаршаго престола, излагая всѣ свои задушевныя мысли, всѣ волненія и надежды.

Сначала митр. Стефану послана была библейская хронологія, — родъ заглавія къ будущему Лѣтописцу. Яворскій ее прочиталъ. Димитрій оговаривается, что хронологія — не для напечатанія, а какъ наброски для себя, — опытъ библейской хронологіи, которую игнорировали святые отцы, и удивляется, какъ могли они не согласоваться съ библіями? Нельзя объ этомъ, по мнѣнію святителя, молчать изъ за того только, чтобы не произвести скандала, въ виду нареканій раскольниковъ на церковь, аки бы она погрѣшаетъ: имъ никто не угодитъ, они и добрыми и полезными вещами соблазняются. Димитрій обѣщаетъ о языческихъ монархіяхъ лишь упомянуть, а не писать исторіи ихъ: «не архіерейское то дѣло, могутъ о нихъ писать и мірскіе люди, или перевести готовое о тѣхъ монархіяхъ сочиненіе Іустина».

«Не о мірскихъ событіяхъ, не о политикѣ я намѣренъ писать въ Лѣтописцѣ, а излагать нравоученія полезныя; не услаждать читателя только исторіями, но наставлять и нравоученіями, а равно дать и руководство по библейской исторіи духовенству. Это мой долгъ, это мое желаніе», говоритъ онъ [1]).

Святитель узналъ со стороны, что хронологію, посланную имъ митр. Яворскому, читали и другія лица

[1]) Письмо къ м. Стефану.

и, тогда какъ митрополитъ «не охулилъ, прочимъ она не понравилась» [1]). Однако это не остановило работы Димитрія. Въ концѣ 1707 г. (11 дек.) онъ посылаетъ съ Рафаиломъ Казановичемъ къ Стефану Яворскому уже начало своего Лѣтописца съ просьбою прочитать только для ознакомленія съ трудомъ одинъ листъ, а остальное поручить кому нибудь просмотрѣть. Святитель предупреждаетъ Яворскаго, что его мѣшанина [2]) едва ли кому нибудь понравится: въ ней, какъ въ русскомъ сбитнѣ, и исторія, и, будто, толкованьице изъ Корнелія и другихъ книгъ, изрѣдка нравоученьице, особенно при описаніи перваго двухтысячнаго періода, о которомъ такъ мало въ библіи исторій. Въ наукѣ эти элементы историческій и нравоучительный всегда раздѣльны, а въ Лѣтописцѣ, по выраженію святителя, все у него смѣшано, какъ горохъ съ капустою [3]).

Яворскій вполнѣ одобрилъ начинанія Димитрія: «не только lucubrationes прочелъ я, но и во глубину поступилъ», «вещь, воистину говорю, достойная всякой похвалы, исполненная нравоучительной пользы, и необходимая не только для нашей братіи, но и всякому»... Пиши, батюшка, пиши и не ослабѣвай въ начатомъ дѣлѣ! Я хочу это дѣло самому государю презентовать, да несчастье помѣшало!» [4]).

Не огорчили Димитрія и нѣкоторыя поправки Яворскаго, какъ то, о невоздержаніи Хамовомъ и Ханаанѣ, сынѣ его, гдѣ бракъ называется блудомъ. Димитрій

---

[1]) Письмо къ Оеологу въ „Яр. Еп. Вѣд." 1874 г. № 34. Хронологія помѣщена въ Лѣтописцѣ.

[2]) Лѣтопись свою Димитрій характеризуетъ такъ: „въ немъ, какъ въ сбитнѣ русскомъ мѣшанина", и исторія, и нравоученье и т. п.

Въ библіотекѣ его была книга подъ заглавіемъ „Збитень" (проф. *Шляпкинъ*, 56. Прилож.).

[3]) Соч. I, 500—501.

[4]) „Труды Кіев. Дух. Акад." 1866 г. № 4, 544—545.

только благодаритъ и сознается: я и самъ думалъ, что законное супружество не есть блудъ; однако, имѣлъ въ виду слова ангела Товіи, назвавшаго невоздержное супружество «expresse—блудомъ», однако, лучше замѣнить слово «блудъ»—инымъ выраженіемъ—«невоздержаніе».

Посылая еще часть своего Лѣтописца къ Яворскому, занятому важными дѣлами, Димитрій совѣтуетъ читать ее не самому, а поручить другимъ; симоновскому архимандриту или Поликарповичу; но проситъ совѣта о двухъ вещахъ въ написанномъ Лѣтописцѣ: 1) памятенъ ли будетъ согрѣшившему уже прощенный ему грѣхъ, и 2) что Бога мы утруждаемъ нашими грѣхами,—«изъяснилъ я это, но не знаю, хорошо ли?» Не лучше ли обѣ вещи опустить, чтобы не вознегодовалъ кто нибудь изъ простецовъ?» [1]). Въ другомъ письмѣ святитель извѣщаетъ Яворскаго, что онъ постарается изъ замѣченныхъ Яворскимъ неточностей одно перемѣнить, другое совсѣмъ удалить изъ Лѣтописи. Ѳеологъ хотѣлъ уже переписать высылаемыя въ Москву части Лѣтописи въ одно цѣлое, но Димитрій предупреждаетъ его, что книга не такою должна быть. Многое онъ исправилъ, пополнилъ и многое еще будетъ измѣнять. Хотя святитель и не думалъ предавать Лѣтописецъ печати, но приводилъ его по возможности въ совершенный видъ, «какъ бы къ изданію въ печать».

Научную опору для Лѣтописныхъ изслѣдованій и моральныхъ трактатовъ давали Димитрію церковные писатели и историки; нѣкоторымъ изъ нихъ онъ отдавалъ преимущество предъ другими. Въ проповѣдяхъ и Лѣтописи писатели упоминаются въ слѣдующемъ порядкѣ: больше всѣхъ христіанскіе моралисты: Іоаннъ Златоустъ; затѣмъ св. Амвросій (37 разъ), І. Лѣствичникъ (18), Іеронимъ (17), Ѳеофилактъ (до 16 разъ),

[1]) Соч. I, 505.

Григорій Двоесловъ (16), Августинъ (12), Афанасій В. (12), І. Дамаскинъ (15), Кипріянъ Карѳаг. (18), Григорій Богословъ (6) [1]).

Иногда онъ сокращаетъ рѣчь и совѣтуетъ читателю: «кто хочетъ знать о невоздержаніи исполиновъ, рѣчь о которыхъ нестерпима пѣломудренному слуху, «тотъ читай Бероза», или Овидія [2]); въ другой разъ прямо ссылается на книги: «о Мафусаилѣ на латинскомъ языкѣ обрѣтается въ книгѣ Навклира» [3]).

Обстоятельства вынуждали святителя слѣдить и за современными событіями. Въ 1707 году онъ началъ записывать памятныя событія и составлять свой эпистоляръ; предполагалъ даже написать толкованіе на псалтырь [4]), въ виду того, что за это дѣло никто еще въ Россіи не принимался. Но судьба не судила ему приступить къ этому труду.

Кромѣ Четьи-Минеи, Лѣтописца, Димитрій писалъ сочиненія, требующія религіознаго и поэтическаго вдохновенія. Еще по прибытіи въ Ростовъ онъ окончилъ (1702 г.) «Плачъ на погребеніе Христа» [5]). Въ слѣдующемъ году его просили написать канонъ пр. Антонію и Ѳеодосію Печерскимъ. Святитель не отказалъ исполнить просьбу, хотя просители не имѣли никакого отношенія ни къ нему, ни къ его епархіи. Изъ города Великаго

[1]) Другіе писатели упоминаются слѣдующіе: Ѳеодоритъ (5); Іосифъ Флавій (5); Ефремъ Сиринъ (4); Дороѳей Монемвасійскій (4); Григорій Писскій (3); Исидоръ Пелусіотъ (3); патр. Каллистъ (3); Кириллъ Іерус. (3); Климентъ Александр., Симеонъ Метафрастъ, патр. Софроній, Астерій, (3); Беллярминъ (3); Берозъ (2); І. Навклиръ, Каріонъ хронографъ, Стриковскій, Эгезиппъ, Епифаній и т. п. Всѣхъ писателей упоминается въ проповѣдяхъ и Лѣтописи свыше 60 именъ.

[2]) Соч. IV, 31. [3]) Соч. IV, 191.

[4]) Не изданы „Псалмы или духовныя пѣсни“ св. Димитрія „Краткій мартирологъ“ за мѣсяцъ сентябрь, „Лѣтопись о началѣ славянскаго народа“, „Каталоги россійскихъ митрополитовъ“, черновыя Notata per alphabetum.

[5]) Полное заглавіе: „Благодарственное страстей Христовыхъ воспоминаніе и молитвенное размышленіе и плачъ на погребеніе Богоноснаго тѣлесе“.

Устюга протодіаконъ Иванъ Ѳеодоровъ, выстроившій при Георгіевской церкви придѣлъ этимъ святымъ, просилъ святителя сочинить канонъ имъ. Это было въ 1704 г. Просили его также написать службу Пресв. Богородицѣ образу Ея, именуемому Неопалимою Купиною, по случаю устроенія въ Вологодской Покровской церкви престола имени Ея.

Изъ поэтическихъ твореній святителя сохранилось нѣсколько стихотвореній [1]).

Св. Димитрію приписывается нѣсколько драмъ. Содержаніе ихъ религіозное. Такова, напримѣръ, его «Рождественская драма или комедія» [2]), гдѣ представляется Рождество Христа, поклоненіе Ему пастуховъ и волхвовъ. Пьеса изобилуетъ глубокимъ чувствомъ жалости къ уничиженію Родившагося.

«Въ вертепишку лежиши убого,
Въ яслѣхъ на остромъ сѣнѣ между буи скоты,
Нища Себя сотворивъ, всѣмъ даяй шедроты!

Такое религіозное умилительное чувство изливается въ другихъ духовныхъ пѣсняхъ. Напримѣръ, въ «Псалмѣ Іисусу Прелюбезному» читаемъ:

«Іисусе мой Прелюбезный, сердцу сладосте,
Едина въ скорбѣхъ утѣха, моя радосте!
Рцы души моей: Твое есмь азъ спасеніе,
Очищеніе грѣховъ, въ рай вселеніе!
...Хотѣніе мнѣ едино съ Тобою быти,
Даждь мнѣ тебе, Христа, въ сердцѣ всегда чтити!
Ты мнѣ крѣпость и здравіе; и слава многа.
Радуюся азъ о тебѣ и веселюся,
И Тобою во вся вѣки, Боже мой, хвалюся [3]).

Поэтическимъ вдохновеніемъ полны проповѣди святителя, поэтически изложены у него и «Житія Святыхъ» [4]).

[1]) „Краесогласніи пятестрочіи", приписываемыя ему, изданы въ 1889 г.
[2]) „Лѣтоп. русск. Литер." IV т.
[3]) „Яр. Еп. Вѣд.", 1860 г., № 1.
[4]) „Русская мысль", 1881 г.

Увѣренность рѣчи вездѣ въ его сочиненіяхъ сопровождается соотвѣтствующимъ подъемомъ вдохновенія и образностію. Изъ книги Пѣснь пѣсней онъ заимствовалъ не одни выраженія, но и тонъ ея. «Твоей волѣ святой себя вручаю: если хочешь меня имѣть во свѣтѣ,— буди благословенъ, если меня хочешь имѣть во тьмѣ,— буди паки благословенъ!» Нерѣдко и научныя изысканія сопровождаются поэтическими изліяніями. У него встрѣчаются такого рода «фразы» [1]), совмѣщающія напряженіе ума и порывъ чувства: я «люблю старопечатную книгу Тріодь цвѣтную!» Въ сочиненіяхъ святителя есть филологическія и экзегетическія и хронологическія изысканія, историческія справки и попытки извлечь историческія свѣдѣнія изъ языческой миѳологіи [2]).

Главное значеніе въ сочиненіяхъ святителя придается библейскому свидѣтельству святоотеческимъ твореніямъ. При этомъ замѣтно его предпочтеніе одного библейскаго перевода другому. Такъ слова пророка Исаіи: *„во грѣсѣхъ твоихъ сталъ еси предо мною и въ неправдахъ твоихъ“* (43 гл. 24 ст.), онъ приводитъ по Іеронимову латинскому переводу: «работати Мя сотвористе во грѣсѣхъ вашихъ», чтобы извлечь назидательную мысль, что своими грѣхами мы причиняемъ Богу труды: Онъ долготерпитъ нашимъ грѣхамъ «со утружденіемъ», не желая наказывать за нихъ [3]). Уваженіе предъ древними письменными источниками заставило его согласиться съ «житіемъ» св. Макарія Египетскаго и допустить существованіе «выродковъ» человѣческаго рода, полузвѣрей: центавровъ, сатировъ и проч. [4]).

---

[1]) Соч. III, 343.

[2]) Такъ въ Лѣтописи есть разборъ еврейскаго слова небесна шама (III, 410), сопоставляетъ толкованіе о деревѣ „певкѣ“ (III, 435).

[3]) IV, 227; изд. К. 1901 г. Латинскій текстъ таковъ: servire Me fecisti in peccatis tuis. Ссылка на Вульгату есть и въ III т., 47, 140, 181, изд. 1903 г.

[4]) IV, 31.

Книжныя занятія и уваженіе народа къ книгамъ святителя доставили ему такую славу, что его считали искусстнымъ и въ звѣздочетствѣ. Про него ходили слухи, будто бы, онъ въ 1672 г. по положенію звѣздъ на 30 мая, вмѣстѣ съ Симеономъ Полоцкимъ († 1680 г.), узналъ о рожденіи царя Петра Великаго.

Всѣ книжные труды поражаютъ своею массою, которая объясняется характеромъ его творчества. Въ основѣ всѣхъ его трудовъ лежалъ методъ собиранія, какъ послѣдствіе его школьнаго образованія, гдѣ внушалось прежде всего уваженіе предъ авторитетомъ. Это же соотвѣтствовало и скромному характеру св. Димитрія.

ГЛАВА VI.

Расколъ въ Ростовѣ.

Послѣдняя пора жизни Димитрія посвящена была борьбѣ съ расколомъ. Благодаря географическому положенію Ростовской епархіи, не дававшей благопріятныхъ условій для развитія обособленныхъ религіозныхъ общинъ, расколъ довольно долго не заявлялъ себя здѣсь открыто и рѣзко. Пропаганда старообрядцевъ мало будила еще темные народные инстинкты. Особенности новаго петровскаго времени дали толчокъ народнымъ массамъ обратиться въ сторону старообрядства. Опасность зараженія расколомъ, помимо политическихъ условій, увеличивалась еще и тѣмъ, что, при умственной неразвитости Ростовской паствы, въ ней не замѣчали рѣзкаго различія между православіемъ и старообрядствомъ. Можно сказать, у всего народа была нѣкоторая склонность къ старому обрядовому благочестію, поощряемому и духовенствомъ. Простой человѣкъ не разбирался въ деталяхъ догматическаго ученія. Все его богоугожденіе заключалось въ соблюденіи обрядовой церковности. Внѣшняя сторона религіи пріобрѣла значеніе священной важности уже по вѣковой привычкѣ.

Въ январѣ 1705 года въ третій разъ при Димитріи обнародовали именной указъ Петра I о бритіи бородъ

всѣмъ русскимъ подданнымъ [1]). Русскіе люди не торопились, какъ видно, исполнять царское желаніе, а царь настойчиво проводилъ его въ жизнь. Жестокая нужда въ деньгахъ на войну видоизмѣнила такое требованіе: послѣдующими указами разрѣшалось купить себѣ право ношенія бороды; кто желалъ имѣть ее, тотъ могъ получить за плату ярлыкъ на то [2]).

Указы вызвали темное броженіе въ народѣ. Трудно было понять народу приказаніе брить бороды, когда самъ здраствующій тогда патріархъ въ своемъ посланіи проклиналъ брадобрійцевъ и приказывалъ отлучать отъ Церкви, какъ враговъ истины [3]). Въ Ростовской области центромъ раскольническихъ волненій сталъ Ярославль.

Ярославль въ XVIII вѣкѣ поражалъ развитіемъ религіозной жизни. Архіепископъ Самуилъ Мирославскій при посѣщеніи Ярославля былъ удивленъ рѣдкимъ благолѣпіемъ церквей, изъ которыхъ почти каждая имѣла жемчужную утварь и передаетъ установившуюся уже пословицу: «городъ Ярославль богомольемъ взялъ» [4]). При посѣщеніи города Екатериною II спутники ея отмѣтили рѣзкую противоположность богато украшенныхъ величественныхъ церквей съ грязными немощеными улицами и крестьянскими избами. Украшали храмы купцы, богатѣвшіе въ бойкомъ городѣ и имѣвшіе не мало въ немъ фабрикъ, они строили и богадѣльни. Одного изъ фабрикантовъ, Затрапезнаго, еще при Димитріи хвалили, что соорудилъ свою фабрику

[1]) Въ 1698 г., 1701 г. и 1705 г. 16 янв. (Раск. дѣла XVIII ст. 2 т., 167; П. С. З. IV, 2015.

[2]) Ярлыкъ этотъ—видъ монеты съ изображеніемъ носа съ усомъ и бородою и съ надписью на другой сторонѣ „дань заплачена“ (*Голиковъ*. „Дѣян. Петра В.“, 2 т., 215 стр., примѣч.). Въ 1725 году выдавали мѣдную четырехугольную пластинку съ надписью: „съ бороды пошлина взята“, а по бортамъ: „борода — лишняя тягота“.

[3]) Раскол. дѣла, XVIII ст., 2 т., 67, 7 стр. Первый указъ былъ въ 1698 г.

[4]) „Яр. Еп. Вѣд.“, 1904 г. 766 стр.

на болотистой почвѣ и способствовалъ украшенію города. Въ 1717 году насчитывалось до 110 человѣкъ духовенства, въ томъ числѣ свыше 60 священниковъ, при 15-ти тысячномъ населеніи [1]). Значитъ, церквей было много. По обыкновенію, онѣ были каменныя съ кирпичными полами, съ высокою колокольнею, и вершились черепичною крышею, съ бѣлою изъ листоваго желѣза маковицею.

Главные церковные строители, купцы, какъ показала послѣдующая исторія, всегда тяготѣли къ старообрядству и содѣйствовали ему, такъ что почва и пріютъ для раскольниковъ въ Ярославлѣ были удобныя.

Лѣтомъ 1705 года м. Димитрій пріѣхалъ въ Ярославль. Послѣ обѣдни въ соборѣ онъ шелъ въ свои покои. Въ это время къ нему подошли два человѣка «бородаты», но не стары». «Владыко святый», сказали они,—какъ ты велишь? Намъ приказано бороды брить, а мы готовы головы наши положить за бороды. Лучше намъ пусть отсѣкутъ наши головы, чѣмъ обрѣютъ бороды наши!» Вопросъ поразилъ святителя внезапностію. Очевидно требовалось и успокоить возбужденные умы и напомнить объ опасности противиться царскому указу: «Я, говоритъ св. Димитрій,—не могъ вскорѣ отвѣчать чѣмъ нибудь изъ св. писанія», и возразилъ: «Что отростетъ, глава ли отсѣченная или борода обритая». Сказалъ это и ушелъ въ келью. Вслѣдъ за нимъ вошло къ нему много сопровождающихъ изъ церкви гражданъ. Они много говорили со владыкою о брадобритіи и небрадобритіи [2]).

Изъ продолжительной бесѣды святитель узналъ объ общемъ у всѣхъ убѣжденіи, что брить бороду грѣшно, потому что съ бородою у нихъ соединялось предста-

[1]) „Яр. Еп. Вѣд.“, 1874 г. № 35.

[2]) „Розыскъ“, 2 ч. 298 л.

вленіе объ образѣ и подобіи Богу. Ему предстояло немедленно принять мѣры къ пресѣченію такого заблужденія. Святитель взялся, какъ за вѣрное оружіе, за проповѣдь и писанное слово. Поѣздка въ Москву съ сентября 1705 г. и по 1706 годъ отвлекала его отъ непосредственной борьбы съ заблужденіемъ. Но онъ успѣлъ около этого времени написать свое первое противораскольническое сочиненіе «Объ образѣ и подобіи Божіи въ человѣцѣхъ», которое возбудило противъ святителя страшную ненависть раскольниковъ. Не даромъ на эту книгу Димитрія написано обширное раскольническое сочиненіе: «Слово обличительное противу писанія Димитрія, псевдомитрополита Ростовскаго на брадобритіе» [1]). Успѣхъ книжки святителя былъ необычайный. По сознанію самихъ раскольниковъ, онъ «такъ воспалилъ сердца россіянъ (т. е., раскольниковъ), что едва-едва не всѣ прелестнымъ ученіемъ святителя увлеклись и послѣдовали ему» [2]).

Раскольники поспѣшили въ этомъ «Словѣ» заявить, что они исповѣдуютъ чистое древнее православіе. Особенно замѣчательны третья и четвертая бесѣда противораскольническаго сочиненія. Сочинитель негодуетъ на то, что Димитрій называетъ старообрядцевъ «человѣкообразниками», тогда какъ они считаютъ, что образъ Божій не въ видимыхъ членахъ человѣка, но въ душѣ его, подобіе же въ твореніи добродѣтелей. Тогда какъ св. Димитрій выясняетъ нелѣпость раскольническаго мнѣнія, что брадобритіе есть преданіе еретическое, идущее, будто бы, въ разрѣзъ непреложнымъ заповѣдямъ Божіимъ и опредѣленіямъ церковнымъ. «Пусть никто не думаетъ, говоритъ онъ, — будто мы брадо-

[1]) Подобное заглавіе такой же раскольнической книги въ „Чт. Имп. Общ. И. и Др.“, 1863 г. I кн. 2 отд., 56 стр.

[2]) Бесѣда 1-я „Обличительнаго Слова“.

бритію поучаемъ, а небрадобритіе хулимъ. Нѣтъ, мы противостоимъ мнѣнію тѣхъ, которые считаютъ брадобритіе тяжкимъ непростительнымъ грѣхомъ и отчаяваются во спасеніи».

«Слово» Димитрія имѣло успѣхъ потому, что онъ вездѣ указываетъ не на букву заповѣдей и церковныхъ правилъ о брадобритіи, а на духъ ихъ и на вредъ того, когда слѣпо вѣрятъ всему безъ здраваго разсужденія.

Не существенны для вѣры оказывались у раскольниковъ заблужденія, но съ ними Димитрій не могъ примириться; по его мнѣнію, расколъ былъ плодомъ невѣжества и непониманія религіи, представляя изъ себя силу неподвижнаго косненія въ устарѣвшихъ обычаяхъ и вѣрованіяхъ. Расколъ противился проникновенію всякаго иноземнаго элемента, и дурного, и хорошаго. Довольно было для Димитрія слуховъ о заблужденіяхъ, чтобы бороться съ ними.

Расколъ пропагандировался при Димитріи въ самомъ Ростовѣ.

Еще около 1702 года изъ Брынскихъ лѣсовъ пришелъ сюда какой то волочающійся человѣкъ, Ѳедька, а съ нимъ двѣ монахини. Происходя самъ изъ Ростова, онъ имѣлъ знакомыхъ и началъ раскольническую пропаганду, а его спутницы—монахини проникли въ дѣвичій монастырь и тамъ начали также совращать инокинь. Темныя силы невѣжества и суевѣрій не проявлялись наружу, они таились въ народѣ, а народъ прикрывалъ своихъ совратителей. Оттого они становились смѣлѣе. По всей епархіи долго и безпрепятственно ходилъ какой то раскольникъ и проповѣдывалъ о скоромъ явленіи Антихриста. Онъ дѣлалъ попытку склонить къ себѣ даже духовныхъ лицъ. Когда святитель узналъ объ этомъ, то проповѣдникъ уже безслѣдно скрылся. Въ Ярославлѣ совратители оказывались особенно на-

стойчивыми; ихъ привлекало тамъ зажиточное населеніе. Неуловимые для незнакомыхъ съ раскольническою тактикою, они могли быть прослѣжены лишь тѣми, кто близко соприкасался съ ними. Одна монахиня Ростовскаго дѣвичьяго монастыря, бывшая ранѣе послѣдовательницею раскола, сообщила владыкѣ о какомъ то старцѣ Авраамiи, жившемъ въ Ярославлѣ съ женщиною и пропагандировавшемъ тамъ расколъ.

Въ противораскольнической дѣятельности св. Димитрiя замѣтны два перiода: съ 1705 по 1708 годъ онъ изслѣдуетъ и оцѣниваетъ отдѣльные частные факты, касающiеся раскола, а съ 1708 по 1709 годъ поражаетъ раскольниковъ въ ихъ главныхъ пунктахъ вѣроученiя, раскрывая предъ своею паствою слабыя стороны раскола, ихъ невѣжество и развратную жизнь. Сначала онъ произноситъ противораскольническiя проповѣди и пишетъ трактаты, а потомъ составляетъ цѣлое сочиненiе противъ нихъ, — «Розыскъ о раскольнической Брынской вѣрѣ». Въ своемъ словѣ «Объ образѣ и подобiи Божiемъ» святитель указываетъ на безразсудство защитниковъ бороды. Борода для нихъ—дороже души; грѣха брадобритiя, по ихъ увѣренiю, не можетъ загладить даже мученическая кровь [1]). Для нихъ «препровождать жизнь скверную, свинскую въ объяденiи и пьянствѣ, въ прелюбодѣяніи, содомствѣ и другихъ непотребствахъ — дѣло не важное, — все это, по ихъ мнѣнiю, простительно; одно честно и свято, чтобы сохранить бороду въ цѣлости». Бритье бороды считается у нихъ самоубiйствомъ, а дѣйствительное самоубiйство называетъ спасительнымъ дѣломъ. Въ изувѣрствѣ своемъ они добровольно губятъ себя: «одни — огнемъ, другiе — голодомъ» [2]).

[1]) „Объ образѣ и подобiи“, 48, 49 л.

[2]) Тамъ же, 54—55, 50—51 л.

Чтобы предохранить православныхъ отъ совращенія ихъ раскольниками, святитель произносилъ въ самой простой, удобопонятной всѣмъ, формѣ проповѣди, прямо направленныя противъ раскола. Таковы поученія его «На воздвиженіе честнаго и животворящаго Креста Господня» [1]), «Поученіе о четвероконечномъ крестѣ» [2]), «Слово на 21 недѣлю по Св. Духѣ, говоренное къ простому народу» [3]) и «О должности всякаго вѣрнаго суща, въ защищеніе св. Церкви противъ еретиковъ» [4]). Въ двухъ первыхъ поученіяхъ говорится о четырехконечномъ крестѣ. Впослѣдствіи оба они вошли въ книгу святителя «Розыскъ», составивши въ болѣе подробномъ изложеніи съ перестановкою мыслей 3-ю статью 2-ой части. Въ первомъ словѣ обличается еще и неразуміе раскольниковъ—покланяться старымъ или закоптѣлымъ иконамъ, а новыхъ не почитать, во второмъ же,—раскрывается опасность ученія ихъ «бѣгать св. Церкви», «чуждаться св. Причащенія, какъ мерзости» и «вмѣнять блудъ въ любовь Христову» [5]).

Въ словѣ «О должности... въ защищеніе церкви» представлена картина современнаго гоненія Церкви Христовой отъ ея враговъ, уменьшеніе ея членовъ и равнодушіе къ защитѣ ея со стороны тѣхъ христіанъ, которые только «своего ищутъ», а не имѣютъ ревности о чистотѣ вѣры» [6]).

Общій тонъ противораскольническихъ сочиненій св. Димитрія, въ сравненіи съ полемическими сочиненіями другихъ борцовъ за православіе, отличается

[1]) Соч. III, 150.

[2]) Соч. III, 325.

[3]) Соч. II, 389.

[4]) Рукопись Софійская въ библ. Спб. Дух. Акад. № 1283.

[5]) Святитель обличаетъ раскольническое ученіе, отвергающее бракъ „въ поученіи на память св. муч. Адріана и Наталіи“ (III, 120).

[6]) Софійск. Рукоп. Спб. Дух. Акад., № 1283, 353 л.

спокойствіемъ. Рѣчь его дышетъ любовью къ заблуждающимся. Это тѣмъ болѣе удивительно, что въ то время онъ былъ больной. Тутъ видѣнъ природный любвеобильный характеръ святителя. Замѣтно, что живя въ Украинѣ, вдали отъ борьбы съ расколомъ, онъ не вниталъ въ себя того страстнаго отношенія къ хулителямъ Церкви, какъ, напр., Питиримъ Новгородскій, Игнатій Корсаковъ и другіе. Онъ объяснялъ расколъ однимъ безразсудствомъ и умственной неразвитостію. Впрочемъ, желаніе его предохранить свою паству отъ зараженія расколомъ, заставило его сгустить вины старообрядцевъ,— отнести ихъ заблужденія къ области ересей.

Новизною положенія его объясняется и то, что онъ смотрѣлъ на раскольническія заблужденія по ихъ фактической сторонѣ, игнорируя ихъ историческое происхожденіе и причины возникновенія. Нѣтъ у него и обобщенія ихъ. Для него чудовищными казались заблужденія расколоучителей; еще болѣе поражала предрасположенность простого народа къ воспріятію ихъ.

Въ 1708 году до Ростова дошли слухи объ особенномъ усиленіи раскола въ Ярославлѣ. Владыка немедленно отправляется туда и тамъ цѣлую недѣлю ежедневно говорилъ въ церкви обличительныя проповѣди противъ расколоучителей и ихъ пропаганды. Излагая предъ народомъ православное ученіе, онъ раскрывалъ суемудріе старообрядцевъ. Несомнѣнно, что несохранившіяся его рѣчи за эту недѣлю вошли, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ мысляхъ, — въ составъ книги «Розыска». Для живого пастырскаго дѣла онъ оставилъ и «Лѣтопись», которою такъ дорожилъ: «за Лѣтопись меня Богъ не спроситъ, а за наученіе паствы взыщетъ», высказывался онъ, потому что «нужда раскольническая умножилась въ нашей епархіи зѣло [1])».

[1]) „Яр. Еп. Вѣд.“, 1874 г., № 34, 15-е письмо.

По пріѣздѣ въ Ростовъ онъ принялся за новый письменный трудъ. О побужденіяхъ къ составленію своего «Розыска» онъ пишетъ своему другу: «такъ какъ слова изъ устъ болѣе идутъ на вѣтеръ, чѣмъ въ сердце слушателя, то, оставивши все предположенное мною дѣло Лѣтописанія, я взялся писать особую книжицу противъ раскольническихъ учителей» [1]).

Составъ Розыска даетъ поводъ думать, что книга предназначалась для руководства священниковъ въ борьбѣ ихъ противъ раскола. Въ него вошли проповѣди святителя, а ихъ онъ и въ другихъ случаяхъ приноравливалъ къ произношенію священниками. Другихъ руководствъ для борьбы не было: «ненавистная рука раскольническая» истребила ранѣе составленныя книги, «Жезлъ правленія» и «Увѣтъ» [2]). Простота слога, за которую смиренный владыка даже проситъ прощенія у читателей, показываетъ, что св. Димитрій для того раскрывалъ заблужденія расколоучителей, чтобы предохранить этимъ свою «препростую паству» отъ льстивой пропаганды.

Новый трудъ святителя такъ быстро подвигался, что авторъ надѣялся его окончить въ томъ же 1709 г. въ великій постъ [3]). Великимъ постомъ къ нему принесли новыя свѣдѣнія о раскольническихъ скитахъ, прибывшіе въ Ростовъ и живавшіе въ скитахъ, Петръ Ермиловъ, старецъ Андроникъ и Пахомій. Разсказы ихъ дали еще большее освѣщеніе раскольнической жизни [4]).

---

[1]) Письмо къ Ѳеологу 20-е.

[2]) Предисловіе къ „Розыску“, 3 л. Книга „Жезлъ правленія“ написана противъ заблужденій Никиты Пустосвята и Лазаря“. Въ „Увѣтѣ Духовномъ“ опровергается челобитная соловецкихъ раскольниковъ. Въ „Увѣтѣ“ изложена исторія распреи и бунтовъ, устраиваемыхъ раскольниками, а также о соборахъ противъ нихъ.

[3]) Письмо къ Ѳеологу, 20.

[4]) „Розыскъ“ 1 ч. 20 гл. 26 л. 65, 586, 606.

Въ половинѣ великаго поста книгу святителя уже переписывали. Димитрій торопилъ переписчиковъ, чтобы окончить ее къ Пасхѣ (24 апрѣля) [1]). Но переписка затягивалась. Онъ пишетъ Ѳеологу: «хотѣлъ я, дорогой, послать къ тебѣ уже цѣлую книжицу моего о капитонѣхъ розыска, которую, при помощи Божіей, окончилъ; но за писцами дѣло остановилось: не скоро переписываютъ набѣло. Оттого я послалъ одну часть; послалъ также и господину Поликарповичу». «Третья часть «Розыска» къ св. Троицѣ—празднику (12 іюня) пришлется къ вашей честности, если изволите читать [2])». Книга «Розыскъ», переписанная къ Троицѣ, въ сравненіи съ печатною книгою, изданною 1745 г. подъ редакціей архим. Платона Малиновскаго, была небольшая въ 274 листа [3]), безъ раздѣленія на главы и безъ нѣкоторыхъ трактатовъ (15-й главы въ I части, а также 18, 19, 20, 21 и 22 II части). Во время переписки святитель пополнялъ ее, такъ что московскимъ своимъ друзьямъ, немного спустя, онъ посылаетъ еще «двѣ тетради о брадахъ; указываетъ имъ и мѣсто въ своей книгѣ, гдѣ вложить: «тетради эти приложи во вторую часть «Розыска», въ статью первую, предъ окончаніемъ статьи той» [4]). Впрочемъ, у святителя не было увѣренности, полезны ли такія добавленія, и годятся ли для полемики; «дошла ли до рукъ вашихъ борода капитонская, которую я послалъ честности твоей и господину Поликарповичу съ казначеемъ нашимъ Филаретомъ? Пишетъ онъ въ Москву: прочтите и разсудите, хороша ли, годится ли кому въ пользу. Если не го-

[1]) Святитель пишетъ Ѳеологу: „я свою (книгу) помощію Божію окончилъ. Ее переписываютъ набѣло, но нескоро, неискусны и лѣнивы. Чаю къ Воскресенію Господню окончатъ“ (Письмо Ѳеологу, 11).

[2] Письмо 12.

[3]) „Опис. слав. рукоп. Моск. син. библ.“ *Горскаго*, 610.

[4]) Письмо 2. „Роз.“, 2 ч. 113 — 134 л.

дится, не понравится, то плюньте въ ту писанную бороду!» [1]). Друзья одобрили и бороду капитонскую. Иногда они посылали необходимыя книги: «Купель Духовную», «Свитки» раскольническіе и др. «Не забудь съ попомъ Ив. Максимовымъ побесѣдовать и спросить у него о тѣхъ скитахъ, или сколько онъ можетъ знать по имени ихъ [2]) вѣръ. «Если что новое о ересяхъ, о скитахъ брынскихъ услышишь, пожалуйста, извѣщай!» [3]). Помѣщенъ, по совѣту друзей святителя, и трактатъ объ усахъ [4]), гдѣ находится опроверженіе хулы расколоучителей на митр. Петра Могилу, повелѣвшаго священнослужителямъ постригать у себя усы, если они были слишкомъ длинны. Посылалъ онъ одну часть «Розыска» для чтенія М. Г. Грохольскому [5]).

Святителю «уже докучило писать противъ раскольниковъ», а онъ все дѣлалъ новыя и новыя дополненія къ «Розыску». Въ августѣ прибавлено имъ «мало коечто о толкованіяхъ евангельскихъ» [6]). Здѣсь опровергается толкованіе дѣйствительныхъ евангельскихъ событій въ смыслѣ притчей, указываются признаки, по которымъ дѣйствительное событіе отличается отъ приточнаго [7]). Послѣ онъ прибавилъ еще трактатъ объ имени «Іисусъ» [8]).

---

[1]) Письмо 6.

[2]) Письмо 16.

[3]) „Розыскъ“, 2 ч. 20 л.

[4]) Письмо 17.

[5]) „Яр. Еп. Вѣд.“, 1873 г. № 1.

[6]) Письмо къ Оеологу 3, написанное послѣ 11 августа 1709 г., когда скончался келейникъ Димитрія, іеродіаконъ Парменъ, смерть котораго тутъ упоминается. Въ другомъ письмѣ къ Оеологу (31) говорится о „исторіи Евангельской и о притчахъ“, — вѣроятно это одно и то же.

[7]) „Еще меня раскольники раздражили и возбудили написать объ исторіи Евангельской и притчахъ; я написалъ“, — пишетъ онъ въ Москву (письмо 27).

[8]) Имя *Іисусъ* составляло предметъ занятій святителя еще задолго до составленія „Розыска“ (см. его проповѣдь на обрѣзаніе Господне III ч. 1 — 14 стр. и поученіе на 7 недѣлю во II ч.).

Всю свою работу святитель основывалъ на показаніяхъ лицъ, знающихъ о расколѣ. Понятны, поэтому, неточности въ его представленіяхъ о немъ. Въ «Розыскѣ» легко могли вкрасться такіе факты, которымъ недоставало строгой провѣрки. Быть можетъ, владыка разсылалъ отдѣльныя части своей книги духовенству епархіи не для одного руководства, но и для провѣрки описанныхъ тамъ фактовъ при случаяхъ столкновеній съ расколоучителями. О раскольникахъ, объ ихъ жизни слуховъ доходило до Димитрія «несчетное» количество, такъ что онъ не находитъ и возможности писать о нихъ подробно, а рѣшилъ предложить въ «Розыскѣ» о главномъ. «Я не отъ себя предложилъ. Вѣдь я, смиренный, не въ этихъ странахъ рожденъ и воспитанъ, никогда и не слыхалъ о расколѣ, въ этой странѣ находящемся, ни о Брынскихъ лѣсахъ, ни о скитахъ, ни о разности ихъ вѣръ, ни о дѣлахъ ихъ; но когда уже началъ жить здѣсь, по Божьей волѣ и указу государя, узналъ по слухамъ и по многимъ доношеніямъ. Предложилъ только то (разборъ раскольническихъ заблужденій), что слышалъ отъ очевидцевъ и о чемъ писано мнѣ» [1]).

Въ самомъ «Розыскѣ» святителемъ указываются имена тѣхъ лицъ, отъ которыхъ узналъ о расколѣ, напр.: ростовскій воевода Пашковъ, старецъ Пахомій, монахъ Макарій, игуменья Анѳиса и др. [2]), но иногда выражается безлично: «донесено намъ», «слышали мы», «узнали недавно», «доносится слуху нашему» [3]).

Святитель не чувствовалъ себя одинокимъ въ письменной полемикѣ съ расколомъ. Московскіе друзья послали ему въ Ростовъ «Свитокъ раскольническій, лжи и хуленія преисполненный» [4]), «Житіе св. Евфро-

[1]) „Розыскъ“, 14 л.

[2]) „Розыскъ“ 36, 27, 30, 20, III ч.

[3]) „Розыскъ“ II ч. 62, 80, 134, 88, 202, 179.

[4]) Письмо къ Оеологу, 4.

сина псковскаго», ходившаго въ Царьградъ по аллилуія, съ описаніемъ «явленія Евфросину Богородицы» [1]). Димитрій читалъ ихъ и критиковалъ: «Евфросиній святый—святъ, а аллилуія ихъ не думаю, чтобы было свято,—самое сновидное и противное православію, какъ хотѣлось кому, такъ и бредили безъ ума» [2]).

Отъ тѣхъ же друзей получена имъ «книжица *Зеркало*, достойная въ свѣтъ произвестися» [3]). Кромѣ того, неоднократно въ Москву посылались его просьбы: нѣтъ ли какой книжной новинки? Евангелія вѣчнаго Аввакумова нѣтъ ли? [4]) и вообще нѣтъ ли «подлинныхъ свѣдѣній о раскольническихъ скитахъ и вѣрахъ ихъ» [5]). О вѣчномъ евангеліи Аввакума владыка сообщаетъ въ «Розыскѣ», что оно не получено, и, потому, ему неизвѣстно, что тамъ пишетъ «сатанинъ ученикъ», — вѣроятно тоже, что и въ своихъ письмахъ къ діакону Ѳеодору [6]). Догадка Святителя оправдалась. Эти письма и есть самое Евангеліе Аввакума [7]). Димитрій обращался къ московскимъ друзьямъ, какъ къ сотрудникамъ своимъ: онъ проситъ справиться въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ: «каковы кресты на сосудахъ пр. Антонія Римлянина? Коими подобіями? Четвероконечіемъ или осьмоконечіемъ? И какія титла: харгія ли изображена или дщица? [8]). Отъ своихъ Димитрій ожидалъ безпристрастной критики «Розыска»: «благоволите съ товарищи разсудить», каково написано то, что переслано къ нимъ на разсмотрѣніе?

---

[1]) Письмо 5.

[2]) Письмо 6.

[3]) Письмо 11.

[4]) Письмо 20, 18.

[5]) Письмо 19 и 4.

[6]) „Розыскъ“, I ч. 31 л.

[7]) Такъ назвалъ свои письма Аввакумъ: „пріими, Сергій, вѣчное сіе евангеліе, не мною, но перстомъ Божіимъ писанное“ (Раскол. дѣла XVIII ст. II т., 229).

[8]) Письмо 7.

Цѣль «Розыска» — раскрыть предъ глазами «препростого народа» всѣ недостатки раскольническаго ученія, разбить всѣ особенности старообрядческихъ вѣрованій. «Розыскъ» не имѣетъ строгаго единства, потому что въ немъ разбирается много сторонъ старообрядства. Тонъ его полемическій — отрицательный. Въ первой части разсматриваются неправыя вѣрованія, раскольническое ученіе авторъ выдѣлилъ во вторую часть, а въ третьей — изображается безнравственная жизнь раскольниковъ. При такомъ дѣленіи книга отличается всесторонностью и крайнею дробностью изслѣдованія. По внѣшнему построенію планъ книги очень широкъ, онъ охватываетъ и жизнь, и ученіе раскола.

Языкъ книги такъ простъ, что дѣлаетъ доступнымъ пониманію простого народа самыя отвлеченныя понятія, какъ напр., вѣра. Но понятіе о расколѣ страдаетъ неопредѣленностію. Онъ разсматривается не при свѣтѣ историческаго возникновенія и соціальнаго укрѣпленія его, а поставленъ предъ лицомъ Евангельской истины. Явленія старообрядства оказались идущими въ разрѣзъ съ православіемъ, съ здравымъ пониманіемъ Евангелія, выраженіемъ слѣпого упорства и невѣжества. Въ результатѣ «Розыска» у Димитрія получилось, что у раскольниковъ—въ вѣрѣ одно заблужденіе, въ ученіи—ложь, въ жизни—безнравственность. Все это основано на сообщаемыхъ ему фактахъ, которыхъ собрано у него такъ много, что не было нужды затрагивать въ «Розыскѣ» пункты раскольническихъ вѣрованій, разобранныхъ до него въ «Жезлѣ» и «Увѣтѣ»: «я не стану объ аллилуіи писать, такъ какъ о томъ довольно изрядно написано въ «Жезлѣ Правленія» и «Духовномъ Увѣтѣ». Довольно моей худости писать о томъ, чего нѣтъ въ тѣхъ книгахъ, а написанное повторять нѣтъ нужды»,

писалъ святитель къ Ѳеологу [1]). Въ самомъ «Розыскѣ» онъ предупреждаетъ: «я не буду распространяться (о сложеніи перстовъ), такъ какъ объ этомъ уже довольно написано и разъяснено въ книгѣ «Жезлъ» и въ книгѣ «Увѣтъ», и въ псалтыряхъ исправленныхъ: кто хочетъ, пусть читаетъ тамъ» [2]), а кто не умѣетъ читать, пусть послушаетъ» [3]). Только въ трактатѣ «объ Антихристѣ», и «о злыхъ дѣлахъ раскольниковъ» святитель повторяетъ разборъ существовавшихъ до него противораскольническихъ сочиненій, такъ какъ послѣднія встрѣчались рѣдко: посланія Игнатія Тобольскаго и вовсе не были напечатаны [4]).

Для характеристики раскола Димитрій выписываетъ множество новыхъ фактовъ и разбираетъ ихъ. Но подъ именемъ раскольническихъ разбираются такіе, которые старообрядцы не могутъ раздѣлять· напр., о св. иконахъ, о мощахъ и о поклоненіи имъ [5]). Въ принципѣ этого расколъ никогда не отвергалъ, нерѣдко раскольники даже сами объявляли объ открывшихся въ своихъ скитахъ нетлѣнныхъ мощахъ старообрядцевъ. Въ то время иконоборческія воззрѣнія дѣйствительно проникали въ Россію. У Тверитинова были послѣдователи. Они могли проникнуть и въ Ростовскую область. Димитрій самъ находитъ, что ростовскій Трофимъ, отвергавшій иконопочитаніе, отвѣчалъ на его вопросы «еретическимъ лютеранскимъ и кальвинскимъ, купно и жидовскимъ духомъ отъ св. писанія» [6]). Въ XVIII вѣкѣ словомъ «расколъ» называли всѣ вообще заблужденія, характери-

[1]) Письмо къ Ѳеологу.

[2]) Розыскъ II ч. 189.

[3]) Розыскъ I, 19 л.

[4]) Въ Розыскѣ небольшая выписка изъ 3 посланія м. Игнатія о смерти Никиты Пустосвята (II ч. 39 и 40).

[5]) Розыскъ II ч. 62 — 80.

[6]) Розыскъ II ч. 67.

зовали не одно великорусское старообрядство, а и другія ереси. Раціоналистическія мнѣнія проявлялись и въ расколѣ, но оказывались заблужденіемъ отдѣльныхъ лицъ, поддавшихся протестантскому направленію мысли. Къ такимъ мнѣніямъ относится «хула раскольническаго свитка» на Божественныя Тайны, будто, Христосъ, однажды вкусившій смерть на крестѣ, не можетъ болѣе приноситься въ жертву» [1]).—Въ самомъ расколѣ тогда распространялись мнѣнія еретическія. Таково ученіе Аввакума о Пресвятой Троицѣ, что она «Трисущна»; или о Христовомъ воплощеніи, или же о сошествіи І. Христа во адъ съ тѣломъ по воскресеніи» [2]), что Богъ вездѣсущъ не существомъ, а благодатію [3]) и т. д. Впослѣдствіи все «евангеліе Аввакума» отвергли и сами старообрядцы [4]). Вопросъ о томъ: есть ли вѣра раскольническая—вѣра правая, у святителя, поэтому, рѣшается въ отрицательномъ смыслѣ. «Всякъ, вѣрующій не во Единаго невидимаго Бога, а во многія видимыя и осязаемыя вещи, неправо вѣруетъ. А такъ какъ раскольники вѣруютъ не въ одного невидимаго Бога, но во многія видимыя и осязаемыя вещи: въ ветхія иконы, въ осьмоконечные кресты, въ число просфоръ, въ старыя книги, въ сложеніе по ихъ обычаю перстовъ; то вѣра ихъ—не правая вѣра» [5]).

Основнымъ положеніемъ раскола было: «священства нѣтъ на землѣ; оно съ отцами перешло на небо». Отвергнувъ законное священство, старообрядцы многое измѣнили и въ церковной практикѣ. Таинства они не отвергали, за неимѣніемъ же священниковъ, ихъ стали совершать міряне. Въ «Розыскѣ» указывается, что литур-

[1]) Розыскъ II ч. 30 гл. 139.
[2]) Розыскъ I ч. 20 — 22.
[3]) Раскол. дѣла XVIII ст., II т. 263.
[4]) Раскол. дѣла XVIII ст., 2 т. 259.
[5]) Роз., I ч., 1 ст. 5 л.

гію у нихъ служилъ простой непосвященный мужикъ, а при м. Іонѣ въ одномъ изъ ростовскихъ селъ священнодѣйствовала дѣвица. Она «обѣдню какую то еретическую тайно совершала, людей исповѣдывала и причащала, не только простыхъ людей, но и поповъ» [1]). Изъ таинствъ безпоповцами отвергалась, какъ скверна,— бракъ. По доходившимъ до святителя слухамъ, блуду они придали религіозное освященіе, называя его любовью Христовою. Крайній развратъ Ѳедосѣевцевъ вызвалъ даже протесты въ средѣ самихъ старообрядцевъ. Тѣмъ болѣе не могъ оставить безъ молчанія этого св. Димитрій: въ Ѳедосѣевщинѣ, Стефановщинѣ и Косьминишнѣ бракъ называли блудомъ, а блудъ вмѣняли въ душеспасительную любовь [2]). Воевода Пашковъ сообщалъ ему, что крестьяне Заузовской и Толоконцовской волости (Нижег. губ.) отводятъ своихъ дочерей въ Брынскіе лѣса къ святымъ отцамъ и оставляютъ ихъ тамъ на любовь Христову [3]). Многія дѣвицы и изъ Ростовской области бѣгали въ Брынскіе лѣса и возвращались обезчещенными; не отставали отъ нихъ и черницы. Сами родители содѣйствовали этому. Святитель упоминастъ о трехъ романовцахъ и одномъ ростовцѣ, которые отослали своихъ дочерей въ тѣ же лѣса, «а для чего? Богъ вѣсть!» [4]).

Изувѣрство раскольниковъ поражало св. Димитрія. Оно породило страшныя и неслыханныя никогда и нигдѣ явленія; появилось въ Ростовской епархіи много самосожигателей. Въ Бѣлосельской волости сожглось болѣе 1920 человѣкъ [5]), въ Череповской волости, недалеко отъ ростовскихъ предѣловъ, въ 1688—1689 гг.

[1]) I ч. 30 л.
[2]) 3 ч. 30 л.
[3]) 3 ч. 26 л.
[4]) 3 ч. 27 л.
[5]) 3 ч. 22 л.

за одинъ разъ добровольно погибло въ огнѣ около 300 человѣкъ [1]). Изъ Сибири неслись такія же вѣсти [2]). Зарождающійся фанатизмъ развивался расколоучителями. Еще Аввакумъ говорилъ: «всякій вѣрный не развѣшивай ушей, не задумывайся, гряди со дерзновеніемъ въ огонь... Блаженъ изволъ сей о Господѣ!» [3]). «Кто насъ послушаетъ и самъ себя сожжетъ, тотъ отъ антихристова мученія уйдетъ и будетъ вѣчно царствовать со Христомъ и святыми. Если же кто не послушаетъ—и нынѣ самъ себя не сожжетъ, того Антихристъ скоро мучить будетъ, и тогда многіе отъ правовѣрныхъ, не стерпя антихристова мученія, отступятъ отъ правыя вѣры и за то въ адскомъ огнѣ будутъ мучиться вѣчно съ Антихристомъ» [4]).

Увлеченные корыстными расколоучителями темные люди сами приготовляли для себя костры, приготовляли смолу, бересто, солому, коноплю, порохъ. Духовныхъ лицъ, посланныхъ для увѣщанія, не слушали, «не развѣшивали ушей», тутъ же, не допуская до себя, и сожигались. «Мы горимъ здѣшнимъ огнемъ, а вы горите и нынѣ вѣчнымъ огнемъ, и тамъ горѣть будете», твердили они невольнымъ свидѣтелямъ самосожженій [5]). Чтобы расположить себя къ сожженію, изувѣры употребляли волхвованія, принимали изюмъ, ягоды, жженыя истолченыя кости, порошокъ высушеннаго сердца, вырѣзаннаго изъ груди у младенца. Будто бы принявшимъ такія вещи огонь не только не страшенъ, но кажется имъ раемъ и устье печи — райскою дверью, а въ самой печи «пресвѣтлые юноши, призывающіе къ

[1]) 3 ч. 21 л.
[2]) 3 послание Игнатія Тоб.
[3]) Роз. III, 33 л.
[4]) „Благ. сл. патр. Іоакима". Древ. Рос. Библ. XV ч., 269.
[5]) Роз. III ч. 15, 20.

себѣ» [1]). Трудно было святителю вѣрить такимъ слухамъ, если бы это не подтверждалось. По поводу разсказовъ объ этомъ іеромонаха Игнатія онъ говорилъ: «вѣримъ ему, человѣку уже очень старому, который какъ видѣлъ и слышалъ, такъ и донесъ намъ, по священнической должности» [2]). Изъ всѣхъ разсказовъ опредѣлялась для святителя страшная опасность отъ раскола. Въ немъ внѣшній аскетизмъ и подвиги соединялись съ фанатическимъ презрѣніемъ къ жизни, съ сердечною испорченностію и внутреннимъ развратомъ въ бытовомъ строѣ послѣдователей его.

Толковъ раскольническихъ въ Розыскѣ указывается очень много. «Согласные въ одномъ хуленіи на церковь Христову, ея св. таинствъ и насъ правовѣрныхъ, всѣ скиты раскольническіе вѣрами своими между собою не согласны, говоритъ Димитрій,—всѣ они, окаянные, прелестники, другъ друга гнушаются и вмѣстѣ ни пьютъ, ни ѣдятъ, ни молятся и называютъ другъ друга еретиками» [3]). Обо всемъ этомъ святитель узналъ отъ лицъ постороннихъ, но отъ такихъ, которые или сами жили въ расколѣ, или долгое время находились вблизи раскольническихъ брынскихъ скитовъ, таковы: строитель Спасской Роевской пустыни, черный попъ Іоасафъ, затѣмъ, Ярославецъ Петръ Ермиловъ, старцы Андроникъ и Пахомій. Іоасафъ въ ноябрѣ 1708 года передалъ Димитрію какія то «малыя тетрадицы», въ которыхъ было «отвѣтное слово противъ раскольниковъ» неизвѣстнаго автора. Тутъ помѣщенъ и перечень 20 названій брынскихъ скитовъ [4]).

Въ мартѣ слѣдующаго 1709 года святитель получилъ болѣе опредѣленныя свѣдѣнія о скитахъ. Въ сбор-

[1]) Роз. III, 16 — 24.
[2]) Роз. III ч., 23.
[3]) Роз. I ч. 27, 26 л.
[4]) Роз. I ч. I гл. 20, 25 — 26 л.

ную недѣлю великаго поста явились къ нему Петръ Ермиловъ, Андроникъ и Пахомій. Относительно списка Іоасафа они говорили: «не всѣ нынѣ тѣ скиты тѣми именами прозываются, развѣ раньше такъ было. Одни скитоначальники умерли, другіе переселились въ другія страны, третьи ушли въ Польшу». По словамъ Пахомія, скитовъ въ Брыни значится только пятнадцать. Нѣкоторые исчезли, другіе стали дѣйствовать совмѣстно, появились и новые [1]). Теперь ихъ насчитывалось больше и въ «Розыскѣ» значится 28, кромѣ многихъ мужскихъ и женскихъ по лѣсамъ, «подобныхъ тѣмъ въ зловѣріи». Ясно, что Ростовскому владыкѣ не о всѣхъ скитахъ было извѣстно [2]).

Въ «Розыскѣ» нѣтъ разграниченія толковъ, которые, можно сказать, здѣсь отожествляются со скитами. Наряду со скитами, въ числѣ ихъ, упоминаются поповщина и безпоповщина; тогда какъ это вовсе не скиты, а два главныя старообрядческія теченія: къ нимъ болѣе или менѣе примыкалъ каждый скитъ. Перечисляются, какъ раскольническіе скиты, и такіе, которые ничего общаго съ расколомъ не имѣли: христовщина, иконоборщина и субботники, отрицающіе все то, за что стоялъ расколъ, и появившіеся еще ранѣе раскола. Хотя святитель и внесъ ихъ тоже въ списокъ скитовъ, но выдѣляетъ, напр., субботниковъ, называя ихъ отраслью иконоборческой ереси и выродившимися изъ послѣдователей ереси жидовствующихъ XV вѣка [3]).

Неопредѣленность свѣдѣній о расколѣ не могла не повліять на «Розыскъ» о немъ. Но всякія свѣдѣнія были дороги для Димитрія, какъ матеріалъ борьбы съ

---

[1]) Роз. I, 26 — 27.

[2]) Въ Нижегородскихъ лѣсахъ насчитывали до 94 скитовъ (*Щаповъ*. „Русск. раск. старообр.“, 268).

[3]) „Розыскъ“ III ч. 31 л.

противниками Церкви. На основаніи такихъ свѣдѣній онъ дѣлалъ изслѣдованія и обобщенія. Здѣсь у него въ первый разъ прямо и рѣшительно говорится о двухъ главныхъ направленіяхъ въ расколѣ: поповщинѣ и безпоповщинѣ, дается и характеристика ихъ, чего мы не находимъ и позднѣе, у Ѳеофилакта Лопатинскаго [1]). «Въ Розыскѣ» положено начало научной борьбы съ расколомъ. Разновидности этихъ направленій касались только ученія о таинствахъ, въ частности,—объ евхаристіи. Толки разнятся между собою болѣе названіями, чѣмъ по существу своего ученія. Разности ихъ обусловливались отношеніями ихъ къ Церкви [2]). Слова святителя о скитскихъ расколоучителяхъ, что «всѣ они вѣрами своими несогласны», надо понимать съ ограниченіемъ. Въ группировкѣ ихъ у святителя это положеніе сильно ослаблено. Изъ поповщинскихъ толковъ изъ общей категоріи не выдѣлено у него по вѣроучительнымъ пунктамъ ни одного скита; только на рогожниковъ указываетъ, какъ на своеобразный толкъ, проповѣдующій невозможность спасенія въ міру и необходимость бѣжать въ пустыни и тамъ спасаться.

Раскрывая внутреннія слабыя стороны раскола, святитель хотѣлъ показать предъ простымъ народомъ и малочисленность его, но дѣйствительность говорила объ иномъ. «Васъ, отпадшихъ отъ Церкви, обращается онъ къ раскольникамъ, немного. Если соберется васъ десять или двадцать тысячъ, то все же вы ничто предъ всею вселенскою Церковью. Ваше брынское общество столь же велико въ сравненіи съ вселенскою Церковію, какъ велика горсть воды противъ необъятнаго моря». Въ такихъ словахъ чувствуется скрываемая тревога архіерея. Расколъ распространялся быстро и захватывалъ не-

[1]) „Обличеніе неправды раскольн." 1745 г. м. III ч. 1 — 6 л.

[2]) „Розыскъ" I ч. 27 л.

малую часть ростовскаго населенія. Въ одномъ мѣстѣ святитель прямо говоритъ, что «ересь капитонская отторгаетъ тьмы народа отъ Церкви» [1]); въ иныхъ уѣздахъ около трети всего населенія [2]) заражено было расколомъ.

При общемъ обзорѣ «Розыска» бросается въ глаза отсутствіе въ немъ единства частей. Разрозненность мыслей зависѣла отъ неясныхъ слуховъ и отъ недостатка времени на обработку книги [3]). Тѣмъ не менѣе все произведеніе внушительно своею силою. Здѣсь раскрывается дѣятельность непризванныхъ самозванныхъ учителей и разоблачается ложь ихъ ученія, а такой задачѣ вполнѣ соотвѣтствуетъ содержаніе «Розыска». О скрытой пропагандѣ онъ собиралъ всевозможныя свѣдѣнія. Онъ бьетъ расколоучителей отдѣльными фактами. Особенно рѣзко указывается на отсутствіе въ расколѣ нравственныхъ устоевъ.

Писаніе «Розыска» было такъ кратковременно, что провѣрить всѣ слухи о раскольникахъ не было возможности. Святитель полагался на честность того, кто сообщалъ, на его сѣдины и санъ [4]).

Хотя «Розыску» дано полемическое направленіе, но книга выдѣляется изъ ряда другихъ такихъ же полемическихъ сочиненій и полагаетъ начало новому направленію нашей противораскольнической литературѣ. До него отношеніе представителей церкви къ обрядовымъ разностямъ отличалось суровостію. Старообрядцы предавались анаѳемѣ и соборомъ 1667 года, и авторомъ «Жезла правленія», [5]) и «Увѣта Духовнаго», какъ

[1]) Новг. Соф. рукоп. № 1283, 383 л.

[2]) *Щаповъ*, 268.

[3]) 112 л.

[4]) Составитель Пращицы говоритъ, что авторъ „Розыска“ не виноватъ въ преувеличеніи фактовъ и сомнительности ихъ; виноваты тѣ, которые невѣрно ихъ передавали ему („Отв. на вопр“. 207, 343 л.)

[5]) Соб. свитокъ при служебн. 1667 г.; „Жезлъ“, изд. 1666 г. I ч. 62, 64 л.

враги христіанства [1]). — Ничего подобнаго нѣтъ въ «Розыскѣ». По мысли св. Димитрія, обрядъ не имѣетъ существеннаго значенія въ дѣлѣ спасенія. Его даже поражаетъ приверженность старообрядцевъ къ буквѣ и формѣ. Важна не форма, не персты: спасительна при крестномъ знаменіи мысль, выражаемая обрядомъ. Не отъ числа просфоръ, не отъ древности иконы, не отъ сложенія перстовъ—зависитъ наше спасеніе, а отъ правой вѣры и добрыхъ дѣлъ. Для святителя удивительно, какъ такія незначительныя вещи послужили причиною раздѣленія тѣхъ, кто составлялъ одну церковь. Въ самомъ расколѣ Святитель преслѣдуетъ не употребленіе того или другого обряда, а ту нетерпимость, съ которою раскольники отстаиваютъ свою обрядность. Онъ жалѣетъ раскольника, коснѣющаго въ невѣжествѣ и лишеннаго утѣшеній Церкви, имъ отвергнутой. Самыя добрыя дѣла раскольника: пощеніе, молитвы, поклоновъ многое число, и др., не освящаемыя силою Божественной благодати, остаются «не заслуживающими спасенія» [2]). Внѣ союза со Христомъ спасенія нѣтъ [3]).

Соотвѣтственно этому и слогъ святителя отличается не страстностію, а звучитъ грустью. Его сильно поражали нелѣпости раскола, возмущали и клеветы ихъ; «на нихъ ничѣмъ не угодишь», писалъ онъ своимъ друзьямъ. Въ двухъ мѣстахъ выражается онъ рѣзко; въ одинъ разъ, производя раскольническое произношеніе имени Іисусъ, онъ называетъ его равноухимъ [4]), въ другомъ мѣстѣ высказываетъ, что на раскольническомъ перстосложеніи прилично было бы написать имя «демонъ» [5]). Такая рѣзкость допущена имъ, безъ со-

[1]) 8 и 24 статьи.
[2]) III ч. 8.
[3]) „Розыскъ“ 10, 11 л. 5-и главы, и 21 глава, 38 л.
[4]) „Розыскъ“ I, 18.
[5]) „Розыскъ“ II, 188.

мнѣнія, для того, чтобы внушить простому народу отвращеніе къ мнѣніямъ, нераздѣляемымъ Церковью. И раскольники, со своей стороны, страшными глумленіями надъ православіемъ старались подорвать авторитетъ представителей церкви.

Изъ всего «Розыска» одно только «увѣщаніе правовѣрнымъ» рѣзко выдѣляется выраженіями сильнаго негодованія пастыря противъ совратителей. Здѣсь тонъ его напоминаетъ «Жезлъ» и «Увѣтъ». Святитель увѣщеваетъ народъ не только не дружиться съ раскольниками, не только не выражать доброжелательства ихъ вѣрѣ, а положительно не слушать ихъ [1]).

Хотя «Розыскъ» написанъ для простого народа, чтобы предотвратить его отъ совращенія въ расколъ, однако, святой трудъ не остановилъ сильнаго развитія всевозможныхъ старообрядническихъ толковъ въ Ростовѣ. Строгости правительства только усиливали фанатизмъ. Масса народа записывалась въ двойной подушный окладъ, чтобы спокойно пребывать въ расколѣ, купивши себѣ свободу вѣрованій; записавшіеся въ расколъ были уже недосягаемы для духовенства. Не согласные на двойной окладъ убѣгали и жили въ лѣсахъ. Но гораздо болѣе оказывалось тайныхъ раскольниковъ. Борьба съ ними тогда сдѣлалась еще труднѣе. Святителю извѣстно стало даже о священникахъ, которые называютъ себя православными лицемѣрно. Они сообщаются съ раскольниками, соглашаются съ ними, даже прихожанъ своихъ, увлеченныхъ въ расколъ, укрываютъ и потакаютъ имъ.

Среди раскольниковъ Димитрій своею горячею дѣятельностію возбудилъ ужасную ненависть противъ себя. Ихъ ненависть лучше всего свидѣтельствуетъ о достоинствѣ и плодотворности противораскольническихъ

[1]) „Розыскъ“ III, 43, 44 л.

трудовъ святителя [1]). Но они указывали только на его рѣзкія выраженія, такъ какъ противъ обличеній его были безсильны. Въ 1755 году вышло третье изданіе «Розыска». По поводу этого явилось и въ расколѣ: «Обличеніе лжи и явнаго заблужденія книги «Розыска», печатаннаго страстно не разъ» [2]). Ненависть къ св. Димитрію пропагандировалась расколоучителями такъ же усердно, какъ и старообрядство.

Продолжаетъ святитель обличать расколъ и въ Лѣтописи. Раскольники называются тамъ антропоморфитами потому, что считаютъ образъ Божій въ лицѣ, очахъ, бородѣ и т. п., а не въ душѣ [3]). Обличеніе ихъ онъ находитъ въ самомъ словѣ «Адамъ», которое указываетъ, будто бы на 4 страны свѣта: востокъ, западъ, сѣверъ, югъ, и подобнымъ указаніемъ говоритъ о крестѣ четвероконечномъ [4]).

Борьба св. Димитрія съ расколомъ, по сознанію самихъ расколоучителей, сопровождалась большимъ успѣхомъ. Объ этомъ зналъ и царь. Нуждаясь въ литературной силѣ въ своихъ реформенныхъ начинаніяхъ для борьбы съ приверженцами старины, онъ хотѣлъ воспользоваться популярностію Ростовскаго владыки въ народѣ и проектировалъ: «написать книгу о ханжахъ и изъявить блаженства (кротость Давидову и прочее), что не такъ, какъ они думаютъ, и приплесть къ требникамъ, а въ предисловія явить то дѣльцомъ Ростовскаго (архіерея) съ товарищи; также, — что не противились мученики въ свѣтскихъ дѣлахъ» [5]).

---

[1]) *Аскоченскій.* Кіевъ съ его учен. I т. 225.

[2]) Писано Григоріемъ Яковлевымъ, послѣдователемъ Өедосѣевскаго толка. (катал. Любопытнаго, 68).

[3]) Соч. IV, 27 стр. изд. К. 1901 г.

[4]) Тамъ-же 28 стр.

[5]) „Дѣян. Петра В.“ изд. 2, XI т. 493. Желаніе Петра выполнено О. Прокоповичемъ.

ГЛАВА VII.

Кончина св. Димитрія.

Послѣдніе годы своей жизни святителю привелось трудиться болѣе, чѣмъ когда либо. Не смотря на это, онъ не видѣлъ и исхода своему тяжелому положенію. Настало время лютое, говорилъ онъ, исполняется предсказаніе Христово: возстаютъ люди другъ противъ друга войною. Народу тяжело. Происходятъ грабежи, хищенія, неправды, насиліе. У церкви появились непримиримые противники; расколъ и невѣріе. Судьбы духовенства тоже печалили владыку: есть у насъ села, изъ которыхъ, по повелѣнію государя, люди переведены въ иные уѣзды, а церковникамъ въ тѣхъ селахъ питаться не отъ кого и они ушли отъ церквей [1]). Въ это время онъ напряженно занимался окончаніемъ книги Розыска, не переставалъ проповѣдывать, не покидалъ и любимой своей «Лѣтописи»; напротивъ, онъ проситъ у Вандербурга новыхъ источниковъ для нея, посылая ему, въ свою очередь, отъ себя подарки. Такія заботы и труды приводили святителя къ истощенію. Перо выпадало изъ рукъ, но онъ преодолѣвалъ временную слабость тѣлесную; подвижники духа, имъ самимъ описанные, предносились предъ его очами и вызывали на по-

[1]) Розыскъ 101, 49.

дражаніе. Онъ выписывалъ изъ твореній преподобнаго Макарія Египетскаго о необходимости лишеній для человѣка [1]). Тѣло свое онъ изнурялъ, какъ кающійся грѣшникъ. Часто распростирался по землѣ крестомъ, по 3 часа лежалъ въ такомъ положеніи. Лѣтомъ онъ предоставлялъ свое тѣло комарамъ, въ которыхъ не было недостатка въ сыромъ ростовскомъ климатѣ. Подъ конецъ онъ сократилъ и питаніе свое, принималъ пищу рѣдко, а на первой недѣлѣ великаго поста и на страстной недѣлѣ ѣлъ однажды по четвергамъ. Не только страстную пятницу, но и на каждой недѣлѣ онъ особенно чтилъ этотъ день, замѣчалъ даже, что на пятницу падали особенно знаменательныя для него событія: въ пятницу скончалась у него мать, Марія Михайловна [2]), въ этотъ день онъ окончилъ свою Четью-Минею. Замѣчательно, что въ пятницу онъ самъ скончался, въ пятницу обрѣтены его мощи. Св. Димитрій тщательно изучалъ все написанное о страстяхъ Господнихъ. Сохранился у него перечень писателей [3]), о нихъ и самъ онъ писалъ «Цѣлованіе ранъ Господа на всякъ день», «Размышленіе о страстяхъ Христовыхъ». Какъ онъ удручалъ себя, это видно изъ слѣдующаго случая, вносеннаго въ его Діарій: въ пятницу 18 ноября 1708 года, архіерей «поднялся» до заутрени за 2 часа предъ от-

[1]) Въ 17 бесѣдѣ пр. Макарія, подвижники раздѣлены на 3 разряда: 1) одни всю заботу имѣютъ только о себѣ, — отшельники и пустынники; 2) другіе стараются о другихъ, чтобы исправить ихъ души,—это святители, учители и проповѣдники; и 3) третьи, наконецъ, тѣ, которые отдаютъ свое тѣло досадѣ и страданіямъ: они выше всѣхъ.

[2]) Это было въ 1689 г. Въ Діаріи Св. Димитрій писалъ: „Марта 29 дня, во св. великій пятокъ спасительныя страсти, мать моя... преставися въ девятый часъ дня, точно въ тотъ часъ, когда Спаситель нашъ, на крестѣ страдающій за спасеніе наше Духъ Свой Богу Отцу предавъ... То за добрый спасенія ея знакъ имѣю".

[3]) Вотъ эти писатели: св. Аѳанасій Великій, св. Евсевій Самосатскій, Златоустъ, Кипріанъ, Епифаній Кипрскій, Лѣствичникъ, Амвросій, бл. Ѳеодоритъ, Іеронимъ, Дамаскинъ, папа Леонтій, Исидоръ Пелусіотъ (I 236).

дачею, одѣлся и пѣшкомъ пошелъ изъ Ростова въ Ярославль. Походка у него была быстрая. Онъ «пришелъ» въ Ярославль послѣ 52 верстнаго перехода въ 2 часа ночи чрезъ сутки, до начала утрени; вѣроятно, и утреню слушалъ, которой никогда не пропускалъ, а затѣмъ самъ служилъ обѣдню въ соборной церкви и «поученіе къ народу о вѣрѣ раскольнической неправой, о святой нашей вѣрѣ православной говорилъ довольно». Обратно въ Ростовъ, 24 ноября, онъ опять шелъ пѣшкомъ цѣлыя сутки. Посѣщеніе Ярославля на этотъ разъ было, видимо, тамъ неожиданнымъ, потому что архіерею привелось пообѣдать не въ своемъ домѣ, а у Спасоярославскаго архимандрита. Замѣтно, что онъ самъ чувствовалъ уже тотъ «гласъ Божій», который напоминалъ о смерти. Благотворенія его бѣднымъ увеличились: часто онъ призывалъ въ крестовую палату слѣпыхъ, хромыхъ и всякихъ несчастныхъ нищихъ, ставилъ имъ трапезу, давалъ одежду и оказывалъ дѣла милости; нерѣдко на свои скудныя средства выкупалъ съ правежа должниковъ, которыхъ немилосердно били за долги. Религіозная настроенность его сказывается въ письмахъ къ друзьямъ, гдѣ онъ называетъ себя «архигрѣшникомъ» [1]). Ѳеологу онъ пишетъ: Христосъ, чаю, забился въ чуланчикъ сердца Ѳеологова и почиваетъ на одрѣ боголюбезныхъ мыслей его, а отецъ Ѳеологъ ему радъ, подчуетъ его виномъ умиленія. Попроси его, чтобы и меня посѣтилъ, ибо немощствую [2]). Всѣ, живущіе около святителя, привыкли уже, по его примѣру, при ударѣ часовъ ограждать себя крестнымъ знаменіемъ и читать молитву Богородицѣ. Еще въ 1707 г., 4 апрѣля, онъ написалъ свою духовную грамоту на случай смерти. Въ 1704 году въ письмѣ сообщаетъ о себѣ: тѣлесно я

[1]) „Яр. Еп. Вѣд." 1888 г. № 24,384.

[2]) Тамъ же 1873 г. № 33.

живъ еще, но радъ и смерти, какъ избавительницѣ золъ. «Рада душа въ рай, да грѣхи не пускаютъ, радъ писать (Лѣтописецъ), да здоровье худо» [1]). Часто изнемогаю, пишетъ онъ ему же: «недуги отнимаютъ перо, а писца въ постель кидаютъ»... Очи худо видятъ, очки мало помогаютъ, рука пишущая дрожитъ и вся тѣлесная храмина близь крушенія, ночь долга, а дни коротки и темны.

За два дня до кончины онъ извѣщаетъ Ѳеолога: «изнемогаю! Ты спрашиваешь о моемъ здоровьѣ: поистинѣ извѣщаю тебя, что изнемогаю. Прежде, бывало, мое здоровье пополамъ: полуздоровый, полубольной; а нынѣ болѣзни одолѣли и едва третья доля здоровья остается, однако, какъ будто, бодрюсь и двигаюсь о Господѣ моемъ, у Котораго въ рукахъ жизнь моя: дѣла нынѣ никакого не дѣлаю: до чего ни примусь, все изъ рукъ выпадаетъ, дни для меня стали темны, глаза мало видятъ, ночью свѣтъ отъ свѣчи мало помогаетъ, больше вредитъ, когда долго напрягаю зрѣніе, а недуги заставляютъ лежать, да стонать. Въ такомъ моемъ крайнемъ болѣзненномъ положеніи не знаю чего ждать; жизни или смерти: пусть воля Господня въ томъ будетъ! На смерть не готовъ, а по повелѣнію Господню, долженъ быть готовымъ. Силенъ мой Владыка укрѣпить мою немощь. Эта осень тяжела для меня. Воздухъ ростовскій очень худой, а вода весьма нездоровая. Прости, любимый, не могу много писать, тѣмъ челомъ бью: грѣшный Димитрій» [2]).

Сначала у него болѣла рука, но прошла, теперь зрѣніе ослабло и весь изнемогъ. Нескончаемые труды

[1]) Тамъ же.

[2]) *Шляпкинъ*, проф. 455. Тоже писалъ о Ростовѣ впослѣдствіи (XVIII в.) и архіеп. Самуилъ: Климатъ здѣсь нездоровый, сырой, мѣсто гнилое и болотистое. Озерную воду и пить нельзя, особенно вновь пріѣзжающимъ. Жители *избавляются отъ всѣхъ своихъ болѣзней лукомъ, да чеснокомъ, лекарствъ не* требуютъ и терпѣть не могутъ врача („Яр. Еп. Вѣд." 1904 г. 766 стр.).

и заботы истомили его, истощая и организмъ. «Никто не помогаетъ, жалуется святитель Ѳеологу, а лѣнь и болѣзни влекутъ лежать». Въ письмахъ своихъ къ московскимъ, своимъ друзьямъ видно его горячее желаніе высказать предъ ними все, что было у него задушевнаго. Никого изъ нихъ не забываетъ, всѣмъ посылаетъ поклоны и выраженія благодарности за отзывчивую помощь ему, даже истощается въ названіяхъ ихъ самыми нѣжными именами [1]). При упадкѣ силъ, когда онъ самъ сознавалъ, что жизненная лампада догораетъ, у него получила особую остроту мысль о смерти. Онъ и ранѣе говорилъ въ проповѣдяхъ о всѣхъ примиряющей смерти, которая всѣхъ покроетъ и сравняетъ [2]). Не забывалъ, что «смерть за плечами» [3]). «Конецъ при дверяхъ, сѣкира при порогѣ, коса смерти надъ главою». Одна вѣсть о смерти Іосафа Колдычевскаго приводитъ его въ страхъ, что неизвѣстенъ часъ его кончины... а книжнаго дѣла онъ не закончилъ, некому послѣ него и приняться за окончаніе труда. Въ послѣдніе годы онъ глубоко задумывался надъ краткостію человѣческой жизни въ сравненіи съ міровою. Онъ уподоблялъ человѣка, приближающагося къ смерти, съ путешественникомъ, возвращающимся на родину [4]).

Свои думы о кончинѣ онъ облекъ въ поэтическую форму:

О человѣче, внимай;
А смертный часъ всегда не забывай.
Аще же кто смерти не памятуетъ,
Того мука не минуетъ [5]).

---

[1]) Ѳеолога онъ называетъ „любимѣйшимъ“—charissimus вмѣсто carissimus и, такимъ образомъ, совмѣщаетъ латинское слово (carus—„любезный“) съ греческимъ (χάρις—пріятный). „Яр. Еп. Вѣд.“ 1884 г., № 38.

[2]) Соч. III, 429.

[3]) Письмо къ Ѳеологу.

[4]) Лѣтопись IV, 130, 471.

[5]) Соч. I, 224.

Очень желательно истолковать кратко псалтырь, если бы Богъ допустилъ, и коса смерти не пресѣкла. «Что нибудь во славу Божію должны же мы дѣлать, чтобы часъ смертный не засталъ насъ въ праздности» [1]), писалъ онъ въ послѣдній годъ своей жизни.

Въ 1709 году у святителя случалось немало знатныхъ посѣтителей и выдающихся событій. Онъ долженъ былъ пересиливать свою болѣзнь. Лѣтомъ Ростовъ посѣтили царевны Наталья Алексѣевна, Марія Алексѣевна и Ѳеодосія Алексѣевна. Онѣ присутствовали на освященіи церкви пр. Авраамія въ Ростовскомъ Богоявленскомъ монастырѣ. Вскорѣ послѣ ихъ прибытія въ началѣ іюля пришла вѣсть о побѣдѣ нашихъ войскъ надъ шведами подъ Полтавою. Блестящее событіе могло подавать надежду и духовенству, что по заключеніи мира будетъ облегчено его положеніе, какое создала война. Святитель записалъ въ своей эпистоляръ о такой «преславной побѣдѣ надъ супостатомъ». Самъ совершилъ торжественное молебствіе, по поводу общей радости.

Осенью въ сентябрѣ онъ долженъ былъ ѣхать въ вотчину боярина П. И. Мусина Пушкина на торжество освященія церкви въ селѣ Угодичахъ и перенесенія въ ту церковь пожалованной государемъ иконы Владимірской Божіей Матери, вмѣсто подлинной иконы Молченской, считавшейся явленной [2]). По возвращеніи оттуда привелось устраивать на новомъ мѣстѣ въ дѣвичьемъ Ростовскомъ монастырѣ вновь назначенную игуменью, Александру.

Въ послѣднемъ мѣсяцѣ еще разъ напомнили его родину; ему привезли отъ М. Г. Грохольскаго въ подарокъ книгу. Димитрій, по обыкновенію, съ благо-

[1]) Соч. I, 512.

[2]) *Карашевъ*. Опис. храма въ с. Угодичахъ. Я. 1878 г. 10 стр.

дарностію отвѣтилъ высылкою ему своего труда книги, прося когда нибудь, вмѣсто рекреаціи, читать ее.

Между тѣмъ, пришло извѣстіе, что въ Ростовъ будетъ царица Прасковья Ѳеодоровна проѣздомъ на поклоненіе въ Толгскомъ монастырѣ чудотворной иконѣ Божіей Матери. Осенняя распутица измѣнила маршрутъ царицы. Рѣшено было для нея привести икону изъ Толгскаго монастыря въ Ростовъ, чтобы не утруждать высокую путешественницу дальнею дорогою туда. Св. Димитрій настолько ослабѣлъ уже здоровьемъ, что не надѣялся принять ее: «вотъ идутъ двѣ гостьи, говорилъ онъ казначею Филарету; Царица небесная и царица земная. Только я уже видѣть ихъ не сподоблюсь, а надлежитъ тебѣ, казначею, быть готовымъ принять ихъ!»

Насталъ день ангела владыки. Онъ уже сильно кашлялъ. Однако, самъ служилъ литургію въ соборѣ. Свое поученіе на этотъ день произнести святитель не могъ; за него читалъ пѣвчій по тетрадкѣ, а самъ онъ сидѣлъ у царскихъ вратъ.

Изъ церкви онъ спустился на трапезу, которая была накрыта въ крестовой палатѣ, но ѣсть тоже ничего не могъ. Въ тотъ день были еще дальные посѣтители: переяславскій архимандритъ Варлаамъ, вѣроятно, — и со спутниками.

27-е октября было послѣднимъ днемъ его жизни. Изъ дѣвичьяго монастыря прислала къ святителю посыльнаго монахиня Варсонофія и приглашала пожаловать къ себѣ. Она когда-то состояла кормилицею царевича Алексѣя Петровича и была постриженницею Димитрія. Кормилицу Василису Ѳомовну такъ уважали при дворѣ, что на ея постриженіе въ Александровскую слободу состоялся походъ царскихъ особъ. Теперь она жила въ Ростовѣ. Димитрій чувствовалъ крайнее свое

изнеможеніе и идти отказался. Послѣ вечерни Варсонофія сама пришла и просила посѣтить ее. Тогда, въ сопровожденіи архим. Варлаама, владыка пошелъ къ ней. Но обратно идти самъ уже отъ слабости и кашля не могъ. Его поддерживали подъ руки. Вечеромъ онъ почувствовалъ себя лучше. Поручивши гостя изъ Украины своему казначею Филарету, онъ пришелъ въ свою келью. Кашель душилъ его и онъ думалъ ослабить его движеніемъ. Поэтому, сталъ ходить по келліи, поддерживаемый двумя служителями подъ руки. Потомъ велѣлъ позвать пѣвчихъ. Пѣвчіе по приходѣ, по желанію владыки, начали пѣть канты: «Іисусе мой прелюбезный»; «надежду мою въ Богѣ полагаю!» «Ты мой Богъ, Іисусе, Ты моя радосте». Самъ въ это время стоялъ и грѣлся, прислонившись къ теплой печкѣ сердцемъ.

Кончилось пѣніе. Вышли пѣвчіе. Владыка удержалъ изъ нихъ при себѣ только одного своего любимаго. Савву Яковлева, который помогалъ ему всегда въ перепискѣ бумагъ. Святитель началъ разсказывать Яковлеву о себѣ: о своей юности, какъ онъ жилъ, какъ всегда прибѣгалъ къ молитвѣ. По окончаніи разсказа, онъ молвилъ: «вотъ и вы, дѣти, также молитесь!» Помолчавъ, онъ прибавилъ: «пора и тебѣ, дитя, иди домой!» Пѣвчій подошелъ къ нему на благословеніе. Проводивъ его до двери, владыка вдругъ низко, чуть не до земли, поклонился ему, благодаря за всегдашніе труды и переписку. Пѣвчій вздрогнулъ и смотрѣлъ въ недоумѣніи на владыку. «Благодарю тебя, дитя!» повторилъ Димитрій. Пѣвчій заплакалъ, но Димитрій уже затворилъ за собою дверь кельи [1]).

Утромъ 28 октября, вошедшіе въ его келью, нашли

[1]) Архивъ Син., дѣло 1752 г. 20 окт. № 28, рукой „житіе“, составленное А. Мацѣевичемъ.

его уже почившимъ въ склоненномъ молитвенномъ положеніи на колѣняхъ на полу [1]).

Вѣсть о кончинѣ любимаго пастыря поразила всѣхъ. Ни по возрасту, ни по виду нельзя было предположить о близости его смерти. Ему не было еще и 60 лѣтъ отъ роду; сѣдина еще почти не тронула его русыхъ волосъ; быстрыя движенія, скорая походка, энергичная борьба съ раскольниками ничто не предупреждало ростовцевъ о потерѣ любимаго пастыря. Царица Прасковья Ѳеодоровна уже не застала въ живыхъ святителя, глубоко ею уважаемаго. По прибытіи въ Ростовъ, она приказала служить панихиду по немъ и много плакала. Почившаго святителя вынесли изъ кельи и поставили сначала въ церковь Всемилостиваго Спаса на сѣняхъ, близъ архіерейскихъ келлій, а потомъ, по желанію царицы, 30 октября, перенесли въ Ростовскій соборъ, куда въ тотъ день уже принесена была чудотворная Толгская икона Божіей Матери. Здѣсь совершили другую панихиду.

Погребеніе почившаго отложили. Его долженъ былъ совершить другъ святителя, митрополитъ Стефанъ Яворскій. Такова была воля покойнаго. Онъ съ Яворскимъ уговорился, что, кто изъ нихъ переживетъ другого, тотъ долженъ совершить погребеніе своего умершаго друга. Митрополита Стефана ждали въ Ростовъ почти цѣлый мѣсяцъ.

Въ это время приказный стольникъ производилъ уже опись архіерейскому имуществу, которое по распоряженію Петра I, какъ всякіе пожитки монашествующихъ, тоже отбиралось въ Монастырскій Приказъ. Денегъ у святителя оказалось всего 6 рублей. Духов-

[1]) Въ Софійской рукоп. № 1283 (СПБ. Дух. Ак.) о смерти Димитрія сообщается (350 л.): „преставился... въ первыи часъ дня, а умеръ ходя, заболѣвъ съ вечера“.

ную послали въ Монастырскій Приказъ. Прибывшій изъ Москвы митрополитъ Стефанъ плакалъ надъ тѣломъ своего почившаго друга, и въ гробу напоминавшемъ о своей нестяжательности. Его одѣли въ самое скромное архіерейское одѣяніе изъ рудожелтой простой матеріи; на главѣ была такая же митра съ наклейными св. изображеніями [1]). Подъ главою святителя покоились его черновыя рукописи, какъ онъ самъ завѣщалъ сдѣлать при своей жизни. Около гроба тѣснились ростовскіе жители, скорбь которыхъ Стефанъ выразилъ въ стихахъ о памяти смертной:

Всѣ вы Ростова града, людіе, рыдайте,
Пастыря умершаго слезно поминайте,
Димитрія владыку и преосвященна,
Митрополита тиха и смиренна! [2]).

Граждане стали было просить его о томъ, чтобы почившій былъ погребенъ въ Ростовскомъ соборѣ, наряду съ другими, служившими до него, архіереями, изъ которыхъ почти всѣ почивали тутъ. Но Стефанъ Яворскій, ссылаясь на рѣшительную волю почившаго, не согласился съ ними и велѣлъ приготовлять могилу въ Зачатьевскомъ Яковлевскомъ монастырѣ.

Недовольство ли ростовцевъ, или зимнее время тому причиною, или по торопливости Яворскаго, жившаго въ Ростовѣ всего два дня, только могилу Димитрія не выложили камнемъ и не сдѣлали кирпичнаго свода, какъ это прямо предписано изъ Монастырскаго Приказа. Въ могилѣ, вмѣсто каменныхъ стѣнъ, сдѣлали деревянный срубъ, вмѣсто свода, накатъ изъ толстыхъ бревенъ, которыя могли бы выдержать полъ церковный. Погребеніе происходило въ Ростовскомъ соборѣ въ пятницу 25 ноября послѣ литургіи. Митрополитъ Яворскій

[1]) Митра эта находится теперь въ Спасо-Яковлевскомъ Ростовскомъ монастырѣ.

[2]) Соч. I, 34.

сказалъ надгробное слово, гдѣ повторялъ: «Святъ Димитрій, святъ!» Послѣ погребенія тѣло почившаго святителя, при плачѣ ростовцевъ вынесено изъ Кремля въ процессіи и перенесено въ Зачатьевскій монастырь. Потеря любимаго пастыря поразила печалію ростовцевъ; всѣ люди плакали и стенали. Святитель правилъ ростовскою паствою $7\frac{1}{2}$ л., въ иночествѣ былъ 41 годъ, 3 мѣсяца и 18 дней.

Послѣ погребенія узнали о духовномъ завѣщаніи святителя Димитрія, которое не могло не поразить всѣхъ. Въ немъ сообщалось слѣдующее.

«Я смиренный архіерей Димитрій митрополитъ Ростовскій и Ярославскій, слушая гласа Господа моего во святомъ Евангеліи возвѣстившаго: «*будьте готовы*, ибо, *въ который часъ не думаете, пріидетъ Сынъ Человѣческій*»; бодрствуйте, ибо *не знаете, когда придетъ хозяинъ дома, вечеромъ, или въ полночь, или въ пѣніе пѣтуховъ или поутру, чтобы, пришедъ внезапно, не нашелъ васъ* спящими (Лк. XII, 40, Мрк. XIII, 35, 36); слыша и боясь такого гласа Господня, будучи часто еще и одержимъ болѣзнями, день ото дня изнемогая тѣломъ и ожидая во всякое время нечаяннаго часа смертнаго, возвѣщеннаго Господомъ, и по силѣ своей приготовляясь къ исходу отъ сей жизни, разсудилъ я этою духовною грамотою поставить въ извѣстность всякаго, кто захотѣлъ бы послѣ моей смерти искать моего келейнаго имѣнія, чтобы не трудиться сму напрасно, и не допрашивать служившихъ ради Бога мнѣ, чтобы зналъ онъ о моемъ сокровищѣ и богатствѣ, котораго я отъ юности моей не собиралъ (говорю это не изъ тщеславія, но для искателей моего имѣнія).

Съ той поры какъ я принялъ иноческій чинъ и постригся въ Кирилловскомъ монастырѣ въ 18 лѣтнемъ возрастѣ моемъ и обѣщалъ Богу имѣть добро-

вольную нищету,— отъ того времени даже до приближенія моего ко гробу не стяжалъ я имѣнія, кромѣ книгъ святыхъ, не собиралъ ни злата, ни сребра, не позволялъ имѣть лишней одежды, ни вещей какихъ либо, кромѣ самыхъ необходимыхъ, а старался соблюсти нестяжаніе и иноческую нищету духовную и вещественную, не заботясь о себѣ, но полагаясь на промыслъ Божій, который никогда меня не оставлялъ. Какія подаянія я принималъ отъ моихъ благодѣтелей и какой былъ казенный доходъ по должности, то я истрачивалъ на мои и монастырскія нужды, гдѣ былъ игуменомъ и архимандритомъ. Будучи также и на архіерействѣ, не собиралъ я келейнаго доходу (котораго немного и было), но тратилъ отчасти на свои потребности, а отчасти на нужды бѣдныхъ, какъ Богъ повелѣлъ.

Итакъ пусть никто не трудится допытываться послѣ моей смерти или искать чего-нибудь скопленнаго въ кельи. Я ничего не оставляю ни на погребеніе, ни на поминовеніе, чтобы лучше явить предъ Богомъ мою иноческую нищету. Вѣрую, что Ему пріятнѣе будетъ, если и одна цата послѣ меня не останется, чѣмъ когда бы много было роздано. И если никто не захочетъ предать меня, такого нищаго, обычному погребенію, то умоляю тѣхъ, кто о своей смерти помнитъ, чтобы влекли они мое грѣшное тѣло въ убогій домъ и тамъ бросили его между трупами. А если будетъ согласіе начальствующихъ похоронить меня по смерти по обычаю, то умоляю христолюбивыхъ погребателей, чтобы похоронили меня въ монастырѣ святаго Іакова, епископа Ростовскаго, въ углу церкви, гдѣ у меня мѣсто указано, объ этомъ челомъ бью.

Кто пожелаетъ помянуть мою грѣшную душу въ своихъ молитвахъ ради Бога, тотъ и самъ да помянутъ будетъ во царствіи небесномъ. Кому надо за по-

миновеніе платы, того прошу не поминать меня, ничаго, не оставившаго ничего на поминовеніе. Богъ же пусть будетъ всѣмъ милостивъ и мнѣ грѣшному во вѣки, аминь.

Таково завѣщаніе, вотъ моя духовная грамота, таково извѣстіе о моемъ имѣніи. Если же кто усумнится въ моихъ словахъ, начнетъ старательно искать послѣ меня злата и сребра, то если и много потрудится, — ничего не найдетъ и судить его будетъ Богъ».

Ростовскій Спасо-Яковлевскій Зачатьевскій монастырь, гдѣ почиваютъ мощи Св. Димитрія.

ЧАСТЬ III.

Прославленіе памяти св. Димитрія.

ГЛАВА I.

Нравственное ученіе св. Димитрія [1]).

Едва ли отыщется у насъ въ Россіи болѣе популярная и любимая простымъ народомъ книга, какъ сочиненія св. Димитрія. Написанное имъ удивительно отвѣчаетъ религіознымъ запросамъ русскаго человѣка и наиболѣе удовлетворяетъ его. Для мірскихъ людей есть у него ясное ученіе о христіанской морали въ общедоступныхъ проповѣдяхъ; высшій аскстическій идеалъ и достиженіе его представлено въ «Житіяхъ Святыхъ».

[1]) Составить систему нравственнаго ученія св. Димитрій по его сочиненіямъ трудно, потому что отдѣльные моральные трактаты высказаны имъ случайно и отрывочно. Основными пунктами нравственнаго ученія, напр., объ образѣ и подобіи Божіемъ въ человѣкѣ, ему пришлось заняться при борьбѣ съ расколомъ, въ концѣ своей жизни. Опредѣлить роль и значеніе нравственныхъ чувствованій мѣшаетъ приподнятый проповѣднический тонъ его рѣчи: за основу нравственной дѣятельности онъ считаетъ то смиреніе, то покаяніе, наконецъ, вѣру, любовь и т. д., смотря по темѣ проповѣди и предмету рѣчи.

Въ сочиненіяхъ Димитрія представлена картина христіанской жизни, полная нравственной красоты и благодатной сладости. Мастерскою кистью художника онъ изображаетъ человѣческое сердце, полное стремленій худыхъ и добрыхъ, рисуетъ мужество и малодушіе, которыя служили всегда у писателей предметомъ вдохновеннаго творчества, вызывали многихъ изъ нихъ на великія поэтическія, высокія и комическія произведенія. Но Димитрія интересуетъ не театральныя, калейдоскопическія смѣны душевныхъ паденій, а указаніе средствъ духовнаго обновленія человѣка, какъ возстановить свѣтлое первоначальное достоинство, чтобы дойти ему до уподобленія Высочайшей Красотѣ и Добру (II, 376).

Какъ искусный ораторъ, онъ достаетъ искру нравственной потребности со дна души слушателя; слушатель самъ зажигается желаніемъ борьбы противъ зла, воспринимая себѣ сознаніе долга, вѣрности и святой ревности къ добру. При этомъ нравственная жизнь представлена въ тѣсномъ неразрывномъ взаимоотношеніи съ религіозностью.

При описаніи исторіи нравственнаго паденія и картины возстанія человѣка, у св. Димитрія предполагается высокое предназначеніе человѣка. Ученіе о сущности и развитіи нравственнаго закона тѣсно связано съ происхожденіемъ человѣка и природою его. Природа человѣка двойственная. По тѣлу онъ принадлежитъ міру, имѣетъ много общаго съ животными и прочими звѣрями и воздушными птицами, а особенно по ощущеніямъ; по душѣ же своей носитъ въ себѣ образъ Творца; онъ можетъ уподобляться Ему. Образъ Божій въ душѣ человѣка обнаруживается и виденъ въ свойствахъ ея: какъ душа — невидимое существо, такъ и

Богъ невидимъ, она разумна и Творецъ міра — есть Богъ разумовъ; Богъ въ трехъ лицахъ, и душа имѣетъ три силы: умъ, слово и духъ; какъ душа находится во всемъ тѣлѣ, такъ и Богъ — повсюду въ мірѣ (I, 62, II, 223); душа живая и Богъ живетъ во вѣки. Душа — разумное существо, плоть оживотворяющее, есть отраженіе Божества (IV, 27), такъ что у человѣка образъ Божій состоитъ въ совокупности его душевныхъ силъ (IV, 39, 97) и возможности этихъ силъ имѣть единеніе со своимъ Творцомъ (I, 105). У перваго человѣка тяготѣніе къ Первообразу своему было естественное, а у возсозданнаго оно укрѣпляется посредствомъ борьбы. Въ стремленіи падшаго человѣка къ добру болѣе элементовъ свободы и сознательности, чѣмъ у Адама или у ангеловъ, болѣе и мотивовъ: грѣшника побуждаетъ думать о Богѣ не одно сродство съ Нимъ, но также тяжесть грѣха, сознаніе виновности предъ нимъ, неизбѣжной погибели изъ-за грѣха и представленіе объ идеальномъ совершенствѣ Сына Человѣческаго (IV, 39). Доступная усиліямъ человѣка степень совершенства есть подобіе Божіе. Такимъ образомъ образъ Божій лежитъ въ духовной природѣ человѣка, а подобіе Божіе пріобрѣтается свободнымъ усиліемъ человѣка.

Паденіе человѣка лежитъ въ свободной волѣ разумной твари; но поводъ къ преступленію райской заповѣди данъ извнѣ,— отъ искусителя (IV, 292, IV, 38); Внесъ грѣхъ въ міръ падшій ангелъ. Мотивы паденія у человѣка и ангела одинаковы: оба они хотѣли утвердиться безъ Бога, но паденіе ихъ различно. У діавола сознательное отрицаніе Бога, а человѣкъ обманутъ. Паденіе діавола глубже: онъ до конца проникся зломъ,— никогда и не покается, по своему ожесточенію (IV, 15; Четьи-Минеи, 17 янв.); тогда какъ человѣкъ никогда не отрицалъ власти Творца (I, 56) и склоненъ къ

возстанію. Зло нельзя считать однимъ только уклоненіемъ отъ добра. Добро и зло—два принципа, взаимно борющіеся. Зло исключаетъ добро, стремится къ ниспроверженію его, чтобы стать на его мѣсто. Въ такомъ видѣ зло чуждо человѣку: у человѣка нѣтъ отрицанія добра, а только — недостатокъ его. Трагизмъ человѣческаго состоянія состоитъ въ томъ, что обезсиленное грѣхомъ, оно всетаки имѣетъ двойное тяготѣніе къ Богу (IV, 174): и природное, и нравственное. На этомъ пути къ Нему выборъ добра и зла зависитъ отъ самовластія человѣка. Человѣкъ сознаетъ, что грѣхъ самъ по себѣ есть величайшее зло въ поднебесной и большее изъ всѣхъ золъ. Всякія бѣдствія и злострадапія, постигающія человѣка, представляютъ ничтожную бѣду въ сравненіи съ грѣхомъ: «грѣхъ мучитъ во вѣки». Если и прощенъ онъ, то согрѣшившаго мучитъ одна память о немъ. Какъ искра производитъ пожаръ, тоже опустошеніе дѣлаетъ и грѣхъ въ духовномъ домѣ добродѣтелей. Онъ, какъ бы, въ самую природу претворяется (IV, 292 — 293). Всѣ духовныя силы слабѣютъ и склоняются ко злу; мы уже не внимаемъ призывамъ къ добру; падаетъ и интересъ духовный, а является плотской (IV, 319). Наказаніе за грѣхи бываетъ только дополненіемъ гнѣва Божія. Когда человѣкъ грѣшитъ, то лишается подобія Божія, остается у него одинъ образъ Божій (IV, 25). Отъ грѣха три (главныя) послѣдствія; 1) Гнѣвъ Бога (IV, 20), 2) лишеніе блага и 3) казнь. Богъ гнѣвается, когда мы причиняемъ досаду ему, утружденіе и безчестіе. Затѣмъ, грѣхъ мертвитъ душу человѣка (IV, 211), лишаетъ ее благодати, самый организмъ у него отъ грѣха ослабляется и обезсиливается [1]).

[1]) Несоразмѣрное строеніе тѣла святитель также объясняетъ слѣдствіемъ грѣха. По мѣрѣ развитія грѣха послѣ Адама стали нарождаться люди „не

Естественное послѣдствіе грѣха — смерть (IV, 40). Смерть — явленіе ненормальное. Это видно уже изъ одного того, что человѣкъ ей не радуется, а страшится ся. У смерти нѣтъ цѣли. Она разрушаетъ лучшія созданія природы въ цвѣтущую пору ихъ жизни. Не могутъ же быть названы закономъ природы землетрясенія, моры, бури, губящія и жизнь, и созданія, и человѣческіе труды. Смерть разрываетъ природный союзъ души и тѣла: умершій уже не человѣкъ (IV, 198). Она, вторгаясь извнѣ, является, казнью всему роду человѣческому (IV, 205). Адамъ сталъ грѣшникомъ по своей свободной волѣ, а его потомки по наслѣдству (IV, 329, 331). Природа имъ уже не подсказываетъ инстинктивно отвращаться отъ зла, какъ Евѣ въ раю. Страсти живутъ и проявляются даже въ дѣтяхъ [1]).

Въ поврежденную человѣческую природу зло воспринимается скорѣе и легче, чѣмъ добро, а при навыкахъ къ грѣху, трудно и бороться съ нимъ. Грѣшникъ становится рабомъ страсти [2]) и идетъ уже къ погибели.

Если бы человѣкъ 1000 лѣтъ трудился въ покаяніи о грѣхѣ, то и тогда не могъ бы удовлетворить за него высочайшей правдѣ. За одинъ грѣхъ Адамовъ не могли заплатить св. ветхозавѣтные мужи ни пролитыми своими слезами, ни кровавыми страданіями (IV, 226). Одинъ Сынъ Божій могъ воздать долгъ Божественному пра-

---

по мѣрѣ, а гиганты, какъ деревья и страшилища (IV, 34), а потомъ выродки, полу-звѣри—полу-человѣки, сатиры, кентавры... (IV, 301). Грѣхъ лишаетъ женщину красоты и она вынуждается употреблять притиранья и краски.

[1]) Св. Димитрій, вопреки ученію восточныхъ подвижниковъ, различаетъ страсть отъ смертнаго грѣха. Смертный грѣхъ—произвольный, а страсти, по его мнѣнію, отъ самаго зачатія человѣка растутъ у него и живутъ съ нимъ неотступно (III, 239).

[2]) Діогенъ, по словамъ Димитрія, грѣхъ называетъ „царицеи царей“ (IV, 397). Соглашаясь съ нимъ, Димитрій ссылается въ подтвержденіе на исторію Артаксеркса и его наложницы, изъ книги 2 Ездры IV, 25. Въ „Пирамидѣ“ и самъ онъ грѣхи называетъ царями, потому что „грѣхъ за носъ водитъ того, кого осѣдлаетъ“.

восудію (IV, 226; I, 43). Нравственное возстаніе и оправданіе человѣка Димитрій считаетъ чудомъ, высшимъ того, которое свершилось надъ четырехдневнымъ Лазаремъ, но оно возможно, потому что въ человѣкѣ еще сохранился образъ Божій. Съ образа Божія и начинается нравственное развитіе и достиженіе совершенства. Образъ Божій проявляется прежде всего въ способности обособить себя отъ міра и даже отъ своего тѣла: «я—по внутреннему человѣку есть; внѣшнее же—не я; оно только мнѣ принадлежитъ» («Розыскъ», 297).

Затѣмъ, образъ Божій проявляется въ способности самовластія, когда человѣкъ можетъ свободно орієнтироваться въ своихъ дѣйствіяхъ. Въ этомъ и состоитъ идея человѣческой личности. Она всегда присуща разумному человѣку, въ какомъ бы состояніи онъ ни находился.

Возстаніе есть жизнь по подобію Божію, свободное стремленіе къ нравственному совершенству. Вся цѣнность человѣческой личности въ свободѣ самоопредѣленія, въ достиженіи нравственной цѣли, поставленной Творцомъ. Душа тѣмъ и блаженна, что можетъ и изъ «адова подобія въ райскую лѣпоту претвориться» (IV, 415), что ей самой предоставленъ выборъ добра (III, 327).—Высшая нравственность — отдать всѣ свои силы Богу (III, 359). По мнѣнію Димитрія—три чина восхожденія къ совершенству. 1) Если человѣкъ отсталъ отъ грѣха и не вступаетъ въ борьбу съ нимъ: это младенчество (II, 501); такая работа безъ сердечнаго влеченія есть рабство Богу. Второй чинъ — это стремленіе къ совершенству ради корысти, по чувству наемника. Третій чинъ — любовь къ Богу.

Основныя свойства души: это жизнь, жажда ея, а также стремленіе къ счастью. Высшее счастье—не внѣшнія блага, а самъ Богъ: «лучше быть во адѣ съ Богомъ,

чѣмъ на землѣ безъ Бога (III, 359, I, 171). Уклоненіе отъ Бога угнетаетъ человѣка. Сознаніе уклоненія и есть существо совѣсти.

На помощь возстанію человѣка является евангельскій законъ. Онъ необходимъ для христіанина и выше, какъ естественнаго, такъ и Моисеева. Какъ у Авраама два сына, одинъ отъ жены, другой — отъ рабы, такое же отношеніе къ Богу христіанъ и іудеевъ: іудеи—рабы, христіане—свободные, исполняющіе законъ духовный. (Роз. 369). Законъ Христовъ указываетъ намъ истинныя отношенія къ Богу, человѣку и къ себѣ. Во Христѣ человѣческая личность достигла высшаго своего развитія. Проповѣдь Христова—лишь часть Его дѣла. Самое важное—Его жертва за насъ. Наше зло возложило Его на ложе крестное. Онъ болѣзнуетъ нашими ранами (V, 32); мы посѣяли грѣхъ, Онъ пожинаетъ болѣзни (V, 41, V, 57). И ученіемъ, и искупленіемъ Христосъ примирилъ насъ съ Богомъ, загладилъ, какъ первородные, такъ и произвольные наши грѣхи. Онъ, какъ солнце, прогналъ тьму грѣховную, (I, 187) и основалъ благодатное царство—Свою Церковь. Сотворивши жену Адамову изъ ребра, теперь изъ ребра своего зиждетъ Церковь, кровію искупленную нашу Матерь, порождающую насъ (I, 192). Христосъ постоянно съ нами: вѣрою зримъ его повсюду. И посреди всѣхъ людей и особо съ каждымъ по Пс. XV, 8 (II, 150). Далъ намъ руководителя, Святаго Духа (II, 128), Который изливается на насъ, какъ сообщался Онъ Апостоламъ. Церковь, какъ древо, напоена благодатными дарами и процвѣла, какъ листьями, праведными дѣвственниками, мучениками, исповѣдниками, преподобными и пустынниками (II, 177, 175).

Подъ именемъ благодати у Димитрія разумѣется особенная сила Божія. Для души она — то же, что

сама душа — для тѣла: душа безъ благодати мертва (II, 416); благодать оживляетъ душу, сообщая ей и свое дѣйствіе и свое свойство (II, 178). И грѣшникъ, и стоящій на пути спасенія одинаково нуждаются въ ней: первому она помогаетъ востать (II, 236), второму содѣйствуетъ и сопутствуетъ въ дѣлѣ спасенія. Она— какъ огонь святый и какъ облакъ прохладный.

Димитрій дѣлитъ моменты благодати Божіей. «Предваряющая» благодать ведетъ на путь спасенія, приводитъ къ успѣху (II, 238). Она приходитъ, какъ вѣтеръ въ пещеру земную, въ сердце человѣческое, потрясаетъ его и побуждаетъ его къ покаянію (II, 230). «Сопутствующая» благодать внушаетъ въ скорбяхъ терпѣть и благодарить Бога (II, 230) и этимъ приводитъ покаявшагося грѣшника въ умиленіе. «Послѣдствующая»— укрѣпляетъ нашу волю на добро и поддерживаетъ память, какъ о Творцѣ, такъ и о нашемъ несовершенствѣ. «Утверждающая» благодать помогаетъ противъ похоти плоти, чтобы пребывать на службѣ Богу (II, 235, 236).

Благодать въ дѣлѣ спасенія—необходимый факторъ «какъ на морѣ корабль, если у него и все приготовлено къ плаванію, но вѣтра нѣтъ, не можетъ плыть, такъ и намъ, текущимъ черезъ море міра сего къ вѣчности, необходимо вѣяніе Духа»... (II, 238). Безъ благодати человѣкъ безсиленъ спастись; приходитъ въ ожесточеніе и не заботится уже о своей душѣ (IV, 384). Впрочемъ, она не насилуетъ волю человѣка, коснѣющаго въ грѣхахъ. Благодатный свѣтъ начинаетъ сіять въ сердцѣ его только тогда, когда самъ человѣкъ придетъ въ себя и начнетъ раскаиваться въ грѣхахъ (II, 347).

Такимъ образомъ, кромѣ благодати, необходимо участіе человѣка.

Характеръ христіанской нравственности — это сво-

бода, именно: раскаяніе и рѣшимость на добро. Не мудрость Божія, не милосердіе, не всемогущество воскрешаетъ мертвую душу грѣшника, а воля самого человѣка. Пока человѣкъ находится въ полной удовлетворенности, онъ на пути къ погибели. Какъ пьяница не сознаетъ, когда его бьютъ, и не помнитъ, этого, такъ и невнимательный, ожесточенный грѣшникъ, какъ камень, не чувствуетъ гибели души своей. Онъ уязвленъ, а въ совѣсти своей не ощущаетъ (II, 556, 557).

Первыми условіями спасенія являются покаяніе и вѣра. Покаяніе обнаруживаетъ остатокъ первобытнаго совершенства — смутное воспоминаніе наслажденій — быть съ Богомъ и сознаніе, что есть еще въ насъ источникъ счастья. Раскаяніе охватываетъ все существо человѣка. Давидъ въ сознаніи своего грѣха посыпаетъ пепломъ свою главу (II, 25), безъ оправданій и извиненій, кающійся видитъ одну свою вину «умерла моя душа, лежитъ, какъ во гробѣ, въ зломъ обычаѣ, камнемъ ожесточенія привалена» (II, 96, 97). Такая скорбь и есть условіе возрожденія. Это возвращеніе распутнаго сына къ отцу, а не разсчитанное обращеніе фарисея: «такой кающійся сподобится милосердія Божія, если бы и весьма былъ недостоинъ» (II, 85). Слезы покаянія угашаютъ пламень геенны. Покаяніе это—воскресеніе души, часто повторяемое (II, 132). Оно сопровождается исправленіемъ всей жизни (II, 544, 548). При покаяніи благодатная сила Божественнаго всепрощенія охватываетъ всю душу и обновляетъ ее. Безъ стремленій къ такому счастію, безъ погруженія души въ Божество, нѣтъ и смысла жить.

Содержаніе вѣры различно и можетъ быть противоположно. Прежде всего, когда человѣкъ познаетъ нужду въ Божественной помощи, то увидитъ свою безпомощность передъ Божественной жизнью, готовой

на него излиться. Вторичныя чувствованія уже не одинаковы: съ одной стороны, можетъ возникнуть страхъ, смиреніе, или чувство грѣха, а съ другой стороны—чувство милованія, снисхожденія благодати, готовой излиться на насъ. Тутъ человѣкъ можетъ удариться въ сѣтованіе о своей немощи и, забывъ милосердіе Божіе, погрузиться въ одно созерцаніе (піетизмъ): такая вѣра безплодна и вредна, какъ мечтательная. Но когда человѣкъ озаряется откровеніемъ, ощущаетъ въ себѣ благодать всепрощенія—это уже дѣятельная вѣра. Она переходитъ въ устойчивое настроеніе дѣятельнаго благочестія. Вмѣстѣ съ покаяніемъ, она обусловливаетъ наше спасеніе. Кается Саулъ, долгую произноситъ покаянную молитву предъ Самуиломъ, но не удостаивается прощенія, а одно — уничиженіе. Давидъ же только два слова сказалъ и Господь отъемлетъ согрѣшеніе его. «Не удивляйся Саулъ: покаяніе твое Богу непріятно, молитва имъ отвержена за то, что не показалъ ты труда и подвиговъ» (II, 343, 344). Іоаннъ Предтеча тоже требуетъ, чтобы тяжесть грѣха заглажена удовлетворительными трудами, какъ и у дерева должны быть «удовлетворенія труды». Покаяніе узнается не отъ корня намѣреній, не отъ листьевъ исповѣданія, но отъ самыхъ плодовъ удовлетворенія. Кто умножаетъ одно покаяніе, умножаетъ лишь корни (II, 344, 345).

Благодать предноситъ и образецъ святости—Христа. На мысли о подражаніи Христу, Димитрій любилъ «останавливаться. Не другой какой путь къ вѣчной славѣ и чести, какъ только многія страданія, такъ какъ и Самому Начальнику жизни надо было пострадать» (II, 114). Подражаніе Христу надо полное, а не частичное: «кто соблюдаетъ одну Господню заповѣдь, а другую преступаетъ, тотъ не совершенъ; кто постится, а гнѣвается, тотъ не настоящій постникъ; подаетъ мило-

стыню, а чужое грабитъ, тотъ не совершенный милостивецъ; кто говоритъ хорошо, а мыслитъ злое, тотъ не совершенъ, коротко скажу: всякій христіанинъ, у котораго въ исполненіи заповѣдей чего нибудь недостаетъ, тотъ не можетъ назваться совершеннымъ (II, 502, 503). Совершенство человѣку приходитъ не вдругъ. а постепенно (II, 502; II, 44). Подражатель Христовъ постепенно воплощаетъ въ себѣ образъ Христовой жизни. Цѣлью подражанія должно быть столь тѣсное единеніе съ Богомъ, какъ тѣсно соединился Самъ Богъ съ плотію человѣческою въ воплощеніи своемъ (II, 134). Христосъ никогда ее не оставитъ; такъ человѣкъ даже въ помыслѣ не долженъ разставаться съ Богомъ.

Кромѣ вѣры, есть еще другой путь познанія Бога и спасенія. Это — любовь. Любовь выше вѣры. «Оба способа, вѣра и любовь, хороши», говоритъ Димитрій, «но вѣра—способъ совершенный и несовершенный, а любовь—всецѣло совершенный». И бѣсы вѣруютъ и трепещутъ, а попрежнему остаются отверженными. Современники Христа видѣли чудеса его, не могли отвергать очевидности ихъ, но не спаслись, такъ какъ у нихъ не было любви къ нему (II, 285), какъ побужденія къ нравственной жизни.

Любовь даетъ познаніе о Богѣ, — она внушаетъ намъ и о томъ, «каковъ Онъ!» (II, 214). Если, напримѣръ, усвоить одно то, что сдѣлалъ для насъ Христосъ, воплотивши въ себѣ любовь, на этомъ возглавіи вполнѣ можно стремиться къ богоуподобленію (IV, 550). Крестныя страданія Спасителя это—стрѣлы, пущенныя съ Голгоѳскаго креста въ сердце человѣческое Ловцомъ душъ (II, 434, 428; III, 304). Воистину, любовь — правильный способъ познанія, тѣсно соединяющій насъ съ Богомъ: такъ и кожа не переноситъ отлученія отъ плоти (II, 18). Если любишь Бога, то

никогда не помыслишь прогнѣвать Его (соч. III, 72). Если знаешь благодѣянія Бога, то чувство благодарности къ Нему не допуститъ оскорбить Его. Не погрѣшитъ тотъ, кто назоветъ любовь огнемъ: свѣтитъ во мракѣ, грѣетъ, сожигаетъ беззаконія; «таетъ сердце человѣческое отъ теплоты любви» (II, 322). У св. Димитрія цѣлые гимны любви, предохраняющей отъ грѣховъ (II, 329) и измѣнъ Господу (II, 321). Любовь и благодарность являются чистыми мотивами къ исполненію нравственнаго закона. Видъ Креста и Господнихъ язвъ — надежное средство удержаться отъ нравственныхъ паденій.

Средствомъ исправленія служитъ еще страхъ смерти. «Представляй гробъ, предъ очами твоими могилу твою... и тако побѣдишь Фогора» (Бога похоти). Если бы кто по дѣламъ своимъ дьяволу былъ подобенъ, и тотъ отъ памяти смертной еще можетъ исправиться (II, 184). Никто не можетъ остановить смерть, ни силою, ни искусствомъ; поэтому одна память о ней способна отучить насъ отъ почестей и удовольствій (IV, 201). Она направляетъ человѣка къ доброй жизни, что дорого при смерти, съ чѣмъ не страшно и умереть.

Одно изъ важныхъ средствъ обновленія—это самопознаніе, о которомъ святитель говоритъ неоднократно въ своихъ сочиненіяхъ. Въ одной проповѣди у него разсказывается, какъ онъ мысленно отправился изъ Европы въ Азію и изъ этихъ нынѣшнихъ лѣтъ въ минувшія, древнѣйшія. Дойдя до Греціи, онъ встрѣчаетъ философа Солона; «тотъ философъ, пришедши въ свою эллинскую каплицу, пишетъ на дверяхъ большими буквами, а я,—говоритъ проповѣдникъ,—стоялъ издали сзади и читалъ написанное: «знай себя самого» (II, 59—60). Многолюдно то мѣсто. Множество народа каждый день приходитъ. Всякій читаетъ слова эти,

разсуждаетъ и соображаетъ, какая сила въ тѣхъ словахъ, чему эти слова учатъ?» По толкованію мудреца Платона, — «познать себя» значило открыть, что я за звѣрь? А съ христіанской точки зрѣнія—значитъ разсудить: кто ты, откуда и куда идешь? (II, 61). Познаніе себя приводитъ къ заключенію, что я — существо тлѣнное, подверженное болѣзнямъ и смерти, «отъ персти земныя созданъ, отъ похоти плотской зачатъ, отъ болѣзней матернихъ рожденъ, отъ нечестнаго мѣста происшелъ, въ гробъ иду, а въ гробѣ — истлѣніе».

Познаніе себя обуздываетъ всякаго: «откуда въ людяхъ гордыня, если не оттого, что никто не хочетъ знать своего ничтожества? (IV, 385). Кромѣ того, онъ приводитъ къ познанію Бога: «познаніе себя и познаніе Бога содружны» (IV, 385).

Самопознаніе порождаетъ истинное уваженіе къ себѣ и смиреніе. Смиреніе — первая ступень добродѣтели «всему основаніе», а другія добродѣтели — какъ постройки на основаніи (III, 133, 489). Смиреніе— основа и возрожденія, и добродѣтели. Оно возставляетъ человѣка послѣ самыхъ глубокихъ паденій (III, 133, II, 331), внушая ему сознаніе своего безсилія возстать безъ помощи благодати (III, 133).

Пороками, противоположными смиренію, является гордость и осужденіе, «какъ песъ лаетъ не только на злыхъ, но и на добрыхъ, не причинившихъ ему никакого вреда, такъ часто и гордые осуждаютъ» безъ разбора всѣхъ. Осуждающій другого «есть на самомъ дѣлѣ—антихристъ»: онъ похитилъ санъ Христовъ [1]).

Говоря о чистотѣ души, святитель особенно на-

[1]) Относительно осужденія, что оно мерзко и въ глазахъ людей, св. Димитрій говоритъ: „учтивый человѣкъ, куда и плюнуть, выбираетъ мѣсто или уголъ какой, чтобы не причинить гнусности въ очахъ людскихъ“, а мы на лице Христово плюемъ, когда ближняго поносимъ и насмѣхаемся (V, 46).

стаиваетъ на необходимости чистоты и тѣла. Похоть блудная мѣшаетъ человѣку видѣть Бога, людей и себя. Человѣкъ тогда небрежетъ о гнѣвѣ Божіемъ, не стыдится людей, какъ бы не видя ихъ, хотя бы и зналъ, что они смѣются надъ нимъ; не сознаетъ, чего онъ лишается. Особенно вредитъ его силамъ похоть блудная: отъ нея память изнемогаетъ, разумъ омрачается, теряется свобода (IV, 402, 409); она оскорбляетъ Бога, такъ какъ тѣла наши — уды Христовы.

Для борьбы съ похотью необходимо развить и укрѣпить въ себѣ цѣломудріе, воздержаніе и милосердіе. Человѣкъ, тѣломъ чистый, а душею осквернённый, подобенъ гнилому яблоку, которое только снаружи красиво. Духъ святый, какъ пчела, не входитъ туда, гдѣ нечисто (III, 128, 129). Цѣломудріе одинаково доступно, какъ безбрачнымъ, такъ и находящимся въ супружествѣ (III, 127). Великъ грѣхъ любодѣянія, но еще тяжелѣй прелюбодѣяніе. Если въ ветхомъ завѣтѣ не положено прелюбодѣю помилованія, ни очистительной жертвы (прелюбодѣи побивались камнями), тѣмъ болѣе въ новомъ завѣтѣ. Положено имъ покаяніе, но сподобляются милости прощенія не по своимъ подвигамъ (IV, 499—501).

Выше супружества безбрачіе, какъ солнце выше луны (III, 127); повторяя Исидора Пелусіота, Димитрій учитъ, что дѣвство можно уподобить солнцу, вдовство—лунѣ и честное супружество—звѣздамъ. По выводу святителя, въ началѣ исторіи человѣческаго рода не добро было человѣку одному, а нынѣ, по Евангелію, добро человѣку не жениться (IV, 32: изд. 1901 г.). Дѣвственностью называется у святителя стремленіе принадлежать одному Богу навсегда (I, 230)[1]).

[1]) Любимою священною книгою Димитрія была книга „пѣснь пѣсней“.

При увлеченіи святителя аскетическою жизнію, взглядъ на міръ и жизнь въ немъ долженъ былъ принять ригористическій оттѣнокъ. Хотя въ одномъ мѣстѣ у святителя и говорится, что мужчина и женщина равны по происхожденію и по природѣ (Соч. II, 270), но онъ любитъ высказаться о большей удобопріемлемости женщины ко грѣху. Древнерусскій взглядъ въ этомъ отношеніи легъ въ основу воззрѣній его на женщину. Въ проповѣдяхъ и лѣтописцѣ съ увлеченіемъ повторяется IV глава 2 Ездры, гдѣ чары женщины представляются сильнѣе всего въ мірѣ и губительными даже для царей. Святитель, какъ опытный психологъ, даетъ совѣтъ иноку не вести съ женщиной даже благочестивыхъ разговоровъ, потому что спустя мало времени, въ отсутствіи ея, женскій образъ возникаетъ въ умѣ собесѣдника и можетъ преслѣдовать его. Быть можетъ, въ виду этого, онъ въ грамотѣ іеромонахамъ предписывалъ — людей мірского чина на исповѣдь не принимать никого; не иначе, какъ изъ увлеченія иночествомъ онъ перефразировывалъ односторонне текстъ писаній [1]).

Повидимому, говоритъ святитель, Евино происхожденіе (изъ ребра Адамова) честнѣе, чѣмъ Адамово (изъ земли), но это еще болѣе ее обязываетъ покоряться мужу (Лѣтопись, 240). Не хочетъ признать онъ разумъ женщины равнымъ разуму мужчины: «Не тотъ мужъ великъ, который, будучи благороденъ имѣетъ женскій разумъ и сердце, но тотъ, который благоразуменъ и добродѣтеленъ, хотя-бы и изъ простого рода (Лѣтопись). Нерѣдко у святителя говорится о женской злобѣ (IV, 539). «Какая тамъ въ женахъ истина обрѣтается, развѣ самая ложь?» Кто такъ искусенъ лгать, какъ

[1]) Напр. извѣстный текстъ: „закономъ закону умрохъ“ онъ читалъ: „мірови умрохъ“ (Соч. III, 317. Изд. К. 1903 г.).

жены? (III, 101). Упоминаетъ о разрисованіи женщинами лица (IV, 440). «Лице, разрисованное» въ здѣшней жизни на прельщеніе другихъ, тогда (въ будущей жизни) будетъ очернено смолою и горячимъ пекломъ; гдѣ на лицѣ были какія нибудь черные малые пластыри, называемыя мушки, на тѣхъ мѣстахъ послѣ сядутъ страшныя жабы, нестерпимо, непрестанно грызущія» [1]). Отмѣчалъ святитель и склонность женскаго пола къ хитрости: удобнѣе нынѣ найти правду между женами, чѣмъ въ дворянахъ. Причину паденія ап. Петра онъ склоненъ объяснить тѣмъ, что онъ завелъ рѣчь на дворѣ у Каіафы съ женщиной. «Петръ святый не сталъ столпомъ огненнымъ, когда съ женою началъ бесѣдовать, а отъ бесѣдъ женскихъ кто не угаснетъ?» (III, 84).

Поэтому рѣчь о дѣвствѣ у него совмѣстна съ ученіемъ объ иноческихъ обѣтахъ. «Богу пріятны безсупружные» (III, 322). Иноки обручили душу свою Господу и ничего уже не желаютъ на землѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго жить по плоти: такъ не только христіане, но живутъ и язычники, и звѣри, и скоты, а жить для Бога—преславное дѣло. Образцомъ плотскаго невоздержанія святитель ставилъ библейскаго Ламеха. Даетъ ему и прозвище «двоеженецъ» (IV, 116) и этимъ отличаетъ отъ другого библейскаго Ламеха: «Ламехъ,—не тотъ—двоеженецъ, но Симова племени» (IV, 203).

На вопросъ,—«хорошо ли жить въ супружествѣ», святитель отвѣчаетъ: «нѣтъ, оно только порабощаетъ, связываетъ по рукамъ и ногамъ. Оно хуже всякихъ мученій. Не родятся дѣти — для супруговъ—печаль; родятся — двойная забота. Добрые ли они будутъ — без-

[1]) Слово въ недѣлю страшнаго суда.

покойство». Инока же ничто не безпокоитъ. У мірского человѣка, старающагося угодить Богу, «образъ Божій подобенъ Богу», а у инока, живущаго въ трудахъ и въ плотскомъ воздержаніи, «образъ Божій гораздо подобнѣе Богу, чѣмъ у мірянина» (III, 281).

О значеніи иноческаго званія святитель высказываетъ высокое мнѣніе. Какъ виноградъ растетъ на сухомъ стволѣ, такъ и міръ зиждется на иночествѣ. «Отыми отъ христіанскаго міра иноческій чинъ, какъ отъ винограда сухой и неплодный стволъ, что отъ міра останется — сами судите!» Два рода иноческой жизни — дѣятельное и созерцательное. «Но самое полезное изъ нихъ — богомысленное житіе» (IV, 571), нежели трудолюбное.

Дѣвство поддерживается воздержаніемъ отъ пищи (постъ) и «злыхъ дѣлъ» (покаяніе). Постъ соблюдался въ ветхомъ и новомъ завѣтѣ. Онъ содѣйствуетъ и душевному спасенію и тѣлесному здравію (II, 38).

Любовь къ Богу и ближнему двѣ стороны одной христіанской добродѣтели, какъ бы два крыла. Говоря о любви къ ближнимъ, св. Димитрій останавливается на любви къ врагамъ [1]).

Любовь къ врагу — исключительно христіанская добродѣтель, потому что она — выше человѣческой природы. Природа подсказываетъ гнѣвъ и месть врагу, а мы, по Евангелію, дѣлаемъ ему добро; иногда, кажется, лучше умереть, чѣмъ обиду отъ кого-нибудь терпѣть (II, 457). Побѣда надъ такимъ чувствомъ есть высшій христіанскій подвигъ. «Кто любитъ врага, тотъ чудо-

[1]) „Не думай, слушатель, что говорю о тѣхъ врагахъ, которые воюютъ на наше отечество и враждуютъ противъ нашей благочестивой вѣры“: такихъ враговъ не только не обязательно любить, но надо сражаться съ ними за свое достояніе (II, 455). Это сказано Димитріемъ въ Москвѣ при объявленіи войны со шведами.

творецъ» (II, 456). Милосердіе ко всѣмъ святитель считаетъ обязательнымъ для всѣхъ: «если ты и убогъ, но не будь скупъ, подай немного» (I, 224).

Необходимою побудительною причиною добродѣтельной жизни Димитрій считаетъ страхъ передъ Богомъ (IV, 45, 234); страхъ Божій это путеводитель ко спасенію, начало любви и спасенія (IV, 235). У кого нѣтъ страха Божія, тотъ и убійство считаетъ храбростію, хищеніе — барышами, прелюбодѣяніе — за естественную нужду: коварство идетъ у него за мудрость и всякій грѣхъ оправдывается обычаемъ. Кто Бога не боится, тотъ не думаетъ о своей погибели и о будущей жизни (IV, 428—430). Напротивъ, страхъ Божій — бразды и узда, удерживающія на пути беззаконій (IV, 235), побуждающія къ высшимъ самоотверженнымъ подвигамъ — все приносить въ жертву Богу.

Вѣрующій боится, чтобы не прогнѣвать его, не лишиться Отца. Радость доставляетъ человѣку — и любить Бога и бояться Его. Первая ступень страха, когда угождаемъ изъ рабской боязни муки, какъ рабъ Бога, вторая — боязнь не лишиться награды, ради пользы, третья, — сыновній страхъ (IV, 453).

И обращаться къ нему слѣдуетъ, какъ къ Отцу, съ мольбою. Въ молитвѣ человѣкъ неуклонно взираетъ на Бога со страхомъ и упованіемъ (I, 110). Всѣмъ существомъ порывается къ нему. Молитва тѣсно соединяетъ насъ съ Создателемъ и даетъ радость (I, 105). Господь взошелъ на высоту небесную, чтобы оттуда лучами благодати растопить ледъ замерзшихъ душъ нашихъ, согрѣть сердца и сдѣлать ихъ землею плодоносною (II, 96). Молитва — это ключъ къ сокровищницамъ Божіимъ. Уготованные намъ свои дары Господь даетъ по молитвѣ, чтобы имѣлъ большую сладость: такъ отецъ съ намѣреніемъ бросаетъ деньги на

землю предъ дитятею, а не въ руки даетъ; сынъ находитъ ихъ и веселится удачѣ.

Самое важное для молитвы — это чистота сердца и совѣсти (IV, 149). Она — удѣлъ опытныхъ подвижниковъ. Только долгимъ временемъ и большимъ трудомъ, послѣ подавленія похотей, процвѣтаетъ и возрастаетъ настоящій разумъ (I, 214).

Въ странѣ обрядности очень важно ученіе святителя о внѣшней молитвѣ. Если бы и всею гортанью воспѣвали ему, но, когда умъ не участвуетъ въ молитвѣ, не принесетъ такая молитва пользы (I, 108). Молитва безъ вниманія — кадильница безъ огня и фиміама, свѣтильникъ безъ елея, тѣло безъ души (IV, 147). Но и наружныя механическія тѣлесныя движенія при молитвѣ онъ считаетъ неизбѣжными, вслѣдствіе немощи и поврежденности человѣческаго духа, какъ костыли и посохъ нужны для больныхъ ногами. Какъ исцѣлившіеся отъ болѣзни ногъ бросаютъ костыли, такъ преуспѣвшій отвергаетъ всю внѣшность. Молитва полезнѣе краткая, но частая, чѣмъ продолжительная и рѣдкая (I, 151). Такой же взглядъ высказываетъ и на церковную молитву. «Лѣниваго и колоколъ не подниметъ», говаривалъ онъ: (III. 376). Многіе не знаютъ, что молиться можно и не церковными молитвами, а бесѣдовать съ Богомъ сердцемъ и тайно (I, 143). Авраамъ и всѣ праотцы чѣмъ спаслись? Тогда и храмовъ еще не было (III, 187).

Молитва церковная, однако, необходима, какъ дань, приносимая отъ всѣхъ Царю царей (I, 104), но она требуетъ еще большаго вниманія, чѣмъ домашняя. О силѣ молитвы святитель убѣжденъ: «нѣтъ такой вещи, о которой бы невозможно упросить Бога. Не такъ ли и сынъ все можетъ выпросить у отца своего, если просимое ему полезно и надобно (II, 202).

Христіанская жизнь возможна въ церкви: тамъ есть благодатныя средства жизни — таинства, тамъ есть руководители—пастыри. («Розыскъ» 120; Ш, 374; П, 384). Таинства христіанину необходимы, какъ для тѣла необходима душа; душа безъ оживляющей ее благодати мертва (II, 418). Тогда человѣкъ бываетъ «не какъ блато, но какъ злато»; такой человѣкъ уже — не перстный, а небесный; не бренный, но нетлѣніемъ вѣчнымъ одаренный [1]).

Таковы условія и средства нравственному возрожденію. Побѣда надъ своими безнравственными влеченіями, господство надъ ними — лучшая изъ побѣдъ, одерживаемая храбрыми витязями (III, 163). Это подвигъ большій мученическаго, хотя и безкровный. Имъ побѣждаетъ грѣхъ и возстановляется образъ и подобіе Божіе въ человѣкѣ. Побѣда надъ грѣхомъ состоитъ въ томъ, что помыслы о немъ уже не овладѣваютъ душею, они не соединяются съ волею и уже не вмѣняемы. Они возникаютъ въ душѣ, но не вредятъ ей, подобно тому, какъ не могли склонить на паденіе старцы цѣломудренную Сусанну [2]). Смерть уже не страшна, а является переходомъ изъ бѣдственной сей жизни въ лучшее состояніе. Образъ и подобіе возстановляется въ господствѣ человѣка надъ грѣхами, которые, какъ паутина, раздуваемая сильнымъ вѣтромъ, побѣждаются воспринимаемою благодатію Христовою. Имѣя въ сохранившемся образѣ Божіемъ способность къ «богоуподобленію», въ формѣ слабаго стремленія къ высшему Добру, христіанинъ по душѣ встаетъ въ тѣсное общеніе съ Богомъ, становится «невѣстой, вѣчно сопряженной Богу» («Розыскъ», 293).

[1]) II, 182.

[2]) О помыслахъ у Димитрія есть цѣлый трактатъ, содержаніе котораго заимствовано изъ твореній восточныхъ подвижниковъ (Соч. I, 115 — 155, „Врачество духовное на смущеніе помысловъ“).

Съ религіозной точки зрѣнія нравственность представляется уже не въ видѣ простой человѣческой справедливости, а возвышается до прощенія обидъ и любви ко врагамъ, каковыя явленія у грѣшнаго человѣка св. Димитрій называетъ чудомъ. Благодаря религіозной постановкѣ, нравственный законъ у него получаетъ строгое единство.

Всѣ добродѣтели онъ сравниваетъ съ гуслями. Если въ нихъ не настроена одна лишь струна, она портитъ игру; такъ и въ заповѣдяхъ: не исполнена одна изъ нихъ, тогда и всѣ исполненныя вмѣняются ни во что («Руно Орош.» 50). Даже если говорить объ одной добродѣтели, напримѣръ,—«о кротости, то отзовется мало и смиреніе съ незлобіемъ, подобно тому, какъ если ударить одну струну гуслей, то и другія тихо издадутъ звукъ» (III, 396). Нравственная жизнь есть ничто иное, какъ служеніе человѣка Богу (II, 235, 236), служеніе совершенно свободное, ставящее его выше ангеловъ и уподобляющее Ему. Святитель задается вопросомъ: изъ двухъ разумныхъ созданій кого можно назвать болѣе подобнымъ Богу,—ангела или человѣка? «Знаю, что назовете ангела безплотнаго и всегда Богу предстоящаго! Но вникая въ Божественное писаніе, нужно признать гораздо ближе къ Богу душу человѣческую. Объ ангелахъ не написано, что Богъ сотворилъ по образу своему и по подобію, а читаемъ это только объ одной душѣ человѣческой». «Имѣютъ они память и разумъ и волю, но неодинаково. Если ангелъ и имѣетъ волю, но не самовластную»: не другое что творитъ ангелъ, какъ только волю Божію. У человѣка же есть «вольная воля», какая присуща и Богу (III, 359). Человѣкъ, поэтому, болѣе подобенъ Богу, чѣмъ ангелъ (II, 223, III, 327). Такъ св. Димитрій высоко ставитъ человѣческую нравственность: свободно-

нравственною дѣятельностью человѣкъ приближается къ Богу и дѣлается совершеннымъ. Тогда какъ ангелы подобны Богу по природному тяготѣнію, какъ и Адамъ до паденія, христіанинъ можетъ имѣть болѣе цѣнное подобіе — свободно-нравственное.

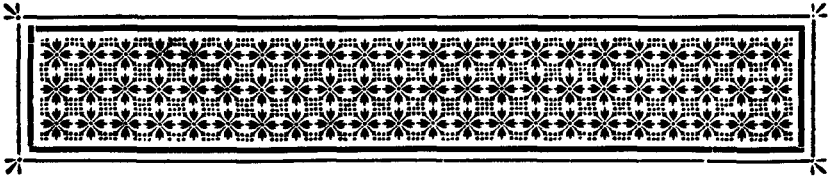
Нравственныя воззрѣнія Димитрія напоминаютъ взгляды св. отцовъ Церкви. Ученіе о благодати изложено, также, какъ и у блаженнаго Августина. Молитвеннымъ сокрушеніемъ и памятью о смерти напоминаетъ Ефрема Сирина. Сравненіе заповѣдей Божіихъ съ гуслями и мысль, заключающаяся въ этомъ сравненіи, напоминаетъ пріемы Григорія Нисскаго [1]). Перечень христіанскихъ добродѣтелей (I, 8; V, 23—24) взятъ имъ изъ «Православнаго Исповѣданія Церкви восточной» (III ч., 4, 5 и 10 отв.). Въ «Подражаніе Христу» онъ не расходится съ Ѳомой Кемпійскимъ.

Благодаря такимъ пособіямъ ему не было надобности дѣлать сухой анализъ психической жизни въ духѣ византійскихъ подвижниковъ, а предоставлялась возможность картиннаго изображенія царства грѣха и красотъ благодатной жизни по Христу. За безпрерывныя увѣщанія къ возстанію св. Димитрія называютъ проповѣдникомъ покаянія [2]).

---

[1]) Если признать „Алфавитъ Духовный“ твореніемъ св. Димитрія, то надо признать зависимость его отъ св. Григорія Нисскаго еще большую. Въ „Алфавитѣ“ развита мысль Григорія Нисскаго, что смерть дана на благо человѣку, чтобы онъ не вѣчно терпѣлъ зло. (Гр. Нисскій I, 144—146). Впрочемъ „Алфавитъ“ приписывается Исаіи Копинскому (1631—1633 г.). *Строевъ* — „Описаніе рукоп. Царскаго“, № 229.

[2]) Иннокентій Херсонскій († 1857 г.).



ГЛАВА II.

„Житія святыхъ".

Четьи-Минеи св. Димитрія представляютъ рядъ сказаній о христіанскихъ подвижникахъ, о томъ, какъ они стремились къ выполненію высокихъ евангельскихъ совѣтовъ. *Истинная жизнь*, по взгляду всѣхъ подвижниковъ, есть вѣчная; земная же временная жизнь,—это не жизнь, а смерть. Здѣшняя жизнь представляется у нихъ узами, темницею, дни ея проходящими, какъ тѣнь, ея радости не имѣющими цѣны; она даетъ только возможность подготовиться къ вѣчности; сдѣлаться совершенными и получить вѣчныя блага по скончаніи ея.

Міръ опасенъ для подвижника, потому что попеченія о немъ отдаляютъ его отъ Бога. Не долго впасть въ «многоплетенныя мірскія сѣти» и лишить этимъ себя небесныхъ радостей [1]). Привязанность къ міру должна быть чужда монаху, «если человѣкъ не отвергнется всего сущаго въ мірѣ, не можетъ быть монахомъ» [2]). Обычны разсказы въ Четьи-Минеи о презрѣніи къ міру. Такъ пр. Евменій всѣ земныя радости «вмѣни уметы быти, всего отвергся, все оставилъ, чтобы слѣдовать за Христомъ, Его найти и пріобрѣсти; имѣнія, какъ ризу, снялъ съ себя, нищихъ пріодѣлъ, а самъ, оставивши всякое земное пристрастіе, пошелъ тѣснымъ путемъ ни-

[1]) „Четьи-Минеи" Св. Димитрія за мартъ, 12 дня, 101 листъ.

[2]) Янв., житіе преп. Макарія 18 янв.

щеты... ведущимъ къ небесному царствію» [1]). Другой подвижникъ дѣлаетъ тоже, чтобы быть подражателемъ Христовой нищеты [2]). Всѣ вообще боятся золота, какъ какого нибудь огня [3]). Не принимали его даже въ благодарность за исцѣленія. Пр. Агапитъ вынесъ данное ему купцомъ золото изъ кельи, бросилъ вслѣдъ его и скрылся [4]).

Еще больше, чѣмъ земного богатства, иноки избѣгали *почестей*. Варлаамъ печерскій снялъ боярскую одежду, отказался отъ службы при князѣ, отъ семейной жизни, и все это ради иноческаго чина [5]). Когда нѣкоторые иноки выражали удивленіе блеску и роскоши въ мірѣ, опытные подвижники вразумляли ихъ: «Что удивляешься о томъ? Развѣ гордость и слава царя дѣлаетъ его болѣе другихъ праведнымъ? Развѣ онъ не умираетъ, какъ одинъ изъ нищихъ? Развѣ не предстанетъ Праведному Судіи»? [6]) «Мірскія попеченія мѣшаютъ намъ свѣтлыми очами взирать на будущее, да и блаженства Евангельскія обѣщаны не богатымъ, въ веселіи и всякомъ благодушіи живущимъ, но нищимъ, плачущимъ, алчущимъ, жаждущимъ... Если въ этомъ вѣкѣ поживемъ пространно въ сластяхъ, то постигнетъ насъ скорбь» [7]). Преп. Макарій разсуждалъ такъ: «смотри, не спади съ небесъ, гдѣ ангелы, архангелы, серафимы и Творецъ ихъ Богъ; тамъ буди и не сходи въ поднебесную». Въ такомъ высокомъ созерцательномъ настроеніи Макарій пробылъ два дня и двѣ ночи, забывши о снѣ и пищѣ [8]).

Избравши иноческую стезю, человѣкъ порывалъ и *родственныя отношенія*. Нѣжнѣйшія человѣческія связи: супружескія, сыновнія, братскія безжалостно нарушались инокомъ. Въ Четьи-Минеяхъ много разсказовъ о

[1]) Сент., 18. [2]) Октябрь, 21. [3]) Январь, 17. [4]) Іюнь, 19. [5]) 19 ноября. [6]) 12 декабря. [7]) 12 марта. [8]) 18 января.

томъ, какъ родственники инока не соглашались отпустить его изъ дома. Матери упрашивали своихъ дѣтей вернуться изъ пустыни домой [1]), иногда жестоко наказывали, чтобы удержать ихъ отъ увлеченія иночествомъ [2]). Но этимъ только разжигали желаніе пустынничества и укрѣпляли убѣжденіе: «*иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ*» [3]). Такъ пр. Лука Елладскій, укоряемый родителями за милосердіе къ бѣднымъ, разжигаемый пламенемъ Божественной любви, оставилъ родныхъ, домъ съ многомятежнымъ міромъ и удалился въ монастырь [4]). Пр. Варлаамъ оставилъ даже жену, родителей [5]). Многіе юноши отказывались отъ невѣстъ и уходили искать страданій и подвиговъ [6]). Ушедши въ пустыню, подвижники прекращали всякія связи съ домомъ. Въ Четьяхъ-Минеяхъ у Димитрія трогательно разсказана исторія, какъ пр. Пименъ съ братьями убѣжали отъ пришедшей къ нимъ матери, затворили келью и не отворяли ее, несмотря на жалобныя просьбы ея. Горесть матери перешла въ «добрую надежду», когда она увидала, наконецъ, сына, который спросилъ ее: гдѣ она хотѣлабы видѣть своихъ сыновей,—здѣсь или въ царствіи небесномъ? [7]). Не пожелалъ видѣть матери и Симеонъ Столпникъ [8]).

Но въ случаѣ нужды иноки оказывали нѣжную любовь къ роднымъ. Пр. Алипій склонилъ свою мать принять постриженіе [9]). Пр. Антоній Великій устраиваетъ свою сестру, чтобы предохранить ее отъ дурного вліянія. Значитъ, не всегда и подвижники оказывали презрѣніе свое семейнымъ отношеніямъ. «Я бѣгаю, какъ

---

[1]) Ноябрь 13.

[2]) 22 апр. пр. Ѳеодора Синаита.

[3]) Мая 3 пр. Ѳедосія Печерскаго и 11 декабря.

[4]) 7 фераля. [5]) 19 ноября. [6]) 17 марта. [7]) 27 августа. [8]) 1 Сентября. [9]) 25 ноября.

отъ змія тѣхъ, которые мнѣ отъ Божія пути велятъ отступить», говоритъ пр. Савва Освященный [1]). Сохранились разсказы, какъ одни воспоминанія о женѣ, о родителяхъ смущали иноковъ: то они видѣли ихъ плачущими, иногда пирующими. Не искали иноки утѣшеній родственныхъ, потому что «ни матернія слезы, ни любовь отца, ни жена не могутъ умолить Страшнаго Судію» [2]).

Избирая такія «четьи» для русскихъ иноковъ въ поученіе и образецъ имъ, самъ св. Димитрій любилъ и почиталъ родителей. О своей матери онъ оставилъ воспоминанія самыя теплыя [3]). Доказательствомъ его сыновняго уваженія къ своему отцу служитъ проповѣдь, сказанная имъ въ присутствіи Саввы Тупталы, въ которой онъ предъ всѣми говоритъ объ обязанности сына почитать отца своего.

Порывая всѣ внѣшнія связи плотскія, подвижникъ долженъ умерщвлять и свою *плоть*. Цѣль инока — достигнуть живого союза съ Богомъ, а отъ этого отторгаютъ насъ плотскія страсти и похоти. Съ ними необходимо бороться.

Всѣ такія рѣзкости въ изображеніи подвижника стушевываются и получаютъ иное освѣщеніе у Димитрія, когда онъ касается внутренней жизни и, особенно, когда углубляется въ нее.

Не много такихъ житійныхъ повѣствованій, когда подвижникомъ является человѣкъ проведшій молодость въ грѣхѣ и удовольствіяхъ, какъ напр., о Маріи Египетской [4]), Петрѣ мытарѣ, Моисеѣ Муринѣ [5]). Такіе разсказы — не частыя исключенія.

Типичнымъ инокомъ представляется человѣкъ самоохотно посвятившій себя Богу съ *младыхъ* ногтей.

[1]) 5 декабря. [2]) 21 іюля. [3]) Діарій 1869 г. [4]) 1 апрѣля. [5]) 28 Августа.

О многихъ святыхъ говорится, что они желали взять на себя легкій храмъ Христовъ (29 окт.), что Господь избралъ ихъ «отъ чрева Матери» Своей, какъ напр., Сергій Радонежскій [1]), Даніилъ Столпникъ [2]). Рожденію подвижника предшествуютъ предзнаменованія, которыя предрасполагаютъ читателя ко вниманію Четій. Иногда славное будущее духовнаго подвижника предсказывается родителямъ, какъ напр., предъ рожденіемъ Макарія Египетскаго, что онъ будетъ жить по ангельски и многихъ приводить къ Богу [3]). Сами родители благочестіемъ привлекаютъ благодать Божію на будущаго инока. Родители Симеона Столпника «украшали жизнь свою пощеніемъ, молитвами, воздержаніемъ, стараясь угодить Богу, а мать обѣщала будущаго сына на служеніе Богу» [4]).

Такое же сказаніе и о родителяхъ Даніила Столпника, а также о Ксенофонтѣ и Маріи, имѣвшихъ двухъ сыновей иноковъ [5]). Ясно, что Господь запечатлѣваетъ подвижниковъ Своимъ избраніемъ. Хотя избраніе основывается на предвидѣніи дѣлъ, словъ, мыслей, — всей жизни будущаго Божія угодника, но всѣ эти дѣла, слова и мысли въ нашей власти: мы во всякое время можемъ сдѣлать такъ, что онѣ станутъ или на пользу себѣ и ближнимъ, или во вредъ. Господь предопредѣлилъ то только, что отъ Него только зависитъ, именно, воздаяніе за дѣла: муку злымъ и награду праведнымъ. Утрата вѣчнаго спасенія, какъ и болѣзни, зависятъ отъ того, какъ будемъ хранить здоровье своей души.

Воспитаніе многихъ подвижниковъ благопріятствовало для будущаго ихъ поприща. О родителяхъ многихъ святыхъ говорится, что они «отъ самыхъ пеленъ

[1]) 25 сентября. [2]) 11 декабря. [3]) 18 января. [4]) 24 мая. [5]) 26 января.

добрѣ наставляли на добро»; научали знать Бога и страху Божію. У самихъ иноковъ еще въ дѣтскомъ возрастѣ обнаруживались склонности къ уединенію, къ пощенію, а иные, еще будучи младенцами, въ среду и пятокъ отвращались отъ сосцовъ матери. Въ нихъ отмѣчается любовь къ чтенію св. писанія, наприм., у пр. Макарія Желтоводскаго [1]), пр. Антонія [2]). Домъ ихъ не удовлетворялъ. Они искали учителей въ отдаленныхъ обителяхъ. Словомъ еще въ юности у подвижниковъ проявлялось иноческое настроеніе и неудержимое влеченіе къ совершенству. Такое настроеніе разрѣшилось видѣніями, то голоса свыше, то церковное чтеніе Евангельскихъ словъ потрясало ихъ душу и совершало переворотъ въ ней. Они раздаютъ имѣніе и избираютъ сами себѣ родъ труда и наставника. Одни бѣжали отъ семейныхъ нестроній къ иноческому покою, другіе воодушевлялись слухами о дивныхъ подвижникахъ и шли къ нимъ. На удивленіе міру и въ назиданіе грѣшникамъ, представляя собою рѣдкій образецъ жизни, они бросали грѣховную жизнь и шли въ монахи.

Несмотря на разнообразіе поводовъ, мотивовъ и причинъ, св. Димитрій въ такой жизни усматриваетъ, кромѣ сознанія самого человѣка о гибели отъ грѣха, *благодать* Божію, ведущую человѣка ко спасенію. Подвижники, при благодатной помощи, проявляютъ удивительную *твердость характера.* Пр. Симеонъ приковалъ себя къ скалѣ. Одинъ архіепископъ вразумилъ его, что у человѣка есть воля — овладѣть собой безъ посредства оковъ и желѣза. Пр. Симеонъ, по такому совѣту, сооружилъ столпъ и стоялъ наверху много лѣтъ, подвергая себя зною, холоду, бурямъ и болѣзнямъ [3]).

[1]) 21 іюля.
[2]) 3 августа.
[3]) 1 сентября.

Благодать Божья проявлялась въ благодушномъ терпѣніи инока. Пр. Авраамъ [1]), отказавшись отъ женитьбы, ушелъ изъ дому, нашелъ храмину и поселился въ ней съ веселымъ сердцемъ, потому что возсіялъ ему свѣтъ благодати Божіей, какъ высшее утѣшеніе. Св. Димитрій любилъ говорить о благодатной теплотѣ въ сердцѣ, наполняющей все радостію, когда сердце у человѣка таетъ какъ воскъ, и часто касается этой радости въ «Житіяхъ Святыхъ».

Богъ и грѣшниковъ, когда они раскаиваются, удостоиваетъ своей благодати, а тѣмъ болѣе праведниковъ: Преподобному Онуфрію явился Христосъ, поднялъ его, когда тотъ поклонился, и сказалъ, что ему пріятны его подвиги и за это все будетъ исполнять, о чемъ бы онъ ни просилъ Отца Небеснаго [2]).

Большая часть подвижниковъ жила въ монашескомъ званіи. Тѣ, которыхъ коснулась благодать избранія, стремились къ иночеству, съ юныхъ лѣтъ выражая *нетерпѣніе постричься*. «Не могу терпѣть и года», твердилъ юноша, котораго уговаривали обождать постриженіемъ. Такіе люди и въ молодости проявляли аскетизмъ, отрекаясь отъ радостей и удовольствій.

Въ житіяхъ святыхъ отмѣчается важное значеніе монашества. По постриженіи человѣкъ «отрождается и дѣлается чистымъ, какъ бы рожденный матерью и принявшій св. крещеніе. Онъ получаетъ вѣнецъ свѣтлой славы и сіяніе окрестъ лица, зримое для сподобившихся этого». При постриженіи присутствуютъ ангелы. Постриженнику приписывается «ангельскій образъ». Ему дается много, но строго съ него и взыщется въ день страшнаго суда. Поэтому, даже князья и цари уважали аске-

[1]) 29 октября.

[2]) 12 іюня.

товъ, оставившихъ всякія попеченія, чтобы въ безмолвіи работать для царства небеснаго [1]); и сами принимаютъ иночество, чтобы работать Царю царей [2]). Господь окружастъ ихъ ангелами и помощію. Ихъ ожидаютъ дары прозорливости, исцѣленій и молитвеннаго дерзновенія къ Богу. Они еще при жизни предвкушаютъ небесныя блага [3]). Много потрудился царь Константинъ для св. вѣры, но онъ получилъ царскія утѣхи на землѣ, иноки же презрѣли ихъ и терпѣли всякія скорби и лишенія, не имѣя отрады въ здѣшней жизни; заслуга ихъ не менѣе, чѣмъ царственныхъ поборниковъ вѣры.

У инока три главныхъ обѣта: 1) нищета, 2) цѣломудріе и 3) послушаніе.

Инокъ—*нестяжателенъ*. У него ничего нѣтъ своего. Онъ отказался навсегда отъ пріобрѣтеній, потому что стяжанія гибельны для него. Чтобы не желать ихъ, онъ удаляется въ пустыню. Въ житіи пр. Ѳеодора печерскаго и св. Андрея говорится, что сребролюбіе — корень зла. Чрезъ стяжанія приражаются къ человѣку искушенія и страданія. При мысли о пріобрѣтеніи земныхъ благъ, инокъ разслабляется, у него возникастъ желаніе оставить и монастырь, возникаетъ мысль, что можно и въ мірѣ спастись [6]). Любостяжательный и Бога забываетъ, и промыслъ Его, и смертный часъ, когда ничего не понадобится, любостяжаніе вселяетъ ропотъ на судьбу и вражду между ближними. «Монахъ, если не отвергнется всего въ мірѣ, не можетъ быть монахомъ» [7]). «Владѣющій имѣніемъ — ужъ не монахъ» [8]) по существу. Въ кельи ничего не должно быть, кромѣ необходимаго: иконы, одежды, рогожи и сосуда съ водой. Пр. Кириллъ установилъ ничего не называть своимъ, но общимъ, серебро даже

[1]) 27 Августа. [2]) 14 октября. [3]) 19 іюня. [4]) 19 ноября
[5]) 19 іюня. [6]) 11 августа. [7]) 18 января. [8]) 12 апрѣля.

не именовалось между иноками. Пр. Ефремъ Сиринъ «нестяжателемъ былъ отъ юности, любя нищету болѣе богатства» [1]). На богатства въ обителяхъ должны смотрѣть, какъ на «терніе чужихъ грѣховъ» [2]). Богатства — это сѣти, это «тяжелыя бремена», заграждающія путь къ Царству [3]). Многіе отказывались даже принимать милостыню, отказывались отъ наслѣдства [4]). Нестяжательность вытекала изъ глубокой непоколебимой вѣры въ промыселъ Божій. «Если Богъ не хранитъ меня, то зачѣмъ я стану жить на землѣ», говоритъ Арсеній Великій [5]). Пр. Зосима Соловецкій въ добродѣтели нищеты уподоблялся безплотнымъ. Онъ только и думаетъ о Богѣ, «день и ночь съ плачемъ воздыхаетъ и желаетъ разрѣшиться отъ тѣла и прейти ко Господу». Богъ услышалъ своего раба. Ему указывается мѣсто поселенія, является ангелъ и сбываются его слова, полныя упованія: «я имѣю Владыку, Который можетъ убогихъ богатить и алчущихъ насыщать» [6]).

Другая необходимая добродѣтель у монаховъ—это соблюденіе обѣта *цѣломудрія*, т. е. чистоты душевной и тѣлесной. Честно и супружество, но дѣвство несравненно выше его. Дѣвственникъ подобенъ солнцу, непорочно-вдовствующій — лунѣ, а честные супруги — звѣздамъ [7]). «Одинъ бракъ у насъ—желаніе Христа», говоритъ преподобномученица Евгенія. Бракъ — это «скоромину̀ющіе цвѣты» наслажденій, ведущіе къ горестямъ, а у дѣвственника плачъ временный, весѐліе же вѣчное. Цѣломудренный къ Богу близокъ и причастникъ св. Духа [8]). Если тѣлесная чистота высоко ставитъ инока надъ міромъ, то тѣмъ выше и вожделѣннѣе цѣломудріе сердца. Путемъ напряженной борьбы, иногда истязаній, какъ бы добровольнаго мученичества,

[1]) 28 января. [2]) 2 октября. [3]) 18 сентября. [4]) 7 мая. [5]) 7 мая. [6]) 17 апрѣля. [7]) 4 февраля. [8]) 24 декабря.

иноки доходили до состоянія полнаго безстрастія, уподоблялись ангеламъ [1]). Сильное молодое тѣло и крѣпкое сложеніе доставляли не радость иноку, а скорби. Предстояла страшная борьба духа съ «скоктаніемъ» плоти. Іоаннъ Многострадальный 30 лѣтъ боролся противъ плотскихъ вожделѣній, закопалъ себя въ землю, тѣло его страдало, но онъ радовался боли. Такими мѣрами онъ довелъ себя до полнаго безстрастія. Самъ сталъ непоколебимымъ въ обѣтѣ дѣвства и другимъ давалъ практичные совѣты [2]). Иные жгли свое тѣло [3]), или отдавались на ужаленіе насѣкомыхъ [4]).

Самый видъ подвижника говорилъ о его скромности. При бѣдномъ одѣяніи они своими благородными поступками, обращеніемъ и словами возбуждали уваженіе и простыхъ людей, и царей [5]).

Для сохраненія цѣломудрія иноки не выходили изъ монастыря, искали *уединенія*, чтобы не слышать и голоса человѣческаго [6]); преп. Пафнутій старался даже издали не увидѣть женщины [7]). Пр. Арсеній однажды печалился, что какая то жена коснулась его одежды [8]). Они хранили себя отъ соблазновъ. Иные не омывали себя, другіе опасались даже взирать на свое собственное тѣло. Опасность искушеній одинаково считалась и отъ взора и отъ языка. Поэтому, воздерживались отъ слова. Особенно наставляли подвижницъ, чтобъ они «обуздывали свой языкъ», не осуждали, не укоряли», даже отъ Церкви ихъ отлучали за невоздержность языка [9]). Исключеніе дѣлалось только для бесѣды отъ Божественныхъ книгъ и пѣнія.

Вся цѣль инока поработить свое *тѣло* духу. «Я тебѣ, оселъ, такъ сдѣлаю, что не будешь свирѣпѣть»,— говорилъ Иларіонъ Великій, обращаясь къ своему тѣлу

[1]) 19 іюня. [2]) 10 іюля. [3]) 13 февраля. [4]) 18 января. [5]) 12 декабря. [6]) 7 мая. [7]) 1 мая. [8]) 7 мая. [9]) 14 марта.

и называя его осломъ,—«не ячменемъ, а трухой буду питать, голодомъ и жаждою уморю, стану отягощать ношами, чтобы, согбенный, не помышлялъ ты о нечистомъ!» У него отъ умерщвленій плоти остались только кости, покрытыя кожей. Требованія плоти ограничивались въ самой высшей степени и въ пищѣ, и въ одеждѣ; ѣли столько, чтобы не умереть съ голода [1]). Въ обителяхъ вкушали хлѣбъ и воду [2]), въ пустыни «зеліе и коренья» [3]). Были такіе подвижники, что и этимъ питались чрезъ день, и даже чрезъ недѣлю, такъ что удивляли опытныхъ: «Откуда сей безплотный человѣкъ?» Недоумѣвала братія при необычайномъ сорокадневномъ неяденіи пр. Макарія [4]). У пр. Виссаріона сорокадневное воздержаніе отъ пищи было нерѣдко [5]). Вкушали на общей трапезѣ для вида, чтобы другіе не замѣтили воздержанія [6]). Такой постъ иноки держали изъ убѣжденія, что онъ способствуетъ чистотѣ и смиренію, что «постъ — мать цѣломудрія» [7]). Надо взять себя за гортань, говорили пустынножители, и тогда только побѣдишь плоть свою, какъ Давидъ убивалъ звѣрей за гортань ихъ [8]).

Воздержаніе, усиливаясь, продолжалось до той поры, пока инокъ не побѣждалъ страстей, а потомъ онъ могъ поддерживать тѣло, чтобъ не изнемочь въ трудѣ [9]).

У св. Димитрія описана и одежда инока, худая, разодранная, многоношенная» [10]), это рубище власяное зѣло острое, свитка худая [11]). Средствомъ для умерщвленія плотскихъ поползновеній считалось и *бдѣніе*. Сонъ бѣжалъ отъ инока. Пр. Симеонъ довелъ себя до такого безстрастія тѣла, что повелѣвалъ имъ, какъ рабомъ; 9 часовъ молился, потомъ 9 часовъ читалъ книги и списывалъ

---

[1]) 11 ноября. [2]) 13 ноября. [3]) 4 ноября. [4]) 18 января. [5]) 26 іюня. [6]) 2 іюля. [7]) 4 октября. [8]) 27 августа. [9]) 15 мая. [10]) 26 сентября. [11]) 3 мая.

ихъ и, наконецъ, всю ночь молился до утренней зари. Только на разсвѣтѣ дня забывался легкимъ дреманіемъ; просилъ Бога даже совсѣмъ отнять сонъ [1]). Подвижники, какъ бы, стояли на стражѣ день и ночь, ожидая нападеній коварнаго врага. Тогда какъ одни обливали себя холодной водой, чтобъ отогнать сонъ [2]), другіе бичевали себя: «Я тебя накормилъ, напоилъ», — говорилъ пр. Нифонтъ, обращаясь къ своей плоти, «а ты еще и спать хочешь: вотъ я тебя упокою жезломъ!» «Иноку довольно одинъ часъ спать», говорилъ Арсеній Великій [3]).

Противъ разслабленія и праздности у иноковъ былъ *трудъ*. Иноки воздѣлывали землю, писали книги, плели корзины, а чтобы не развить любостяжанія, они добытое трудомъ раздавали бѣднымъ [4]). Лѣность, по словамъ пр. Харитона, начало грѣхопаденія [5]). Требовалось, чтобы инокъ кипѣлъ въ трудѣ, чтобы къ нему не приступили искушенія, какъ мухи къ кипящему сосуду [6]).

У инока не было пристанища, иные считали послабленіемъ для себя жить въ обителяхъ и св. Димитрій съ увлеченіемъ описываетъ, что ради богомыслія и безмолвія они уходили въ горы и пустыни, ютились въ пещерахъ, гдѣ змѣи и дикіе звѣри уступали имъ жилье свое. Ихъ окружали «стремнины и дебри» [7]), гдѣ на сухой каменистой почвѣ ничего не росло [8]). Если монахъ жилъ въ кельи, то не прилагалъ никакой заботы о ней: не было ни постели, ни пола, иногда она стояла безъ крыши и, когда инока не было, стояла открытою настежь [9]).

Исполняя обѣты нестяжательности и цѣломудрія, инокъ долженъ выполнять и третій обѣтъ, не столь

[1]) 1 сентября. [2]) 5 іюня. [3]) 7 мая. [4]) 7 февраля [5]) 28 сентября. [6]) 17 августа. [7]) 17 января [8]) 3 декабря. [9]) 17 января.

трудный, но болѣе важный, обѣтъ, направленный противъ первичнаго грѣха — гордости, — это *обѣтъ послушанія*. Послушаніе регламентируется не только предписаніями монастырскаго устава, но и волею игумена, которому нужно подчиняться безъ прекословія и ропота. Послушаніе цѣнилось постольку, поскольку было добровольно, когда носило нравственное начало и оттѣнокъ [1]). Даже мученичества нельзя искать безъ согласія игумена. Пахомій Великій увѣщевалъ одного брата, хотѣвшаго примкнуть къ мученикамъ и идти съ ними на страданія, чтобы тотъ не искалъ самовольно мученическаго вѣнца, а когда братъ не послушалъ старца, то былъ наказанъ: душевныя силы оставили его во время пытокъ и онъ отрекся отъ Христа [2]). Послѣ Бога, игуменъ замѣнялъ иноку и отца, и мать. Цѣнно было послушаніе и строптивому игумену. Пр. Акакія старецъ мучилъ укорами, безчестьемъ и даже ранами, обращаясь съ нимъ какъ съ купленнымъ рабомъ. Акакій все переносилъ. Когда его спрашивали, какъ онъ провелъ день, то онъ указывалъ на синяки подъ глазами, на слѣды побоевъ на головѣ и своей шеѣ, говорилъ, что хорошо провелъ. Ему совѣтовали только терпѣть, чтобы получить спасеніе.

Въ наставленіяхъ инокамъ отъ преподобныхъ прежде всего вмѣнялось не имѣть своей воли, соблюдать послушаніе и смиренномудріе [3]).

Такова жизнь инока, по описанію св. Димитрія, внѣ міра.

Но убѣгая отъ соблазновъ мірскихъ, не можетъ человѣкъ убѣжать отъ себя. Ему предстоитъ борьба,— *борьба — съ самимъ собою* не менѣе страшная, чѣмъ

---

[1]) 9 іюня.

[2]) 15 мая.

[3]) 20 января.

битва съ обольщеніями міра. Побѣдившій себя и свои страсти становится духовнымъ титаномъ, недоступнымъ никакимъ превратностямъ міра [1]).

Въ основѣ этой дѣятельности лежитъ храненіе сердца и совѣсти. У подвижника — ясное самосознаніе, убѣжденіе въ своей немощи. Его вниманіе устремлено на сердце, — что тамъ творится: если то, что «дѣлается внутри васъ угодно Богу, то этимъ побѣдите и внѣшніе грѣхи, отгоняй помыслы скверные, и ты отсѣчешь страсти» [2]).

Преподобный Антонъ Великій противъ каждой страсти употреблялъ особенныя средства: противъ чувственности — постъ и бдѣніе, противъ плотскихъ похотей — воспоминаніе о пламени геенскомъ [3]), а онъ примѣнялъ эти средства, подражая опытнымъ отшельникамъ востока. Указателемъ при оцѣнкѣ своихъ подвиговъ и паденій должна быть совѣсть. Ее предписывалось беречь, она мучитъ неисправнаго монаха, она же награждаетъ за его подвиги, она провѣряетъ его дѣйствія.

У св. Димитрія чрезъ всѣ его писанія проведена, какъ его особенность, свѣтлая мысль о необходимости развитія ума посредствомъ науки. Все инокъ долженъ презрѣть, но есть достояніе міра, котораго ему необходимо держаться: это — *наука*. Она открываетъ всякому человѣку міръ съ его достоинствами и недостатками. Для аскета необходимо чтеніе или слушаніе слова Божія и свято-отеческихъ твореній, а также житій святыхъ. Это — пища, разогрѣвающая его духъ [4]). Отмѣчается у Димитрія, что пр. Стефанъ день и ночь занимается св. писаніемъ, въ особенности онъ любилъ читать творенія Іоанна Златоустаго [5]). Ѳеодоръ Студитъ

[1]) 28 сентября. [2]) 7 мая. [3]) 17 января. [4]) 15 января, 28 сентября. [5]) 28 ноября.

любилъ заниматься чтеніемъ словъ Василія Великаго хранилъ тщательно его правила и уставы, чтобы не нарушить и малѣйшую черту изъ его предписаній [1]). И другіе преподобные, занимаясь чтеніемъ житій святыхъ, чтобы поревновать ихъ подвигамъ [2]). Пр. Косьма прошелъ всякую человѣческую мудрость, изучивъ законы вращенія свѣтилъ небесныхъ, и все это для того, чтобы свое вниманіе перенести отъ твари на Творца [3]). При полной нестяжательности, иные не имѣли силы разстаться съ Евангеліемъ и по смерти оставляли его, какъ единственное имущество. Пользовались отшельники и свѣтской «внѣшней ученостію», чтобы просвѣтить умъ, но не хвалились ею, что чрезъ нее, будтобы, все постигли. То, что дастъ книжность, иногда давалось Богомъ высокимъ подвижникамъ духа свыше, такъ что они посрамляли и философовъ [4]).

Когда св. Димитрій при описаніи иноческой жизни касается *сердца* иноковъ, то строки его звучатъ неподдѣльною искренностью. Будучи болѣе или менѣе объективнымъ въ писаніи житій, здѣсь онъ влагаетъ и свою душу въ повѣствованіе. Онъ раздѣляетъ умиленіе подвижниковъ красотою сотворенныхъ вещей и благостію Творца, онъ увлекается любовью ихъ къ Создателю и Искупителю. «Господь мой распялся, былъ обезчестенъ, заушеніе терпѣлъ, а я стану вкушать елей!» восклицалъ пр. Пахомій Великій [5]). Сердце подвижника ничѣмъ инымъ не услаждается, какъ только однимъ Богомъ.

Обязанность инока *бороться противъ своихъ страстей*, укрощать страстные прилоги: «Лучше умереть, чѣмъ страстію прельститься», говорилъ пр. Мартиніанъ. Монахъ, овладѣваемый страстями, живетъ по волѣ діа-

[1]) 11 ноября. [2]) 23 ноября, 29 сентября. [3]) 4 декабря. [4]) 17 января, 4 ноября. [5]) 15 мая.

вола и идетъ въ муку вѣчную [1]). Инокъ обязанъ бороться съ страстями уже по тому одному, что начало грѣха полагаетъ не Богъ, не діаволъ, а выдумываетъ онъ самъ. Богъ только попускаетъ діавольскія искушенія, а человѣкъ склоняется на нихъ «самовластно». Опытные подвижники, избавившіе себя отъ власти страстей, говорили, что о страстяхъ можно знать по внѣшнему виду человѣка; страсти потемняютъ обликъ человѣка [2]); каждая страсть, по словамъ пр. Иларіона, издаетъ грѣховный смрадъ: отъ обоянія тѣла и осязанія одежды узнавалъ онъ, кто какою страстью одержимъ [3]). Въ особенности пагубны страсти гордости и гнѣва. Въ житіяхъ святыхъ прославляются смиреніе и кротость. Если хочешь спастись, будь какъ мертвый, говоритъ Макарій Великій: безчествуемый не гнѣвайся, почитаемый не возносися [4]). Подвижниковъ мучитъ сознаніе, что они произносятъ гнѣвное слово, подъ вліяніемъ раздражительности; пр. Дороѳей горько плачетъ каждый разъ, когда ему приходилось говорить что-нибудь непріятное тѣмъ больнымъ, за которыми онъ безвозмездно ходилъ [5]).

Подвижникъ стоитъ на стражѣ не подпасть искушенію отъ бѣсовъ. Онъ твердо боролся съ ними. Въ житіи пр. Авраамія затворника бѣсу влагаются такія слова: «всячески ты низложилъ меня, но я не оставлю тебя, пока не одолѣю и не смирю тебя» [6]). «Куда ты пойдешь, туда и я пойду на тебя, и, какъ отсюда тебя изгналъ, такъ выгоню отовсюду, гдѣ захочешь жить и не оставлю, пока не побѣжду тебя [7]), говорилъ бѣсъ пр. Мартиніану. Бѣсы смущаютъ человѣка внушеніемъ страха, уныніе, нечистыхъ помысловъ и всего того, что можетъ отвлечь мысль и чувство его отъ Бога.

[1]) 19 ноября. [2]) 23 декабря. [3]) 21 октября. [4]) 18 января. [5]) 14 февраля. [6]) 29 октября. [7]) 13 февраля.

Орудіемъ противъ бѣсовъ служитъ постъ, молитва, крестное знаменіе. Многіе подвижники выдержали борьбу съ лукавыми обольстителями. Преподобный Макарій Ал. въ изнеможеніи отъ борьбы съ тщеславными помыслами, влекущими его изъ кельи въ Римъ исцѣлять больныхъ въ страшномъ напряженіи силъ онъ упалъ на порогѣ кельи и говорилъ «тяните меня, если можете, а я ногами своими не пойду» [1]). Душа должна быть очищена отъ прираженій, чтобы сй стать чистою для Бога, въ нее входитъ озареніе, когда человѣкъ полонъ сознанія о Богѣ, его всевѣдѣніи, вездѣприсутствіи и правосудіи.

При отреченіи міра, при самоуглубленіи въ свою душу, подвижникъ не освобождается отъ всякихъ связей съ людьми. Его связываетъ *любовь къ ближнимъ*. Игумены предписывали не только исполнять всѣ заповѣди, но имѣть и любовь, которая есть мать всѣмъ добродѣтелямъ [2]). Предъ своимъ вступленіемъ въ монастырь инокъ раздаетъ свое имѣніе нищимъ, да и потомъ онъ для всѣхъ доступенъ, всѣмъ помогаетъ: пр. Савва, встрѣтивъ въ пустынѣ четырехъ сарациновъ, которые были голодны, отдастъ имъ запасъ кореньевъ, которыми самъ питался [3]). Встрѣтивши языческаго жреца, пр. Макарій своимъ добродушнымъ обращеніемъ такъ поразилъ его, что тотъ принимаетъ св. крещеніе [4]). Монахъ Виталій, изъ желанія спасти блудницъ, посѣщалъ ихъ, чтобы уговорить ихъ не грѣшить, молился съ ними, и отклонялъ отъ грѣховъ [5]). Другой инокъ изъ желанія спасти еретика, продаетъ себя въ рабство ему и обращаетъ его къ истинной вѣрѣ Христовой [6]). У пр. Макарія воръ забралъ всѣ вещи, какія тамъ были; преподобный засталъ его еще у себя въ кельи, однако,

[1]) 18 января. [2]) 19 іюня. [3]) 3 декабря. [4]) 17 января. [5]) 22 апрѣля. [6]) 14 мая.

ни слова не сказавъ, сталъ помогать ему уложить ихъ и отпустилъ съ миромъ [1]). Многіе святые благотворили тайно, какъ напр., святитель Николай Чудотворецъ. Всѣ отношенія къ ближнимъ проникнуты у иноковъ деликатностію, всепрощеніемъ и пламеннымъ желаніемъ имъ вѣчнаго спасенія. Если, повидимому, подвижникъ гнѣвно обращается съ другими, то лишь съ намѣреніемъ напомнить ему несправедливость его [2]).

Въ этомъ отношеніи сіялъ, какъ звѣзда среди отцевъ, пр. Ѳеофанъ: онъ всѣмъ служилъ [3]) и относился ко всѣмъ, какъ «отецъ сердобольный, другъ любезный, рабъ и служитель усердный, являя приходящимъ любовь великую, для всѣхъ пристанище, врачебница, домъ, пиръ..., и всѣ наслаждались его щедростію, любовью и милостынею» [4]). Въ особенности проявилась любовь старцевъ къ своимъ инокамъ. Пр. Ѳеодосій, будучи игуменомъ, всѣмъ подавалъ примѣръ труда своей братіи.

Еще большія *связи* чувствовалъ инокъ *съ св. церковію*. Онъ состоялъ членомъ ея, однимъ изъ спасающихся въ церкви и, поэтому, всегда извѣщалъ ее и прибѣгалъ къ ней. Иные, слыша о гоненіяхъ на церковь, писали посланія инокамъ, нерѣдко выходили изъ пустынь на помощь бѣдствующимъ. Горе Антонія Великаго, исторгшее у него слезы, это будущія бѣдствія церкви, которыя онъ предвидитъ. Онъ пишетъ письмо Египетскому воеводѣ, чтобы не гналъ церковь, и грозитъ ему гнѣвомъ Божіимъ [5]). Изгнанные изъ городовъ язычниками и еретиками борцы за церковь принимаются съ любовію пустынниками. Они поддерживаютъ авторитетъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ [6]).

Предстоятелямъ церкви въ обителяхъ оказываютъ послушаніе. Нѣкоторые озлобленные братья изгнали

[1]) 17 января. [2]) 17 января, 12 декабря. [3]) 11 января. [4]) 11 января [5]) 17 января. [6]) 19 ноября.

пр. Савву изъ основаннаго имъ монастыря. Патріархъ велитъ ему возвратиться. Савва «не могъ преслушати патріарха», опять водворился въ своей обители [1]). Въ Четьи-Минеяхъ св. Димитрія тщательно отмѣчено смиренное послушаніе иноковъ священному чину. Пр. Нифонтъ проситъ архіепископа Аѳанасія помолиться о немъ предъ престоломъ Божіимъ [2]). Много людей стекалось къ пр. Лукѣ Елладскому, чтобы повѣдать ему о своихъ тяжкихъ грѣхахъ, а онъ «отметается, посылая ко іереямъ, самъ монахъ, не освященъ сый» [3]). Марія Египетская, великая подвижница, предъ кончиною пожелала принять Св. Тайнъ и быть погребенною. Она проситъ Зосиму: «тебѣ подобаетъ благословити и молитву сотворити: ты саномъ пресвитерства почтенъ и святому алтарю предстоя, Божественныхъ Тайнъ дары приносишь» [4]).

Въ силу своихъ обѣтовъ отреченія монахи не принимали участія въ общественныхъ и политическихъ дѣлахъ, но проявляли горячую *любовь къ земной родинѣ*, пр. Симеонъ, провидя бѣдствія отъ имѣющей быть засухи, голодъ и смерть людей въ государствѣ, начинаетъ умолять Бога отвратить свой праведный гнѣвъ, а царя увѣдомляетъ о предстоящей бѣдѣ своимъ письмомъ, грозя ему за грѣхи гнѣвомъ Божіимъ [5]). Св. Іоаннъ милостивый беретъ церковныя сокровища, чтобы выкупить плѣнныхъ [6]). Русскіе подвижники неоднократно мирили ссорившихся князей, ходатайствовали за народъ въ Ордѣ предъ ханами [7]). Преподобный Исаакій является предъ правителями, умоляетъ ихъ прекратить гоненіе на неповинную Церковь, отворить храмы; при этомъ, не обращаетъ вниманія на побои себѣ и оскорбленія; новаго царя увѣщаваетъ, хранить благоче-

[1]) 5 декабря. [2]) 23 декабря. [3]) 7 февраля. [4]) 1 апрѣля. [5]) 1 сентября. [6]) 12 ноября. [7]) 3 мая, 5 октября.

стіе и народный миръ; затѣмъ селится близъ города въ обитель и сталъ учить мірскихъ людей [1]). Прокопій Блаженный обличастъ жителей города Устюга въ грѣхахъ. Ходя съ 3 клюками, онъ грозитъ 3-лѣтнимъ неурожаемъ и, наконецъ, каменной тучей, а когда туча эта нависла надъ городомъ, онъ пламенно молится предъ иконою объ избавленіи жителей отъ погибели, проливая слезы: «остави Господи людемъ симъ грѣхи ихъ, если же не оставишь, и меня изгладь изъ книги жизни» [2]). Стоя за возстановленіе правды въ людскомъ обществѣ, святые не боялись обличать и царей. Ѳеодоръ Студитъ укоряетъ царя за его несправедливое отношеніе къ вѣрѣ, смѣло говоритъ: не дѣло царя разсматривать повелѣнія церкви; твоей царской власти вѣдомы мірскія вещи, о церковныхъ же дѣлахъ нужно разсуждать св. отцамъ и церковнымъ учителямъ... Желающій пребывать въ церкви—пусть слушастъ патріарха и его соборъ» [3]). Всѣ небесныя силы не заставятъ меня исполнить требованія царя—отречься правой вѣры, восклицастъ Максимъ Исповѣдникъ [4]).

Ярче всѣхъ добродѣтелей проявилась у подвижниковъ, это—ихъ *благочестіе,* какъ *внутреннее*, такъ и *внѣшнее.*

Такъ какъ основа того и другого лежитъ въ богопознаніи, то подвижники стремились познать высшую цѣль своей жизни. Много изъ нихъ насчитывалось ученыхъ, философовъ, но и тѣ стремились еще болѣе къ высшей философіи—богопознанію. Григорій Богословъ день и ночь пребывалъ въ чтеніи и богомышленіи. Къ богопознанію ведетъ чистота и послушаніе. Онъ же разсказывастъ видѣніе, будто явились къ нему двѣ дѣвы, одна называлась—«чистота», а другая—«воздержаніе»;

[1]) 8 іюля. [2]) 8 іюля. [3]) 11 ноября. [4]) 21 января.

дѣвы обѣщали вознести его на небо и поставить вблизи безсмертнаго Троичнаго Свѣта. Поэтому, онъ строго хранилъ цѣломудріе, соблюдая воздержаніе [1]). Многіе монахи обходили монастыри и отъ опытныхъ подвижниковъ собирали свѣдѣнія, какъ жить. Встрѣтивъ искуснаго въ духовномъ любомудріи человѣка, «прилѣплялись» къ нему [2]). Пріобрѣвшіе научныя познанія не могли гордиться этимъ. Пр. Іоаннъ Коловъ совѣтуетъ: хранить умъ отъ тщетнаго надменія, что все «до конца» позналъ, и допытывался сокровенныхъ тайнъ, признавая свои познанія погрѣшительными, а разумъ—немощнымъ и стараясь получить просвѣщеніе отъ Бога [3]). Въ основѣ познаній лежитъ вѣра, изложенная въ символѣ вѣры. Иноку вмѣняется твердо хранить ее «до послѣдняго издыханія» [4]). Вѣра, какъ внутреннее настроеніе, и въ качествѣ опредѣленныхъ догматовъ,—существенный признакъ аскетизма. Она воодушевляетъ инока и на подвиги, и на готовность пострадать за нее. Такъ преподобные пустынники, ожидавшіе избіенія отъ варваровъ выражаютъ твердую и радостную *надежду:* «мы не имѣемъ крѣпкихъ стѣнъ, но вмѣсто стѣнъ нашъ Христосъ, Которому мы научились пѣть»: «будь намъ въ Бога защитителя, не имѣемъ шлемовъ и щитовъ, но имѣемъ оружіе духовное,—любовь и надежду,—щитъ вѣры и шлемъ спасенія». Они ободряли себя въ виду опасности, «пребывая, не какъ трость вѣтромъ колеблема, но яко столпы каменные» [5]). Въ надеждѣ на промыслъ Божій иноки не думали о земномъ [6]), въ страданіяхъ надѣялись, что «имъ отверзется дверь небесная» [7]). Однако, крѣпкая надежда не переходила въ чрезмѣрную, когда человѣкъ, какъ бы испытывая Бога, вынуждаетъ его творить чудеса. Такъ одинъ старецъ

[1]) 25 января. [2]) 11 марта. [3]) 4 декабря. [4]) 19 ноября. [5]) 20 марта. [6]) 3 декабря. [7]) 4 апрѣля.

уговариваетъ инока, желавшаго путешествовать по св. мѣстамъ, чтобы онъ не ввергалъ себя безвременно въ напасть [1]).

Укрѣпляемый вѣрою, воодушевляемый надеждою, подвижникъ имѣлъ такую *любовь къ Богу*, что онъ горѣлъ ею даже въ тѣлесномъ изнеможеніи, «истнивая тѣломъ, изсушаясь отъ болѣзней» [2]). Сердце пр. Кирилла Бѣлозерскаго «распалялось Божественною любовію, какъ огнемъ» и среди занятій по управленію обителью [3]). Изъ любви къ Богу они терпѣли лишенія, муки, страданія и смерть [4]). Ѳеодоръ Студитъ говорилъ: «я иду туда, гдѣ Богъ и Господь мой, Котораго возлюбила душа моя, Котораго отъ всего сердца я возжелалъ, Котораго рабомъ я нарекся» [5]).

При *составленіи житіи* святыхъ св. Димитріемъ, тщательно выбраны и помѣщены въ Четьи такія проявленія любви инока къ Богу. Для выраженія сердечныхъ порывовъ человѣка къ Богу онъ не находитъ выраженій въ обыденномъ языкѣ человѣческомъ, а прибѣгаетъ къ помощи Слова Божія, заимствуетъ ихъ изъ псалмовъ, а въ особенности изъ «Пѣсни пѣсней». Если страхъ приводилъ человѣка на подвижническій путь исправленія, то двигателемъ его жизни является беззавѣтная любовь къ Богу. Она побуждала его тѣснѣе приблизиться къ Богу и ревновать Его славѣ. Иноки разжигались Божественною *ревностію* по Богу [6]), страданія за него считали, «какъ золотое монисто и какъ украшеніе себѣ вмѣняли» [7]). Пр. Пафнутій изъ ревности изгонялъ изъ своей обители всѣхъ, кто говорилъ не согласное Божеств. писанію [8]). Исаія Ростовскій содрогался сердцемъ, что дастъ отвѣтъ за своихъ духов-

[1]) 11 декабря. [2]) 2 декабря. [3]) 9 іюня. [4]) 19 іюня, 1 сентября. [5]) 11 ноября. [6]) 11 ноября. [7]) 4 апрѣля. [8]) 1 мая.

ныхъ овецъ, не утвержденныхъ въ вѣрѣ, и взялся за пастырскіе труды, обходя грады и веси [1]).

Итакъ, внутреннее благочестіе объемлетъ всѣ силы человѣка: и разумъ, и волю, и сердце; все должно быть на душѣ, какъ на жертвенникѣ; приносятся Богу и научныя познанія, и таланты къ искусству, и природное расположеніе къ добру.

Внутреннее благочестіе не таится въ глубинѣ сердца, не ограничивается «умнымъ дѣланіемъ», а *сопровождается «внѣшнимъ благочестіемъ*: псалмопѣніемъ, обрядами» и проч.

Пр. Антоній просилъ у Бога, какъ ему спастись и ему было видѣніе ангела во образѣ инока, «плстущаго корзину и возстающаго на *молитву*, и опять трудящимся, и опять молящимся» [2]). Св. Григорій видѣлъ иноковъ, «живущихъ подобно ангеламъ, препрестанно славословящихъ, проливающихъ рѣками слезы и стоящихъ день и ночь въ молитвахъ [3]). Преподобный Ѳеодосій, всѣ ночи бодрствуетъ въ молитвахъ», забывая сонъ— ночью, а днемъ «прялъ шерсть, читая устами псалтырь» [4]). Пр. Лука Елладскій трудился до изнеможенія тѣла, но духомъ не изнемогалъ [5]). Молитвою долженъ пользоваться инокъ, какъ оружіемъ всегда: при началѣ дѣла, по окончаніи, въ скорбяхъ, искушеніяхъ; безъ нея, какъ безъ оружія, безпомощенъ [6]). Въ чистой молитвѣ, безъ примѣсей житейскихъ попеченій, сосредоточиваются всѣ силы души, вѣра, надежда, искренность, настойчивость и т. д. — Пр. Нифонтъ видѣлъ инока «идущаго и шепчущаго молитву: отъ устъ его исходилъ пламень и несся до небесъ; ангелъ его сопутствовалъ ему съ копьемъ и отгонялъ бѣсовъ» [7]).

[1]) 17 мая. [2]) 17 января. [3]) 23 ноября. [4]) 3 мая. [5]) 7 февраля. [6]) 6 ноября. [7]) 23 декабря.

Цѣлью написанія «Житій Святыхъ» у св. Димитрія было изложить аскетическое ученіе, общее всему христіанству; и въ рукахъ у него была аскетическая литература, какъ востока, такъ и запада [1]). Направленіе его взглядовъ идетъ не всегда въ пользу одного восточнаго аскетизма. Напримѣръ, хронологіей восточныхъ писателей онъ не былъ доволенъ. Во время сокращенія и пополненія житій, онъ какъ будто съ меньшею внимательностью отнесся къ восточнымъ писателямъ и въ основныхъ положеніяхъ, чѣмъ къ западнымъ, изученнымъ у него еще во время борьбы его съ уніатами. Въ Четьяхъ-Минеяхъ его, не отчетливы особенности восточнаго аскетизма, заключающіяся въ психологическомъ анализѣ того, какъ у человѣка возникаютъ и растутъ навыки. И средства борьбы съ навыками указаны имъ пассивныя: терпѣніе, неподвижность на грѣхъ и т. п., которыя вовсе не исчерпываютъ того «умнаго дѣланія», которымъ характеризуется восточный аскетизмъ. Вмѣсто сосредоточеннаго напряженія ума на помыслахъ, у св. Димитрія выдвигается *практическая* дѣятельность и чувство. Какъ художникъ по природѣ, онъ отмѣтилъ въ своей книгѣ красоту добра и духовнаго мужества. Идеи Нила Сорскаго († 1508 г.) не овладѣли имъ; онъ примыкаетъ къ тому практическому воззрѣнію на монашество, которое установилось у насъ послѣ борьбы съ нестяжателями.

---

[1]) Житійнаго матеріала у св. Димитрія собралось такъ много, что митр. Тимоѳей (Щербацкій) отступился предъ трудностію пересмотрѣть его (*Петровъ* „Матер. для ист. Кіев. Акад.“).

ГЛАВА III.

Открытіе мощей св. Димитрія.

18-го сентября 1752 года Ростовскому митрополиту Арсенію донесли изъ экономической канцеляріи Ростовскаго архіерейскаго дома, что въ приписномъ Яковлевскомъ монастырѣ въ церкви Зачатія Пресв. Богородицы отъ неизвѣстной причины образовались на полу такія неровности, которыя могутъ быть опасными при народномъ стеченіи. Полъ, составленный изъ чугунныхъ плитъ, трясется при хожденіи людей и опускается по направленію къ югозападному углу церкви.

Владыка приказалъ тогда эконому своему, игумену Геннадію, освидѣтельствовать поврежденіе.

Приступили къ работѣ. Сдвинули съ пола деревянную гробницу, стоявшую надъ мѣстомъ погребенія бывшаго митрополита Ростовскаго, Димитрія, разобрали половыя плиты и удалили толстый слой песку, земли и щебня. Подъ нимъ оказался деревянный срубъ, покрытый сверху, вмѣсто потолка, деревянными толстыми брусьями. Деревянные брусья отъ времени уже подгнили и, переломившись подъ тяжестью чугунныхъ половыхъ плитъ и массы строевого мусора, переломились, упали въ срубъ, гдѣ по свидѣтельству монаховъ, стоялъ гробъ почившаго митрополита.

Немедленно донесли Арсенію, что поврежденіе произошло отъ отсутствія надъ могилою каменнаго свода.

Владыка приказалъ удалить сгнившій срубъ.

Вмѣстѣ съ удаленіемъ сруба и мусора освобождали изъ подъ груды обломковъ и гробъ Святителя. Онъ стоялъ у самой стѣны. Нѣсколько обрушившихся сверху бревенъ лежало на немъ. Крышка гроба частію сгнила, частію была разрушена ими, такъ что видны были въ немъ покровъ, шапка и одѣяніе почившаго.

Стѣна храма тоже начала повреждаться отъ рыхлой земли и сруба; на ней появились разсѣлины и для предовращенія опасности необходимо было приложить къ ней каменный «прибутокъ». Когда, 21 сентября, сообщили владыкѣ о состояніи гроба и поврежденіи церковной стѣны, у него, прежде всего, возникло предположеніе о нетлѣнности тѣла м. Димитрія, который извѣстенъ святою жизнію и благодатною помазанностію своихъ писаній. Онъ самъ, вмѣстѣ съ экономомъ, духовникомъ и другими духовными лицами, пріѣхалъ въ Яковлевскій монастырь и сдѣлалъ освидѣтельствованіе гроба. Сгнившую совсѣмъ крышку гроба собрали, удалили землю, свалившуюся сверху. Возглавіе гроба совсѣмъ отвалилось, такъ что видна была желтая шелковая затвердѣвшая обивка его. Подъ желтымъ покровомъ оказалась такая-же шапка на главѣ почившаго, съ наклейными образами; одѣяніе было полное архіерейское: саккосъ, омофоръ и пр.; на груди мѣдный крестъ съ шелковою тесемкою, бархатное красное одѣяніе и четки.

Сотлѣли лишь листы въ Евангеліи и рукописныя книги подъ возглавіемъ, да гвозди совершенно изоржавѣли.

Волоса русые съ просѣдью на головѣ и брадѣ всѣ цѣлы, лицо почернѣло и повреждено: глаза впалые, хряща носового нѣтъ, недоставало и верхней губы, всѣ другія части лица невредимы.

Чтобы удалить рыхлую землю отъ поврежденной стѣны и обстоятельнѣе изслѣдовать тѣло почившаго,

по приказанію владыки, гробъ подняли съ возможными предосторожностями наверхъ и здѣсь, въ церкви, архимандритъ Спасо-Ярославскаго монастыря, Варѳоломей, съ духовенствомъ вновь осматривали его.

Когда выбрали изъ гроба всю землю и тщательно осмотрѣли, то оказалось гораздо большее. Очевидно стало, что обрушившимися бревнами повреждена незначительная часть тѣла. Остальное все цѣло и нетлѣнно. Лѣвая рука отдѣлилась въ локтевомъ суставѣ, у правой руки отдѣлены 4 перста.

Не могло быть никакого сомнѣнія, что тѣло почившаго среди общаго могильнаго тлѣнія и разрушенія предметовъ сохранилось нетлѣннымъ только чудомъ. Его положили въ новый дубовый гробъ въ томъ же видѣ и положеніи, какъ нашли, и поставили за правымъ клиросомъ. При осмотрѣ тѣла составили подробную опись всего и представили владыкѣ. На все это было употреблено болѣе недѣли времени (съ 21 по 29 сент.).

Между тѣмъ поврежденіе каменной стѣны быстро исправляли. Все помѣщеніе сруба сплошь снизу до верха заложили кирпичемъ и на такомъ прочномъ фундаментѣ, уже сверхъ церковнаго пола, сдѣлали особую каменную гробницу для мощей. Къ 8 октября работу окончили, а на другой день, самъ митрополитъ съ тѣмъ же архимандритомъ и съ духовенствомъ прибылъ и приступилъ къ провѣркѣ описи. Послѣ этого совершена была панихида надъ обрѣтеннымъ тѣломъ святителя. По окончаніи ея, гробъ взяли отъ праваго клироса и помѣстили въ устроенную каменную гробницу въ томъ же юго-западномъ углу храма.

Какъ дубовый гробъ, такъ и каменная гробница сверху накрыты были крышками, а верхнюю самъ митрополитъ заперъ, запечаталъ своею архіерейскою печатью,

ключи же отдалъ для храненія экономy, архимандриту Геннадію.

10-го октября послано было въ Св. Сунодъ доношеніе объ обрѣтеніи нетлѣннаго тѣла святителя; здѣсь оно уже названо мощами.

Доношеніе отправили съ домовымъ конюхомъ архіерейскимъ, Иваномъ Ѳеодоровымъ, который въ Москвѣ передалъ его стряпчему, Петру Хухореву, для отправленія почтою въ Петербургъ.

Отвѣта изъ Сунода въ Ростовъ никакого не послѣдовало. По традиціямъ православія, хранителемъ которыхъ состоялъ со времени Петра Великаго Св. Сунодъ, нетлѣнность тѣла, сама по себѣ, не могла быть доказательствомъ прославленія почившаго. При томъ, во весь сунодальный періодъ это былъ первый случай обрѣтенія мощей.

О скромномъ при жизни покойномъ митрополитѣ Димитріи не сохранилось такихъ разсказовъ, гдѣ проявилось величіе его души,—вѣры и смиренія. Творенія же его, такъ любимыя теперь въ народѣ, почти всѣ лежали тогда въ рукописяхъ.

Прославленію памяти угодника Божія Церковію способствовала сила народнаго религіознаго чувства и участіе императрицы Елизаветы Петровны.

Почти тотчасъ по открытіи мощей прошелъ слухъ объ исцѣленіяхъ отъ нихъ. Слухъ этотъ росъ и распространялся. Митрополитъ Арсеній, еще будучи въ Черниговѣ, болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, слышалъ о нихъ. Зналъ онъ, что народъ не перестаетъ усердно посѣщать мѣсто погребенія почившаго митрополита. Слухи дошли и до Петербурга. Въ 1753 году (іюнѣ) пріѣхалъ въ Ростовъ Московскій архіепископъ Платонъ (Малиновскій), членъ Св. Сунода. Посѣтивши гробницу св. Димитрія, онъ сталъ говорить о слухахъ, будто бы

здѣсь многіе получаютъ исцѣленіе отъ лихорадки и спрашивалъ, — записываются ли такія чудеса? Арсеній подтвердилъ, что исцѣленія бываютъ, но сознался, что записи ихъ нѣтъ. Но съ этого времени имъ дано было приказаніе эконому Іоакиму завести особую тетрадь и предлагать исцѣленнымъ, чтобы они сами записывали свое исцѣленіе отъ мощей.

Открытіе нетлѣнныхъ останковъ всего раньше и благотворнѣе отразилось въ духовной жизни народныхъ массъ. Слухи о новыхъ мощахъ шли неразрывно съ увѣренностію о чудотворной цѣлебности ихъ. Думы и мечты несчастныхъ почили на нихъ. Зарождались видѣнія. Многіе больные видѣли святителя во снѣ, будто онъ благословлялъ ихъ, обнималъ, или приказывалъ имъ идти къ своему гробу. Съ усиленіемъ такихъ разсказовъ возрасталъ и наплывъ богомольцевъ въ Ростовъ. У гроба шли панихиды о почившемъ святителѣ. Многіе тутъ же исцѣлялись, а нѣкоторые получали облегченіе болѣзни еще дома, по одной вѣрѣ въ святителя. Исцѣлялись отъ 20-лѣтнихъ застарѣлыхъ болѣзней. Особенно поразительны были исцѣленія отъ ломоты и разслабленія, нѣмыхъ и глухихъ, сумасшествія и эпилепсіи. «Не смѣю сказать, не могу умолчать, сознается одинъ изъ такихъ исцѣленныхъ, какое великое чудо показалъ надо мною святитель». Больной 22 года страдалъ отъ каменной болѣзни, словно отъ казни какой. Въ декабрѣ 1752 года онъ получилъ изъ Москвы копію съ сказанія объ обрѣтеніи мощей. Тогда «взмолился» онъ святителю и получилъ совершенное облегченіе.

Цѣлебная помощь отъ мощей подавалась больнымъ, не только христіанамъ, но и иновѣрнымъ. Персіане и татары одинаково испрашивали ее. Такъ получилъ исцѣленіе отъ своей болѣзни одинъ магометанинъ,

который былъ къ тому же и муллою у татаръ. Поэтому, у гроба можно было видѣть людей изъ самыхъ дальнихъ мѣстностей, окраинъ Россіи и далекой Сибири, Верхотурья, Тобольска и проч. Записывали свои чудеса далеко не всѣ исцѣленные: такихъ записей сохранилось съ 1753 по 1862 годъ по 20—38 въ годъ. Среди нихъ были крѣпостные, знатные господа которыхъ жили въ Петербургѣ (напр., гр. Татищева, Адама Олсуфьева и др.), такъ что слухи о чудесахъ въ Ростовѣ дошли и до императрицы Елизаветы Петровны. Духовникъ ея, протоіерей Ѳ. Я. Дубянскій, 1756 года 25 сентября письменно передалъ митрополиту Ростовскому, что государыня желаетъ знать отъ него,—подтверждаются-ли слухи о чудесахъ и исцѣленіяхъ? Митрополитъ послалъ Дубянскому записку о нѣкоторыхъ явныхъ чудесныхъ исцѣленіяхъ отъ мощей св. Димитрія.

Записку эту читала сама императрица и осталась «весьма довольна» присылкою ея. Здѣсь описано было два случая исцѣленій: княгини Вяземской въ 1754 году и вдовы Марковой въ 1753 году, получившихъ у мощей полное облегченіе отъ лихорадки.

Вслѣдъ за тѣмъ изъ Кабинета государыни поступилъ, 20 ноября того года, запросъ Суноду о мощахъ въ Ростовѣ, чтобы отвѣтить «по присяжной своей должности», почему нѣтъ отъ него до сего времени извѣщенія къ государынѣ о совершающихся тамъ чудесахъ, знастъ-ли онъ, наконецъ, о слухахъ, распространенныхъ повсюду? Суноду предписывалось послать указъ митрополиту Ростовскому, чтобы онъ немедленно рапортовалъ, когда погребенъ почившій Святитель и кѣмъ совершено погребеніе?

Къ Арсенію послали изъ Сунода запросъ: почему онъ не сообщаетъ въ Сунодъ о чудесахъ, если есть они въ его епархіи, такъ какъ теперь и доносить го-

сударынѣ изъ Сунода было поэтому не о чемъ? Гдѣ теперь находятся мощи? Были ли отъ нихъ чудесныя исцѣленія? Подвергнуты-ли таковыя освидѣтельствованію и что оказалось по провѣркѣ? Есть-ли запись исцѣленій и почему ранѣе, своевременно, не донссено о всемъ этомъ въ Сунодъ?

Арсеній на такой указъ сообщаетъ Суноду 29-го ноября, что тѣло преосвященнаго погребено было 1709 года октября въ землѣ, а въ 1752 году, по обнаруженіи нетлѣнности его, оно поднято изъ земли и находится въ церкви. Послѣ открытія были чудесныя исцѣленія при гробѣ; нѣкоторыя изъ нихъ записываются экономомъ архіерейскаго дома, игуменомъ Іоакимомъ. Такъ какъ дѣйствительность чудесъ должна быть ясно обоснована, чего сдѣлать онъ, митрополитъ, не имѣлъ ни здоровья, ни времени, то и не доносилъ о нихъ въ Сунодъ, а сообщилъ только государынѣ чрезъ ея духовника. Однако, уже и то одно надо признавать за чудо, что тѣло святителя «въ продолженіе 43 лѣтъ лежащее, не истлѣло и облаченіе въ прахъ и пепелъ не обратилось и такового чуда, за чудо не признавать опасность есть моей совѣсти, дабы не богоборствовать и крайнес мнѣ ума изнеможеніе, каковымъ образомъ противо раскольниковъ и атеистовъ отвѣтствовать».

Къ своему доношенію въ Сунодъ митрополитъ приложилъ тетрадку, въ которой значилось 22 чудесныхъ исцѣленія. Свѣдѣнія о нихъ и легли въ основаніе дѣла прославленія памяти Чудотворца.

Пока Сунодъ вчиналъ формально дѣло о ростовскихъ событіяхъ, взволновавшихъ народъ, сама императрица желала слышать объ этомъ отъ митрополита Арсенія, къ которому она привыкла питать довѣріе.

Когда изъ Петербурга отправлялась въ Ростовъ на поклоненіе недавно открытымъ мощамъ княгиня На-

талья Григорьевна Бѣлосельская, то императрица поручила ей передать Арсенію приказаніе свое, чтобы онъ сообщилъ ей по совѣсти обо всемъ, касающемся мощей. И онъ подтверждаетъ ей, что чудеса, совершающіяся при гробѣ святителя, явны и поразительны; надлежитъ, пишетъ онъ 14 декабря, благодарить Бога за то, что Онъ проявилъ въ нынѣшнее царствованіе такое Свое призрѣніе на Свою Церковь на посрамленіе всѣхъ враговъ и хулителей. Послѣ извѣстія его о мощахъ въ Сунодъ чрезъ курьера ничего новаго пока не было, а что будетъ, онъ не оставитъ государыню безъ извѣстій; теперь же ссылается на свои доношенія въ Сунодъ 1752—1756 г., въ которыхъ, по должности своей, уже и Сунодъ увѣдомилъ онъ, какъ объ обрѣтеніи мощей, такъ и о чудесахъ, отъ нихъ происходящихъ.

Такъ императрица возбудила вниманіе Св. Сунода къ ростовскимъ событіямъ; она же ободрила своимъ довѣріемъ и митрополита Ростовскаго. Дѣло прославленія памяти св. Димитрія быстро подвигалось.

Руководясь примѣромъ открытія Ахтырской чудотворной иконы Божіей Матери въ 1744 году, когда для изслѣдованія чудесъ назначили особую комиссію, и нынѣ, 13 декабря, въ Сунодѣ составили такую же комиссію изъ духовныхъ лицъ, чтобы осмотрѣть тѣло преосвященнаго Димитрія и изслѣдовать, какъ нетлѣнность его, такъ и дѣйствительность чудесныхъ исцѣленій отъ него. Свое мнѣніе обо всемъ этомъ комиссія должна была представить въ Сунодъ. Въ составѣ комиссіи были: самъ Ростовскій митрополитъ, Сильвестръ митрополитъ Суздальскій и Гавріилъ (Краснопольскій) архимандритъ Симонова монастыря, засѣдавшій въ Московской сунодальной конторѣ.

15 января было приступлено къ осмотру гроба и

тѣла св. Димитрія. Гробъ нашли дряблымъ, и, какъ доносилъ Арсеній въ Сѵнодъ, безъ верхней доски, одежды на святителѣ—отцвѣтшія, глава почти отдѣлена отъ выи, «лицо землею взято», имѣются не однѣ кости почившаго, но отчасти и тѣло на нихъ. При замѣтной осторожности комиссіи, она почти повторила доношеніе Арсенія 1752 года въ Сѵнодъ.

Затѣмъ, комиссія начала слѣдствіе о чудесныхъ явленіяхъ при гробѣ.

Исцѣленные скоро отыскались; нѣкоторые изъ нихъ сами являлись въ комиссію. Изъ всѣхъ указанныхъ въ тетради Арсеніемъ исцѣленныхъ комиссія допрашивала только мѣстныхъ и близко живущихъ, а изъ отдаленныхъ городовъ положено было не вызывать. При допросѣ внушали свидѣтелямъ показывать по совѣсти, подъ страхомъ за неправильность показаній подвергнуться штрафованію и наказанію по святымъ правиламъ и законамъ гражданскимъ. Всѣ исцѣленные, подтверждая цѣлебную помощь себѣ отъ мощей св. Димитрія, подробно разсказывали объ этомъ. Наплись и свидѣтели ихъ прежнихъ болѣзней, часто застарѣлыхъ и неизлечимыхъ. У членовъ испытательной комиссіи не могло оставаться и сомнѣнія въ цѣлебности останковъ святителя, когда на глазахъ ихъ самихъ произошли случаи внезапныхъ исцѣленій при гробѣ его.

Въ виду такой очевидности, они высказали предъ Сѵнодомъ такое свое мнѣніе, что хотя у тѣла святителя и не всѣ кости покрыты плотію, но ради проявленій неложныхъ чудесъ отъ нихъ, надо его считать достойнымъ почитанія за святыя мощи, а святителя Димитрія за Угодника Божія, Богомъ прославляемаго.

28 января слѣдователи уѣхали изъ Ростова, поручивши Арсенію окончить допросы тѣхъ свидѣтелей и исцѣленныхъ, которые не были разысканы ими, какъ,

напр., княгиня Вяземская, отлучившаяся въ Москву. Вскорѣ и тѣ были допрошены и подтвердили исцѣленія.

10 марта Сѵнодъ сдѣлалъ такое опредѣленіе: въ виду доказанной нетлѣнности тѣла святителя Димитрія и происходящихъ отъ него многихъ чудесныхъ исцѣленій, просить государыню, чтобы огласить таковое за совершенныя святыя мощи и переложить въ новую раку, а преосвященному Димитрію—совершать память, какъ Угоднику Божію 21 сентября, въ день открытія его мощей, служить предъ мощами его всенощное бдѣніе и молебны, а также составить и службу.

Государынѣ представили экстрактъ изъ записи чудесныхъ исцѣленій, упомянуто было о нѣсколькихъ случаяхъ исцѣленій слѣпыхъ, бѣсноватыхъ и горячечныхъ.

Въ день св. Пасхи, 1 апрѣля, послѣ обѣдни Сѵнодъ въ полномъ своемъ составѣ приносилъ поздравленіе свое государынѣ во дворцѣ и поднесъ ей свой докладъ о прославленіи памяти Угодника.

Докладъ былъ ею утвержденъ, но относительно переложенія мощей въ новую гробницу она приказала ждать особаго указа. У государыни, всегда благоговѣйно настроенной, теперь возникло особенное желаніе быть самой въ Ростовѣ при торжествѣ перенесенія мощей. 9 апрѣля посланъ былъ указъ объ этомъ во всѣ епархіи. 15 апрѣля онъ полученъ въ Ростовѣ. Его читали въ Ростовскомъ соборѣ при народномъ стеченіи и отправили тутъ же молебенъ. Указъ читанъ при народномъ стеченіи и въ Яковлевскомъ монастырѣ.

Въ виду важности предстоящаго торжества въ Сѵнодѣ предприняты мѣры къ составленію службы, житія св. Димитрія и объявленія въ народѣ о прославленіи его памяти.

О скромномъ при жизни святителѣ Димитріи Ростовскомъ свѣдѣній сохранилось мало. Амвросію Зертисъ-Каменскому, члену Св. Сунода и епископу Переславскому, удалось отыскать рѣчь св. Димитрія при вступленіи его на паству Ростовскую, духовное завѣщаніе и нѣсколько строкъ его жизнеописанія. При такой недостаточности письменнаго матеріала для составленія его житія, сдѣлали изъ Сунода запросъ въ Ростовскую духовную консисторію, не находится ли тамъ какихъ нибудь извѣстій о бывшемъ мѣстномъ митрополитѣ. Но и въ Ростовѣ ничего не отыскалось.

Однако, изъ наличнаго матеріала наскоро составили житіе св. Димитрія въ слѣдующемъ видѣ: О прошломъ его сказано только, что онъ — сынъ простого казака Саввы Тупталенка, проходилъ разныя монашескія послушанія; будучи назначенъ митрополитомъ въ Сибири, онъ не видѣлъ ея. Перечислены, затѣмъ, его труды въ Ростовѣ, и цѣликомъ выписано его духовное завѣщаніе. За то подробно описано обрѣтеніе его мощей такъ, какъ его описалъ митрополитъ Арсеній въ доношеніи своемъ въ Сунодъ 1752 года. Изъ жизни св. Димитрія нѣтъ ни одного разсказа о событіяхъ, въ которыхъ выразилось величіе духа святителя: о смиреніи и любви къ бѣднымъ («Д. объ открытіи мощей» въ Госуд. архивѣ).

Въ виду такой недостаточности свѣдѣній о святителѣ и необходимости въ церковной службѣ ему, Сунодъ поручилъ, еще въ указѣ 9-го апрѣля 1757 г., митрополиту Арсенію составить службу «купно съ житіемъ», а на себя взялъ принять мѣры къ извѣщенію народа о прославленіи памяти новоявленнаго Чудотворца. Въ былыя времена патріаршества и ранѣе той поры, какъ только отъ мощей являлись чудесныя знаменія, владыка или настоятель обители самъ давалъ распоряженіе немедленно «звонити по всему граду» «во вся

колоколы». Въ той же Ростовской епархіи, какъ только начали совершаться чудеса отъ мощей князя Ѳеодора и чадъ его Давида и Константина въ 1463 году, тогда игуменъ Спасскаго Ярославскаго монастыря, гдѣ лежали мощи, и священники, и Ярославскій князь «начали звонити и проповѣдати всюду дивныя ихъ чудеса». Теперь времена настали иныя. Сѵнодъ, приспособляясь къ петровскимъ порядкамъ, просилъ Сенатъ объявить во всенародное извѣстіе распоряженіе императрицы о прославленіи памяти новоявленнаго Угодника Божія [1]).

Между тѣмъ Ростовъ оживлялся. Дивные останки святителя источали благодатную силу исцѣленій, которая струилась на болящихъ и привлекала новыя и новыя толпы богомольцевъ со всѣхъ сторонъ. Изъ Петербурга ѣхали цѣлыми поѣздами въ нѣсколько десятковъ подводъ. По отсутствію почтовыхъ становъ, пользовались водными путями и направлялись съ гребцами чрезъ Угличъ. Такъ лѣтомъ 1758 г. пріѣзжали придворныя фрейлины Будакова, Чулкова, Неронова и другіе придворные: мужчины, женщины, дѣти и даже бандуристъ слѣпой, въ сопровожденіи военнаго конвоя и служекъ въ такомъ количествѣ, что одной посуды для походнаго стола везли на 9 лошадяхъ. При проѣздѣ большой знати населеніе терпѣло обиды, такъ что изъ Сената испрошено было запрещеніе проѣзжающимъ въ Ростовъ господамъ, чтобы они не требовали съ крестьянъ подводъ, съѣстныхъ припасовъ и прочаго [2]). На уровнѣ такого народнаго движенія необходимо было стоять человѣку энергичному, могущему

[1]) Сенатъ не исполнилъ, однако, по желанію Сѵнода, отзываясь тѣмъ, что сенатскія публикаціи въ народѣ дѣлаются на ярмаркахъ и людныхъ площадяхъ съ криками и барабаннымъ боемъ, каковой способъ оглашенія едва ли приличенъ для памяти святителя.

[2]) Гос. Архивъ, XIV р. № 183.

зорко слѣдить и справляться со всѣми дѣлами хозяйственнаго, церковнаго и административнаго порядка. Такимъ распорядителемъ стоялъ митрополитъ Арсеній. Заслуга его въ это время состояла въ томъ, что онъ имѣлъ смѣлость отстранять примѣненіе формальныхъ правилъ къ живому церковному дѣлу.

Вскорѣ по объявленіи празднованія памяти св. Димитрія (28 апр. 1757 г.) въ Сѵнодѣ получено было извѣщеніе о новомъ поразительномъ чудѣ исцѣленія майора Прончищева отъ каменной болѣзни, а равно и о другихъ чудесахъ.

Сѵнодъ приказалъ Арсенію, чтобы онъ провѣрялъ чудеса, внесенныя въ тетради, и доносилъ не о всѣхъ, а только объ удостовѣренныхъ особымъ слѣдствіемъ.

Поглощенный заботами о приготовленіяхъ ко дню прославленія мощей, владыка Ростовскій не согласился на новое послушаніе, указывая на непримѣнимость правилъ Духовнаго Регламента къ развивающимся ростовскимъ событіямъ. Онъ отвѣчаетъ Сѵноду, что недостанетъ и силъ разслѣдовать непрерывающійся рядъ чудесъ, тѣмъ болѣе, что у него нѣтъ ни времени свободнаго, ни здоровья. Игумену Яковлевскаго монастыря поручено слѣдить за чудесными исцѣленіями и онъ вполнѣ полагается на него. Далѣе Арсеній высказываетъ, что производство новыхъ слѣдствій и для народа тягостно. Если всѣхъ исцѣленныхъ станемъ забирать въ консисторію, то тѣмъ самымъ дадимъ поводъ къ сомнѣнію въ подлинности чудесъ, а взятымъ въ консисторію, исцѣленнымъ и свидѣтелямъ исцѣленій, будетъ тягость, непосильные убытки проживанія нѣсколькихъ лишнихъ дней, такъ какъ теперь въ Ростовѣ, по случаю небывалаго народнаго стеченія, все вздорожало: харчъ, сѣно, овесъ и проч. Иные же исцѣленные, видя такое изнуреніе попавшимся въ консисторію, спѣша

домой, и объявлять о своихъ исцѣленіяхъ не станутъ, чтобы имъ не попасть подъ слѣдствіе. Поэтому, недовольно-ли тѣхъ чудесъ, о которыхъ засвидѣтельствовано уже въ 1757 году и за которыя Сѵнодъ призналъ святителя за дивнаго Чудотворца? Нѣтъ никакой и нужды производить дознанія для богомольцевъ: «могій вмѣстить, да вмѣститъ, то есть, желающій вѣровать, пусть вѣруетъ».

Сѵнодъ 8-го августа (1757 г.), согласился, чтобы новыхъ слѣдствій о происходящихъ чудесахъ не назначать, а Арсенію облегчить дѣло тѣмъ, что онъ имѣетъ сообщать о нихъ не за треть года, а за цѣлый годъ.

Съ этого времени въ Сѵнодъ поступаютъ ежегодныя тетради о чудесахъ, которыхъ было отъ 30 до 38 ежегодно. Самое большее число чудесныхъ исцѣленій (38) значится за 1761 годъ, когда игуменомъ Яковлевскаго монастыря сдѣланъ былъ іеромонахъ Лука. Запись прекращена 1762 года, когда на престолъ вступила императрица Екатерина II. Арсеній, составленіе «службы» возложилъ на архимандрита Толгскаго монастыря Вонифатія Борецкаго, отличавшагося проповѣдничествомъ въ бытность его при Московской академіи. Вонифатій лѣтомъ 1757 года написалъ двѣ службы; но ни одна изъ нихъ не удовлетворила владыку. Епископъ Амвросій Зертисъ-Каменскій тоже писалъ «службу» святителю. Но Сѵнодъ ни которою изъ нихъ не былъ доволенъ. Пѣснопѣнія въ этихъ службахъ полны мыслей о гробѣ, о суетѣ нашей жизни и тлѣнности всего въ мірѣ. Хотя таковыя думы свойственны всему XVIII вѣку, но въ Сѵнодѣ отмѣтили узость подобнаго взгляда пѣснопѣвцевъ на радостное христіанское событіе, показавшее славную побѣду надъ тлѣніемъ; кромѣ того, въ пѣснопѣніяхъ не нашло себѣ выраженія могучее

народное религіозное чувство, которое, собственно, и было двигателемъ настоящихъ событій и которое одно могло дать оживленіе самимъ пѣснопѣніямъ.

21-го сентября 1757 года правили торжественную службу въ Ростовѣ по общей Минеи; также праздновалось прославленіе Новаго Угодника и по всей Россіи.

Скудость свѣдѣній о жизни св. Димитрія отразилась и въ службахъ ему. Не зная событій земной жизни его, конечно, нельзя было сдѣлать изъ нихъ назидательнаго примѣненія для молящагося. Составителямъ приходилось искусственно восполнять это. Народу онъ казался — «не отъ міра сего».

Вотъ почему особенно горячо чувствовалась необходимость въ подробномъ житіи святителя.

Между тѣмъ въ народѣ, при открытіи мощей св. Димитрія, не знали еще такихъ свѣдѣній изъ жизни Угодника, несмотря на понятное желаніе имѣть что-нибудь подобное [1]). Въ отвѣтъ на эту потребность народную съ 1757 года стали появляться списки чудесныхъ исцѣленій при мощахъ его. Они жадно раскупались и распространялись. Равнымъ образомъ, откуда-то почвились и образки Чудотворца съ изображеніемъ какъ самого Угодника, такъ и его чудесъ. Несмотря на то, что они были неискуснаго письма, ихъ успѣшно продавали въ Москвѣ на Спасскомъ мосту, въ Петербургѣ и другихъ мѣстахъ. Когда узнали о такихъ спискахъ и изображеніяхъ, — могущихъ произвести соблазнъ въ народѣ и среди иностранцевъ, — въ Сунодѣ, то велѣно было ихъ отбирать отъ продавцовъ и покупателей. Распро-

[1]) Напечатаніе „Житія“ затянулось, но служба святителю была отпечатана и пользовалась такимъ спросомъ, что въ теченіе года (съ дек. 1759 г) было 4 стереотипныхъ изданія (находятся въ Имп Публ. Библ) Появился вскорѣ и акаѳистъ ему (1861 г)

странились слухи, что все это раздавали въ Ростовѣ какіе-то монахи. Въ Сѵнодѣ возникло опасеніе, чтобы въ тетрадкахъ не вкрались «раскольническія выдумки». Сдѣлали запросъ митрополиту Ростовскому разслѣдовать, «съ чьего позволенія, кѣмъ и давно-ли раздаются» богомольцамъ такія тетради. Ему приказали запретить

Рака, гдѣ почиваютъ мощи Св. Димитрія.

раздачу всякихъ записей о чудесахъ безъ апробаціи Св. Сѵнода. Арсеній отвѣчалъ, что у гроба св. Димитрія ничего не раздается богомольцамъ. Такія тетради, по его мнѣнію, писаны самими очевидцами чудесъ, но могли быть списаны съ его тетрадей, представляемыхъ въ Сѵнодъ, и, потому, дознаніе о нихъ надо производить не въ Ростовѣ, а въ Св. Сѵнодѣ.

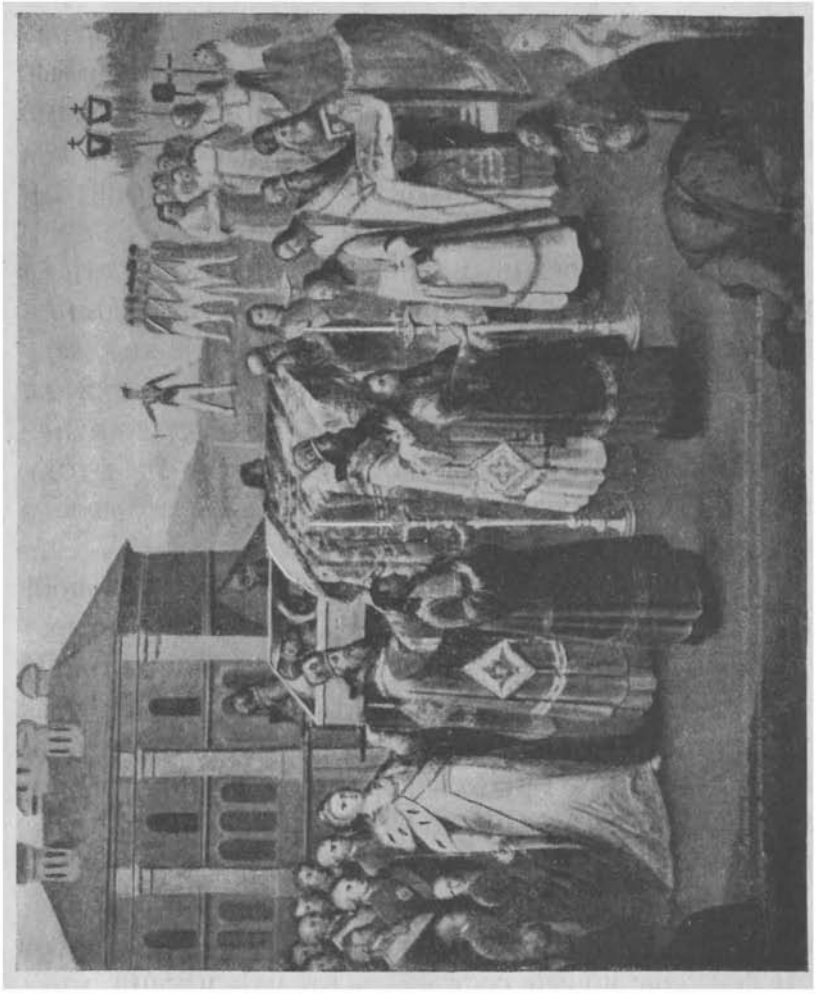
Впрочемъ, и запрещать такіе списки нѣтъ надобности, чтобы не подать раскольникамъ повода «измышлять хулы на Чудотворца», писалъ Арсеній къ оберъ-прокурору Св. Сѵнода.

Ясно, однако, было, что для народа надо что нибудь сдѣлать въ этомъ отношеніи. Мѣры содѣйствія такому пламенному народному усердію приняла сама императрица; она озаботилась пріобрѣсть вѣрное изображеніе святителя Димитрія. Отъ мощей не было возможности заимствовать ликъ святителя, потому что характерныя черты лица Угодника исчезли: не доставало носового хряща, губы верхней,—«ихъ взяла земля», какъ значилось въ докладѣ комиссіи, свидѣтельствовавшей его мощи. — Но государыня узнала, что у архіепископа Арсенія, бывшаго Переславскаго, хранится портретъ св. Димитрія отъ того возраста, когда послѣдній былъ еще архимандритомъ. По справкѣ въ Сѵнодѣ оказалось, что владѣлецъ портрета проживаетъ на покоѣ въ Новгородъ-Сѣверскомъ Спасъ-Преображенскомъ монастырѣ. Государыня послала архіерею письмо 5-го августа 1757 года, чтобы онъ немедленно препроводилъ портретъ къ ней. Посланный туда курьеръ Языковъ причинилъ царицѣ не мало томительнаго безпокойства. На обратномъ пути онъ заболѣлъ въ Москвѣ.

Безпокойство улеглось только тогда, когда получено въ Петербургѣ письмо архіерея о томъ, что портретъ еще до прибытія курьера, 15-го іюля, посланъ въ Петербургъ на имя духовника государыни. Въ сентябрѣ изображеніе святителя было уже въ рукахъ ея. Написаніе иконы съ него поручили лучшему художнику Ратори.

Переложеніе мощей въ новую гробницу привелось отложить на нѣсколько времени, потому что императрица пожелала сдѣлать ко дню такого торжества

богатую серебряную раку. Высочайшимъ рескриптомъ, 7 декабря 1757 г., сооруженіе ея возложено на генералъ-фельдцейхмейстера, сенатора, графа Петра Ивановича Шувалова, которому вмѣнялось въ обязанность употре-



Торжество переложенія мощей св. Димитрія въ новую раку въ 1763 г.

бить на столь важное дѣло все «искусство и отличное трудолюбіе» свое, чтобы богатое изящество раки выражало чувства царицы.

Къ 19 августа 1758 года рака была сооружена. Въ

нее пошло серебра 10 пудовъ 24 фунта 31 золотникъ; кромѣ того, въ серебряномъ иконостасѣ вокругъ образа было 8 пудовъ 19 фунтовъ 8 зол. Всего израсходовано на нее, — на матеріалъ, угаръ серебра съ задѣльными деньгами,—16.384 р. 82½ коп. (тогдашнихъ).

Государыня думала ѣхать въ Ростовъ въ скоромъ времени и отправить раку прямо туда. Но случилась опять задержка. Къ пріѣзду государыни необходимо было привести въ надлежащій видъ и самый храмъ, гдѣ почивали мощи, покрыть его желѣзной крышей и обнести оградою.

По представленію м. Арсенія, мѣстныхъ средствъ на ремонтъ не было. Государыня приказала отпустить изъ казны для исправленія крыши 3.000 пудовъ желѣза.

Изъ Ростова увѣдомляли, что чудесныя исцѣленія отъ мощей происходятъ непрерывно. Возрастало и желаніе императрицы быть въ Ростовѣ. Но въ 1761 году она скончалась, не успѣвши исполнить завѣтнаго своего желанія быть на торжествѣ перенесенія мощей.

Новый императоръ утвердилъ распоряженіе покойной объ отпускѣ желѣза въ Зачатьевскій монастырь.

Только съ восшествіемъ на престолъ императрицы Екатерины II ремонтъ церкви былъ оконченъ, и Шляхтеръ получилъ изъ Москвы отъ Адама Вас. Олсуфьева приказаніе ея отъ 14-го октября 1762 г. по первому зимнему пути привезти въ Москву раку, подъ охраною конвоя въ 12 человѣкъ солдатъ.

Въ Ростовѣ всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали императрицу. Все было готово къ великому торжеству.

Перенесеніе мощей состоялось въ маѣ мѣсяцѣ 1763 года. Митрополита Арсенія уже не было въ Ростовѣ. Его за смѣлый протестъ противъ секуляризаціи церковныхъ имѣній подвергли суду, приговорили къ растриженію и, какъ простого монаха, сослали въ Николаевскій Корельскій монастырь на берегу Бѣлаго моря.

Императрица все время ростовскихъ празднествъ была въ отмѣнно веселомъ настроеніи духа. Церемоніею руководилъ митрополитъ Димитрій Сѣченовъ, по ея указаніямъ. Изъ Ростова она пишетъ Панину: «завтра будетъ перенесеніе мощей св. Димитрія, а послѣ завтра поѣду далѣе въ путь; вчерашній день еще чудеса были, женщина исцѣлилась, а преосвященный Сѣченой хочетъ запечатывать раку, дабы мощей не украли. Однако, я просила, дабы подлый народъ не подумалъ, что мощи отъ меня скрылись, оставить ихъ еще нѣсколько время снаружи» [1]).

Въ воскресенье 25 мая 1653 года, шли съ крестнымъ ходомъ изъ всѣхъ ростовскихъ церквей въ Яковлевскій монастырь. Въ немъ участвовали прибывшіе архіереи: митрополитъ Новгородскій Димитрій Сѣченовъ, Петербургскій архіепископъ Гавріилъ Кременицкій и архіепископъ Крутицкій, Амвросій Зертисъ-Каменскій и множество духовенства. Шла съ крестнымъ ходомъ и государыня съ знатнѣйшими персонами, только что выдвинувшимися на государственное поприще.

Лица высшаго духовенства, вошедши въ Зачатьевскій храмъ, подняли мощи св. Димитрія и вынесли ихъ для обхожденія съ ними вокругъ церкви.

Когда появились мощи изъ храма, царица поклонилась имъ до земли и присоединилась къ архіереямъ, несся вмѣстѣ съ ними мощи вокругъ всего храма. Внесли ихъ въ храмъ и положили въ новую серебряную раку,

[1]) Сборникъ Р. И. О. VII т., 288 стр. Поводомъ къ этому служило слѣдующее обстоятельство: приставленный для наблюденія за порядкомъ при мощахъ, архимандритъ Ларіонъ, доносилъ, что богомольцы требуютъ, чтобы раку св. мощей открывали на цѣлый день; если же этого не дѣлалось, по ихъ желанію, то они роптали и гнѣвались. Митрополитъ Арсеній, по этому поводу, распорядился открывать раку только въ опредѣленное время, именно съ утра до полудня; богомольцамъ же велѣлъ цѣловать мощи, совершенно воздерживаясь до этого отъ пищи и питія.

поставленную на мѣстѣ погребенія Димитрія. Послѣ того, совершена была литургія съ молебномъ Новоявленнному Чудотворцу. Торжество закончилось пушечною пальбою.

Такъ совершилось причтеніе Церковію къ лику святыхъ митрополита Димитрія Ростовскаго.

Прославленіе его имѣло огромное значеніе для русскаго народа. Прославленный святитель Ростовскій сталъ любимымъ наставникомъ русскаго человѣка. Творенія Димитрія читались съ особенною любовію, представляя и до нынѣ неподражаемую по доступности духовную пищу. Самъ онъ является, какъ образецъ жизни и молитвенникомъ за всѣхъ. Для Церкви во время борьбы ея съ расколомъ—это событіе было необычайно важно. Оно было прямымъ пораженіемъ противниковъ Церкви. Всю свою жизнь Угодникъ вразумлялъ ожесточенныхъ раскольниковъ, а теперь чудодѣйственная сила его мощей и нетлѣнность его тѣла ясно указывали на правоту борца за православіе и неразумное стояніе старообрядцевъ за букву. Противники Церкви это чувствовали, и, не имѣя средства противъ очевидной побѣды надъ ними, производили попытку уничтожить мощи св. Угодника.

Прославленіе Угодника, пользовавшагося расположеніемъ великаго Преобразователя Россіи, императора Петра Великаго, указывало, напротивъ, новые пути для Россіи, — что жизнь нашего отечества не въ слѣпой привязанности къ старинѣ, но въ разумной ревности къ просвѣщенію, которое одно только можетъ освѣтить жизненныя начала русскаго народа.

По всей Россіи разносили богомольцы духовное утѣшеніе изъ древняго города Ростова, возбуждая сердца къ прославленію имени новаго Чудотворца св. Димитрія.

Приложеніе 1.

Дѣло 1784 г. „Переписка кн. Вяземскаго съ Мельгуновымъ касательно мощей Димитрія Ростовскаго“. (Государственный Архивъ при М. И. Д. въ Петербургѣ, VII разрядъ, № 2655).

М. Г. Алексѣй Петровичъ!

„На сихъ дняхъ дошелъ ко мнѣ слухъ, что въ вашемъ краю есть новыя растенія, кои, хотя по естественному составу человѣческому разумнымъ людямъ невѣроятны, но въ невѣждахъ могутъ произвести неосновательные толки. Дѣло состоитъ въ томъ, что въ Ростовѣ нѣкоторымъ людямъ, открывая мощи чудотворца Димитрія, показывали его и главу, а какъ прежде сего никому такихъ откровенностей дѣлано не было [1]), то любопытство побуждаетъ меня покорно просить вашего Превосходительства о увѣдомленіи, не въ бытность ли вашего управленія намѣстничествомъ сіе приращеніе учинилось; а ежели прежде и когда, имянно, вамъ неизвѣстно, прикажете, Милостивый Государь мой, секретнѣйше безъ малѣйшей огласки развѣдать, съ котораго точно времени, и при которомъ епископѣ, и того монастыря, гдѣ мощи сего Угодника почиваютъ, настоятелѣ, стали дѣлать такія откровенія [2]), по развѣданіи же объ ономъ дать мнѣ знать, о чемъ удовлетворить изволите крайнему моему любопытству. Въ протчемъ пребываю съ истиннымъ и совершеннымъ почтеніемъ всегда, вашего превосходительства, М. Г. моего, покорный слуга“.

Февр. 9 дня 1784 г.
СПБ.

Письмо безъ подписи (отъ генералъ прокурора, князя А. А. Вяземскаго къ А. П. Мельгунову).

Секретнѣйше.

Милостивый Государь мой, князь Александръ Алексѣевичъ!

Получа секретное В. С. письмо о дошедшемъ вамъ, Милостивому Государю моему, слухѣ относительно до новыхъ растеніи, поставляя за удобный случай къ развѣданію объ оныхъ, отправиться въ тотъ край самому подъ видомъ обозрѣнія Ростовской ярмонки, какъ оной никогда я не видалъ; гдѣ будучи на сихъ дняхъ, весьма секретнѣйше безъ малѣйшей огласки,

[1]) Зачеркнуты слова: „что при обрѣтеніи сего угодника мощей открылось во всемъ противное нынѣшнему слуху“.

[2]) Зачеркнуты слова: „показывать и главу, будто бы, Чудотворца Димитрія“.

о всемъ томъ, что Ваше Сіятельство писать изволили, развѣданіе дѣлалъ, употребляя къ тому все наивозможные способы, чтобъ любопытство свое удовольствовать, а тѣмъ самымъ и Вашему Сіятельству соотвѣтствовать! Но таковыхъ откровеній и приращенія, о каковыхъ Ваше Сіятельство увѣдомлять меня изволили, не оказалось, и во все время управленія моего намѣстничествомъ, и ни прежде онаго, таковыхъ новыхъ растеній [1]) и откровенностей никогда не бывало, и нынѣ нѣтъ, о чемъ изъ приложенной при семъ записки усмотрѣть изволите.

Но дабы по непосредственной власти въ монастырѣ и нынѣшняго настоятеля, гдѣ мощи св. Димитрія опочиваютъ, не могло выйти такового жъ показыванія каковое было при бывшемъ архимандритѣ Павлѣ, то есть, оного угодника рукъ и протчаго описаннаго въ запискѣ, то къ предохраненію отъ сего занужное мною быть оному монастырю въ полномъ вѣдомствѣ епархіальнаго архіерея, которому уже отъ Св. Синода, по происшедшимъ въ этомъ монастырѣ неустройствамъ въ церковныхъ сборахъ, сія часть и возложена въ смотрѣніе. Слѣдовательно, когда и протчее все въ вѣдомство ему, Архіерею поручено будетъ, то по удобности на мѣстѣ всякое злоупотребленіе скорѣе пресѣчено будетъ. Въ протчемъ и истиннымъ и совершеннымъ моимъ почтеніемъ и преданностію къ В. С. пребыть честь имѣю, М. Г. мой, Вашему Сіятельству покорный слуга.

23 февр. 1784 г.

(Письмо Мельгунова къ кн. Вяземскому).

Записка Мельгунова о мощахъ.

По секретному развѣдыванію открылось!

Опочивающихъ въ Ростовѣ въ Яковлевскомъ монастырѣ мощей св. Димитрія главы ни всей, ни части оной, а равно и протчихъ частей имѣющихся въ ракѣ, для богомольцевъ усердствующихъ къ тому святителю и для вкладчиковъ наружнаго открытія сначала намѣстничества не было. А прикладываются всѣ пріѣзжающіе и приходящіе, обыкновенно, по установленію, сдѣланному сначала проявленія тѣхъ мощей къ у лбу (sic) оного святителя сквозь пелену, которою оной лобъ, какъ же и глава, а равно и лицо закрыты и зашиты, а сверхъ оной и шапка архіерейская на главу снаружи наложена, чрезъ что и видѣть оного въ существѣ никомъ образомъ и никому не можно.

Да сихъ же частей и открытія дѣлать наружно нельзя, по причинѣ той, что одинъ только видъ оныхъ цѣлъ оказался еще и при свидѣтельствѣ тѣхъ мощей бывшими синодальными членами, а губы, исподняя и верхняя и хрящъ у носа, и лицо явились тогда землею взятыми, для чего какъ глава, такъ и лицо онаго святителя отъ всѣхъ скрыто и пеленою зашито, но только то мѣсто на пеленѣ наложенной у лбу, гдѣ богомольцы прикладываются, отъ мокроты нынѣ почернѣло и нѣсколько вдавилось, отъ чего и видъ сего почернѣлаго мѣста оказывать можетъ для простыхъ людей, какъ бы знакъ части лба.

---

[1]) Очевидно, Мельгуновъ понялъ игривую метафору князя относительно главы Угодника буквально.

Кромѣ же сего попрежнему въ томъ монастырѣ установленію, показываются наружно въ ковчежцѣ небольшомъ серебряномъ положенные въ оный отдѣленные оного святителя одного перста два сустава, къ коимъ всегда всѣ богомольцы явно прикладываются.

А прежде сего во время бытности въ томъ монастырѣ Архимандрита Павла (который находился съ 765 по 769 годъ) оный Архимандритъ, по безпутству своему, да и по непосредственной власти своей въ томъ монастырѣ, поелику онъ въ вѣдомствѣ епархіальнаго архіерея не состоялъ, употреблялъ при гробѣ святителя Димитрія разныхъ гробовыхъ монашествующихъ, а особливо ввѣрялъ смотрѣніе бывшему тогда монаху Израилю, не соотвѣтствующему нимало сему званію, который по поводу того архимандрита къ своевольству и преимуществовалъ въ томъ предъ прочими по самую того архимандрита кончину по 769 годъ; и въ ту его бытность нѣкоторымъ богомольцамъ, усердствующимъ къ святителю, показываемы были иногда руки и части ногъ мощей оного святителя, имѣющіяся въ большой ракѣ, изъ подъ одѣянія прежняго, въ коемъ оный святитель погребенъ и нынѣ въ немъ лежитъ, а другимъ и одно только то одѣяніе; но когда и кому, имянно, сіе происходило, узнать и дойти не можно, потому что никто сего въ точности не знаетъ, какъ оное происходило потаенно не токмо отъ прочихъ стороннихъ, но даже и отъ монаховъ того монастыря.

А какъ и нынѣшней архимандритъ Амфилохій въ вѣдомствѣ Архіерейскомъ не состоитъ, слѣдовательно и внутреннее оного монастыря начальство зависитъ непосредственно отъ воли его, архимандрита, одного, то, по введенному бывшимъ архимандритомъ Павломъ обычаю, можетъ и нынѣ не происходитъ ли потаенно того, что и прежде при томъ архимандритѣ Павлѣ было, но сего однако жъ узнать и дойти въ точность не можно.

Приложеніе 2.

Въ Государственномъ Архивѣ М. И. Д. есть еще **Дѣло о вызовѣ купцовъ къ населенію въ крѣпости св. Димитрія Ростовскаго,** отъ 1764 г. XVI разр. № 686 и **О строеніи крѣпости св. Димитрія.** Гос. Арх. XX р. № 230. Дѣло 1762—1763 гг.

Гарнизонная канцелярія крѣпости св. Димитрія объявляетъ въ Военную коллегію, что, по высочайшему покойной императрицы Елизаветы Петровны указу о переносѣ крѣпости св. Анны изъ нынѣшняго въ другое мѣсто при урочищѣ „Богатомъ Колодцѣ“, съ переименованіемъ ея имени св. Димитрія, требовалось купечество и маркитанты: объявлено было, что на 3 года ихъ освободятъ отъ пошлинъ и не станутъ дѣлать никакихъ затрудненій при переѣздѣ въ пограничную крѣпость. Но купцовъ, которые желали бы ѣхать туда, нѣтъ: маркитанты есть только изъ Курска, потому что крѣпость отдаленная, безлѣсная, всѣ опасаются дороговизны въ припасахъ. Купцовъ тамъ до 60 имѣются и тѣ убогіе и безъ достатковъ. При такихъ обстоятельствахъ желательно сдѣлать нарядъ людей изъ разныхъ

городовъ на житье. какъ было въ Азовѣ и Троицкомъ; затѣмъ, сдѣлать ярмарку, чтобъ пріѣзжали въ новую крѣпость купцы изъ Константинополя. Военная коллегія проситъ на первый разъ до 100 семей въ новую крѣпость св. Димитрія Ростовскаго въ вѣдомство коменданта безъ оклада подушныхъ и рекрутскихъ повинностей.

1762 г. Іюля 22 дня Императрица Екатерина II сама въ сенатѣ сказала, чтобы крѣпость близъ Темерника при урочищѣ „Богатый Колодезъ“, вмѣсто крѣпости св. Анны, продолжать строить безостановочно, въ иностранную коллегію предписать, чтобы „Порта отъ своей претензіи отстала, нанесильнѣйшее объясненіе и домогательство вновь учинить“, потому что крѣпость Димитрія не вновь, а перестраивается вмѣсто захудалой крѣпости, находившейся въ нездоровой мѣстности, и не въ противность трактата— „по линіи противъ „Безыменнаго Кургана“, ближе на востокъ“.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ I.

Руина.

СТРАН.

Глава I. Дѣтство и воспитаніе Димитрія 1
Глава II. Послушаніе Димитрія: „Житія Святыхъ“ 54
Глава III. Димитрій въ Москвѣ *118*

ЧАСТЬ II.

Дѣятельность Димитрія въ Ростовѣ.

Глава I. Ознакомленіе съ паствою 139
Глава II. Школа Димитрія. 172
Глава III. Управленіе паствою 182
Глава IV. Проповѣди св. Димитрія. 201
Глава V. Книжныя занятія 223
Глава VI. Расколъ въ Ростовѣ 242
Глава VII. Кончина св. Димитрія 267

ЧАСТЬ III.

Прославленіе памяти св. Димитрія.

Глава I. Нравственное ученіе св. Димитрія. 280
Глава II. „Житія Святыхъ“ 302
Глава III. Открытіе мощей св. Димитрія 326

Приложеніе 1-е. 347
Приложеніе 2-е 349

ОПЕЧАТКИ (важнѣйшія).

Страница.	Строка.	Напечатано.	Должно быть.
1	5 снизу	1699	1599
57	10 сверху	Баландистовъ	Болландистовъ
—	11 „	Кіевопечерской лавры	*Софійскаго собора*
66	4 снизу	омонастикона	Ономастикона
110	13 сверху	1690	1696
124	12 снизу	концѣ	концѣ 1700
184	1 „	приложено	приложеніе
191	9 сверху	крестовой	Бѣлой
207	2 „	смѣшная	мѣшкая

Издательство православной богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:
www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: info@axion.org.ru